

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. С. Петербургъ, 29 Сентября 1834 года.**

Цензоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходятъ

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 53.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 № и 40 картинокъ модъ, въ С. П. бургѣ 30, съ до- ставкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Юля 4 дня 1854 года.

Настанетъ ночь ; луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О СЛОВЕСНОСТИ ЖЕНЩИНЪ ВО ФРАНЦІИ.

Франція сдѣлалась колыбелью новой ли- тературы. — Юльскій переворотъ 1830 го- да, выманилъ ея изъ причудливаго мозга прекраснаго пола, который, съ сего времени, получилъ совершенную свободу (точнѣе ска- зать: своеволие), и промѣнялъ скромную, вя- зальную игру, на всемогущее перо.

Эта новая литература, воспитанница освобожденныхъ женщинъ, является намъ чувствительною кокешкою, въ пухъ разря- женною и, какъ цвѣтникъ, благоухающею. Видите эту знаменную даму! Она живетъ въ предмѣстьи С. Жермень, окружена ла- каями и поугаями, горничными и обезья- нами. — Она купается въ Шампанскомъ, моемсяessenцією de mille fleurs, причѣсываетъ à la chinoise, носитъ Regardez-moi, ходитъ въ коропенькомъ газовомъ плащѣцѣ, кото- рое опдѣлано пухомъ и перышками, кушаетъ только усприцы и Китайскія гвизда, обо-

жаетъ Китайскій фарфоръ и Турецкія ша- ли; поутру пѣжигитъ на шелковыхъ подуш- кахъ Оттомана и отъ бездѣльи оцни- ваетъ листочки распустившейся розы; ве- черомъ бѣснуется на балѣ въ котильонѣ и галопадѣ, и такъ, для шупки, проигрываетъ въ экарте до двадцати лундоровъ. — Эта ли- тература вѣрный отголосокъ моднаго Свѣ- та и составляетъ нынѣ любимое чтеніе средняго класса народа, которому раскры- ваюнтъ въ ней тайныя помыслы высшаго со- словія.

Со времени Юльской революціи Париж- скій bon ton непременно пребудетъ, чтобы дамы занимались литературою. — Досель женщины вспуали обыкновенно на поприще театра, если не находили болѣе щастія въ домашнемъ быту и, мучимыя самолюбіемъ, желали непременно играть блестящую ро- лю въ Свѣтѣ.

Нынѣ же званіе актрисы, много упра- вившее отъ прежняго своего достоинства и почти обезславленное, немногихъ уже прывлекаетъ къ театру. — Дама знатнаго

происхожденія: княгиня, графиня, герцогиня, конечно не захотятъ отказаться отъ своихъ громкихъ титуловъ, для того, чтобы подобно дочери мѣщанина, выставить палатъ свой на позорище своенравной публички театра, которая сего дня бросаетъ вамъ вѣнки и мадригалы, а завтра освиспываетъ и позорно гонитъ со сцены. А потому рѣдко появлялись актрисы, пѣвицы и танцовщицы изъ высшаго сословія. — Артистки такого рода всегда выходили изъ низкой сферы общества. Онѣ обыкновенно были дочери ремесленниковъ, лавочниковъ, цирюльниковъ и пому подобныхъ людей.

Конечно, писательницы также подвержены лихорадочному капризу читающей толпы и терроризму крипики; но личность ихъ всегда остается неприкосновенна.

Кромѣ того, литература въ послѣднія двадцать лѣтъ достигла высокой извѣстности. Она сдѣлалась благороднымъ занятіемъ, по крайней мѣрѣ во Франціи, и съ каждымъ днемъ требуетъ большихъ притязаній на славу! — Теперешніе писатели не таковы, какъ были за тридцать лѣтъ: бѣдняки эми, живя на чердакахъ, вѣчно боролись съ голодомъ и холодомъ; они, какъ нищіе, по часамъ просиживали въ передней богатыхъ книгопродавцевъ, дожидаясь съ неперпнѣмъ приемной аудіенціи у *книжнаго вельможи*.

Это было во время оно. Нынѣшній литераторъ, *homme de lettres*, написавшій хотя бы два помика, благосклонно принятыхъ публикою, есть уже человекъ извѣстный въ обществѣ, всѣми уважаемый, независимый, у котораго сами книгопродавцы обираютъ теперь стѣны въ передней.

Это человекъ, служащій цѣлю любопытства во всѣхъ гостиныхъ, предметъ завидливаго удивленія, который не пройдетъ на улицѣ десяти шаговъ, чтобы на него не зѣвала праздная толпа народа и не говорила въ слѣдъ ему: это *Викторъ Гюго*, а вотъ тамъ идетъ *Жюль-Жаненъ*. Тщеславныя Француженки, завидуя литературной славѣ своихъ мужей, также добиваются авторскаго вѣнка, оставляютъ свои домашнія за-

нятія, мѣняютъ перья райской пшички на гусинья, пишутъ стихи, повѣсти, романы, получаютъ за свои сочиненія хорошую плату отъ книгопродавцевъ, и если книга явится въ печати, по имя женщины-автора, напечатанное въ объявленіяхъ готтичскими буквами, читается на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ, въ газетахъ и книжныхъ капалоггахъ.

Слава такого рода щекочитъ самолюбіе многихъ, и Парижскія дамы съ жаромъ бросаются на эту приманку.

Молодая дѣвица отдаетъ руку свою спарику конечно не изъ любви, но потому, что онъ богатъ, знаменъ—имѣетъ блестящій экипажъ и ложу въ двухъ или трехъ театрахъ. — Все это имѣетъ свою пріятность; однакожь она непродолжительна; ибо непрерывныя удовольствія вянутъ, какъ цвѣты; молодая жена начинаетъ вздыхать, и несносная скука приходитъ къ ней въ гости. Тогда красавица принимается за канву, вышиваетъ и скучаетъ; садится за фортепiano, фантазируетъ, поѣтъ и скучаетъ; дразнитъ обезьяну, гладитъ попугая и скучаетъ; раскладываетъ грань-пансіансъ, думаетъ о томъ, о сѣмъ, о другомъ и прочемъ, и все скучаетъ; ложится въ постелю, беретъ книгу, читаетъ... и засыпаетъ. — «Такую книгу и ты можешь написать!» — говоритъ ей во снѣ геній-прорицатель: «а можетъ быть и гораздо лучше!»— Съ свѣжими мыслями, съ горячимъ воображеніемъ, она принимается на другое же упрое за цисьменный сполікъ; накидываетъ на бумагу планъ новаго романа, который чрезъ шесть мѣсяцовъ появляется въ печати, и публика читаетъ его съ жадностію.

Другая дама сочиняетъ романы потому только, что мужъ ея извѣстный скряга, котораго кошелѣкъ не раскрывается ни для какой жертвы. — Супругъ правится сего дня шаль, завтра модная шляпа, послѣ завтра газовое платье: ей хотѣлось бы закупить всё это, но у ней нѣтъ денегъ! — Модная порговка не вѣрится въ долгъ, а суровый мужъ не хочетъ платить по щѣтамъ супруги. Что же ей въ такомъ слу-

чаѣ дѣлать? — Упопиться! — Сохрани Боже! — Она подражаетъ своей подругѣ: пишетъ романъ, отдаетъ его своему чичизбею для поправки въ слогъ. — и дѣло въ шляпѣ. — Домашній другъ опыскиваетъ книгопродавца, который беретъ на себя издержки печатанія, и сочинительницѣ опщипываетъ нѣсколько тысячъ франковъ, удовлетворяющихъ съ избыткомъ всѣмъ прихотямъ причудливой романистки.

Третья дама живетъ уединенно въ своей деревнѣ; мужъ ея сельскій экономъ, педантъ, который разводитъ только на поляхъ красивыя растенія. — Съ утра до вечера онъ въ полѣ хлопочетъ съ мужиками, а пришедъ домой, только и бредитъ о Rubin tin-slogin. Это ужасно наскучило женѣ; она убѣгаетъ отъ мужа и скачетъ на почтовыхъ въ Парижъ. Черезъ нѣсколько дней въ гостиницѣ ея пѣпки знакомится она съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго находитъ очень интереснымъ. — Тутъ начинается романъ: они влюбляются другъ въ друга и желаютъ уже соединиться бракомъ. Но чѣмъ же будутъ жить? Ну, чѣмъ Богъ послалъ . . . хотя бы авторствомъ. И такъ, она сочиняетъ повѣсти, которыя выходятъ въ Свѣтъ подъ именемъ ея обожателя. Всю прибыль раздѣляетъ она по совѣсти съ своимъ любезнымъ. — Книга много нафдала шуму въ Парижѣ, всякій хочетъ чипать её. Нужно второе издание. — Молодой человѣкъ прославился, не зная самъ, какимъ образомъ. — Изъ благодарности, онъ еще болѣе влюбляется въ свою писательницу. — Онъ хочетъ на ней жениться; — но она не соглашается, потому, что влюбилась въ другаго. — Въ воспоминаніе о прежней дружбѣ, она продолжаетъ писать повѣсти подъ именемъ отспавнаго обожателя; но уже прибыль, отъ своихъ сочиненій получаемую, дѣлитъ съ новымъ Эндимиономъ.

Такимъ образомъ распространяется число писательницъ, а съ нимъ и необыкновенное количество книгъ.

Особенность этой литературы, которую называютъ Французы la litterature blanche, bleu et rouge, есть ея слогъ. — *Бюфонъ* говоритъ: le style c'est l'homme. — Здѣсь же можно сказать: le style c'est la femme.

Слогъ есть портретъ ихъ прелестной наружности. . . . Онъ такъ же гладокъ, какъ чело красавицы; блестящъ, какъ апласная кожа ихъ лица; душистъ, какъ благоухающіе ихъ волосы; обворожилелентъ, какъ улыбка розовыхъ устъ; щеголеватъ, какъ покрой ихъ платья; прозраченъ, какъ ажурные ихъ чулочки. — Ихъ слогъ такъ наряженъ, какъ будто бы сбирается на балъ, какъ будто блестящая карета дожидается его у подъѣзда. — Женщины-писательницы болѣе спараются о наружной отдѣлкѣ сочиненія, чѣмъ о внутреннемъ его достоинствѣ; а потому у нихъ покрой владычества надъ тканью. — Рама иногда дороже самаго портрета, п. е. ихъ слогъ часто имѣетъ болѣе достоинства, нежели мысли, которыя онъ въ себѣ заключаетъ, — завязка (интрига) въ ихъ повѣсти начинается какъ вязаніе чулка . . . онъ влажуетъ, болтаютъ, спускаютъ пепли, опять ихъ поддѣваютъ на иглу и работаютъ до тѣхъ поръ, покуда вся нить сойдесть съ клубка и чулокъ готовъ. — Заключаю эту спатейку изчисленіемъ лучшихъ нынѣшнихъ Французскихъ писательницъ.

- 1) La duchesse d'Abrantes, 2) Constance Aubert,
- 3) Aline Andriveau, 4) Bastide Bodin, 5) La comtesse Bradi,
- 6) Victorine Collin, 7) Esther Dabillon,
- 8) Julie Delafaye-Brehier, 9) Denne Baron, 10) Marceline Desbordes - Valmore, 11) Emma Ferrand,
- 12) Fouqueau de Pussy, 13) Déphine Gay-Girardin,
- 14) Aimée Harelle, 15) Emilie Marcel, 16) Sophie Pannier,
- 17) Perrier, 18) Virginie Prignot, 19) Georges Sand,
- 20) Alida du Savignae, 21) Anais Ségalas,
- 22) Amable Tastu, 23) Cécile Tercy, 24) Coraly Thiery,
- 25) Elise Voïart, 26) Eléonore de Vaulabelle,
- 27) Mélanie Valdor.

Пер. Кругликовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТАКАНЪ ВОДЫ.

Въ одинъ знойный Испанскій вечеръ, въ 1815 году, старый приходскій священникъ деревушки Сан-Пьетро, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Севиллы, возвратился, крайне усталый, въ свою убогую хижину, гдѣ ждала его *Маргарита*, его достойная семидесятилѣтняя домоправительница. Какъ ни обыкновенно видѣть бѣдность между Испанцами, но нельзя было не замѣтить совершенной нищеты, господствовавшей въ домикѣ добраго священника. Донна *Маргарита* готовила на ужинъ своему господину небольшую парелку *олла-подриды*, въ которой, не смотря на громкое названіе, заключалось не что иное, какъ остатки отъ его обѣда, приправленные съ большимъ искусствомъ. Священникъ, вдохнувъ въ себя запахъ лакомаго кушанья, сказалъ:

— Слава Богу, *Маргарита!* вотъ кушанье, отъ котораго я заранѣе облизываюсь. Клянись святымъ *Пьетро*, поваричъ, ты не одинъ разъ долженъ поблагодарить Провидѣніе, за то, что оно послало тебѣ такой вкусный ужинъ. —

При словѣ: поваричъ, *Маргарита* взглянула и увидѣла незнакомца, котораго привелъ съ собой священникъ. Лицо домоправительницы тотчасъ выпянулось и приняло сердитый и недовольный видъ. Взоръ, брошенный ею на приходшаго, блеснулъ какъ молнія и обратился на священника, который опутивъ глаза, сказалъ тихимъ голосомъ, съ робостію дышавши, ожидающаго выговоръ спорога отца:

— Ну что же! когда есть для двухъ, такъ доспанеть и для третьяго. Ты сама не захотѣла бы, чтобъ я допустилъ умереть съ голоду православнаго Христіанина, который цѣлые два дни ничего не ѣлъ. —

«Пресвятая Богородица! хороша Христіанинъ!—Онъ похожъ скорѣе на разбойника.»

И *Маргарита* вышла, съ сердитымъ ворчаньемъ прошивъ излишней щедрости своего господина.

Между тѣмъ, неизвѣстный гость священника неподвижно споллъ у порога. Это былъ человекъ высокаго роста, полуприкрытый грязнымъ рубищемъ. Его черные волосы, сверкающіе глаза и длинное ружье, дѣйствительно не могли возбуждать участія и способны были, напрошивъ, внушить не совсѣмъ выгодное о немъ мнѣніе.

«И такъ я долженъ идти назадъ?» сказалъ онъ.

— Никогда,—отвѣчалъ священникъ: попъ, кого укрываю я въ своей хижинѣ, не будетъ изъ неѣ выгнанъ; никогда не воспримешь онъ въ ней дурнаго приема. Поставь свой карабинъ, прочтемъ *benedicite*, и сядемъ за столъ.—

«Я никогда не покидаю своего карабина; это мой лучшій и неизмѣнный другъ и я буду держать его при себѣ. Скажу вамъ, что хотя вы и позволяете мнѣ оспаться въ вашемъ домѣ и побыть въ немъ сколько я хочу, но есть люди, которымъ можетъ вздуматься вывести меня отсюда противъ воли. Но это, покаместъ, въ спорону, а теперь, я пью за ваше здорье.»

Не смотря на то, что священникъ самъ имѣлъ очень хорошій аппетитъ; но жадность, съ какою незнакомецъ принялся за скудный ужинъ, поданный имъ *Маргаритою*, изумила его. Между тѣмъ послѣдній, не переставая ѣсть, съ безпокойствомъ озирался вокругъ; онъ дрожалъ при малѣйшемъ шумѣ, и когда, между прочимъ, въперъ со сплуккомъ хлопнула дверь, то онъ схватился за карабинъ и взвелъ курокъ, какъ бы приготовляясь дорого продать жизнь свою. Успокоившись отъ этой тревоги, онъ снова сѣлъ за столъ и спалъ продолжая свой ужинъ.

«Теперь,» сказалъ онъ, окончивъ его: «вамъ надобно довершить ваши одолженія. Я ранецъ въ ногу, и цѣлую недѣлю не перевызывалъ раны. Дайте мнѣ какую нибудь старую тряпку, и потомъ я васъ отъ себя избавлю.»

— Я вовсе не спараюсь отъ тебя избавиться, — возразилъ священникъ, котораго гость его, не смотря на владѣвшее имъ без-

покойство, веселилъ своими забавными шуутками. — Въ старину я учился немного хирургіи, и теперь не хуже лекаря съумѣю перевязать твою рану, а для этого найдемся у насъ и чистое полотенно. Посмотримъ, въ чемъ дѣло. —

Съ сими словами, онъ вынулъ изъ шкафа связку, въ которой было все нужное, и засучивъ рукава, приготовился исполнить должность хирурга. Рана незнакомца была очень глубока; пуля пробила ногу несчастнаго, и видно было, что дабы идти въ такомъ положеніи, ему надлежало употребить сверхъ-естественныя усилія.

— Тебѣ никакъ нельзя отправиться сегодня въ дорогу, — сказалъ священникъ, осматривая рану съ удовольствіемъ архиспалюбителя. Останься ночевать здѣсь: покой подкрѣпитъ твои силы, уменьшитъ воспаление и дастъ опасъ опухоли. . . . —

« Я непремѣнно долженъ идти сегодня, сей же часъ, » прервалъ незнакомецъ. « Есть люди, которые ждуть меня, сказалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, и есть другіе, прибавилъ онъ съ горькою улыбкою, которые меня ищутъ. Ну! кончили-ль вы свою перевязку? Хорошо! теперь мнѣ такъ свободно и легко, какъ будто бы я вовсе не былъ раненъ. Дайте же мнѣ на дорогу хлѣба, возьмите за свое госпепріимство эту золотую монету, и прощайте. »

Священникъ съ неудовольствіемъ опшолкнулъ предлагаемыя деньги.

« Въ такомъ случаѣ прошу извинить меня, » сказалъ незнакомецъ.

Съ сими словами онъ взялъ хлѣбъ, который съ досадою принесла *Маргарита*, по приказанію своего господина, и скоро исчезъ въ чащу лѣса, окружавшаго домъ, или скорѣе хижину священника.

Черезъ часъ послышалась сильная пальба, и незнакомецъ показался снова, облипый кровію, раненый въ грудь и блѣдный, какъ смерть.

« Возьмите, » прошепталъ онъ, подавая священнику нѣсколько золотыхъ монетъ;

« мои дѣти во рву подлѣ небольшого ручья. . . . »

Онъ упалъ. Испанскіе жандармы вошли съ оружіемъ въ рукахъ, и не встрѣтили никакого сопротивленія со стороны раненаго, котораго накрѣпко связали. Тогда они позволили священнику перевязать новую рану незнакомца. Но, не смотря на всѣ его замѣчанія объ опасности везти человека, столь тяжело раненаго, они положили своего плѣнника на телѣжку.

— Нужды нѣтъ! — говорили они: умереть ли ему отъ этого или отъ вистлицы, а ужъ дѣло его кончено. Это извѣстный *Хозе*, котораго давно ищеть правительство.

Хозе поблагодарилъ священника легкимъ наклоненіемъ головы. Потомъ онъ попросилъ воды, и когда священникъ нагнулся, чпобы поднести стаканъ къ губамъ его, то онъ сказалъ ему умирающимъ голосомъ:

« Вы знаете! »

Священникъ опвѣчалъ утвердительно.

Когда кѣнвой, сопровождавшій *Хозе*, удалился, добрый старецъ, не смотря на возраженія *Маргариты*, подробно перечислившей ему опасности этого ночнаго выхода, опправился чрезъ лѣсъ ко рву, и нашелъ въ немъ, подлѣ трупя женщины, вѣроятно убитой жандармами, груднаго младенца и четырехлѣтняго мальчика, который съ плачемъ тянулъ за руку мать свою, почивая еѣ спячею.

Можно представить себѣ изумленіе *Маргариты*, когда она увидѣла, что священникъ возвращается съ двумя дѣтьми.

« Пречистая Дѣва! Что вы хотите съ ними дѣлать? . . . Намъ и самимъ едва есть чѣмъ питаться, а вы еще приводите двухъ ребятишекъ! Развѣ вы хотите, чпобы я стала собирать для нихъ мѣрское подаданіе? И что это за дѣти? сыновья бродяги, цыгана, разбойника, а можетъ быть еще и хуже? Я увѣрена, что они даже не крещены. »

Въ эту минуту младшій изъ дѣтей, который былъ еще въ пеленкахъ, спалъ крича и плакалъ.

«И чѣмъ мы будемъ кормить этого ребенка?» снова начала *Маргарита*. «Вы знаете, что мы не въ состояннн нанимать для него кормилицу. Надобно будетъ приняться за рожокъ, и мнѣ придется не спать для этого по цѣлымъ ночамъ. Святые угодики! по виду, ему не больше полугода отъ роду! Хорошо, что у меня случилось немножко молока; надобно только будетъ погрѣть его.»

Забывъ свою досаду, *Маргарита* взяла ребенка изъ рукъ священника, и спавъ на коѣна передъ каминомъ, принялась разогрѣвать молоко, качая и убаюкивая въ то же время плачущаго малютку.

Между тѣмъ, какъ *Маргарита*, уложивъ одного изъ дѣтей, раздѣвала другаго и пригопвляла ему родъ постели изъ плаща священника, добрый спарикъ рассказывалъ своей домоправительницѣ, гдѣ и какимъ образомъ нашелъ онъ двухъ мальчиковъ, и какъ они были препоручены ему.

«Все это хорошо,» сказала *Маргарита*; «но дѣло въ томъ, чѣмъ мы будемъ кормить ихъ?»

Священникъ раскрылъ Евангеліе и прочелъ торжественнымъ голосомъ:

«Увѣрю васъ, что даже томъ, кто подастъ сосудъ съ спуденою водою единому изъ братьевъ Моихъ, не оспанеися безъ награды.»

— Аминь! — прибавила *Маргарита*.

На другой день священникъ похоронилъ тѣло женщины, найденной во рву, и совершилъ надъ нимъ обычное поминовение.

Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ ясный осенній день, семидесятилѣтній священникъ деревни Сан - Пiere грѣлся на солнцѣ предъ дверьми своего дома. Подлѣ него мальчикъ, лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати, чиналъ вслухъ молитвенникъ спарца, и время отъ времени, бросалъ зависливый взглядъ на высокаго и спатнаго шестнадцатилѣтняго юношу, который прилежно работалъ въ небольшомъ саду, прилегавшемъ къ дому священника. *Маргарита*, ослѣпнувшая отъ старости, сидѣла подлѣ и слушала.

Вдругъ послышался спукъ отъ колесъ экипажа, и рѣзвый мальчикъ вскрикнулъ отъ радости.

Скоро великолѣпная карета остановилась передъ домомъ, и слуга въ богатой ливрѣ, подошедъ къ священнику, попросилъ у него спаканъ воды для своего господина.

— *Карлосъ*,—сказалъ спарець младшему изъ двухъ мальчиковъ: подай спаканъ воды этому господину и спроси, не прикажетъ ли онъ вина. Спупай скорѣе. —

Провзій приказалъ отворить дверцы своей кареты, и вышелъ: онъ былъ лѣтъ пятидесяти.

«Эти молодые люди внуки ваши, почтенный спарець?» спросилъ онъ у священника.

— Гораздо болѣе: это дѣти мои . . . дѣти, разумѣется, усыновленные. —

«Какимъ образомъ?»

— Я вамъ охотно это расскажу, тѣмъ болѣе, что по старости моей и неопытности въ свѣтскихъ дѣлахъ, мнѣ нуженъ добрый совѣтъ, какъ обеспечить будущую участь этихъ мальчиковъ. —

Тутъ онъ рассказалъ исторію дѣтей, которую чинатели видѣли выше.

— Что же вы мнѣ совѣтуете съ ними дѣлать? — спросилъ онъ, окончивъ свой рассказъ.

«Записать ихъ въ королевскую гвардію, и чтобы они могли пристойно содержать себя, назначить имъ по четыре тысячи червонцевъ въ годъ.»

— Я прошу у васъ совѣта, а не шутокъ, синьоръ. —

«Помомъ, надобно будетъ перестроить вашу церковь, а подлѣ поспавить хорошенькій домикъ для священника. Посмотрите, у меня въ карманѣ есть и планъ ему: какъ онъ вамъ нравился? Все это назовемъ мы *Церковью спакана воды*.»

—Что это значить?... Что вы хотите сказать? Какое смутное воспоминаніе!.. Эти черты... эпошь голосъ —

«Это значить, что я донъ *Хозе делья Рибейра*, и что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, я былъ въ опасности сложить мою голову на эшафотъ. Времена переходчивы, я попалъ въ военную службу, дрался за вѣру, короля и опечесство, былъ щасливъ, опичился и пеперь Генераломъ. Вы оказали мнѣ гостепримство, и замѣняли опца моимъ дѣпямъ. Пусть они обнимутъ меня;» прибавилъ онъ, проспирала объаянія къ двумъ мальчикамъ.

Послѣ продолжительныхъ лобзаній, радостныхъ слезъ, прерывистыхъ восклицаній, онъ протянулъ руку спарому священнику.

«Теперь, опецъ мой, неужели вы еще не согласисесь принять мое предложеніе?»

Спарецъ обратился къ *Маргаритѣ*, и сказалъ съ живѣйшимъ чувствомъ:

«Даже потъ, кто подастъ сосудъ съ спуденсю водою единому изъ братій Моихъ, не останется безъ награды.»

—Аминь!—сказала старушка, плакавшая опъ радости, что ей довелось наконецъ видѣть щасливымъ своего господина и его приемышей.

Черезъ годъ, донъ *Хозе делья Рибейра* и два сына его присутствовали при освященіи одной изъ прекраснѣйшихъ церквей въ окрестностяхъ Севиллы, названной церковью *Стакана воды*.

Пер. *Ип. Глбовъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С Т А Р И Н А.

Какъ сладко мнѣ мечпаньемъ окриленнымъ
Родимое бывое воскрешать,
Иль пѣснопѣнямъ вдохновеннымъ
Съ душой воспорженной внимать.
О, кто-бъ ударилъ въ струны золотыя

И пѣсню свель съ надзвѣздныхъ спраны
Тѣ дни щасливые, бывые
Благословенной спарины.
Повѣдалъ бы, какъ жили наши дѣды,
Какъ, съ ласковой улыбкой на устахъ,
Дѣлили дружнія бесѣды
И веселились на пирахъ;
Какъ, чуждые веселости коварной,
Дѣляся всемъ, средь щедрости своей,
Цѣдили въ кубки медъ липарный
И пили здравіе друзей;
Какъ, грозные въ урочный часъ сраженья,
За родину, за славу шли на брань,
И памятна врагамъ смиренья
Была убійственная длань.
Повѣдалъ бы, какъ въ перемахъ высокихъ,
Дѣля досуги мирные свои,
Толпы красавиць одинокихъ
Свой вѣкъ въ безопасности вели;
Какъ, время лѣтъ и жизни корошая,
Они дивились сельскому пѣвцу,
Вшмали сказкамъ краснобай
Или волынщику слѣпцу;
Съ шутихою или съ душой забавлялись,
Злословили, съ другими на ряду,
Ни съ скукой, ни съ поской не знались
И жили съ жизнью въ ладу.
Когда душа о прошломъ замечашеть
И вспомню я про дѣдовъ нашихъ бытъ,
Мой духъ въ нѣмомъ воспоргѣ шаеть
И сердце чувствами кипитъ.

Ө. *Менцовъ*.

Е N I G M E.

Mes deux yeux sont ouverts, pourtant je ne vois rien.
Ma bouche est entr'ouverte, eh bien! je ne dis rien;
Cependant plusieurs mots s'échappent de ma bouche;
Très-souvent de mes yeux partent de doux regards;
Mon front ne rougit point pour quelques mots gaillards,
Et je possède un nez que jamais on ne mouche.

Въ No 52-мъ, помѣщенная шарада значить: *Том-сонъ*.

M O D E S.

On a remarqué au champ de mars Mme de Br... en landeau découvert: elle portait un très-grand chapeau de paille d'Italie, dont la forme relevée laissait voir autour de son visage un cordon de petites roses confondues avec du tulle bouillonné; des rubans de taffetas et un bouquet de marabouts couleur paille étaient posés de côté sur la haute forme. Dans sa voiture était une jeune personne habillée d'une robe en jaconas blanc, avec une longue pélerine en batiste garnie de mousseline brodée. Cette pélerine fermée par des nœuds lilas était bordée en plein d'une petite étoile mate; un chapeau en paille de riz doublé de crépe, ayant sur le côté une branche de lilas achevait cette fraîche toilette.

Avec des toilettes demi parées on remarquait des cols de batiste garnis de dentelle haute, et des collettes brodées et plissées. La batiste ne se porte pas le soir, mais le jour elle peut être très-habillée, selon qu'elle est accompagnée de belles dentelles.

On fait pour mettre avec des redingotes à draperies croisées des cols dont la forme en pointe devant et derrière, suit les bords de la robe et retombe en dégageant le cou et la poitrine; les devans sont taillés en biais et viennent se réunir à l'extrémité. Le plus souvent ces cols sont garnis d'une dentelle froncée haute de trois ou quatre doigts, et quelquefois d'une garniture en mousseline brodée et froncée, ou encore, d'une mousseline à petits plis de même hauteur, et bordée de valenciennes.

Les châles écossais en soie croisée ou les châles de foulard sont d'un prix assez élevé pour ne pas remplir le but que l'on se propose généralement en choisissant ces châles d'été destinés aux jours de négligé ou aux jours de pluie, non comme parure mais comme utilité. Nous dirons un mot des tartans de mousseline thibet, double carreau écossais, tissu souple et léger.

Pl. No 20. 1) Chapeaux en paille de soie.—2) Chapeaux paillassons.—3) Bonnets de blonde sans fonds.—4) Mantelet de tulle et col de batiste.—5) Sac de veours.

M O Д Ы.

Замышляи на Марсовомъ полѣ г-жу de Br... въ открытомъ лондо; на ней была Ипаліанская

соломенная шляпка, которой открытое поле выказывало шнурокъ изъ мелкихъ розъ, перемѣшанныхъ съ бурою изъ шюля; бантъ изъ пафляныхъ лентъ и букетъ изъ марабу соломеннаго цвѣта, припилены были на боку высокой пудлы. Съ нею была молодая дѣвица въ бѣломъ жаконетовомъ плащѣ, съ длинною баписовою пелеринкою, обложенною вышитою кисеєю. Эта пелеринка, схваченная лиловыми бантами, вышита была по краю небольшими маповыми звѣздочками; басповая шляпка, подложенная крепомъ, съ вѣшкою сирени на боку, довершала эпошъ ловкоѣй нарядъ.

Съ полу-нарядными плащями видны были баписовые ворошники, обшитые широкимъ кружевомъ, и борочки вышитые, сложенные въ складочки. Баписъ не носятъ вечеромъ, но днемъ онъ чрезвычайно наряденъ, смотря по тому, если онъдѣланъ хорошими кружевами.

Для редингоговъ съ крестообразными складками дѣлаютъ ворошники съ мыскомъ сзади и спереди; онъ идетъ по краю лифа, и открываваясь, открываетъ шею и грудь; передъ скроенъ въ косъ, концы соединяются. По большей части ворошники эти обшиваютъ собраннымъ кружевомъ, шириною въ три или четыре пальца, а иногда собранною вышитою оборкою, или еще, кисеєю такой же ширины, обшитою узенькимъ кружевомъ и сложенною мелкими складочками.

Шотландскіе шелковые плашки, или фуларовые, слишкомъ дороги, чѣмъ выполнишь предполагаемую цѣль, съ какою они обыкновенно выбираются не какъ нарядъ, но какъ вещь полезная. Мы скажемъ слово о паршалахъ изъ Тибетской кисеи, съ двойною Шотландскою кляпкою: легкая, нѣжная шкани.

Карт. No 20. 1) Шляпы en paille de soie.—2) Шляпки сквозныя соломенныя.—3) Блондовыя чепцы безъ пудлы.—4) Шемизетки шюлевой и баписовая.—5) Вѣшокъ или ридикюль бархатный.

При семь номерѣ предлагаются: *Оглавленіе четырнадцатой части, или второй 1834 года, и заглавный листъ къ третьей части сего же года, Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 54.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. буржъ 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 7 дня, 1854 года.

И почто, можно ли воспитаніе быть!
Умлють же себя прихлядишь
Тафшицей, бархатцомъ и дыжкой;
Словечко въ проспонѣ не скажешь, все съ ужимкой;
Французскіе романы вамъ поюшь,
И верхній выводилъ понки;
Къ военнымъ людямъ шакъ и льнуть,
А поному, чпо напирюнки.

Грибодовъ.

П Л А К С А.

ЗА КОРЕННЫЯ РУССКІЯ ПРАВОСЛАВНЫЯ МѢСТОИМЕНІЯ СЕЙ И ОНЫИ!

Баронъ *Брамбеусъ*, коснувшись предисловія госпожи *Елисаветы Бездольной* къ *Спрегъ*, соч. *Эдуарда Фуинэ*, переведенной ею съ Французскаго, сильно ополчается на мѣстоименія *сей* и *оныи*.

Вопь его слова: «Что касается до насильственнаго содержанія женщинъ въ невѣжествѣ, то госпожа *Елисаветъ Бездольной* не слѣдовало-бъ дѣлать этого упрека, по крайней мѣрѣ намъ, ея соопчичамъ. Иностранцы, и мы сами откровенно признаемъ умственное превосходство нашихъ Русскихъ дамъ передъ нами, — а что онѣ гораздо лучше насъ, о томъ никогда не было и спору. Мы всегда почитали умъ, образованность и просвѣщеніе въ женщинахъ, и сама госпожа *Елисавета Бездольная* сознаетъ

ся, что въ пансіонахъ ихъ обучаютъ теперь всему. Скажу болѣе: собравъ опдѣльно все просвѣщеніе и всю образованность, разлптыя у насъ въ обоихъ полахъ, итнть сомнѣнія, что масса просвѣщенія и образованности женщинъ оказалась бы впрое или вчетверо значительнѣе той, которою мы сами украшаемся. Въ чемъ же дѣло!

«А наше сердце, гувства, наклонности?» говоритъ сочинительница предисловія. *Вы о томъ не справляетесь! Не гнѣвайтесь же; гасто вамъ подьломи за сіе. — Да, часто! Не вѣдаю, подьломъ или итнть, но что часто, то часто!!...* Вопь знаете что, сударыня, — если кому либо изъ насъ было бы *подьломи за сіе*: то, безъ всякаго сомнѣнія, тому безвкуснику, который выучилъ васъ употреблять *сіе*. Вы пишете такъ умно! Вы пишете такъ мило!... Я удивляюсь, какъ ваше бльенькое и итнжное ухо не чувствуетъ всего ужаса словъ *сей* и *оныи* въ такомъ легкомъ и веселомъ слогѣ, какъ

вашъ? Согласитесь, что нѣтъ въ свѣтъ оспропы, ни шулки, копорой бы эпо слово не превратило въ колпакъ спараго подъячаго. Не упопребляйте, сударыня, энихъ пропшвословесныхъ мѣспоименій, не для меня, а для васъ самихъ: лѣтъ чрезъ двадцать, а можетъ быть и ближе, никто не будетъ упопреблять ихъ въ липерапурѣ; всѣ будутъ писать чпснымъ современнымъ Русскимъ языкомъ, — это неизбѣжно, и нынѣшнія книги будутъ называться писанными *старыми слогами*, тяжелыми, печѣткими, единственпо по милости энихъ приказнычъ загвоздокъ, опъ условнаго языка прошлыхъ вѣковъ.»

Г-нъ баронъ! Размыслили-ль вы хорошенько о томъ, что вы написали здѣсь и въ длинномъ, длинномъ, длинномъ, безконечно-длинномъ вашемъ предисловіи къ фапшастическимъ вашимъ пунешеспівіямъ, цѣломудреннымъ и правочпсельнымъ?

Г. баронъ! Изъ всѣхъ насмѣшекъ вашихъ надъ мѣспоименіями *сей* и *оний* замѣтно, что вы не изволили чппать мудрую книгу: *О старомъ и новомъ слоге, сог. А. С. Шишкова?* Прочтите её, г. баронъ (*)! эпо вамъ необходимо.

Г. баронъ! Неужели нижеслѣдующія выраженія пахнутъ приказомъ, опъзываюпся подъячествомъ?

Попмъ Господеви, славно бо прославился: коня и всадника вверже въ море. Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе: *сей* мой Богъ и прославию Его: Богъ опца моего и вознесу Его.

Моисей.

Господь Богъ упокоилъ братію вашу, якоже и васъ; и наслѣдять и *си* землю, юже Господь Богъ вашъ даетъ вамъ: опыдите кійждо въ наслѣдіе свое и наслѣдите е, еже даде вамъ Моисей объ *ону* спрану Иордана опъ воспоковъ солнца!

Иисусъ Навинъ.

И посланъ бысть ко мнѣ единъ опъ Серафимовъ, и въ ругѣ своей имяше угль го-

ряцъ, егоже клещами взяпъ опъ алтаря. И прикоснулся къ успамъ моимъ и рече: *се* прикоснулся *сѣ* успамъ пвоимъ, и опыметъ беззаконія пвои и грѣхи пвои очиспипъ.

Исаил.

Сѣ рече Господь силъ: *се* азъ напишаю люди *сѣ* пѣснопами, и въ пипіе дамъ имъ воду желчную, и распочу ихъ въ лзыки, ихже не знаша тѣи и опцы цхъ, и послю на нихъ мечъ, дондеже испляпся.

Иереміл.

Во дни же *оны* пріиде Иоаннъ Креспипель, проповѣдая въ пустыни Иудейспій.

Матогъ.

Г. баронъ! Въ продолженіе восьми сопъ лѣтъ не обвѣщали гонимыя вами мѣспоименія: размыслите, убѣдитесь, что вы пѣскѣлько скорѣпоспѣшно произнесли свой судъ — и въ порывахъ пламенной любви вашей къ Россійской словесности начертали: «Проза круглый годъ несетъ вздоръ; у насъ на Руси, лучшія ея спраницы засыпаны полспымъ слоємъ оспрыхъ, шероховапыхъ, засаленныхъ мѣспоименій *сей* и *оний*, копорыхъ, по прочпеніи, не смѣете вы даже произнести *въ гестной колпаніи*; копорыми напередъ изранили себя до крови языкъ и руки (*), пока сквозъ нихъ доберетесь до излѣднаго.» Полно такъ ли? О томъ ли вы говорите? Не иносказаніе ли эпо? Я, право, думаю, что вы подразумѣваете здѣсь юмористическія пворенія одного Нѣмецкаго барона; — ихъ и дѣйствительпо *въ гестной колпаніи*, въ порядочномъ общеспвѣ мушпннъ, чппать нельзя, а при дамахъ..... избави Богъ и думать! Между пѣмъ, какъ мы, Россіане, чппаемъ и на лекціяхъ и въ липерапурныхъ собраніяхъ, и на вечерникахъ, *Августина, Евгенія, Аливросіа, Оиларета, Державина, Жуковскаго, Ложегникова, Грега, Забоскина.*

(*) Какой нѣжный, разборчивый вкусъ у барона! Какъ пріятно чппать его пворенія дамамъ и дѣвицамъ! Есть чему поучиться, есть что перенлѣть! Ужь эпо не безбожникъ *Вальтеръ-Скоттъ!* — К.

Вы берётесь доказать, что лѣтъ чрезъ двадцать нынѣшнія книги наши будутъ называться писанными *старыми* *слогомъ*, тяжелыми, нечѣткими, единственно по милоспи эпихъ приказныхъ загвоздокъ, оставшихся отъ условнаго языка прошлыхъ вѣковъ. Какъ! Неужели и стихи *Языкова*, *Капниста*, *Ө. Н. Глинки*, *Дмитріева*, *Озерова*, *Кукольника*, *Хмельницкаго*—износятся? Моженъ бытъ, но *се* случится тогда, когда перестанутъ читать *Гомера*, *Вальтеръ-Скотта*, *Шекспира* и *Шатобриана*! До тѣхъ поръ мы станемъ восхищаться слѣдующими спрочами *Ломоносова*:

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ спускаться,
И съ пѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣсцѣ засѣдая.

*

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божию, во всемъ,
И точно *онгій* наблюдаетъ
Во всемъ печеніи своемъ.

Ломоносовъ.

или:

Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ его вселиться,
И больше въ свѣтъ не иду,
Какъ въ *онои* веселился.

Ломоносовъ.

Наспави, Господи, на путь
Святымъ твоимъ закономъ,
Чтобъ врагъ не могъ поколебнуть
Крѣпящагося въ *онои*.

Ломоносовъ.

Крушишь рѣка Тапарску кровь,
Что пропекала между нами.

Ломоносовъ.

Благословенна вѣчно буди,
Вѣщаешь вѣпкій деньки къ ней,
И всѣ твои съ побоемъ люди,
Что вѣришь власти я твоей;
Твои, любезныя доброты
Влекутъ къ себѣ мои щедроты.
Я въ гнѣвъ Россамъ былъ шворецъ,
Но нынѣ лаки имъ опецъ:

Души твоей крапчайшей сила
Мой гнѣвъ на милоспю преожига.

Ломоносовъ.

Не *сей* ли при Донскихъ спружъ
Разсыпалъ вредны Россамъ спѣны,
И Персы въ жаждающихъ степяхъ
Не симъ ли пади пораженны?

Ломоносовъ.

Станемъ гордиться карпиною единоборства *Ерлика* съ *Кугулиомъ*, гдѣ находились слѣдующіе безсмертные, живописные стихи:

То *сей*, то *онгій* на бокъ гнулся —
И рѣбра обонхъ перецапъ.

Дмитріевъ.

Мы, простакки, благоговѣемъ произносил:

Въ воздушномъ океанѣ *онои*
Міры умножа милліонемъ
Спокрашъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ побоемъ,
Лишь будешь почкою одною,
А я передъ побой — ничто.

Державинъ.

Видно г. барону неизвѣстно, что всѣ современныя знаменитыя наши пѣснопѣвцы употребляютъ мѣстоименія *сей* и *онгій*. Вотъ выписка изъ *пѣвца въ сталь Русскихъ воиловъ*, стихотворенія, которое всѣ военныя люди наизустъ знаютъ и которое сдѣдалось армейскимъ капихизисомъ.

Сей кубокъ чиснымъ музамъ въ даръ!
Друзья, онъ въ герол
Вдвигаютъ бодрость, славы жаръ,
И месья, и жажду бол.

Жуковский. ()*

Опчизнѣ кубокъ *сей*, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладоспю бынія;
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милгій свѣтъ,

(*) О *Жуковскѣ* вы сами, г. баронъ! изволили опознаться съ уваженіемъ, что хоня вкусъ публки съ нѣкотораго времени явно клонился къ прозѣ, но вы всегда съ большимъ удовольствіемъ прочипаете въ *Новосельѣ* стихи: Элевзинскій праздникъ, В. А. *Жуковскаго*, чѣмъ всю прозанческую словесноспю нашу за весь прошлый мѣсяць. Здѣсь еспъ художеспно — и высокое художеспно. — К.

Знакомые попоки,
Знашья игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнилъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковский.

А вопль выписки и изъ другихъ знамени-
мыхъ цѣпныхъ пѣснопѣвцевъ.

Не се-ль Минервы Росской храмъ?
Не се-ль элизіумъ полночный?

А. Пушкинъ.

И се пылаешь брань, на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами спрылы свиснуть
И брызжешь кровь на щипъ.

А. Пушкинъ.

Другъ вѣрный мой, приди,
Опри рукой своей *силъ* слезъ горличьхъ рѣки,
Опри, и сердце мнѣ свое опдай на вѣки.

Батюшковъ.

Улисъ! вспомнишь ли ужасный *онгій* день,
Когда пы, ратныхъ силъ и Тронъ согдадай,
Въ раздранномъ рубищѣ, какъ ближнихъ сель орашай,
Блуждалъ вокругъ бойницъ, скрывая въ сердцѣ страхъ,
И съ робкой хипроспью щипалъ нашъ каждый шагъ?
Вспомнишь ли *сей* день?

Мерзляковъ.

Венеція красой сіяешь,
Когда вечерній солнца лучъ
На львъ крылатомъ умираешь
И меркнушь небеса безъ тучъ.
Люблю *сей* часъ заката свѣта —
Какъ восхищительны въ часъ *сей*
Падапы Дожей и *Плцетта*:
Но погдены для меня милѣй.

Ив. Козловъ.

И мой удѣлъ, не осушая глазъ,
Какъ *сей* пошокъ съ рошчаніемъ сокрышься.
Баронъ *Дельвицъ.*

Иль, вопреки уму, падешь мой приговоръ
На одъ поржеспвенныхъ поржеспвенный наборъ,
Силъ обреченныхъ жерпвъ госпепрпмпсву Леты,
Которымъ душашъ насъ бездушные поэмы?

Кн. Вяземскій.

Но будетъ часъ, онъ неизбѣженъ,
Твоимъ очамъ опкроешь онъ

Сей міръ, гдѣ разумъ безнадеженъ,
Гдѣ щаспье — сонъ, бѣда — не сонъ.

Языковъ.

Довольно! Если-бъ мы захопѣли ули-
чать васъ выписками изъ всѣхъ опличныхъ
Русскихъ прозаиковъ и стихопворцевъ: по
составили бы книгу, споль же полспую,
какъ ваши многорѣчиспья спашы, въ *Но-
восельѣ* напечатанная.

Называя мѣспоименія *сей* и *онгій* подъя-
ческими загвоздками, какое же имя дадите
вы вешкимъ словамъ *зане*, *воздоенный*, *ради*,
паки, и прочая? Однако самые щеголеватые
(*les puristes*) пѣснопѣвцы наши ихъ употреб-
ляютъ вопреки воплю князя П. И. *Шали-
кова* и покойныхъ князя Григорья *Хованска-
го* и П. И. *Макарова*.

Предспала — и спарець великій смежилъ

Оржпныя очи въ покоѣ;

Почилъ безмяшечно, *зане* совершилъ

Въ предѣлѣ земномъ все земное.

Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,

Что гения черепъ наслѣдье червей!

Бергамскій.

Царь пожиралъ народа! *Зане* надъ презрѣнными царь пы!

Гиппидиъ.

Воспипанъ злобою и *воздоенъ* жоварспвомъ.

В.

Гекспоръ, оспавилъ пы вове Троянскихъ союзниковъ славныхъ!

Храбрые, *ради* тебя, далеко отъ друзей, отъ опчизны,
Души въ бою полагаютъ, а пы защищать не хочешь!

Гиппидиъ.

Что? *аль* не видише вы, что грозилъ вамъ бѣда не минуца.

Ф. Глипка.

Спужъ по деревнѣ и *гукъ.*

Ф. Глипка.

Г. баронъ! соображая вашу ученость, ва-
ши дарованія, многое мнѣжество спашей
вамъ сочиненныхъ, съ пѣмъ, что написали
вы о мѣспоименіяхъ *сей* и *онгій*, я, право,
начинаю думать, что вы издѣваепись, что
вы морочите (*) своихъ чипашелей. Какъ
вамъ не знашь, что нѣтъ ни въ какомъ
языкѣ словъ *никуда негодныхъ*; что каждое
слово хорошо, живописно, выразишельно —

(*) Миспифируете. — *К.*

только употребите его какъ должно, поспавъте на своемъ мѣстѣ.

А. Кораблинскій.

ЗАПИСКА О ЕЖЕДНЕВНОЙ ПРОВИЗИИ,

отпускаемой для одной изъ штатсъ-далъ Катерины Аррагонской, королевы Англійской, леди Люци, женщины весьма погтенной и скромной. ()*

Къ завтраку: филейная часть говядины, хлѣбъ, вѣсомъ въ 4 фунта, пирогъ съ ягодами и 4 бушылки крѣпкаго пива.

Къ обѣду: часть солонины, блюдо ростъ-бифа, нѣсколько соусовъ съ королевскаго стола, 4 фунта хлѣба и 4½ бушылки крѣпкаго пива.

Къ полднику: 1 булка и 2½ бушылки пива.

Къ ужину: блюдо зелени, часть баранины, блюдо пирожнаго съ королевскаго стола, 3 фунта хлѣба и 4½ бушылки крѣпкаго пива.

Послѣ ужина, предъ тѣмъ, когда надобно ей ложиться въ постель: 1 пирогъ, 2 фунта хлѣба и 2½ бушылки вина изъ королевскаго погреба.

РОЖДЕННЫЙ ВИРТУОЗЪ.

Въ Брейтонѣ родился ребенокъ съ чепырью руками; мать заранѣе посвятила его въ виртуозы на фортепьяно. Онъ въ состояннн будеть играть одинъ *Rondeau à quatre mains*.

(*) Въ одной древней Англійской рукописи (*Burton's Chronicle*, напечатанной въ Оксфордѣ, у Томаса *Ней-мла*) нашли мы слѣдующую спашью, которая дашетъ нѣкоторое понятнн о добромъ апшетнн знамннхъ Британскихъ дамъ средняго вѣка. Мы старались перевести оную слово въ слово, дабы сохранить спаринный языкъ тѣлописца, который вѣрно не позволилъ себѣ никакого увеличенн и ни малѣйшей насмѣшки. *Прим. Переводчика.*

СЛОВЕСНОСТЬ.

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ ЗАВТРАКЪ У АВСТРІЙСКАГО ПОСЛАНИКА ВО ФРАНЦІИ.

Въ Понедѣльникъ, 5-го минувшаго Мая, день былъ пасмурный и печальный; около полудни крупный капли дождя начинали предвѣщать близкую бурю, и первый вопросъ, съ которымъ обращались ко мнѣ вездѣ, куда я ни показывался, былъ, можно ли ожидать завтра хорошей погоды? Неумолимый барометръ не обѣщаль ничего утѣшительнаго до чепырехъ часовъ по полудни. Молодые люди ежеминутно прибѣгали къ его указаннямъ; дѣвнцы тѣснились у оконъ, и судя по любовнымъ взорамъ, которыми онѣ смотрѣли на небо, можно было подумать, что онѣ проходятъ курсъ астрологнн.—Кто хопѣлъ быть ласково принятымъ въ домъ, тому сполно только, входя въ гостиную, сказать наудачу нѣсколько утѣшительныхъ словъ, и привѣтливыя улыбки служили ему наградою за надежду, которую подавалъ онъ.

Молодежь обоихъ половъ составила группы, чтобы пропанцовать, для приготвленнн къ балу, какой-бы вы думали танецъ? Вальсъ, конпродансъ, галопадъ, скажение вы?... Ни то, ни другое, ни шретье,—но мазурку! Да! мазурку въ Парижѣ, который *Терпсихора* избрала своимъ любимымъ мѣспопребываннмъ; въ Парижѣ, который тѣкогда заставилъ всю Европу танцовать свои гавоны и минуэты! въ Парижѣ, прежде споль приверженномъ къ своимъ національнымъ танцамъ и такъ упорно проптившемся англеза во Францію! Что дѣлать? Теперь почитается необходимымъ, для убѣжденнн въ томъ, что вы не вовсе лишены вкуса, сходить съ ума отъ мазурки и восхищаться Нѣмецкимъ вальсомъ. Парижскія дамы почли-бы себя опспавшими цѣлымъ вѣкомъ отъ современной образованности, если-бы не успѣли бѣгашъ въ кругу, по примѣру жнтельницъ Вены, или поселнокъ Тирольскихъ, и въ самой строгой почности

подражать приемамъ обипательницъ береговъ Днѣпра и Волги. Это странное превращеніе объясняется многочисленными опношеніями, которыя успановиль между народами духъ завоеваній. Франція посѣтила Москву, Пепербургъ наводиль Парижъ, и нынѣ цѣлая Европа соѣспавляетъ одинъ великій народъ, раздѣляемый только мѣстными границами; впрочемъ, выгоды, обычаи и даже забавы и удовольствія народсвъ принимаютъ нѣкоторый видъ сродства, служащій порукою за прочность ихъ союза и подающій самыя пріятныя надежды въ будущемъ.

Къ щаспію для танцующей молодежи, для охотниковъ до сыпныхъ завтраковъ, для людей любопытныхъ, однимъ словомъ; для всѣхъ, которыя цѣнятъ наслажденія общественной жизни, погода не оправдала грозныхъ предсказаній, и на завтрашнее утро солнце взошло въ полномъ и совершенномъ блескѣ. Съ какимъ неперпнѣемъ спали всѣ ожидавъ погда минутой, назначенной для съезда въ домъ Австрійскаго посольства! Сколько мужества нужно было многимъ, чтобы спокойно дождапсь двухъ часовъ по полудни!—Отборное общество должно было собраться на этомъ танцовальномъ завтракѣ; молодыя красавицы, увѣренныя въ шоржествѣ своемъ, ни сколько не опасались лишиться шуда среди яснаго дня; женщины, нѣсколько увядшія и наученныя опытностію, падылись съ помощью искусства совершенно скрыть болѣе или менѣ замѣпный вредъ, причиненный ихъ прелестнымъ годами; а пожилыя дамы, давно опказавшіяся оиѣ всѣхъ притязаній на красоту, чувствовали себя какъ-бы вновь молодѣющими при мысли о зрѣлищѣ, которое ихъ ожидало; о зрѣлищѣ веселости эпаго пылкаго и рѣзваго юношества, на которомъ сосредоточивалась вся ихъ нѣжпость; о зрѣлищѣ его радости, которое невольпо должно было возбудишь въ нихъ воспоминаніе о пѣхъ щаспавныхъ дняхъ, когда цвѣтучные вѣнки украшали ихъ собственныя головы.

Балъ у Австрійскаго посланника — эпи слова, подавали вѣрную надежду на удоволь-

ствіе. Привѣпливость и любезныя свойства хозяевъ, благородный и ласковый приемъ, какой они оказывають госпамъ своимъ, напередъ ручались въ успѣхѣ ихъ собраній; и потому эпа новость, распроспранившись въ городѣ за нѣсколько дней, возбудила сильную дѣяптельность между содержательницами модныхъ магазиновъ; оиѣ успѣшили запастись лентами, подновить гошовые наряды, и особенно изготовиль множество букетовъ и гирляндъ, пбо въ настоящее время цвѣты болѣе чѣмъ когда либо сдѣлались необходимою принадлежпостью моды, и красота сблизилась съ своею эмблемою.

Легкій вѣперокъ далеко разносилъ звуки музыки; толпы народа, привлеченныя эпою пріятною гармоніею, спояли около дома. Внутренность послѣдняго имѣла восхищительный видъ; галереи, наполненныя танцующими, представляли самое оживленное зрѣлище. Надобно было видѣть, какъ блиспали взоры дѣвиць, какъ улыбались уста ихъ и вздымались груди, какъ сладостное дыханіе ихъ по приподнимало какой-нибудь тонкій покровъ, нѣжную ткать, по играло съ ихъ волнующимися кудрями; все эпо соспавляло упоительную атмосферу любви, юности и щаспія; мудрость самая суровая, человеконенавидѣніе самое безразсудное опказались бы предъ эпимъ зрѣлищемъ: одна отъ своей угрюмой важности, а другое отъ своей упорной ненависти, потому что невинныя удовольствія прогають сердце и дѣлають его доступнымъ для самыхъ нѣжныхъ оцущеній. Старики съ улыбною попирали руки, иностранцы спрашивали: чей эпотъ воздушный станъ, эпа хорошенькая пожка? кто эпа дама съ пламеннымъ взоромъ Испанки, а эпа съ нѣжными голубыми глазами?—Я бы могъ назвать по крайней мѣрѣ припцать красавиць, соперничествовавшихъ въ прелести, свѣжести и изящствѣ наряда; но болѣзнь, что въ эпо ищисленіе можетъ вкраспсья какаля пибудь несправедливая недомолвка, удерживаетъ перо мое.

Въ саду пѣнь алей представляла гуляющимъ пріятную прохладу; вокругъ обшир-

наго дерноваго ковра были разставлены столы; шамъ и сямъ рисовались разныя группы. Здѣсь двое пріятелей, среди искренняго разговора, пожимали другъ другу руки; дальѣ, бѣлыя платья женщины являлись и исчезали сквозь зелень лиспьевъ, подобно призракамъ; самыя дипломаты, забывая свою привычную скрытность, довърчиво бесѣдовали между собою. Иные, стоя на верхнихъ ступеняхъ лѣспницы, любовались этою одушевленною картиною, которая представляла картину живописную и занимательную. Съ сердцемъ, оживленнымъ такою поэзіею, кто бы не позавидовалъ музѣ *Ламартина* или *Виктора Гюго*, лирѣ *Бейрона* или *Манцони*? Если *Наполеонъ* часто воспоминалъ о солнцѣ, освѣщавшемъ дни побѣды его, то графиня *Аппони* безспорно можетъ сказать, говоря о своемъ сельскомъ завпракѣ: «Мое солнце 6-го Мая.» Въ продолженіе этого праздника общая радость отражалась на лицѣ ея; милая простоша, съ какою она исполняла обязанности хозяйки, обворожала каждого. Одна дама, видя, что прекрасный день способствовалъ празднику, который давала графиня, остроумно сказала: «Желанія посланницы такъ уважаются на небѣ, что оно не допустило дурной погоды имъ воспрепятствовать.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Я огнистой мечшой,
Легкокрылой, живой
Надъ небесный эфиръ
И весь видимый міръ
Въ одинъ мигъ облетѣлъ
И ихъ жизнь усмотрѣлъ;
Окружала меня,
Въ переливахъ огня,
Толпа свѣтлыхъ духовъ,
Какъ гряда облаковъ,
Привидѣній нѣмыхъ
И мечтаній моихъ;

И бывшее мое
И грядущее все
Панорамой цѣпной
Развилось предо мной,
Я въ кристальной волнѣ
Упопалъ въ вышнѣ!
И въ существенный кругъ
Я испоргнулъ былъ вдругъ,
И опять предо мной
Все знакомой чредой,
Но мечтою своей
Я летѣлъ въ эмпирей! . . .
И здѣсь все на землѣ
Мнѣ казалось во тьмѣ,
Такъ воспорженный звукъ
Умираешь не вдругъ!

М. Дежидовъ.

Э . . . ЛІИ А ВНѢ П ПОИ.

Талантомъ скуднымъ одаренный,
Землю кришкѣ избѣгалъ;
Святою правдой вдохновенный,
Пишу вамъ скромный мадригалъ;
Желалъ бы я предъ цѣлымъ свѣтомъ,
Прилично высказать о васъ;
Но не удѣлъ мой быть поэтомъ!
Скажу я просто, безъ прикрасъ:
Что умъ вашъ, быспрый и игривый,
Доброта ангельской души,
Характеръ твердый, не кичливый,
Благоворительность въ пиши,
Вполнѣ достойны удивленья!
Къ тому-жь, ващъ кропкій видъ лица,
Есть зеркало души смиренья,
Незримою только для слѣнца.

Павелъ Уваровъ.

Астрахань.
Май 1854 г.

З А Г А Д К А.

Сей шаръ земной для насъ отрада!
Но есть другой шаръ, то близъ ада.
Ж.

Въ No 53-мъ помѣщенная загадка значить: *Masque*.

M O D E S.

En toutes choses il y a des *notabilités*: les premiers en ligne, ceux qui donnent le pas, ceux que l'on suit de plus ou moins loin.

En *modes*, car nous allons en venir là, il existe aussi les maîtres, les chefs reconnus, les maisons que le monde élégant préfère, les maisons que l'on cite comme modèle en ce que l'on choisirait pour guide.

Ces noms, croyez-le bien, sont sacrés parmi les *modes*, on les sait de loin et on les pleure quand on les a perdus; que de femmes regardent comme la plus belle fantaisie, un chapeau d'*Herbault* ou un bonnet de Mlle *Minette*. Ces noms aimés de nos mères et enviés par nous jeunes femmes, qui luttions contre ce désir d'acheter si cher une élégante coiffure, sont toujours jeunes et toujours nouveaux. Aussi quelle fut notre surprise lorsque l'on répétait autour de nous dans le monde que la maison-d'*Herbault* ni lui-même n'existaient plus. *Herbault*, dont la réputation européenne est aussi populaire que si sa marchandise eût été à la portée de tous, conserve toujours sa haute et nombreuse clientèle. De ses magasins de la rue Neuve-Saint-Augustin, *Herbault* dicte toujours ses lois aux magasins secondaires, et propose ses élégans avis aux élégantes jeunes femmes pressées de les suivre.

Au renouvellement de la saison, nous allons dans ce magique atelier chercher la nouveauté dans son bon goût et son luxe beau de simplicité.

Ses bonnets de tulle bouillonné tout garnis de délicates fleurs; ses capotes à coulisses en gaze sylphide, tissu léger, vaporeux et transparent, plairont aux personnes recherchées. Les formes varient selon les visages qu'elles doivent coiffer; il serait difficile de spécifier quelle est la forme obligée, si l'on n'y distinguait une intention déjà connue, mais, nous le répétons, modifiée selon la physionomie, la taille ou la coiffure.

Nous, les interprètes de la mode, nous devons ce tribut de souvenir à l'un de ses plus dignes et de ses plus savans ministres.

М О Д Ы.

Во всемъ есть своя знашность, свое благородство, первые по линии пѣ, которыя идутъ впередъ, пѣ, за которыми слѣдуютъ ближе или далѣе.

Въ модахъ, мы къ нимъ приводимъ, есть также признанные начальники, дома, предпочитаемые щеголеватымъ свѣтомъ, дома, называемые образцами и избираемые пупеводителями.

Эти имена, повѣрьте, священны въ *модахъ*; за ними слѣдуютъ издали и плачутъ о нихъ, когда ихъ потеряютъ; сколько женщинъ, щипающихъ шляпку д'*Herbault* или чепчикъ г-жи *Minette* превосходнымъ нарядомъ. Эти имена, любимыя нашими матерями и возбуждающія зависть насъ молодыхъ женщинъ, которыя спараемся пропить-спашъ желанію заплашить пакъ дорого за щеголеватый уборъ, никогда не соспарьются и всегда будутъ новы. Какъ же велико было наше удивленіе, когда повторяли около насъ въ свѣтъ, что домъ д'*Herbault*, ни оупъ самъ, болѣе не существуютъ. *Herbault*, котораго Европейская слава пакъ общенародна, какъ будто бы его повары могли всѣ покупать, сохраняетъ множество богатыхъ покупателей. Изъ магазина своего въ улицѣ Neuve-Saint-Augustin, *Herbault* издаетъ всегда законы вѣрошепеннымъ магазинамъ, и предлагаетъ своимъ щеголеватые совѣты щеголеватымъ молодымъ дамамъ, поспѣвающимъ ихъ исполнять.

При перемены времени года, мы идемъ въ эти волшебныя работія искать новостей въ еѣ хорошѣмъ вкусѣ и роскоши, прекрасныхъ проспопою.

Его чепчики, тюлевые съ бузами, всѣ опдѣланные пѣжными цвѣтами; капоты на вздержкахъ изъ газа sylphide, легкая шканъ; облачная, прозрачная, понравятся особамъ, желающимъ имѣть что либудъ отличное. Формы измѣняются, соотноуясь съ лицами; трудно было бы означить необходимую форму; если бы шупъ не опличалось извѣстное уже предположеніе, но, повпоряемъ, измѣненное, смотря по физиогноміи, палин и прическъ.

Мы, истолкователи моды, должны были опдать эту справедливость одному изъ достойнѣйшихъ и ученѣйшихъ еѣ министровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 55.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Іюля 11 дня 1854 года.

Я люблю кровавый бой,
Я рождень для службы Царской.
Сабля, водка, конь гусарской!
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой.

Д. Давыдовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ ФИНЛЯНДІИ КЪ БРАТУ
И. Е. ГРЕНУ.

*Простота жизни Финновъ,—деревня Сувенной,—
взглядъ на Выборгъ.*

Была сумрачная и холодная ночь, когда я съ другомъ своимъ бар. Г—ль проѣзжалъ угрюмые лѣса Финляндіи. Уже мы далеко оставили за собою селеніе Линдолово и спѣшили въ Выборгъ, гдѣ намѣревались провести нѣсколько дней. Кибитка наша ѣхала весьма тихо, и вдали, по темнонѣ ночи, мы не могли ничего примѣтить. Съ пасмурною погодою и мы были печальны; каждый думалъ о своемъ. Наконецъ товарищъ мой прервалъ наше молчаніе, спрося раза при рыжого Финна, ямщика нашего: «Далеко ли до первой станціи?»

—*Влѣско, герра!* (сударь) *вирсть шесть*,—опѣвчалъ Финнъ, и съ досады приударилъ лошадей, а замахнувшись, толкнулъ нечаянно спавшаго *Ивана*, нашего деньщика.

«Гей пергалла! что ты взбѣсился?» сказалъ *Иванъ*, проширая глаза: «тебѣ вѣрно хочелся подарка опъ моей солдатской руки.»

Чухонецъ, не разслушавъ или не понявъ словъ его, беззаботно вынулъ прубку изъ кармана, набилъ корешками, ударилъ раза два кремнемъ объ огниво—закурилъ её, и выпуская сизый дымъ изо рта, бормоталъ какую-то пѣсню, изъ которой мы поняли полько частой припѣвъ: *эй му́йста! эй му́йста!* (не знаю, не знаю.)

«Узнаешь, братъ!» сказалъ *Иванъ*: «опъ меня и не вашей братьи доспавалось. Вѣдь я въ двѣнадцатомъ году былъ подъ Бородинымъ.»

—*Кассо вейконъ! туйлта, туйлта*, (посмотри, братъ! огонь, огонь),—закричалъ радостный *Финнъ*, толкнувъ рукою *Ивана*.

«Что такое?... что такое?... что?» кричалъ *Иванъ*, разинувъ ротъ. Мы поже глядѣли во всѣ стороны, но ничего не примѣчали, а Чухонецъ продолжалъ кричать: *туйлта! туйлта!*

Наконецъ мы узнали причину радостнаго крика, примѣшивъ вдали блеснувшій огонь. Онъ по пропадалъ, по опять являлся пзъ-за лѣса, и напоследокъ тамъ открылась небольшая деревня Суеной, гдѣ въ бѣдныхъ хижинахъ свѣщился огонь.

— Не почевашъ ли намъ въ этой деревнюшкѣ?—сказалъ я моему другу: ночь холодная и одиннадцать часовъ, мы можемъ рано на зарѣ выѣхать и рано успѣемъ пріѣхать въ Выборгъ. —

«Да, правда швоя;» сказалъ поварищъ мой, и радостный *Иванъ* кричалъ: почлегъ, почлегъ, въ лучшую корчму. — Мы остановились у одной хижины; Чухонецъ нашъ послушался въ слуховое окошко, изъ котораго показалась курчавая и бѣлая какъ снѣгъ голова. «*Мите те таготе?* (что вамъ надобно?)» проворчалъ онъ похороннымъ голосомъ.

«Опопри воропа,» закричалъ съ неперпѣниемъ *Иванъ*: «или я швою бѣлую голову выдерну на улицу.»

Черезъ нѣсколько времени отворились со скрыпомъ вѣхія воропа, показалась бѣлая голова съ зажженною въ рукахъ лучиною. Мы вѣхали на дворъ, вышли изъ кибитки и, приказавъ нашему *Ивану* принести корзину съ кушаньемъ, отправились за провожатымъ въ избу.

Два старика сѣли у печки, курили трубки и безопасно разговаривали между собою. Чухонка среднихъ лѣтъ качала въ привѣшенной къ жерди люлькѣ дитя и пѣла заунывную пѣсню. Два мальчика, лѣтъ по десяти, спали на разостланной соломѣ. На желѣзной поставкѣ горѣла лучина и отбрасывала слабый свѣтъ свой по избѣ. Вопшь что представилось при входѣ въ хижину.

«*Люве ильта!* (добрый вечеръ!)» сказалъ другъ мой; при семь словъ два старика почтительно встали, отвѣстствуя: *юмаландака герра* (покорнѣйше благодаримъ, сударь). Чухонка кивнула головою, и опять водворилась прежняя щастливая пишина.

Вошелъ *Иванъ*, шаца на спинѣ корзину съ дорожными запасами; вошелъ и рыжій

ямщикъ нашъ, поклонился, спалъ у печки и, казалось, чего-то ожидалъ. Я догадался, вынулъ изъ кошелька гривенникъ и отдалъ ему. Благодарность за благодарностью, и слову *юмаландака* не было бы конца, когда бы не *Иванъ* нашъ: онъ долго глядѣлъ на Финна, и вдругъ, какъ бы опомнясь со сна — схватилъ его подъ руки и съ словомъ: прощай *вейконъ!* (братъ!) вытолкнулъ за двери.

Мы смѣялись и разговаривали; но ударило 12 часовъ и время напомнило намъ, что пора спать. Закусивъ на скорую руку — мы приказали принести пукъ соломы, и разосплавъ оную, бросились спѣхаться на полу. Подражая намъ — и другіе улеглись, гдѣ попало.

Было два часа ночи; когда я проснулся, въ избѣ было душно; въ углу на лавкѣ храпѣлъ нашъ *Иванъ*, два старика спали на печкѣ, бѣлая голова съ подругою лежалъ на постелѣ, два мальчика и мы на полу. Я вспаль, опшеръ слуховое окошко и былъ прохладенъ легкимъ дуновениемъ полночнаго вѣтра.

Погода перемѣнилась: вмѣсто холодной и сумрачной настала теплая и ясная; блѣдая луна озаряла слабымъ свѣтомъ печальныя окрестности Суеной; всюду царствовало молчаніе, лишь изрѣдка прерываемое журчаніемъ тихаго ручья.

— Какъ прелестна дикая природа Финляндіи! — сказалъ я, озираясь во всѣ стороны.

«Пріятнѣе спать!» сказалъ другъ мой, протирая глаза, и снова заснулъ.

Долго я сѣдѣлъ облокотясь на окно — разсматривая видъ Суеной, и признаюсь, милой братъ, я вздохнулъ — и слезы покапались по лицу. Я вспомнилъ свою родину, гдѣ проводилъ золотые годы въ щастливой безпечности; вспомнилъ минувшее, когда гулялъ по долинамъ веселой Малоросіи. Но все прошло, — я далеко на сѣверѣ, — въ спранѣ, прославленной поэтами.

Въ чепыре часа я легъ, и прелестный сонъ оживотворилъ картину пылкаго моего воображенія, перенесши меня въ волшебный край и въ щастливые годы.

Въ семь часовъ утра выѣхала съ шумомъ клубика наша изъ деревни Сувеноя. Лихая тройка удалыхъ коней мчалась во всю скачь, и дикія картины Финляндіи мелькали одиѣ за другими. Пріятно путешествовать по незнаемымъ мѣстамъ, видѣть иную природу, иные нравы и обычаи; но пріятнѣе жить въ землѣ опцовъ своихъ, видѣть все знакомое, обнимать все родное.

Мы лепѣли; быстро измѣнялись предметы за предметами; мелькали села, деревеньки — и мы не видали, какъ подѣхали къ Выборгу. Въ двухъ верстахъ отъ города, на лѣвой сторонѣ отъ большой дороги, видно кладбище, осыпанное березами. Видъ печальный! Оно напоминаетъ кратковременную жизнь нашу, жизнь, проведенную въ горестяхъ: ибо я думаю, что никто не можетъ назваться истинно щастливымъ. Вся жизнь наша есть ни что иное, какъ бурливый океанъ.

Не надолго все, что мило!

Жизнь для щастья коротка! —

Но грустить о томъ, что было,

Сердцу сладкая пюска.

А. Ротгеъ. ()*

Мы любопытствовали видѣть надгробные камни, скрывающіе подъ хладною землею пѣла усопшихъ; встали съ повозки и пошли со священнымъ трепетомъ къ симъ мѣстамъ. Здѣсь видѣли по простой крестъ, освящавшій могилу мирнаго Финна, по богатый обелискъ знатнаго человека; здѣсь могила добраго дѣда нашего, *И. И. Грена*, бывшаго гражданскаго губернатора Выборгской губерніи. При эптомъ я невольно вспомнилъ прекрасные стихи *Н. М. Карамзина*:

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной,

Вспры тамъ вѣюпъ, сплщимъ прохладно;

Травки, цвѣточки распулъ.

Побродивъ по кладбищу и погрустивъ, мы ояпъ помчались. Природа, одѣвшись зеленымъ покровомъ, улыбалась вокругъ насъ. Столѣтнія сосны и пихія ели наводили дпкое безмолвіе на окржностии. Тутъ по-

шли возвышенныя мѣста, и надъ пропащями нависли вѣковые камни.

Мы выѣхали въ форштадтъ города; — маленькіе и низенькіе домики мелькали вокругъ насъ. Мы спрашивали, гдѣ бы намъ пристать? Всякой просилъ постыпиться его маленькое жилище, и всѣ съ добродушною радостію смотрѣли на путешественниковъ.

Наконецъ мы пріѣхали въ пракпиръ, въ которомъ, назадъ тому двадцать лѣтъ, поселился Швейцарецъ *сигоръ Мотете*. Онъ содержитъ его, и пріѣзжающій не долженъ опасаться, что здѣсь ничего не найдетъ: здѣсь все есть, какъ и въ другихъ большихъ городахъ.

Нѣсколько чисто убранныхъ комнатъ находятся во всей гопвноспи къ услугамъ путешественниковъ. По двѣ успели въ комнату — своею привлекательною чистотою маняпъ всякаго къ отдохновенію. Комната, опведенная намъ, была изъ лучшихъ; утварь ее составляли: шесть кресель, два спюла и диванъ. Нѣсколько картинъ довольно хорошей работы висѣло на стѣнѣ. На одномъ спюлѣ лежали *С. Петербургскія Вѣдомости*, *Сѣверная Пчела* и *Русскій Инвалидъ*. А на другомъ спюлѣ — лежала обернутая въ чистую бумагу на *Чухонскомъ языкѣ Библия*, любимое занятіе Финна въ праздничное время. Чухонцы всегда носятъ съ собою Священное Писаніе, и послѣ работы, въ часы отдыха и досуга, читаютъ его, и находятъ въ немъ все свое утѣшеніе въ жизни.

Въ два часа по полудни мы пошли прогуляться по городу, взявъ съ собою добраго и веселаго поручика *Е. А. Пенцелюса*, который зналъ всѣ лучшія мѣста въ городѣ. Выходя изъ воротъ, мы встрѣчали вездѣ довольно хорошо построенные домики, улицы весьма чистыя и для прогулокъ пріятныя. Постыпивъ крѣпость, старинное сооруженіе Шведовъ, которое въ иныхъ мѣстахъ обветшало, мы опправились къ *Красному* колодцу. Сей колодезь находится на *Петербургской* сторонѣ и на возвышенномъ мѣстѣ. Здѣсь прежде въ праздничные дни молодые обыватели города, обоого пола, со-

(*) Что сіи стихи точно сочинены г. *Ротгеъмъ*, не, въ томъ свидѣтельствую, *А. Г.*

бирались играть въ разныя игры и подъ волынку плясали извѣстный въ Финляндіи проспонародный панецъ: *англійска* (Русской бычекъ). Недалеко отъ колодца сдѣланы скамьи для прохладенія и отдыха прохожихъ. Съвѣ здѣсь, можно обозрѣть все окрестности Выборга. На лѣво видны снѣющія воды Финскаго залива; на немъ мелькающъ, какъ ласпочки, Фипскія суда съ бѣлыми парусами. На право — вдали виднѣтъ плацъ прошиву Грекороссійской Соборной церкви Св. Преображенія Господня, гдѣ въ лѣтнее время бываетъ парадъ Финскихъ войскъ. Въ окружности вездѣ видны разсыянные домки, изъ трубъ коихъ вьется къ облакамъ дымъ по голубому небу. Какое пріятное зрѣлище для всякаго, кто любитъ видѣть милую природу въ простотѣ ея.

Мы долго здѣсь наслаждались сею карпшиною; но время напомнило намъ, что пора возвратиться въ пракарпирь. — Ударило девять часовъ и, немного отдохнувъ, другъ мой бар. Г — *кз* вышелъ въ общую залу играть въ боспонъ съ собравшимися тамъ офицерами Нейшлотскаго Егерскаго полка; а я въ это время сълзъ за споль и написалъ сіе письмо. Прощайте!

А. Гренъ.

Выборгъ,
25-го Августа 1833.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ж Е Л А Н І Е.

Хотѣлъ бы я разлѣться въ мѣрь;
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ печь,
Звѣздою въ сумрачномъ эфирѣ
Ночной свѣшпильникъ свой зажечь.
Хотѣлъ бы зыбію спеклянной
Играть въ бездоиной глубинѣ,
Или лучемъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.
Хотѣлъ бы съ тучами скипашья,
Туманомъ виписья вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ въспромъ разыграшья
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
Жить ласпочкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,

Или надъ дикими скалами
Носиться дерзоспнымъ орломъ,
Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Проспранство неба обтекать!

А. Хомяковъ.

Э Л Е Г І Я.

Прими послѣднее прощанье.
Ахъ! я не выскажу всего: я знаю самъ,
Что силы чувствъ придашь словамъ
Нельзя; но пусть мое молчанье
Доскажетъ то, что я забуду досказатъ.

Съ тѣхъ поръ, когда шобой я осужденъ спрадашь,
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ въ удѣль назначено забвенье—
Мученье, страшное мученье,
Меня, какъ смерть, какъ судъ по смерти пягопимъ!
Я долженъ сердце все излить передъ шобойю...
Я долженъ говорить... я ничего не скрою...
О! слушай: прежній швой любовникъ говоритъ
Въ послѣдній разъ—и навсегда молчанье!...

Какъ? ты снесешь послѣднее прощанье?
Ты можешь?... Слушай же: есть уголокъ въ саду,
Гдѣ часто мы одни ходили;
Есть... спрашныя слова... а мы ихъ говорили;
Есть ложе то, гдѣ, помнишь, ты въ бреду,
Въ болѣзни, чуть дыша, о мнѣ припоминала...
Есть... да, онъ у меня... швой локонъ; а кольцо,
Которое, когда ты опадала...
О, если-бъ ты могла шеперь свое лицо
Увидѣть въ томъ огнѣ!... увидишь!... Ты сказала,
Что-бъ все вины швой, я все перещипалъ;
Что-бъ, если есть онъ, назначилъ наказанья—
Какъ?... о винахъ?... о казни?... въ часъ прощанья?...
Не въ силахъ я!..! Прощай! прощай!... Я досказалъ:
Жду смерти—жди воспоминанья!...

Н. Ставловъ.

LOGOGRIPHE.

Avec mon coeur, je trahis ma parole;
Et sans mon coeur, de moi, la coquette raffole.

Въ № 54-мъ, помѣщенная загадка значить: *Шарада.*

К Р И Т И К А.

Письмо въ Иркутскъ о новомъ романѣ
нѣ Н. И. Греча: *Черная женщина*.

Хвалишь, вѣдь право не грѣшно,
Что кажется намъ хорошо.

(На годось: *слыжаться право и пр.*)

Въ бытность вашу въ Пепербургъ конечно вы много слышали о новомъ романѣ, сочиненіемъ котораго занимался тогда нашъ почтеннѣйшій *Николай Ивановичъ*, а можетъ быть даже слышали и опривки, чипанные авторомъ въ дружескомъ кругу доброй молодежи, собирающейся у него въ его прекрасномъ домѣ на Мойкѣ по Четвергамъ. Не думаю, чпобы занятія, по званію чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, могли заставить васъ забыть и Четверги и вашихъ Пиперскихъ пріятелей, и до-Уральскую жизнь, и до-Уральскую литературу, но тяжелая почта еще не доставила вамъ *Черной женщины*, только чпо вышедшей на свѣтъ Божій изъ *Греговой* типографіи, куда она перешла прямымъ путемъ изъ *Грегева* же поршфеля, завернувъ погоспитъ на Васильевскомъ острову у цензора В. И. *Семёнова*, искренно всѣми нами любимаго и уважаемаго. *Черная женщина* новинка и въ Пепербургѣ, гдѣ еще она не сдѣлалась видимою для всѣхъ и для всякаго чрезъ посредство абонимента въ библіопекѣ для чпенія А. Ф. *Смирдина*, который, какъ извѣстно, пріобрѣлъ рукопись и издалъ на свое иждивеніе. *Черная женщина* составляетъ разговоръ той Пепербургской части публики, которая вкривъ или вкось, да умѣетъ толковать о литературѣ, а эпаго полку много прибываетъ, особенно съ появленія *Новосельевъ и Библиотеки для чтенія*, гдѣ *фантастическія* спашья правятся этимъ господамъ и господамъ, которыя ихъ не понимаютъ, или понимаютъ по своему и радуются пому, за чпо косится и образованный умъ и спыдливый вкусъ и чувство нравственное; но Богъ съ ними! Пусть ихъ себѣ объѣдаются

эпою *шинкованною чепухою* (*). Въ часъ добрый! — Всѣ эти господа и госпожи судятъ и рдятъ по своему и съ свойственною имъ рѣшительностью всякое произведеніе таланпа, ума, души, произведеніе, ознаменованное вкусомъ, чувствомъ изящнаго, хорошимъ пономъ, умѣшительною философіею, религіозностью. *Черная женщина* болѣе, нежели многія другія вновь вышедшія книги, подверглась ихъ полкамъ, ихъ рѣзкимъ сужденіямъ, ихъ громкой критикѣ, будучи совершенно антиподнымъ явленіемъ передъ пѣми особаго рода новыми твореніями, въ которыхъ можно на перекоръ вкусу и языку найши рассказы о томъ, чпо я въ письмѣ своемъ повпоряпъ не рѣшаюсь, но, чпо однако повторено въ No 19, 20 и 21 *Телескопа* въ спашь *Здравый смыслъ и баронъ Браубеусъ*, спашь дѣльной, правдивой, смѣлой, но не выходящей изъ предѣловъ благоприличія, за которую спасибо г. профессору *Надеждину*. (См. въ особенности стр. 330 и 331 No 23-го *Телескопа*). Но вопъ, чпо значитъ писатъ въ Иркутскѣ: начнешъ говорить о новой книгѣ, а разговорись не вѣсть о чемъ. И такъ, опять о *Черной женщинѣ*: о ней съ похвалою отзываются всѣ порядочные люди. За то, сказать правду, ей, ей, мнѣ кажется, чпо сколько пріятно, столько же и несносно издатъ хорошій романъ въ родѣ того, какимъ подарилъ публику авторъ *Попядки въ Германію*; пріятно слышатъ признательность образованной части публики, и несносно знаютъ, чпо васъ не понимаютъ при четверти читателей, хотя вы и очень ясно пишете о испинахъ высокихъ, чистыхъ, тогда, какъ сіи читатели съ такою жадностію пресыщаются упомянутою *шинкованною чепухою*. Та-та и бѣда, чпо вы пишете ясно, чпо рассказъ вашъ плѣнитель простотою, чпо языкъ вашъ есть примѣръ изящной плавности, чпо тихая небесная религія пріосвѣляетъ изливающийся изъ пера вашего спроки, чпо душа опдыхаетъ чипая ихъ, чпо вы наспроиваете насъ къ чему-то невыразимо-пріятному, чпо люди, не любяще

(*) Новоселье, ч. 11, стр. 179.

ни блохъ на ногахъ мандариншъ, ни похотливыхъ персей, ни ужасовъ капоржнаго дома, ни палачей, ни дымящихся кровью скальпелей, ни распадающихся опъ плѣннй труповъ, ни вистлицъ, ни распущенныхъ пварей, ни . . . ни словомъ ничего такого, что составляетъ декоративныя украшенія пвореній такъ называемой Французской *salon*, — будупъ всегда читапъ и перечипыватъ васъ нѣсколько разъ сряду. Если вы опъ кого либо услышите, что романъ *Грега: Черная жепцина*, нкуда не годенъ: то знайте, что это говоритъ или личное неудовольствіе, или вкусъ, находящій много пріятнаго, лакомаго въ оптическихъ обманахъ чиспой нравственности. Какихъ не слышался я мнѣній о *Черной жепцине*: одни увѣряютъ, что это не романъ, а косморамическая движущаяся галерея разныхъ оживленныхъ картинъ (и это мнѣніе еспъ одно изъ справедливейшихъ); другіе гнѣваются, зачѣмъ нѣтъ запутанно-перепутанной интриги; по мнѣнію шретьихъ, характеры не довольно сильны, хотя по истинѣ почти всѣ обрисованы съ необыкновеннымъ искусствомъ; иные находятъ, что въ немъ все старое; но дай Богъ, чтобы наши повые мыслители держались эпаго стараго образа мыслей, не заподозрѣвая совѣсть, сію единственную пупеводительницу посреди заблужденій и обмановъ, обуревающихъ наше земное странствование (*). Еспъ даже такіе прихотливые люди, которые пребуютъ, чтобы въ романъ *Грега* было какъ можно менѣе честныхъ иностранцевъ и чтобы вмѣсто добродѣтельнаго Италіанца *Алиари* вышелъ на сцену какой либо странствующій магистръ Геттингенскаго или Енскаго университета. Мы слышали сужденія и такихъ хипрецовъ, которымъ хочется, чтобы *Грегъ* обидеаллъ болѣе своихъ добродѣтельныхъ женщинъ, между тѣмъ, какъ другіе умники упрекаютъ ихъ въ романизмъ и неестественности, словомъ, о хорошемъ произведеніи, брошенномъ въ эпу муравьиною яму, именуемую публикою, слышешь предосад-

ныя замѣчанія, изъ которыхъ два, при прощепта дѣльныхъ. Вамъ любопытно знать содержаніе *Грегова* романа? Извольте, разскажу какъ умѣю. — Князь Алексій Федоровичъ *Кемскій*, герой романа, имѣлъ нещастіе въ дѣлствѣ лишиться матери и брата малютки, который пропалъ безвѣсти во время Пугачовщины. — Отець князя вступилъ въ другой бракъ, будучи уже старъ, съ вдовою, имѣвшею дочь *Алевтину*, которой, новая княгиня, старалась присвоить родовое имѣніе *Кемскихъ*, заснавивъ слабого и престарѣлаго князя *Федора* сдѣлать завѣщательный актъ въ пользу падчерицы, тѣмъ самымъ жестоко обидѣвъ сына, котораго почтенная матица всѣми мѣрами старалась усунуть опъ отца, имѣвшаго слабость незадолго передъ смертію написать своею рукою актъ въ пользу *Алевтины*; но совѣсть, ускорившая смерть, помѣшала ему вполне исполнить это гнусное дѣло. Старикъ умеръ, князь *Алексій* владѣетъ своимъ имѣніемъ, оставляя оное, по добротѣ своей въ распоряженіи матици. *Алевтина*, власполюбивая, прекрасной наружности, лицемѣрная, злая женщина, игравши нѣкоторое время роль Разборчивой певѣсты *Крылова*, наконецъ выходитъ за мужъ за шестидесятилѣтняго генераль-лейтенанта и Александровскаго кавалера — *Алимова*, который женился на ней по расчету, думая, что все соснопіе князя *Кемскаго* принадлежитъ *Алевтинѣ Михайловнѣ*, — и какъ старый воинъ, малознакомый съ пронырствами, не понималъ онъ, почему пѣща его не хочетъ показатъ ему документовъ, вводящихъ дочь во владѣніе всѣми деревнями покойнаго князя. Однако же старый Екапериинскій генераль, привыкшій взламывать спѣны непріятельскихъ крѣпостей, не уперѣлъ и однажды взламываетъ комодъ, находипъ несовершенный актъ, поднимаетъ страшный шумъ; но барыни унимаютъ его, говоря, что они живутъ доходами *Кемскаго*, для котораго немного нужно, служа по арміи, и что чрезъ открытіе эпой тайны они всѣ принуждены будупъ жить иначе. *Алимовъ* все еще хочетъ открыть преступленіе князю, но приходитъ извѣстіе о

(*) Телескопъ, No 23, 1834 года.

полученныхъ на биржу усприцахъ, и гнѣвъ стараго гаспронома разлетѣлся: Боже мой! безъ большихъ денегъ можно ли наслаждаться хорошимъ столомъ, свѣжими усприцами? Потому и усприцы, и Спразбургскій пирогъ, и Англійское пиво, и Шампанское запушили въ немъ мигомъ проявленіе всякаго порядочнаго чувства. А развѣ мало на свѣтѣ *Эмилиовыхъ*? — *Эмиловъ* принялъ въ домъ безроднаго сиротку Серёжу *Ветлина*, котораго очень покровительствуетъ князь, можетъ быть по собственному спропсыву, а можетъ спаться, и это вѣрояннѣе, потому что *Серёжу* любитъ гувернантка дѣшея генеральши *Эмиловой*, *Наталья Павловна*, отлична умная и образованная дѣвица, въ которую страстно влюбленъ князь, что ею замѣчено и отъ чего она дѣлается къ нему лядною, по наружности. Спросите, почему? — О! это, признаюсь, чрезвычайно высокая добродѣтель, являющаяся только въ романахъ: *Наталья*, не можетъ явно любить человека, котораго богатъ и знатенъ, а она дочь бѣднаго медика, г. *Павленки*. Она скрываетъ свои чувства, она погребаетъ ихъ въ душѣ своей, и скоро ей представляется случай еще болѣе охолодиться, не смотря на любовь свою: *Алевтина Михайловна* съ мапушкою своею всячески спараются, по смерти *Эмилова*, захватить въ свои сѣти *Келскаго*. Между тѣмъ *Алевтина* выходитъ за мужъ за адъютанта покойнаго мужа своего фонъ-*Драка*, потому что онъ зналъ важную тайну и былъ миролюбивый воинъ на полѣ брани, но храбрый воишель на бумагѣ, при помощи какого-то приказнаго *Тряпицына*, ябѣдническими плутиями подвигавшаго на поприщѣ поставокъ и крючкотворства все далѣе и далѣе впередъ своего почтеннаго патрона, начавшаго презрѣдненько жить да поживать съ помощію чеспныхъ совѣтцовъ *Тряпицына*. *Алевтина*, дабы лучше достигъ до своего предпріятія, завоевать *Келскаго*, рѣшилась выписать изъ Москвы сенпименпальную кухню *Татьяну*, и ну присватывать её къ сводному брату, котораго и смотрѣть не хотѣлъ на чуелу, носившую печать нестерпимаго провин-

ціальства. Употребленъ хитрый маневръ: подъ благовиднымъ предлогомъ удаленъ отъ *Алексыя* вѣрный камердинеръ его, данъ ему другой, чрезъ посредство котораго мы поставлены въ пріятную возможность знать все, что дѣлается, что чувствуетъ, что думаетъ, что хочетъ, что говоритъ князь *Алексій*, имѣвшій сильную склонность къ чудесному, къ магнетизму, къ предсказаніямъ и къ видѣніямъ, рассказы о коихъ онъ всегда слушалъ съ жадностію. Будучи ребенкомъ, онъ во время чумы въ Москвѣ печально былъ пораженъ видомъ бросившейся изъ окна женщины въ черной одеждѣ на груди зараженныхъ пруповъ. Съ тѣхъ поръ *Черная женщина* поселилась въ его воображеніи и являлась, какъ онъ справедливо замѣчалъ, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ его жизни; прелестная, ангельская фізіономія *Черной женщины* была ему памятна; онъ искалъ облика и, наконецъ, нашелъ въ Божественныхъ чертахъ милой *Наташи*, которую однако, замѣтите чрезвычайную слабость его характера, начинаетъ мало по малу оставлять, для того, чтобы восхищаться *Татьяною*, которая говорила словами его записокъ, спраивчала какъ онъ, сенпименпальничала, вѣрила видѣніямъ, восхищалась магнетизмомъ и была, казалось, второй онъ. Однажды князь *Келскій* сдѣлался болѣнъ; его перевезли въ домъ *Алевтины*, которая къ нему прислала человека съ полдюжины медиковъ въ звѣздахъ; всѣ они давали больному лекарства по своему, но и эти на ночь прекращались, хопя ночью тайкомъ *Наташа*, страстно любившая князя и вводила къ нему своего опца-медика, котораго лекарства также не надолго могли помочь — князь умеръ.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

M O D E S.

Les robes unies ont pour ainsi dire disparu en entier. Les robes blanches sont rares, celles d'étoffes de soie deviennent hors de saison, il ne reste donc que les mousselines imprimées et les mousselines de laine, les foulards et les jaconas. A quelques pas ces

deux dernières se confondent, il faut bien savoir les plis de l'une ou de l'autre pour distinguer le tissu de soie et celui de coton. Les ramages très confus ou plutôt les pluies de fleurs, ont cette année l'énorme prérogative d'être en même temps bien portés dans le monde élégant et dans la société plus simple et moins désireuse, de modes nouvelles. Rien n'est plus riche qu'une mousseline de laine des magasins *Gagelin*, imprimée avec une grande perfection de dessin; sur un fond noir une pluie de roses, des pavots, des lilas et des feuillages se mêlent avec légèreté sans symétrie. Des jaconas fond gris, à fleurs anguleuses, bleues, vertes, cerises et tiges noires. Cette année, du reste, les dessins n'ont pas un genre très-spécial, car nous voyons aussi bien habillée la femme couverte de fleurs difformes par leur grandeur, et celle que font à peine remarquer les petits dessins linéaires qui s'impriment sur toute espèce d'étoffes.

A l'appui de ceci nous citerons quelques exemples des magasins de M. *Narey*, rue de Grammont. Les *foulards fontange*, à colonnes torsées, séparées par un bouquet, est broché et imite parfaitement les étoffes anciennes en offrant néanmoins la nouveauté qui rappelle les soirées de nos jours. Parmi ces foulards fontange de toutes nuances, nous avons distingué celui destiné aux demi-deuils, fond gris, à dessins imprimés en plusieurs gris et noirs.

Le *foulard fleurette*, très-petits dessins sans apparence, petites fleurs marron, vertes et lilas sur fond blanc.

Une très-jolie *mousseline japonaise* est couleur peau anglaise à bouquets de roses.

Pour la campagne ses percales de deux couleurs ont un cachet de distinction dans leur négligé, les dessins ne sont pas très-grands, mais bien faits. M. *Narey* peut les offrir malgré leur finesse pour le prix de 2 fr. 25 c., à 2 fr. 50 c.

Pl. No 21. Robe en robe de soie brodé ornée de rubans.—Voile de tulle illusion.

М О Д Ы.

Одноцвѣтныя плащя совершенно почти исчезли. Бѣлыя плащя рѣдко видны; изъ шелковыхъ тканей не приличны по времени года; остаются

только печатныя кисей, шелковыя кисей, жаконеты и фулары. Въ нѣсколькихъ шагахъ эпитхъ послѣднихъ никакъ нельзя различать, надобно весьма швердо знать шѣ и другія складки, чшобъ отличить шелковую ткань отъ бумажной. Смѣшанныя разводы, или лучше сказать, дожди цвѣтновъ, имѣють преимущество нынѣшній годъ быть въ большомъ употребленіи въ щеголеватомъ свѣтѣ, и въ обществахъ, гдѣ одеваются простѣе и менѣе желаютъ новыхъ модъ. Ничего нѣтъ богатѣе шерстяной кисей, изъ магазина *Gagelin*, напечатанной съ большимъ совершенствомъ въ узорѣ, по черному грунту. Дождь изъ розъ, мака, сирени и листьевъ, перемѣшанныхъ съ легкостью безъ симетріи. Жаконеты по сѣрому грунту, угловатыя цвѣты, голубые, зеленые, алые и черныя сѣбли. Впрочемъ, нынѣшній годъ узоры не имѣють опредѣленнаго рода, потому что мы видимъ дамъ также прилично одѣтыхъ съ безобразными цвѣтами по ихъ величинѣ, какъ и шѣхъ, у которыхъ едва замѣтны мелныя полосатыя узоры, печатающіеся на всякаго рода матеріяхъ.

Въ подтвержденіе эшаго мы расскажем нѣсколько примѣровъ. Изъ магазина г-на *Narey*, фулары *fontange*, съ перевитыми колоннами, раздѣленными букетами, заплата совершенно на подобіе спаринныхъ матерій, представляя однако новостъ, напоминающую вечера нашего времени. Между эпитми фуларами *fontange*, всякихъ цвѣтовъ, мы замѣтили одинъ полу-шраурной, по сѣрому грунту печатныя узоры разныхъ сѣрыхъ цвѣтовъ и черного.

Фуларъ *fleurette*, весьма мелкіе, не видныя узоры, маленькіе каштановые цвѣточки, зеленые съ лиловымъ по бѣлому грунту.

Весьма красивая Японская кисей, цвѣта Англійской кожи, съ букетами изъ розъ.

Для деревни двухцвѣтныя перкали его имѣють отпечатокъ отличія; узоры не очень велики, но хорошо составлены. Г-нъ *Narey* можетъ продавать ихъ, не смотря на ихъ шопину, отъ 2 франковъ 25 су, до 2 франковъ 50 су.

Карт. No 21. Плащя en robe de soie, вышитое и отдѣланное лентами. Вуаль изъ шюля illusion.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 56.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 14 дня, 1854 года.

О вещахъ такихъ есть споры,
Каковыхъ въ природѣ нѣтъ,
И за то ученыхъ ссоры
Вѣрно слышалъ часто свѣтъ.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА. *Собраніе статей въ стихахъ и прозѣ, книжка 1-я. Харьковъ. 1833. Съ портретомъ Григорія Сковороды и виньеткою.*

Издатель сего сборника статей различнаго достоинства г. *Петровъ* увѣдомляетъ: «что хотя онъ и предполагалъ издать только одну книжку, но въ послѣдствіи въ необходимости нашелся, не возвышая цѣны, объявленной при подпискѣ, издать *два*».— За это и мы, и всѣ подписчики скажутъ г. издателю Русское: *спасибо!* потому, что 1-я книжка *Утренней звѣзды* издана отличнo хорошо; печать, бумага, виньетка, изображающая Харьковскій университетъ, присутственныя мѣста, Лопатскій мостъ и мелочныя лавки, даже порплетъ Украинскаго философа *Григорія Сковороды*—могли бы быть украшеніемъ любого сполчнаго альманаха. Все это мы говоримъ о наружномъ; что же касается до внутренняго достоинства сей 1-й книжки: то изъ *шести* прозаическихъ статей намъ понравились *четыре*: Недобрый глазъ—соч. *Байскаго*; Недосозданіе — соч. по-

койнаго *О. М. Солова*; Опрывки изъ записокъ о старцѣ *Григоріи Сковородѣ*, Украинскомъ философѣ—соч. *С. р. з. к. го*; Бредитъ—соч. *С*****. Послѣднія изъ четырехъ упомянутыхъ нами прозаическихъ статей въ особенности достойна примѣчанія по своей оригинальности и глубинѣ мыслей. Скромный сочинитель ея, подписавшійся буквою *С*****, сдѣлалъ драгоценный вкладъ въ сборникъ г. *Петрова*, который безъ его статьи попенуль бы можетъ быть въ Лептѣ отъ излишняго балласта стихотвореній г. *Иноземцова* и самаго издателя г. *Петрова*. Стихотворенія перваго длинны, длинны, очень длинны, и потому мы оставляемъ ихъ въ покоѣ; стихотворенія же г. *Петрова* грузны, грузны, грузны, но коротки, и потому мы выписываемъ одно изъ нихъ *утихи ради* вашей почтенныя читатели, оно именуется:

МОГУЩЕСТВО КРАСОТЫ.

(Подражаніе Арабскому).

Въ немъ есть то, чего-бъ нехитрому уму не выдумать и въкъ; на пр:

Щекъ твоихъ горячихъ пламя
 Въ первыхъ утреннихъ лучахъ
 Словно вьющее знамя (?)
 Заблестало вдругъ въ очахъ. (!!)

Розы, мирры присмирѣли,
 Видя прелести твои;
 Звучно въ гестъ твою востыли
 Сладкопѣцы соловьи.

И воспорженъ, очарованъ,
 Бѣдный плѣнникъ твой, у ногъ,
 Незбѣжной спраспью скованъ,
 Испустилъ послѣдній вздохъ! (!!!)

Туда ему и дорога! А по неравно бы
 вздумалъ и онъ воспѣвать свою красавицу,
 коея прелести заблестали вдругъ въ очахъ! —
 Шутки въ сторону, г. Петровъ! Гдѣ шутъ
 не шокмо Арабская, но хоть какая нибудь
 поэзія? Въ наше время только немногіе
 присвоиваютъ себѣ право писать спшишки,
 подобные слѣдующимъ:

Н о ч ь.

Пріятство новое душа моя вкушаетъ; (!).
 И новую красу мой взоръ прельщенный зреть;
 Природа вокругъ меня вся тихо засыпаетъ;
 Лишь роща вътьяли зеленая шумитъ.

Вопь вамъ и Ногъ! Чудеса върѣшетъ, да
 и только. Какъ бы по ни было, мы про-
 симъ г. Петрова обратимъ особое вниманіе
 на выборъ спатей во 2-й книжкѣ Утренней
 звѣзды: пѣмъ болѣе, что она исключитель-
 но предназначена для спатей, писанныхъ
 по-Малороссійски и о Малороссіи, въ про-
 пивномъ случаѣ мы снова выскажемъ ему
 Русскую правду-мапку объ его сборникѣ.

Л.

ПРОДАЖНЫЯ ТЯЖБЫ.

Въ Нью-Йоркской газетѣ было напеча-
 тано слѣдующее объявленіе: 8-го Мая будутъ
 продаваться съ аукціона 31 плямба, прина-
 длежащая одному извѣстному спряпчему,
 которій оставляетъ свое званіе. Въ концѣ
 объявленія припечатано: пляжуціяся спо-
 роны богаты и очень упрямы!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МІРЬ ФАНТАЗІИ.

Тамъ нѣгою вѣешь вокругъ въперокъ,
 Тамъ шепчется съ берегомъ сребристой попокъ,
 Тамъ свѣтомъ волшебнымъ денница горипъ,
 Тамъ все наслаждаешься природой манишь.

Тамъ златомъ препенечетъ лимонъ на вѣпвяхъ,
 Тамъ спелются классы въ цвѣтущихъ поляхъ,
 И жизнью дышишь памъ гроздь молодой,
 И персикъ спыдливой плѣняетъ красой.

Тамъ вѣчное упрое, безоблачный день,
 Тамъ длинныя годы мелькають какъ пѣнь,
 Тамъ вѣчность ничпожна, памъ времени нѣтъ.
 Въ сей міръ вдохновенный спремился поэтъ.

ПѢТУХЪ, СОБАКА И ЛИСИЦА (*).

(Изъ Езона).

Басня.

Собака да Пѣтухъ пуспились какъ-то въ пупь;
 Дѣнь цѣлый шли, и подъ вечеръ успали;

Такъ чшобы отдохнушь,

Искашь получше мѣста спали.

«Послушай-ка, Барбось, мой другъ,»

Собака такъ сказалъ Пѣтухъ:

«Вѣдь мы нашли чего искали.»

—Какъ пакъ?—залаая пѣсь въ опвѣпъ:

—Нашли ночлегъ? Да гдѣжь, мой свѣпъ?—

«Вопъ видишь дубъ на лѣво, недалѣко,

«Такой развѣспный, высокой,

«Съ большимъ дупломъ?»»

—Ну, вижу!—«Ты ложись въ дуплѣ: оно широко.»

—Въ дуплѣ?—«Да въ немъ.»

—А пы?—«Я на суку расположуся.»

—Да не случилось бы чего!...

Я за тебя боюся.—

«Не бойся ничего.

«Въ бѣдѣ я позову тебя.» Вопъ согласились,
 И на ночлегъ расположились.

(*) Изъ стихотвореній Николая Линдфорса, которыя не-
 давно напечатаны.

Съ дороги, говоряшь,
Ужасно крѣпко спяшь.
Такъ нечому дивисься,
Что нашъ Пѣтухъ какъ разъ уснулъ;
Да и Барбось едва успѣлъ расположиться,
Лишь разъ, другой зѣвнулъ,
Да и всхрапнулъ.
Ужъ полночь. Нашъ Пѣтухъ имѣлъ обыкновенье
Въ часъ эпопѣи начинашь
Свой крикъ, или, какъ онъ изволимъ величать,
Свое пѣвническое пѣнье.
Вотъ на суку Пѣтухъ привспалъ
И крыльями немного помахалъ;
Поймомъ шакъ громко пѣть пустился,
Что крикомъ огласился
Окрестный лѣсъ.
Лисица эпопѣи крикъ незнапно услышала.
«Вотъ прямо даръ небесъ!»
Въ восторгѣ про себя сказала:
«Ну видано-ль когда,
«Чтобъ пѣтухи ходили къ намъ сюда?
«Чѣмъ бѣгашъ до села шрудиться,
«Пойду-ка эпою добычей поживишься.»
Вотъ къ дубу подошла и, шевеля хвостомъ,
Рѣчь завела Лиса-плушковка съ Пѣтухомъ:
«Опъ многихъ я слыхала,
«Что мило ты поешь;
«Ужъ вѣрно въ пѣнѣи уроки ты даешь...
«Такъ попросишь шебя, голубчикъ, прибѣжала:
«Сойди и поучи меня.»
— Ахъ! кумушка любезная моя, —
Пѣтухъ ей ошвѣчалъ: подагрой боленъ я.
Приди ко мнѣ на верхъ; шупъ лѣспшица прямая,
Не шакъ чшобы крушая...
Скажи приврашнику, чшобы опперъ дверь. —
«Приврашникъ! говорилъ, спучася, хипрый звѣрь,
«Эй опопри!» Лиса едва договорила,
Какъ изъ дупла собака прыгъ,
И въ мигъ
Плушовку задавила.

О М О Н И М Ъ.

Пряду и шку, полю и жну,
И сѣно подгребаю,
Дѣшей рожаю,

А иногда пашу и бороню;
Жельзнымъ кулакомъ вбиваю
Сваю!

Въ No 55-мъ, помѣщенный логогрифъ значить:
Belles, méfiez vous des sermens d'un *Parjure*.
La beauté s'embellit d'une riche *Parure*.

К Р И Т И К А.

Письмо въ Иркутскъ о новомъ романѣ
Н. И. Греча: *Черная женщина*.

(*Окончаніе.*)

Князь въ гробу; но въ гробу, по предсказанію какой-то ворожеи, онъ долженъ былъ найсти щастіе, и почто: князь умеръ не вполнѣ, а былъ въ сильномъ обморокѣ, въ продолженіи котораго узналъ изъ разговоровъ, имъ слышанныхъ, все коварство сестры своей, всю ничтожность *Татьяны*, всѣ превосходныя качества *Наташи*, изъвившей любовь свою не однимъ только слезами, которыми обливала его. Князь опамитовался, вышелъ изъ гроба съ обновленными силами, щастливъ, доволенъ, разсорился съ *Алевтиною*, женился на *Наташѣ*, и началась эра веселья и благополучія; но вдругъ, въ тотъ день, когда *Наташа* объявляетъ мужу о своей беременности, князь *Кемскому* вѣднѣю явился въ Гамбурго, гдѣ онъ получаетъ секретное порученіе къ *Суворову* въ Испанію и лепишь съ фельдъегеремъ, успѣвъ послать лишь записочку къ женѣ. — Надобно вамъ сказать, чшо князь за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, еще въ первой части романа, встрѣтился съ однимъ иностранцемъ, по имени *Алиари*, который, по спрашн къ наукамъ и искусствамъ, путешествоуетъ изъ мѣста въ мѣсто: по посѣщаетъ болота Кареліи, по гуляетъ по великолѣпнымъ стогнамъ древняго Рима, по съ прискорбіемъ видишь смѣшенія въ Парижѣ, по съ береговъ Темзы смотришь на лѣсъ мачтъ, красующійся на морѣ, по въ праурныхъ залахъ Зимняго Дворца прощается съ хладными останками *Екатерины великой*, по живеть въ Ниццѣ, по на Выборгской сторонѣ, гдѣ въ концѣ романа и

умираетъ близъ могилъ опца и мапери, жившихъ при *Петръ I* въ Россіи. Эпопѣ *Алилари* есть какъ бы таинственнае лицо; но впрочемъ, всѣ дѣйствія его, будучи близко разсмотрѣны, являюся простыми, естественными, сообразными съ ходомъ обстоятельствъ, въ немъ нѣтъ ничего папишуаго, ничего слишкомъ страннаго, кромѣ его чрезвычайнаго месмеризма, кромѣ его страсти къ видѣніямъ; но — это болѣе всего сближаетъ его съ *Келскимъ*, который въ бытность свою въ Петербургѣ, сошелся еще дружески съ однимъ почтеннымъ художникомъ Андреемъ Федоровичемъ *Берилловымъ*, весьма искуснымъ живописцемъ и очень добрымъ и честнымъ малымъ, отдавшимся, какъ и всѣ артисты, во власть своего слуги и старой ключницы *Родионовны*. *Алилари* есть какъ бы олицетворенная сверхъестественность въ глазахъ *Келскаго*, и потому онъ къ нему спремился всѣмъ порывомъ пылкой души своей; къ *Бериллову* же влечетъ князь, кромѣ истинной любви его къ независимости паланца, еще какое-то невыразимое чувство, въ которомъ онъ не умѣетъ дать себѣ отчета. Скажу вамъ, что передъ отъѣздомъ *Келскаго* въ Италію, *Наталя* успѣла примирить мужа своего съ *Алевтиною*. Я спрашиваю у васъ: естественно ли это? — Князь вездѣ является человекомъ слабохарактернымъ, добрымъ до малодушія, верпящимся, какъ флюгеръ, обстоятельствамъ, характеръ его довольно естественъ: такихъ людей, какъ онъ, довольно, но подавать руку примиренія женщинѣ, которая желаетъ нашей смерти, нашего несчастія, смерти и несчастія всего того, что намъ драгоценно, дабы завладѣть нашимъ богатствомъ, — не женщинѣ, а дьяволу во плоти, — это уже не слабость, это... глупость. Вотъ важная ошибка въ семъ романѣ, по моему и многихъ другихъ мнѣнію ошибка досадная, тѣмъ еще важнѣйшая, что чрезъ это *Наташа* много проигрываетъ въ глазахъ читателя, называющаго её просто дурочкой, которая, хорошо зная *Алевтину*, снова бросаетъ въ логовище пигрицы свое настоящее и будущее счастье. Власть ваша, *Николай Ивановичъ*, а это пересолено, пере-

хипрено, и потому самому обнаруживаетъ подмоскки, на коихъ держится все зданіе: явно, что это произошло по волѣ романиста, для того, чтобы продолжать романъ, чтобы зачухать завязку, чтобы оспальные два съ половиною тома шли своимъ чередомъ и — шли, правда — живо, плавно, легко, до того легко, что прочитавъ въ концѣ слово — конецъ, невольно воскринешь: зачѣмъ такъ рано! — И такъ, *Келскій* ленивъ въ Италію; дорогою ломается его коляска, и путь является *Алилари*, который, принимая участіе въ князѣ, говоритъ ему: «Вы будете въ бою, вамъ будетъ угрожать опасность и тогда прочтите слова на этой бумажкѣ.» — Бумажка сія припана въ портфель вмѣстѣ съ портретомъ *Наташи*. Коляска полетѣла; но подвигъ нелюбопытству *Келскаго*: бумажка съ словами дана ему человекомъ необыкновеннымъ, человекомъ вполне имъ уважаемымъ, человекомъ, мнѣнія котораго о чудесномъ тѣсно совпадаютъ съ его мнѣніями о семъ предметѣ, и что же? — Онъ её не прочитываетъ. Едва можно повѣривъ такой неспешности. — Это странно, которую многіе пропускаютъ, но я, восхищающійся этимъ романомъ, пропустилъ не долженъ, я, сотрудникъ *Съверной Шелы* и *Сына Отечества*, я, котораго иначе упрекнуть добрые люди въ приспращіи, а вы сами знаете приспращенъ ли я. — *Келскій* въ арміи; *Суворовъ* получилъ мнѣштво рекомендабельныхъ писемъ объ немъ изъ Петербурга, писемъ, написанныхъ по внушенію *Алевтины*, писемъ, въ которыхъ просили фельдмаршала беречь молодаго человека, зная, что въ такомъ случаѣ будетъ сдѣлано прощивное. *Келскій* въ сраженіи, раненъ и, упавъ, хочетъ взглянуть на портретъ жены: записочка *Алилари* выпадаетъ, онъ въ безпамятствѣ читаетъ слова на ней начертанныя, и... диво! оружіе приложено долу, *Келскій* военноплѣнный, но съ нимъ обходятся оплично: все это сдѣлала всемогущая записочка *Алилари*, который зная, что Французская армія полна Масоновъ, написалъ Масонскій лозунгъ, котля весьма могло бы случиться, что офицеръ,

услышавшій эти слова и не былъ бы членомъ этого общества. *Келскій* живетъ въ Ниццѣ, какъ военнопленннй, и ему нечаянно попадаетъ письмо, писанное къ кому-то по-Русски, письмо ужасное. Жена его, узнавъ о мнимои смерти его, умерла отъ родовъ, преждевременно, младенца, который послѣдовалъ за матерью въ могилу. Отчаяннй, горестъ, бѣдствіе! — *Келскій* не хочетъ возвратиться въ Петербургъ, ѣдетъ въ Грецію, ищетъ смерти въ бояхъ съ Горцами, дѣлается спрашенъ симъ хищнымъ дикаремъ, драгоцѣненъ своимъ, начальствуеетъ какъ отецъ вѣрннмъ ему полкомъ, водитъ его къ побѣдамъ, дѣлаетъ чудеса храбрости, попадаетъ въ плѣнъ къ Чеченцамъ чрезъ измѣну одного офицера, родомъ Италіанца, воплощеннаго злодѣя, которому онъ вѣрился, и который опоилъ молодого офицера, бывшаго на передовомъ посту. Молодой офицеръ отданъ подъ судъ, *Келскій* освобожденъ, выходитъ въ отставку, ѣдетъ въ Петербургъ, чптобы какъ нибудь спасти несчастнаго юношу. Прїездъ его въ Петербургъ чрезъ столько лѣтъ, встрѣча на Невскомъ проспектѣ съ молодыми *Эммиловыми*, которые сдѣлались повѣсамъ, недаями, посѣщеніе имъ Петербургскихъ гостиныхъ и кабинетовъ, прелестъ: я ни въ одномъ Французскомъ писателѣ не нашелъ ничего лучше, — это жизнь, это краски природы, это сама природа. *Алевтина* завлѣла имѣніемъ князя, полагаясь на извѣстіе, полученное изъ Закавказья, будто онъ умеръ. Имѣніе его пришло въ упадокъ, а нашъ князь все продолжаетъ посѣщать гнусную *Алевтину Михайловну*, мужъ которой сдѣлался — превосходительнымъ глупцомъ изъ глупцовъ высокородныхъ. Дѣла слишкомъ добраго князя идутъ хуже и хуже, не смотря на помощь, оказываемую ему другомъ его *Вышатынскимъ*, добрымъ его однокашникомъ, сдѣлавшимся также превосходительнымъ и важнымъ человекомъ. Князь поселяется на Выборгской сторонѣ вмѣстѣ съ артистомъ *Берилловымъ*, къ которому привязывается какъ къ родному брату. Семейства *фонъ-Драковыхъ* и *Эммиловыхъ* осыпаютъ почтеннаго князя презрѣніемъ, а

онъ все совѣспнтся и молчитъ, между тѣмъ, какъ могъ бы просить правительству и исхитить изъ рукъ злодѣевъ свое имѣніе, которымъ могъ бы помогать тѣмъ, кто любилъ его истинно, дѣлать тѣму добра и тѣмъ услаждать себя, щасливли людей во имя безцѣнной *Наташи*, которая погибла споль бѣдственно, споль ужасно, споль безвѣспно. Эта слабость, чптобъ не сказать глупость *Келскаго*, также досадна, очень, очень досадна, и надобно имѣть всю полноту, всю мощъ таланта *Грега*, чптобы заставилъ *Келскаго* быть сколько нибудь занимательнымъ. *Келскій*, живучи въ Петербургѣ, встрѣчается съ тѣмъ *Серѣжсей Ветлинскимъ*, который былъ взятъ *Эммиловымъ*, котораго по смерти *Наташи* взяли *фонъ-Драковы*, опдали въ Морской Кадетскій корпусъ, откуда онъ выпущенъ мичманомъ. Теперь онъ лейтенантъ, бываетъ часно у *Келскаго* и, наконецъ, даже опдаеетъ ему шепрадку, — подъ названіемъ: *Жизнь сироты*, написанную такъ, чпто будъ я преподаватель Россійской словесности, по непрѣнно поставилъ бы нипомцамъ моимъ спатью эту въ примѣръ превосходнѣйшаго повѣствовательнаго слога, и полагаю, чпто всѣ Гг. преподаватели со мною въ семъ случаѣ будутъ согласны. — *Ветлингъ* литераторъ — Европейскій! — Изъ этой пепради явствуетъ, чпто нашъ лейтенантъ влюбленъ въ прелестную *Надежду Бериллову*, дочь артиста *Берилова*, который говоритъ о ней осиперегаеется, вѣролпно, но извѣспнымъ ему причинамъ, уважаемымъ *Келскимъ*, котораго поразилъ однако поририетъ *Надиньки*, находящійся у *Берилова*, поририетъ необыкновенно похожій на его *Наташу* и попому уже для него прїятный. Младшій сынъ баронессы *Алевтины Михайловны фонъ-Дракъ*, *Платонъ Эммиловъ*, Иезуитъ, лицемѣръ и злодѣй, хочетъ посадить князя въ домъ сумасшедшихъ, на чпто ему конечно даеетъ поводъ неумѣренна доброта князя. *Фонъ-Дракъ* въ это время разбуженъ совѣспью, хочетъ иппни все опкрыиъ *Алексью Оедоровичу*, но *Алексій Оедоровичъ* его предупреждаеетъ своимъ прїездомъ; начинаеется опкрыиіе за опкрыиіемъ: дальшнее завладѣ-

ніе имѣиетъ, опнесенный въ Воспитательный домъ, но не умершій, младенецъ, дочь *Наташина*, копорая дѣйствительно исчезла и по видимому упошила, а малюпка спасена спарою бабою, крѣпоспною *Алевтины*, какъ вы думаете, за какое вознагражденіе?— За два-съ рубли-съ, хопя бы серебромъ-съ, а по мѣдью-съ, просто мѣдью-съ: это ужь слишкомъ дѣшево, и хопя я не существовалъ въ 1801 году, но все таки думаю, что и тогда подобный поступокъ заплаченъ былъ бы подороже, и тогда курсъ на свѣспъ былъ выше двухъ рублей!!! *Вышатины* вмѣшиваются въ это дѣло, — и хорошо; а не по бы *Кемскій* рѣшително ничего не сдѣлалъ бы, вѣря крокодилымъ слезамъ гнусной *Алевтины*, какъ ребенокъ; *Вышатины* заставляють г-жу *фонъ-Драка* вознаградишь *Кемскаго*, возвраишь ему спокойніе, и вопъ *Кемскій* снова богатъ. *Берилловъ* на смерпномъ одрѣ рассказываетъ, какъ онъ нашель дѣвочку, копорую принялъ къ себѣ въ видѣ дочери, и копорая была подкинута на его дрожки. Его рассказъ совершенно сходенъ съ рассказомъ вышеупомянутой спарушонки, копорой поручено было за 2 р. опнести въ Воспитательный домъ *Надежду*, копорую у *Берилова* взяла графиня *Лезгинова*, живущая въ Ревелѣ, воспитала отлично и увѣдомила *Берилова* о смерпи ея. Завѣса поднята, — это дочь *Кемскаго*, копорый не полетѣлъ самъ однако въ Ревель, а написалъ письмо къ графинѣ *Лезгиновой*, готовая и самъ ѣхать за дочерью, предупредившею его и пріѣхавшею въ Петербургъ. По смерпи *Берилова* открываютъ пакетъ запечатанный, пролежавшій нѣсколько десятковъ лѣтъ у безпечнаго арписпа, и оказывається, что *Берилловъ* былъ родной братъ князя *Кемскаго*, пропавшій въ Пугачовщину и что онъ спасъ опъ смерпи свою племянницу. И послѣ того мнѣ скажутъ, что въ романѣ *Грега* нѣтъ драмы!... Въ это время было кончено дѣло молодого офицера, о копоромъ хлопоталъ князь *Кемскій*: онъ оправданъ. Щастіе снова улыбулось доброму *Кемскому*, копорый однако опъ преслѣдованій *Алевтины* и ея семейства уѣхалъ въ Москву,

гдѣ въ одномъ изъ монастырей, въ числѣ бѣлицъ, *Надежда* нашла мать свою, не бросившуюся въ воду, а ушедшую изъ столицы въ цароксизмъ горячки и водворившуюся (безъ пашпорта) въ одной изъ Курскихъ обипелей. Потомъ *Надежда* вышла за мужъ за *Ветлина*—и конецъ роману. Теперь знаете ли, кто была *Черная женщина*, споль дивно являвшаяся *Кемскому* въ чертахъ жены его? — Это... это... я не скажу вамъ, чтобъ не разрушить вашего очарованія, потому, что это явленіе естественное, какъ нельзя естественнѣе и ничего не имѣетъ въ себѣ чрезвычайнаго и несбыточнаго. Изъ этого рассказа, копорый также блѣденъ въ сравненіи съ романомъ, какъ говоря свойспеннымъ мнѣ мануфактурнымъ языкомъ, блѣдны, въ сравненіи съ превосходными орденскими лентами *Серебренникова*, пѣ Московскія орденскія ленты, копорыя, помните ли, красовались на печкѣ, съ карниза до пола; въ одной изъ залъ мануфактурной выставки 1833 года? *Грегевъ* романъ, преисполненный пихой, упѣшительной философіи, дѣлающей его достойнымъ того, чтобы красоваться въ избранныхъ родительскою рукою книгохранилищахъ юности, — блестящъ юморомъ, оспрымъ, пріятнымъ, не запальчивымъ, не бранчивымъ, не наглымъ и не грязнымъ, какъ это нынѣ у многихъ въ модѣ. Романъ сей кто по довольно справедливо наименовалъ прекрасною косморамическою залою, гдѣ въ каждомъ окошечкѣ являється картина, привлекающая ваше любопытство, картина умная, мыслящая, нравспенная, не взирая на силу свѣта или пѣней, картина одухопворенная множеспвомъ любопытныхъ дѣйствователей, копорыхъ порпремены — прелестъ, сама натура. Мнѣ кажется, что я всѣхъ ихъ знаю. Вотъ госпиная мачихи *Кемскаго*, пріемная *фонъ-Драка*, самъ *фонъ-Драка*, его правитель дѣлъ *Трапицыны*, госпиная превосходительной *Алевтины*, ея споловая, ея сыновья, ея дочь, влюбленная въ Датскую собаку и въ рыжаго конюха Британца *Горса*, наспоющаго Ньюмаркетскаго первокласнаго скопа рыжей маспи, съ куцымъ хвостомъ, съ копытами, копо-

рый ржетъ какъ на скачкѣ; Петербургъ 1816 года, Италія, Суворовъ, Французы, Русскіе войны, *Петръ великій*, *Наполеонъ*, Кавказъ, (Уздней можно было бы очерпнуть поживѣе, взявъ красокъ съ палитуры *Марлинскаго*), морская жизнь и моряки наши, Гапсаль, Эспляндія, Москва, монастыри, игуменья, монахини, звонъ колоколовъ,— Боже мой, какъ все эпо живо, мило, плѣнительно, сладко. А *Берилловъ*? — Характеръ безпечнаго артиста списанъ съ напуры, и ничего не упущено въ малѣйшихъ изгибахъ нравственной его физиономіи; а лицемѣрный Іезуитъ *Воложковъ*, который непрерывно молился и грѣшныя уста коего шепчуть имя Христово, между тѣмъ какъ полпа прачекъ, дѣти которыхъ зовутъ его папенькой, имѣя мнимыхъ пятенекъ въ мужьяхъ эпитихъ же прачекъ; а *Лютинскъ*, его превосходительство, верхомъ на которомъ ѣздилъ его супруга *Агавоклея Степановна*; а отвращительный крючкотворецъ *Лемешовъ*, лупъ какъ живой, и ужъ не носилъ печати пошл привіальной поддѣльности, копрою размалеживаетъ г. *Булгаринъ* своихъ приказныхъ нашего времени: *Лемешовъ*, изображенный Н. И. *Грегель*, богатъ собственными своими, родимыми красками; ему не нужно заимствованности. — Говоритъ ли о языкѣ? — Я уже довольно сказалъ, и предоспаваю другимъ выкапывать не въспъ что въ слогъ, оспріемъ своего педантизма и грубаго пюризма. Я, еслибъ и хотѣлъ, по не могъ бы, ибо по, что иные ошибками *Грега*, не могутъ называться именуящъ ошибками мною, который обязанъ ему тѣмъ, что въ состояніи владѣть опечественнымъ языкомъ, хорошо ли, худо, а такъ, какъ владѣю. Здѣсь, въ журналѣ, который конечно нельзя упрекнуть въ кумовствѣ съ журналами Н. И. *Грега*, я излагаю чистосердечное, искреннее, свободное, и можетъ быть, во многомъ ошибочное мнѣніе о романѣ его, который еще ни кѣмъ подробно не разобранъ, хотя вполне достоинъ того, чтобы въ Московскомъ *Телескопѣ* написали дѣльный разборъ, а не придирчивую криптику. О *Черной женщины* рецензентъ со вкусомъ напишетъ статью, полезную, настави-

тельную для молодыхъ писателей, проникнутую духомъ Европейской криптики. Я же ограничиваюсь опчетомъ моихъ чувствованій.

В. Б—въ.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Въ Іюнь 1834-го года вышли въ свѣтъ въ С. Петербургѣ слѣдующія книги:

- 1) Рѣчь, произнесенная при торжественномъ открытіи въ городѣ Фатевѣ приходскаго училища 7 Января 1834.
- 2) Черная женщина, романъ Н. *Грега*, 4 части.
- 3) Пещатная Софія, или пиприги въ подземельи Флорентинскаго аббатства, часть вторая.
- 4) Записки г. *Бурьяна*, государственнаго министра, о Наполеонѣ и пр., часть 3-я.
- 5) Livre pour apprendre à bien l'ere.
- 6) Описание нѣсколькихъ новыхъ видовъ окаменѣлостей, соч. *Куторги*.
- 7) Сказка о славномъ и храбромъ богатырѣ Бовѣ Королевичѣ.
- 8) Басни Ивана *Крылова*, въ 8 книгахъ, новое издание, вновь исправленное и умноженное.
- 9) Сочиненія *Державина*, часть четвертая.
- 10) Ермакъ, или покореніе Сибири, историческій романъ XVI столѣтія, соч. П. *Свингина*, 4 части.
- 11) Руководство къ дѣланію различныхъ салныхъ свѣчей, сосп. Химикомъ *Маббу*.
- 12) Продолженіе Всеобщей Исторіи, соч. И. *Ертова*, часть 14-я.
- 13) О Сагахъ въ отношеніи къ Русской Исторіи или вообще о древней Руси.
- 14) Поэтъ, фантазія въ трехъ сценахъ *Т-м-ф-а*.
- 15) Регентство Бирона, повѣсть, соч. Константина *Масальскаго*, 2 части.
- 16) Прогулка въ каретѣ.
- 17) Карта Россійской Исторіи, составленная М. *Духовскимъ*.
- 18) Метода Жакопо, изложенная для родителей и наставниковъ, изд. Егоромъ *Гуселемъ*.
- 19) Основанія Начертательной Геометріи, Я. А. *Севастьянова*.

М O D E S.

Nous devons dire quelque chose de ses écharpes en mousseline de soie brodée à petits bouquets dans le plain; petite torsade pour bordures. Les plus remar-

quables sont vapenr et noir, bleu de ciel et blanc ou bleu de ciel et noir; ce genre extrêmement simple est d'un goût parfait.

Les châles en foulard brochés et imprimés avec un dessin qui laisse voir le broché, tout en le faisant ressortir, à rosaces et coins, paraissent dans les promenades comme accessoires d'une élégante toilette; ils doivent avoir au moins six quarts pour draper largement.

Narey a une ravissante collection de cravates en foulard anglais croisé, désignées par cravates écossaises. Pour les hommes on choisit les nuances foncées, violet, bronze, vert-myrtle. Pour les femmes il y a aussi les couleurs tendres fraîches et brillantes.

Les chapeaux d'enfant que nous devons le plus appuyer sont ceux en paille anglaise ou paillassons; pour les petites filles les formes demi-élevées, ou tout-à-fait renversées à l'anglaise, doublées en gros de Naples blanc, avec un simple ruban croisé autour de la forme, qui vient par de longues brides nouer en rosette au-dessus de la tête. Les chapeaux paillassons peuvent être doublés en blanc ou paille, avec un ruban écossais.

Les capotes blanches sont toujours de mode et celles en batiste écru.

Pour les petits garçons ce sont des formes rondes, bordées d'un ruban à cheval, blanc, paille ou vert, avec un nœud à la Colin sur le côté, quelquefois la passe ronde est doublée tout autour, en taffetas pareil aux rubans.

Les très-petits enfans que l'on porte sur le bras, portent des capotes à conlisses ou des capotes de paille souple, sans calottes détachées, très-peu avancées en dehors du front. Il est très-bien de leur mettre un long voile de gaze qui les préserve du hâle et de la poussière.

La *pâte axérasine* est une composition pour la toilette, qui répond aux pâtes liquidés, aux savons odorans, aux farines d'amandes et réunit leurs avantages. Elle adoucit et rafraîchit la peau, la blanchit sans inconvénient et répand une odeur agréable. Nous devons cette pâte éprouvée par de longues années à M. *Bazin*, parfumeur, rue du faubourg Saint-Denis.

М О Д Ы.

Мы должны сказать нечто о шарфах г-на *Narey*, изъ шелковой кисен, вышитыхъ по всему мелки-

ми букешами; узкой вышокъ вмѣсто каймы. Самые замѣчательные цвѣта vapenr съ чернымъ, небесно-голубой съ бѣлымъ или небесно-голубой съ чернымъ; эшопъ родъ шарфовъ весьма простъ и отличнаго вкуса.

Фуларовые плашки, зашканные и печатные узоромъ, который не закрываетъ зашканнаго, а выказываетъ его, съ кругами и углами, видны на прогулкахъ какъ принадлежность щеголеватаго наряда; они должны быть по крайней мѣрѣ, шобъ прикрывать широко.

У *Narey* прелестное собраніе галстуконъ изъ кипорнаго Англійскаго фулара, подъ названіемъ Шотландскихъ галстуконъ. Для мужчинъ выбираютъ темные цвѣта, фиолетовый, бронзовый, зеленый мирповый. Для дамъ есть также нѣжные цвѣта яркіе и блестящіе.

Дѣтскія шляпки, на которыя мы больше должны указать, изъ Англійской соломы или *paillassons*. Для маленькихъ дѣвочекъ полувысокія тулпы, или совсѣмъ опрокинутыя назадъ, на Англійскій манеръ, подложенныя бѣлымъ гроденаплемъ, просто съ лентою на перекрестіи около тулпы; длинныя завязки завязываются бантомъ наверху. Шляпки *paillassons* могутъ быть подложены бѣлымъ или соломеннымъ, съ Шотландскою лентою.

Капоты бѣлые и изъ суроваго баписста все въ употребленіи.

Для мальчиковъ круглыя шляпки, обложены лентою, бѣлою, соломенною или зеленою, съ бантомъ на боку à la Colin, иногда кружое поле подложено шарпою, подъ цвѣтъ лентамъ.

Для самыхъ маленькихъ дѣшей, которыхъ носить на рукахъ, дѣлаютъ шляпки на вздержкахъ или изъ мягкой соломки, безъ отдѣльной тулпы, весьма короткія отъ лба. Очень хорошо надевать имъ газовый вуаль, который предохраняетъ отъ пыли и загара.

Тѣсто *axérasine*, составъ для туалета, соопвѣтствующій жидкимъ мыламъ, душистымъ мыламъ, миндальной мукѣ и соединяетъ всѣ ихъ достоинства. Оно смягчаетъ и освѣжаетъ кожу, бѣлитъ еѣ незамѣтно и оставляетъ пріятный запахъ. Мы обязаны за это тѣсто, испытанное многими годами, г-ну *Bazin*, parfumeur, въ улицѣ предмѣстья Saint-Denis.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 57.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
85 рублей.

СРЕДА, Іюля 18 дня 1854 года.

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ и не спору;
Да къ моему ты горю,
Пуши не знаешь къ морю.

Батюшковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. СКАНДИНАВСКІЯ САГИ.

На свѣтѣ иногда довольно, чтобы ктонибудь
сказать, не улыбаясь, вопіющую несообразность,
и многіе зѣло смѣшленные мужи спанушъ пе-
ресказывать её за историческую истину.

Сенковский.

Подъ симъ заглавіемъ напечатана снать
въ первой книжкѣ *Библиотеки для чтенія.*

Её написалъ профессоръ Осипъ Ивановичъ
Сенковский, желая позабавиться надъ анти-
кваріями, которые усохли, разбирая полу-
испиченные червями пергаменты; подраз-
нишъ педаншвъ, которые перерывая могиль-
ный прахъ въ архивахъ,

То кавыки сосерцають,

То обнюхивая гниль,

Духу розъ предпочитають,

То смѣшають съ книжкѣ пыль,

И, въ воспоргѣ восклицая,

Набивають ею рошъ:

«Соръ Славянскій, пыль родная!

«Слаще ты, чѣмъ мѣдъ и сопъ!»

Оспроумный авторъ сей снати, весель-
чакъ-мыслишель, принявъ степенный видъ, на-
дѣвъ на голову Шнанскій парикъ, съ пришвор-

ною важностью написалъ сію широковшца-
пельную снать, въ которой (съ умыслу)
нагромоздилъ ложь на лжи, несообразность
сочесалъ бракомъ съ нелѣпицею, одинъ пара-
доксъ посадилъ на закорпки къ другому пара-
доксу, писнулъ—и, поставя сію мышеловку
лукаво усмѣхаясь, ожидалъ, кого перваго онъ
ею прихлопнетъ.

Исполненный юмору Ѡадей Венедикто-
вичъ *Булгаринъ*, первый понялъ шутку. И
мудрено ли? Опъ самъ сапирическій писа-
тель, онъ самъ подарилъ намъ правописа-
тельнаго Ивана Ивановича *Выжигина*. Онъ
еще въ 1829-мъ году насмѣшилъ насъ забав-
ною снатею, въ которой (съ умыслу,
ради шутки) въ жаркой прокламаціи (жаръ-
по былъ припворный) увѣрялъ, что *Исто-
рія Государства Россійскаго въ подлѣтки не го-
дится къ Исторіи Русскаго народа и что По-
левой зашкнѣтъ за поясъ Карамзина*. И ны-
нѣ г. *Булгаринъ* поддержалъ миспификацію
г. *Сенковского*, продолжилъ шутку, — и еще
глубже заманилъ въ просакъ нашихъ Спа-
рообрядцевъ, почитателей (никогда не су-
ществовавшего) *Нестора*, обожателей *Ка-
рамзина*. Какъ же онъ достигъ этого? Про-

сно. Онъ помѣспилъ въ *Съверной Пгелъ* похвалу спашья о *Сагахъ*. Сія похвала (Eloge) споль любопытна, чпо мы выпи- сываемъ её слово въ слово: «Въ самомъ важ- номъ опдѣленіи первой книжки *Библиотеки для чтенія*, посвященномъ наукамъ и худо- жеспвамъ,» сказалъ въ ней г. *Булгаринъ*: «пер- вая спашья еспъ *Скандинавскія Саги*. Эта спашья должна сдѣлать переворотъ въ ис- торіи Русской и въ исторической крипи- къ. Давно уже извѣспно, чпо Русской ис- торіи невозможно ни постигнутъ, ни воз- дѣлать, не зная Восточныхъ языковъ, всѣхъ языковъ Славянскаго корня, особенно Поль- скаго и Богемскаго, и языковъ Съверныхъ: Исландскаго и Шведскаго. Сочинитель сей спашьи,» продолжаетъ г. *Булгаринъ*: «О. И. *Сенковскій*, кромѣ древнихъ языковъ, знаетъ язки Восточные, Славянскіе, почти всѣ Европейскіе, и чипаептъ древнія Исландскія *Саги* такъ легко, какъ будто онъ были пи- саны по-Русски. Любимые предметы его за- нятій опъ юности были филологія и испор- ія. Посмотрите, какіе огромные результа- ты вывелъ онъ изъ Исландской *Саги*! Какъ понятно говоритъ онъ о древней нашей исторіи и съ какой высокой точки зрѣнія смотритъ онъ на историческую крипику! Спашья сія можетъ возбудить сомнѣнія, потому, чпо онъ ниспровергаетъ историче- скія повѣрья, но эта спашья *вселирная* будетъ переведена на всѣ языки. Все въ ней ново, оригинально, умно, ясно, все связано логикой и извлечено изъ логики. Если О. И. *Сенковскій* пойдетъ далѣе цупемъ историче- ской крипики, то займетъ одно изъ пер- выхъ мѣспъ въ Европѣ, эпо безспорно. Не- возможно имѣтъ болѣе учености, основан- ной на здравомъ разсудкѣ, а эти два каче- ства рѣдко сходящся вмѣспъ.» (*Свъ. Пгела*, No 300, 1833 года.)

По самому пону сего панигирика, какъ бы, кажется, не догадаешься, чпо г. *Булга- ринъ* пѣшитъ надъ легковѣріемъ своихъ чипашелей, и чпо сочиненіе профессора *Сенковскаго* о *Сагахъ* еспъ тоже, чпо пропо- вѣдъ оспроумнаго *Свифта* о *Метлѣ*? Случи- лось, однакоже, чпо наши археологи цопа- лись какъ сомы въ вершу!!! Они приняли

её за Неспорохульство, за Карамзиношп- спво, надѣли лапы изъ карпузной бумаги и, какъ новые *Донъ-Кишоты*, какъ рыцари *Пегальнаго образа*, выѣхали сражаться съ въ- пренными мѣльницами. Первый явился въ Телескопъ на шурниръ какой-то неподпи- савшій своего прозвища Москвичъ съ пше- лымъ грузомъ заплесневѣлыхъ шексповъ и прокислыхъ выписокъ.

Воля ваша, а мнѣ весьма смѣшно показа- лось, чпо эпошъ господинъ сердился, не нашедъ пущъ ни огромныхъ результатовъ, ни учености, ни ученаго крипика, ни но- ваго. Да за чѣмъ же онъ искалъ ихъ въ за- пѣйливой спашейкѣ, написанной для заба- вы? Ну, спалъ ли бы какой либо профес- соръ серьёзно выдавать лживую *Іоакимову* лѣпопись за испинную? Вишь всякому и малограмотному извѣспно, чпо Новгород- скій Архіепископъ *Іоакимъ* прибылъ изъ Корсуна въ Россію съ *Владиміромъ* уже въ спарости, чпо въ печеній почти осьми вѣковъ никто не видалъ его лѣпописи ни въ спискѣ, ни въ подлинникѣ, чпо въ под- ложной сей лѣпописи Греческая царевна *Анна* наименована княжною Болгарскою, чпо *Іоакимъ*, жившій за 70 лѣпъ до *Несто- ра*, упрекаетъ сего лѣпописателя, говоря: *О князяхъ Русскихъ старобытныхъ. Несторъ монахъ не добръ свдолю бѣ и называя совре- меннаго себѣ Владиміра старобытнымъ.*

Признавшись, чпо онъ не нашелъ здѣсь ничего новаго, нашъ задорный имрекъ вдругъ восклицаетъ: «Съ другой спороны, во *все- лирной* спашѣ, точно много новаго!» И въ слѣдъ за симъ краснорѣчіе полилось изъ успъ его, зашумѣло, запѣнилось. Крипикъ.... голубчикъ мой!... не подозрѣвая, чпо ав- торъ спашьи о *Сагахъ* его мисшифируетъ (морочитъ), негодуептъ на него за его су- жденія, за его образъ мыслей, за то, чпо онъ ушверждаетъ, будто бы *историческая истина или достовѣрность не ведетъ насъ равно ни къ гелу; будто бы не будемъ ни умные, ни опытные, ни щастливые, зная однишь дре- внишь событіемъ менте; будто бы исторія въ полномъ смыслѣ слова, процвѣтаетъ въ народѣ тогда, когда она естъ принадлежность разска- щиковъ; будто бы перо и письмо первые её*

убиваютъ, и будто бы люди безъ другихъ дарованій, кромя знанія грамоты и желанія писать книги, собираются на ея похороны и, составивъ для ней надеробную надпись, подъ именемъ первой лѣтописи, навсегда погребаютъ еѣ во тѣмъ забвеніи; будпо, наконецъ, являютъ оптовыя поставщицы свѣдѣній о прошедшемъ, которые вызываются снабдить своихъ современниковъ полными, систематическими понятіемъ о томъ, что происходило съ начала существованія народа до настоящаго времени; болѣе же всего возбудило ярость его безпощадность автора, утверждающаго, будпо бы исторія, какъ наука, есть трупъ почти истлѣвшій, вырытый изъ могилы и изрѣзанный тупыми ножами критики; будпо *Нибуръ* съ своею недоверчивостью опоздалъ цѣлыми столѣтіемъ, и былъ въ наше время вопіющимъ анахронизмомъ.

Неизвѣстный Московскій антагонистъ замысловапаго автора спашьи о *Сагахъ*, распуца свою ученость и вооружась хрями и синекдохами, со всѣмъ схоластическимъ педагогическимъ *Аристотелевой* школы опровергаетъ сего писателя, который, оспроумно и, какъ бы играючи, бросаетъ ему пыль въ глаза, и увѣряетъ, что нынѣ вкусъ къ истинѣ, безспорнымъ фактамъ конгился; что при этомъ переворотѣ въ понятіяхъ, басня нашла свою цѣль, свое употребленіе и есть важный матеріалъ для исторіи того челоука, который еѣ создалъ; что истина для древней исторіи не нужна: для нее довольно правдоподобія, при совершенномъ отсутствіи доказательствъ, противнаго; что тогда всѣ вѣрятъ правдоподобію, какъ настоящей истинѣ, и оно равно столько же приноситъ пользы челоуку; что исторія и историческая критика суть, такъ сказать, умственные шахматы, искусная игра въ факты, въ которой проигрывающіе, т. е. читатели, за всякій сдѣланный ими ловкою діалектикою шахъ и матъ, должны платить наличными доверіемъ.)

По испинѣ ново и оригинально! восклицаетъ Московскій крипикъ. Но оставимъ его проповѣдывать въ пустынѣ. Можно ли говорить съ челоукомъ, не понимающимъ шулки? Замѣшимъ только, что подъ шакою крипическою спашьею, какъ его, надлежало бы подписать свое имя. Dixi!

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕВЫМЫШЛЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Въ одномъ провинціальномъ городѣ, извѣстномъ въ древности славными событіями—расположенъ былъ гусарскій полкъ, отличенный обществомъ офицеровъ, ознаменовавшихъ себя, сколько храбростью на полѣ бранномъ, сколько ловкостью на паркетѣ въ госпичныхъ.

Въ семьѣ не безъ урода, — утверждаетъ старинная пословица. Поручикъ *Лыкошинъ* не имѣлъ пѣхъ качествъ, какими обладали его поварищи, за то Природа надѣлила его другаго рода достоинствами: Безъ всякаго понятія о *Лафатеръ* и *Лабрюэръ*, онъ могъ называться отличнымъ физиогномистомъ, искусно умѣлъ примѣняться къ слабостямъ характеровъ, къ образу мыслей всякаго возраста, превосходно принималъ на себя различныя виды, всегда соблюдал строгое приличіе, всегда сохраняя благовидную наружность. Словомъ сказать: всѣ его знакомые отзывались о немъ съ самой лучшей стороны; и попому немудрено, если онъ пріобрѣлъ къ себѣ неограниченное расположеніе однополчанина корнета *Генина*, юноши съ блестящимъ воспитаніемъ, пламеннымъ воображеніемъ, искреннею душою. — Кварпируя вмѣстѣ, между ними ничего не было раздѣльнаго; да и не могли они дѣлиться. *Генинъ* получалъ значительные доходы съ неразспроеннаго имѣнія, лежащаго въ благословенной Малороссіи, а *Лыкошина* все соспояніе ограничивалось получаемымъ жалованьемъ; первый готовъ былъ всѣмъ жертвовать дружбѣ, второй ращипывалъ жипъ вѣчно на щепъ ближняго.

Связь этихъ *Ореста* и *Пиллада* (какъ ихъ называли) часъ опъ часу дѣлалась пѣснѣе, и пѣснѣе; никогда не случалось, чтобъ они другъ другомъ оставались недовольны, ни что ихъ не могло разлучить, исключая только обязанностей по службѣ!..

Въ одну прекрасную весеннюю ночь, друзья, лѣниво, медленно, приближались къ своему жилищу, оставляя за собой послѣдніе потухающіе огни имениннаго пиршества. *Лыкошинъ* замѣпя въ поварищѣ своемъ

песвойственную его веселому нраву задумчивость, желалъ вывѣдать настоящую тому причину: «Къ чему приписать твое безмолвіе?»—онъ его спросилъ: «думаю, наэпопъ разъ могли бы быть предметы къ разговору. Правда, ты очень успалъ, панцуя цѣлый вечеръ, какъ бы въ пользу бѣдныхъ; за всѣмъ тѣмъ скажи мнѣ, о чемъ ты такъ много говорилъ въ копильонѣ съ прелестною *Софьюю*?»

Пылый *Генинъ* схватилъ его за руку, посмотря пристально въ глаза и сказалъ: «Ты сей часъ всё, всё узнаешь!!!» Вошли въ комнату; вездѣ замѣненъ былъ пріятный беспорядокъ. Развѣшанная по стѣнамъ блестящая конская збура и разбросанные по угламъ богатые чубуки съ янтарями, составляли лучшее ихъ украшеніе. На одномъ небольшомъ ломберномъ столикѣ, измятыя карпы превосходно гармонировали съ благовидными визитными карточками; на другомъ огромномъ письменномъ столѣ: романы, повѣсти, списки, брошены были на произволь судьбы, покрытыя сѣдою пылью и пабашною золою; тупъ же лежащія письма, записочки, рапортчики, ничего не заключали въ себѣ заповѣднаго, — не такъ какъ въ кабинетѣ *Клопштока*, гдѣ всякой лоскутокъ бумаги былъ дорогъ знаменитому хозяину. Все это можно было перебирать, швырять и даже употребить на воскуреніе благовоннаго П. А., если къ тому добавитъ разнокалиберные спулья, расплавленные по комнатамъ безъ всякой симметріи и долговязый диванъ, на который вѣрно бы восточный Сибаритъ не вздумалъ прилечь въ своей богатой одеждѣ. Тогда можно имѣть полную идею о холостой офицерской квартирѣ въ неприхотливой провинціи. — Виноватъ, я еще забылъ упомянуть о старыхъ Волперовскихъ креслахъ, въ которыхъ неперпѣливый юноша усадилъ своего друга и сталъ ему рассказывать, что онъ безъ памяти влюбленъ въ прекрасную *Софьюю*, что онъ ею очарованъ: «Не правда ли,» — говорилъ онъ: «что она мила, порхая мотылькомъ въ разнообразномъ копильонѣ; прелестна, рисуясь съ такимъ искусствомъ въ граціозной мазуркѣ?» И, не договоря,

коснулся до ея ума, нрава, сердца, и долго бы говорилъ любитель изящнаго, живописнаго, описывая чудо красоты и прелести, если бы равнодушный слушатель не напомнилъ ему, что лучи дневнаго свѣта давно въ борьбѣ съ мерцаніемъ догорающихъ свѣчей. Нечего дѣлать, надо было покориться необходимости, — и сонъ тогда имъ закрылъ глаза, когда солнце великолѣпно облеснуло голубой небосклонъ.

Домъ, гдѣ былъ слегка описанный здѣсь праздникъ, принадлежалъ мирному пого рода гражданину *Искортскому*, нѣкогда усердному сподвижнику *Марса*, участвовавшему въ знаменитыхъ походахъ князя Италійскаго, и опъ пого имѣвшему спрасъ рассказывать объ Италіи, Альпахъ, Польшѣ, конфедерациі. Онъ не занимался ни дѣльми, ни хозяйствомъ, даже не держалъ борзыхъ собакъ. Жена его, въ полномъ смыслѣ слова отличная хозяйка, ограничиваясь дѣйствіями въ кругу домашней жизни — почивала себя щасливою. Единственный сынъ ея воспитывался въ первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, велъ себя благонаравно и обучался прилежно. Старшая дочь была выдана замужъ; оставалась только меньшая, героиня эпюга разсказа. Семнадцать лѣтъ, кроткій нравъ, отличное воспитаніе, голубые глаза, въ которыхъ отражалась ясность небесной гопьи-души: какая мать не мечтала бы о блестящей будущей жизни такой милой дочери?

Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, молодые виписи безпрестанно посѣщали домъ радужныхъ *Искортскихъ*. — Сколько въ короткое время замѣнили перемѣнъ въ поведеніи *Генина* его поварищи! — Съ какою бывало радостію онъ предавался удовольствіямъ на балахъ, въ собраніяхъ, гдѣ такъ много пиши для самолюбія ловкаго юноши, и что же! Онъ сдѣлался поспояннымъ, разсудительнымъ; его не пѣняли болѣе праздники, если не украшались его небеснымъ идеаломъ! Куда дѣвалась всегдашняя гоповность лепѣтъ къ поварищамъ на шумную пирушку въ качествѣ предсѣдателя, или по крайней мѣрѣ члена. Остыла въ немъ жажда наслажденій посреди брагъевъ за ча-

шею круговую! Вопь чудотворенія чистѣйшей, святой любви, эпои посланницы небесъ, слепѣвшей въ дольній мѣръ за пѣмъ, чпобъ сдѣлать лучшими его жителей! Влюбленный *Генингъ* на яву и во снѣ мечпаль полько объ обладаніи такимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, какъ *Софья*. Не удивляйтесь, читатели, увѣренности молодого *Генина*; пылкій юноша давно уже открылся ей въ своей пламенной любви и узналъ, что она также падаетъ къ нему соотвѣтственными чувствованіями. Оставалось полько съ перпѣніемъ ожидать условеннаго дня, въ который предположилъ онъ просить ея руку у ея родителей.

Однажды раннее утро вывело друзей изъ дому, и щастливый мечпатель съ восхищеніемъ начерпывалъ планъ будущей своей жизни; между прочимъ онъ сказалъ: «Ты знаешь, поварищъ, непремѣнное мое намереніе, по возвращеніи моемъ изъ отпуска, оставивъ службу. Надѣюсь, ты не откажешься послѣдовать моему примѣру. Чпю до меня: по я навсегда житель благословенной Малороссіи, благодапнаго края, еще чуждаго свѣтскихъ суешъ, приличій, взысканій и пересудовъ. Тамъ въ кругу родспвенниковъ, привязанныхъ ко мнѣ не по видамъ, а по душѣ, и друзей, небогатыхъ льспивыми словами, за по обильныхъ чувспвами доброжелательства. Тамъ ни чпю не будетъ меня развлекать, я буду имѣть время обогащать умъ свой полезнымъ чпненіемъ, и случай, на всякомъ шагу улучшать сердце, благошворя своимъ подвластнымъ. Повторяю тебѣ, милый другъ: въ деревнѣ, на родинѣ, взойдетъ для меня заря блаженства.» — Однако всѣ силлогизмы о припносностяхъ и выгодахъ сельской жизни, словоохотливаго энтузіаста, не произвели никакого впечатлѣнія на холоднаго его сослуживца. Онъ былъ погруженъ въ какую-то думу, будпо обсуживалъ важное государспвенное дѣло, и полько въ залѣ у *Искортскихъ*, увидѣвъ прекрасную, какъ Майское утро, *Софью*, пришелъ въ себя. *Генингъ* бросился поцѣловать еѣ пухло-бѣлинскую ручку, пошепталъ что-по на пылающее ушко и съ поспѣшностью отворилъ дверь въ го-

спиную, гдѣ за круглымъ столокомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, сидѣли почтенные ея родители. Ранній приходъ молодого человека удивилъ стариковъ; но какое было ихъ изумленіе, когда изъ устъ его посыпались убѣжденія принять его въ ихъ семейство! Они призываютъ дочь, узнаютъ о ея согласіи и, не откладывая вдаль, берутъ прекрасную чешу за руки, подводятъ ихъ къ святымъ образамъ и благословляютъ по Русскому обычаю. Упоенный радостію щастливецъ попеременно переходилъ въ объятія отъ отца къ матери, отъ невѣсты къ другу.

Дни для обрученныхъ летѣли на розовыхъ крыльяхъ; нечувспвительно подкралась пора отпѣзда въ деревню.

И вопъ насталъ несносный день разлуки: съ ранняго утра *Генингъ* въ хлопотахъ. Озабоченный приготовленіями въ дорогу, процальными визитами, онъ не ранѣ сѣлъ въ коляску, какъ когда на соборной колокольнѣ пробилъ восемь часовъ вечера.—«Укажи ямщику, куда ѣхать въ домъ къ *Искортскимъ*!» закричалъ онъ своему камердинеру; потѣмъ, оборотясь къ другу, просилъ его убѣдительно быть какъ можно исправнѣе въ доставленіи взаимныхъ писемъ. «Сдѣлай одолженіе!» сказалъ онъ ему: «отдавай лично *Софью* всѣ мои письма, которыя будутъ адресованы на пвое имя.»

— Неужели ты сомнѣваешься въ моей исправности, въ моей къ тебѣ преданности?— отвѣчалъ *Лыкошинъ*: кажется я многими случаями доказалъ тебѣ и по и другое. —

«Сохрани меня, Боже! отъ подобныхъ сомнѣній!» возразилъ *Генингъ*, прижавъ друга къ своей пламенной груди. Въ эту минуу коляска остановилась у подпѣзда. Не спану описывать горькаго прощанья: кто былъ влюбленъ, кто распавался съ предметомъ своей спраси, потѣмъ вѣрно согласится, чпю такую чувспвительную сцену описать трудно. Скажу полько, что съ послѣднимъ словомъ *простите*, *Генингъ* вскочилъ въ коляску—и лошади во весь опоръ помчались по извилистымъ улицамъ.

Въ какой-по праздникъ, за столомъ въ домѣ у *Искортскихъ* долго разговоръ шѣлъ

шепопомъ и безъ всякой связи, наконецъ, почтенная хозяйка прервала это молчаніе, опшесясь съ вопросомъ къ знакомому намъ поручику *Лыкошину*, другу нареченнаго ея зятя. — «Скажите, я васъ прошу, что думаетъ о нашемъ общемъ другѣ, котораго, вотъ скоро будетъ при мѣсяца, какъ будто переселился на другую планету; не имѣете ли вы о немъ какого нибудь извѣстія?» Въмѣсто отвѣта *Лыкошинъ* плечами приподнял свои эполеты; когда же замѣтилъ необыкновенное смущеніе и краску въ лицѣ *Софьи*, и когда крупныя слезы блеснули на длинныхъ рѣсницахъ ея: тогда измѣнилъ себя коварный *Лыкошинъ*. Онъ поблѣднѣлъ, онъ не могъ болѣе скрыватьсѣ и завелъ рѣчь о мечтателяхъ, въпреникахъ, энтузіастахъ, которые сего дня на все голшovy, пламенно желаютъ исполнить предпринимаемое; а завтра, ничтожное обстоятельство дѣлаетъ ихъ нерѣшительными, желаніе холодѣетъ — и на предметъ, незадолго составившій все ихъ благополучіе, глядяпъ съ противной точки зрѣнія. Всѣ эти слова, сказанныя съ особенною выразительностью, казалось, не сдѣлали вліянія на присутствующихъ: ибо въ заключеніе обѣда, добрые хозяева предложили выпить за здоровье отсутствующаго.

Коварный *Лыкошинъ* предвидѣлъ почти непреодолимая трудности къ достиженію своей преступной цѣли; но онъ былъ настойчивъ, ничто въ свѣтѣ не могло поколебать его. Онъ тотчасъ увидѣлъ, что ему необходимы орудія. Онъ перещипалъ въ умѣ всѣхъ жителей небольшого городка своего — и остановился на одномъ изъ пѣхъ гнусныхъ существъ, которые, какъ *Иуда Искариотскій*, голшovy продапъ душу за серебрянники. Горничная *Софьи* и писарь почтовой конторы выбраны имъ въ пособники. Къ послѣднему ходилъ онъ самъ, какъ для полученія отъ легковѣрнаго друга писемъ, которые тотчасъ уничтожались, такъ и для отправленія къ нему своихъ, исполненныхъ клеветы на легкомысленное поведеніе невѣсты его.

Между пѣмъ, бывая у *Искортскихъ* почти каждый день съ утра до поздней ночи, не

рѣдко имѣлъ онъ случай просиживать по нѣсколькx часовъ возлѣ *Софьи* и съ тяжелыми вздохами напѣвать о непостоянствѣ своего друга, ея жениха. Сначала, при всей искренней къ нему довѣренности, *Софья* негодовала на него за такія безчестныя выходки; но, мало по малу, безпреспанно слыша одно и тоже, любимую его пѣснь, дѣлалась поспешенно равнодушнѣе, напоследокъ начала и сама думать объ отсутствующемъ, какъ вообще о въпреникахъ, которыхъ нерѣдко встрѣчаемъ въ свѣтѣ.

Въ довершеніе поржествующаго коварства, полкъ получаетъ отъ *Генина* рапортъ, въ которомъ онъ, описывая тяжкую болѣзнь свою и прилагая лекарское свидѣтельство, опзываетсѣ невозможностью прѣххатъ къ сроку. Съ какою саманинскою радостію является *Лыкошинъ* въ домъ къ *Искортскимъ* съ доказательствами, что *Генинъ* не возвратится болѣе. Съ какимъ беспыдствомъ онъ утверждалъ, будто бы онъ не имѣлъ никакой надобности ххатъ въ оппускъ, что это былъ только благовидный предлогъ выпутатьсѣ изъ дѣла, необдуманно имъ заплъннаго; что теперь его намѣреніе ясно, какъ въ зеркалѣ, продлить оппускъ до Сентября, а тамъ прислать просьбу въ опставку. — Пораженная такою вѣстью *Софья*, сидѣла на стулѣ, какъ приговоренная къ смертной казни. Почтенная старушка ругала невиннаго, на чемъ бѣлый свѣтъ стоилъ; одинъ старикъ, хозяинъ дома, оставался при этомъ случаѣ покоенъ и съ обыкновеннымъ своимъ равнодушіемъ сказалъ: Можетъ ли быть порядочнымъ семьяниномъ въпреникъ, который зѣваетъ при повѣствованіи о сраженіи при Требіо, который не имѣетъ перпнія выслушать о великихъ дѣяніяхъ покойнаго *Александра Васильевича*!»

Лыкошинъ воспользовался негодованіемъ *Искортскихъ* на обманутаго имъ друга. Ихъ честь была имъ оскорблена, ихъ дочь поругана. Кто захочетъ навязать себя на шею дѣвушку, отъ которой женихъ отказался? Они рады бы отдапъ еѣ за послѣдняго дворянина ихъ уѣзда, лишь бы прикрыпъ опозоренную ея голову. А *Лыкошинъ*, произведенный уже въ штабсъ-ротмистры,

командующій лихимъ эскадрономъ, спешенный, пользующійся въ цѣломъ полку хорошею репутациею.... Ему вѣрно не откажутъ. Обмысливъ все это, онъ бросается на колѣни передъ матерью *Софьи* — и самымъ прагматическимъ языкомъ предлагаетъ себя въ женихи, вмѣсто легкомысленнаго *Генина*. Онъ убѣждалъ не отринуть его просьбы, умолялъ увѣнчать согласіемъ чистѣйшую, пламеннѣйшую любовь его. Спарики не знали, что имъ дѣлать. Но кто испыталъ, до какой степени оскорбленная женщина рѣшительна: пощъ не спанешъ удивляться, если я скажу, что *Софья* изъявила первая свое согласіе.

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ описаннаго происшествія, въ одной изъ главныхъ улицъ, ярко освѣщенный домъ, сполція разнаго рода у крыльца экипажи, и хопя неочаровательная, но за то громкая полковая музыка, подъ копорую безпечная молодость, какъ пухъ по воздуху, носилась въ панцахъ, всё доказывало мимоходящимъ любопытнымъ, съ какимъ торжествомъ спарички *Искорьтскіе* праздновали свадьбу любимой своей дочери.

Здѣсь набрасываю покрывало, сквозь копорое нѣтъ возможности проникнуть въ первые дни супружескаго благополучія; но увь! оно недолго длилось!... Спустия нѣсколько дней, новобрачный рѣшительно объявилъ, что ему также нужно ѣхать въ отпускъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, гдѣ будто жили его престарѣлые родители, копорые примѣрною бережливостію соспали себѣ довольно значительный капиталецъ. Хопя грустно было для чувствительной *Софьи* такое скорое разсаванье съ мужемъ, но предполагаемая изъ этого выгоды, её нѣсколько успокоивали.

17-го Сентября 1818 года, въ часъ за полночь, достигшій своихъ преступныхъ желаній, неблагодарный, вѣроломный *Лыкошинъ* садился безмолвно въ бричку, сопровождаемый въ дорогу благословеніями добрыхъ родственниковъ и рыданіями нѣжной супруги.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ САПЕРОВЪ.

Солнце блещетъ ли съ лазуря,
Льетъ ли дождь какъ изъ ведра,
Раздаются-ль ревы бури,—
Нашъ подъ снѣгу шапра,
На диванахъ изъ соломы,
Не спрашатъ дожди и громы:
Былъ бы свѣтель добрый Царь,
Нашъ надежда - Государь!

Ну-жъ, *Саперники*, дружнѣ!
Чаши лейтеся полнѣ!

Будемъ пить мы до упра
За Царя: ура, ура!

*

Вы бушуйте, непогоды,
Валъ вздымайся, какъ гора! —
Вы бѣснуйшесь, народы! —
Мы-жъ подъ снѣгу шапра,
На диванахъ изъ соломы,
Будемъ ждашь, какъ наши громы
Успремимъ въ васъ правый Царь,
Нашъ надежда - Государь!

Ну-жъ, *товарищи*, дружнѣ!
Чаши лейтеся полнѣ!

Будемъ пить мы до упра
За Царя: ура, ура!

*

Пьемъ, поемъ теперь: наспанешъ
Кары грозной ли поря,
И двуглавый нашъ воспрянешъ:
Мы возстанемъ изъ шапра,
Мы въ землѣ изроемъ домы,
Мы въ землѣ заложимъ громы!
Спрашно грянемъ, — только Царь
Повели намъ Государь!

Но пока еще, дружнѣ!
Чаши лейтеся полнѣ!

Будемъ пить мы до упра
За Царя: ура, ура!

П. Манасеинъ.

13-го Сентября 1833.
Лагерь при кр. Модлинѣ.

C H A R A D E.

Par mon premier un médecin habile
Se fait un nom à la cour, à la ville.

Je plains celui qui n'a plus mon dernier ;
Il cesse alors d'user de mon entier.

Въ № 56-мъ помѣщенный омонимъ значить: *Баба*.

M O D E S.

C'est vraiment une remarque à faire que cette étonnante quantité de pailles d'Italie, de pailles de riz et même de pailles cousues que l'on rencontre à toutes les assemblées où se portent les femmes plus ou moins élégantes. La forme, la beauté du ruban ou des plumes, font toute la différence que l'on trouve, saillante à la vérité aux yeux habitués, et inaperçue de la plupart.

Voyez par une de ces belles soirées qui suivirent des jours de chaleur, voyez les Champs-Élysées illuminés comme pour un jour de fête, et retentissant de mélodieux accords. Là est une foule confondue; aux premiers rangs les femmes aux longs cachemires, vêtues de mousseline et de dentelle, affectent, sous une simplicité ruineuse, un *négligé* auquel elles ont pensé tout le jour.

Et ce sont de magnifiques pailles d'Italie, surmontées de longues plumes blanches; des pailles de riz plus coquettes et moins nobles, gracieusement ornées d'une branche de roses ou de jolies plumes de couleur; des capotes de crêpe, d'autres en mousseline brodée garnie de longue dentelle, richesse de bon goût si long-temps dédaignée pour la blonde.

Derrière cette enceinte est la masse où l'on rencontre le capricieux bonnet parisien, et la jeune femme élégante aussi qui ne vient pas au concert comme au spectacle, mais vêtue comme le jour à la promenade: elle a mis un gracieux chapeau en paille cousue, sur lequel des rubans de taffetas attachent une fleur simple; mais son élégance n'a point d'éclat et n'est pas remarquée, non plus que celle de la jeune fille qui l'accompagne coiffée d'une bien simple capote en paille jaune et noire sur laquelle tourne un ruban de taffetas rose ou de taffetas écossais.

Partout donc la paille, la paille de mille façons, et toujours bien portée si la forme est nouvelle sans exagération, si le choix des rubans convient aux fleurs, si l'ornement en un mot convient au chapeau.

M O Д Ы.

Истинно достойно замѣчанія это удивительное множество Итальянскихъ соломенныхъ шляпъ, басповыхъ и даже сшивныхъ соломенныхъ, которыхъ встрѣчаемъ во всѣхъ собраніяхъ, куда собираются дамы, болѣе или менѣе щеголевато-одѣтыя. Фасонъ, красота лентъ или перьевъ, составляютъ всю разницу, значительную конечно для привычныхъ глазъ, но для большаго числа людей незамѣтную.

Посмотрите въ одинъ изъ этихъ прекрасныхъ вечеровъ, слѣдовавшихъ за жаркими; посмотрите, Елисейскія поля освѣщены какъ въ праздничный день и пріятные звуки раздаются со всѣхъ сторонъ. Тамъ смѣшанная толпа; въ первыхъ рядахъ дамы въ большихъ Турецкихъ шляпахъ, одѣтыя въ кисею и кружева, подъ видомъ разорительной простоты, выказываютъ *неглиже*, о которомъ онъ думали цѣлый день.

И великолѣпныя Итальянскія соломенные шляпки, одѣланныя длинными бѣлыми перьями; басповыя щеголеватѣе, но не такъ благородны, ловко одѣланныя въскою розъ или красивыми цвѣтными перьями; креповые капоты, еще вышитыя кисейные, одѣланные широкими кружевами, пышность хорошаго вкуса, щюль долго пренебрегаемая для блондъ.

Позади эшаго круга, масса, гдѣ встрѣчаете приходящій Парижскій чепчикъ, и молодую щеголеватую даму, которая пріѣхала въ концертъ не какъ въ спектакль, но одѣтая какъ днемъ на гулянье; на ней красивая шляпка изъ сшивной соломки, на которой шапшныя ленты прихватываютъ простой цвѣтокъ; но щеголеватость ея не блестяща и не замѣчена, какъ и молодой дѣвушки, которая съ нею; на головѣ весьма простой капотъ изъ желтой съ чернымъ соломы, вокругъ обернута шапшная розовая лента или Шопландская.

И такъ, вездѣ солома, солома въ тысячи видахъ, и всегда прилична, если фасонъ новый, безъ преувеличенія, если ленты приличны къ цвѣтамъ, если одѣлка однимъ словомъ прилична къ шляпкѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 58.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 21 дня, 1854 года.

Довольно щасливъ я въ товарищахъ моихъ,
Вакансіи какъ разъ открыты,
То старшихъ выключаю иныхъ,
Другіе, смопришь, перебиты.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СКАНДИНАВСКІЯ САГИ.

(Ожюганіе.)

На сихъ дняхъ оппечатано въ С. Петербургѣ другое опроверженіе сей же статьи, подъ заглавіемъ: *о Сагахъ, въ отношеніи къ Русской исторіи, или вообще о древней Руси.* Она сочинена извѣстнымъ своими полезными, учеными прудами по части Россійской исторіи, надворнымъ совѣтникомъ Спецаномъ Васильевичемъ *Руссогильмъ.*

Не излишнимъ щитаемъ предварить нашихъ православныхъ читателей, что сей писатель основательно знаетъ Латинскій, Нѣмецкій, Французскій, Польскій языки и всѣ діалекты Славянскаго, что онъ совершилъ ученое путешествіе по Европѣ, рылся въ Кёнигсбергскомъ и Берлинскомъ архивахъ, бесѣдовалъ съ Парижскими литераторами, съ Гёттингенскими и Енскими профессорами, съ Англійскими мудрецами - мыслителями. Опечеспвенная словесность обязана ему многими глубокомысленными испо-

рическими изысканіями и сочиненіями, изъ коихъ наименуемъ только главнѣйшія:

- 1) Варяжскіе законы, съ Россійскимъ переводомъ и замѣчаніями. С. П. б. 1824.
- 2) Опытъ о идолахъ, *Владиміромъ* въ Кіевѣ поставленныхъ во время язычества, и симъ же великимъ княземъ самимъ уничтоженныхъ, когда онъ просвѣтился ученіемъ Христіанской вѣры. С. П. б. 1824.
- 3) Историческое розысканіе о дочеряхъ *Ярослава*. С. П. б. 1824.
- 4) Обзорніе криптики *Ходаковскаго* на исторію Россійскаго государства, сочиненную Н. М. *Карамзингильмъ*. С. П. б. 1820.
- 5) Вольтскія записки. С. П. б. 1809.
- 6) Отрывокъ изъ путешествія по Европѣ. С. П. б. 1825.
- 7) Словарь Россійской ореографіи пли правописанія. М. 1813.

Онъ издавалъ журналъ *Воспоминанія*, достойный, но не удостоившійся благоволенія Публики, любящей путешествія вверхъ ногами и книжки внизъ головами. Но важнѣй-

шимъ, благонамѣреннѣйшимъ историческимъ его сочиненіемъ мы поспавляемъ *Залтганія на исторію Русскаго народа*, соч. Н. Полевыихъ. Въ нихъ сей испинный сынъ опечества, сей ревностный къ народной чести липерапоръ, выспавилъ неосновательность, самонадѣянность, легкомысліе г. Полегаго, который пишешъ исторію безъ доказательствъ, безъ справокъ, безъ ссылокъ, такъ, на обумъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуешъ, что г. Руссовъ былъ бы не недостойнымъ соперникомъ знаменитаго писателя, еслибъ споръ шелъ о какой либо вновь найденной льпописи, или нечаянно опкрытой въ глуши како́го либо опдаленнаго монастыря грамотѣ, мирномъ договорѣ, надгробномъ памятникѣ; но здѣсь г. Руссовъ, со всею своею ученоспью, со вѣсми филологическими, хронологическими и археологическими указаніями, заставляешъ насъ прошивъ воли улыбапсья и пожимашъ плечами.

Какъ могло припши ему въ голову, что ученый мужъ, владѣющій десяпью языками, какъ десяпью своими пальцами, станешъ и *взаправду* увѣряпть, будто намъ, славнымъ попомкамъ Славянъ, народу, исповѣдывающему на священномъ языкѣ своихъ предковъ православную вѣру, народу самостоятельному и побѣдоносному *пріятно будетъ увидѣть въ Исландскомъ текстѣ Саги образецъ языка Русскаго?* Если г. Руссову извѣстно, что въ десяти Исландскихъ словаряхъ не нашлось ни одного Русскаго слова: то, *кольми паге*, извѣстно это господину профессору Сенковскому, чипающему Саги въ подлинникъ.

Г. Сенковскій, забавляясь иногда игрою словъ, такъ, какъ забавлялись *Эразмъ Ротердамскій, Вольтеръ, Бомарше, Скрибъ*, написалъ, что: *«исторія воспламеняетъ цѣлыя массы людей къ подвигамъ, геройскимъ состязаніямъ, къ грабежу и слави.»*

Вопъ шупъ нашъ крипикъ, обрадовавшись случаю уличить автора въ парадоксъ, со всею важноспью доказываешъ, «что *грабежъ и слава не одно и тоже*, что во всѣ вѣки у всѣхъ образованныхъ, особливо Христіанскою вѣрою просвѣщенныхъ народовъ, славою награждались самоопверженіе, пожер-

пвованіе имѣніемъ, щаспиемъ, жизнию, увѣнчавались подвиги добродѣтели. Чпо еспъ слава? Благословеніе. Грабители же проклинкапсья.» Все это прекрасно, г. Руссовъ! но здѣсь не кспаши!

Профессоръ Сенковскій написалъ, что *раздѣлъ государства Владимірова между сыновьями, совершилсь въ настолицемъ духѣ Скандинавскаго правительственнаго образа мыслей, и Карализинъ ошибся, усматривая въ немъ феодальную систему, которой никогда не было въ Россіи.*

Крипикъ прицѣпилсь и къ эпоі невинной рѣчи и восклицаетъ: «Очень хорошо;— Россія дѣленіе на удѣлы заимспвовала изъ Скандинавіи; опкуда же заимспвовала удѣлы свои Польша, въ которой Скандинавовъ тогда не было? Мы находимъ первые удѣлы у Франковъ: *Кловисъ* въ первой половинѣ шестаго вѣка опдалъ *Тіерію Мець, Кладолмиру Орлеанъ, Шилдберту Парижъ и Клотарію Суассонъ.*

«*Клотарій* во второй половинѣ шестаго же вѣка Парижъ опказалъ *Шилдикерту, Орлеанъ подарилъ Гонтраму, Суассонскій, по еспъ собственнй свой удѣлъ — Шилдерику, а Мець — Зигберту.* Сии удѣлы разслабили совершенно государство. Къ щаспію, *Карлъ великій*, какъ нашъ *Іоаннъ III Васильевичъ великій*, совокупилъ подъ свою державу удѣлы, возстановилъ достоинство Монархіи, но назнача удѣлы дѣпямъ своимъ, самъ же все испорпилъ — и въ эпомъ Россійскій Монархъ выше Французскаго.»

Для кого это написано? Всѣмъ изучавшимъ исторію извѣстно, что гибельную систему удѣловъ принесли въ Россію и Польшу Славяне, опдѣлившіеся опъ Франковъ тогда, когда она въ Скандинавіи не существовала.

Почтенный г. Руссовъ, увлекшись ревностію, снова не впадаъ обличаетъ своего прошивника. Сей написалъ: «*Витязъ, Vicking*, собственно означалъ морскаго богатыря, проводящаго жизнь въ набѣгахъ, приключеніяхъ и опасноспяхъ — для чести и богатства; и слово *Витязество* будемъ мы

приводить въ смыслъ морскаго удалства, основаннаго на грабежъ и славъ.»

Крипикъ, не соглашаясь съ смъ слово-производствомъ, отсылаетъ насъ къ словарю ученаго *Вука Стефановича*, и весьма уважительно доказываетъ, что Россіяне приняли слово *Витязь* въ смыслъ воина опъ Моравовъ и Сербовъ, откуда заимствовали его и Венгры, никакого сношенія съ Скандинавіею не имѣвшие. «*Также въ Россіи съ незапамятныхъ временъ грабежъ и слава рядомъ не ставятся, а говорятъ: грабежъ и худая слава;*» замѣчаетъ запальчивый антогонистъ г. профессора *Сенковского*.

Сіе замѣчаніе не дѣлаетъ чести г. рецензенту. Онъ имѣетъ право опровергать мнѣнія разбираемаго имъ автора, а не навязывать ему противунравственныхъ мыслей. Писатель *весь* видѣтъ въ своихъ твореніяхъ, а творенія г. профессора *Сенковского* дышатъ чистѣйшею нравственностью и любовью къ Россіи, его отечеству.

Однако пора кончить! Еслибъ изъ всего вышеприведеннаго нами, еще можно было сомнѣваться въ томъ, что статья о *Сагахъ* написана въ веселый часъ, ради пошлести: то четыре параграфа оной, которые мы выпишемъ здѣсь съ буквальною точностію, одни достаточны для убѣжденія въ томъ самаго недовѣрчиваго читателя, самаго упрямаго спорщика. Благоволише выслушать!

А.

«Если бы Русскіе князья избрали себѣ столицу въ Финскомъ городѣ, среди Финскаго племени, Русскимъ языкомъ, вѣроятно, назывался бы теперь какой нибудь Чухонскій діалектъ, который также на большомъ пространствѣ земель поглотилъ бы языкъ Славянскаго корня, какъ послѣдній языкъ поглотилъ многія Финскія нарѣчія, даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ Москва и Владиміръ.» (См. о *Сагахъ*, соч. *Сенковского*, Библіотека для чтенія кн. 1, стр. 37.)

Г. *Руссовъ*, желая блеснуть ученостью, вздумалъ написать опроверженіе и на это

забавно-нелѣпое мнѣніе, надъ коимъ, конечно, первый самъ авторъ смѣялся.

Б.

«Подъ перомъ *Карамзина* находимъ только холодную пустыню съ рѣдкими слѣдами человѣческой стоны и большими пятами, заносимыми мятелю выносокъ и примѣчаній, большою частью бесполезныхъ, или дующихъ ложною крипкою на попятія читателя.» (См. въ первой книжкѣ Библіотеки для чтенія, на стр. 50-й, статью о *Сагахъ*.)

Рецензенту, прежде нежели возражать на сію смѣшную выходку, надлежало бы разсудить: какой профессоръ назоветъ пушьяками выноски, ссылки, историческія примѣчанія? Ими свидѣтельствуется истина, а истина есть душа исторіи.

В.

«Не смотря на всѣ усилія *Славомановъ*, еще не доказано: существовалъ ли когда нибудь народъ, называвшійся *Славянами*,» говоритъ г. профессоръ *Сенковский*.

Вотъ верхъ всего! Какой у него талантъ спроектировать огромныя зданія на оспривъ иголки! Съ какою ловкостью сочинилъ статью о *Сагахъ* умѣетъ подставить глазамъ читателя смѣшную сторону своего предмета и, рисуя каррикатуру, увѣритъ нѣкоторыхъ, что это историческая картина!

Въ заключеніе, намъ осталось только повторить наше искреннее сожалѣніе о времени и трудахъ, которые потерялъ г. надворный совѣтникъ *Руссовъ* на составленіе дѣльныхъ опроверженій на статью, написанную въ шуточномъ родѣ, въ которой нельзя довольно удивиться гибкости, изворотливости, тонкости господина профессора *Сенковского*.

А. Кораблинскій.

1834-го года Іюля 2 дня.

Село Рыбацкое.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕВЫМЫШЛЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ.

(*Окончаніе.*)

Деревня, въ которой помился морально и физически несчастный *Генинъ*, сдѣлалась ему ненавистнѣе, чѣмъ тюрьма для преступника. Будучи преисполненъ благородныхъ чувствованій, онъ не могъ подозрѣвать своего друга въ обманъ: онъ не могъ доискапьясь, не умѣлъ придумать, опъ чего могла произойти такая внезапная перемѣна, опъ чего *Софья* не хотѣла слышать о его имени? Всѣ это болѣе и болѣе разспроивало его разсудокъ, а съ нимъ и здоровье. Но время, молодость, крѣпкое сложеніе, взяли верхъ надъ его душевными и плесными недугами. Почувствовавъ маленькое облегченіе, онъ паскоро собрался въ путь и по-скакалъ на почтовыхъ, не опдыхая ни днемъ, ни ночью. Ни осенніе проливные дожди, ни — хопъ глаза выколи — тѣмныя ночи, ни дорога съ глубокими калейми, взвоченная замѣрзлыми глыбами — ничто не въ состояніи было остановить его. Всѣ его мысли, всѣ желанія спремались къ одной цѣли: неперпѣніе, скорѣе вхапъ, дѣлало его брюзгливымъ; онъ бранилъ своихъ слугъ за лѣность, ссорился съ спанціонными смотрпшелями, и чупъ не билъ ямщиковъ, худо, какъ ему казалось, погонявшихъ лошадей. Наконецъ засіяли золотыя главы Соборной церкви и зелѣныя маковки приходскихъ съ своими крестами.

Промчавшись мимо ветхой градской за-спавы (у которой стоявшій на часахъ дряхлый инвалидъ не успѣлъ спросить объ имени и прозвищъ проѣхавшаго), колеска остановилась у красиваго деревяннаго домика. — «Ну, *Семенъ!*» сказалъ *Генинъ* своему камердинеру: «слава Богу — мы пріѣхали. Что это значитъ, кажется не поздно, а у насъ въ домѣ нѣтъ ни гдѣ огня?»

— Чай спятъ, — опвѣчалъ *Семенъ*.

«Спучи же крѣпче въ ворота.» Съ этимъ словомъ полусонный слуга началъ громить кулаками.

На спукъ, споль необыкновенный, выбѣгаешь испуганный хозяинъ дома въ шлаф-

рокъ и шуфляхъ, и продирая съ просонья глаза, самъ себя не вѣрилъ, что видитъ передъ собою прежняго своего постояльца: «Ахъ! башюшки мои, да это вы, ваше благородіе, *Иванъ Николаевичъ*, а мы опчаились васъ видѣть въ живыхъ; носился слухъ, что вы къ намъ не возвратитесь!»

— Здорово, любезный хозяинъ! — вскричалъ обнимая его *Генинъ*: скажи скорѣе, гдѣ мой пріятель?»

«Развѣ вамъ неизвѣстно, — пріятель вашъ также уѣхалъ въ оппускъ.»

— Вотъ новость! ну, а моя невѣста? —

«Какая, сударь?»

— Эка, братъ! какой ты безполковый, дѣвица *Софья Пепровна Искорьтская*? —

«Она была дѣвицей, а теперъ госпожа!»

— Что ты бредишь съ просонья. —

«Нѣтъ, ваше благородіе, я съ роду своего не бредилъ, и говорю вамъ сущую правду, барыня *Софья Пепровна Искорьтская* вышла за мужъ за вашего пріятеля, г. штабсъ-ропмистра *Павла Андреяновича Лыжовина.*»

— Возможно ли? —

«Какъ Богъ святъ. Я самъ былъ очевидцемъ ихъ свавьбы въ нашей Соборной церкви.»

Какъ громомъ пораженный, *Генинъ* долго стоялъ на одномъ мѣстѣ. Вдругъ пуспился бѣжать изъ всѣхъ силъ въ роковой для него домъ, гдѣ, неспавшіе еще хозяева, оптолбенѣли опъ внезапнаго появленія нежданаго гостя. Вообразите себѣ, чипапели, горестъ и опчаяніе пылкаго юноши, когда онъ дѣйствительно увѣрился въ ужасномъ злодѣйствѣ изверга, котораго почиталъ онъ своимъ другомъ. Поклявшись опмснить злодѣю, онъ съ такою же скоростію оставилъ бѣдспвенный домъ прежней своей невѣсты, съ какою спочно вѣжалъ въ него.

Открылось проспранное поле полкамъ, судамъ и пересудамъ для долгихъ языковъ провинціалокъ, вѣчно праздныхъ, всегда зѣвающихъ или злословящихъ ближняго. Но всѣ порядочные люди единодушно приняли живѣйшее участіе въ несчастіи споль коварно обманутаго молодаго человека. Всѣ наперерывъ спарались показатъ ему свое искреннее соболѣзнованіе; но никто не

былъ сполько достоинъ жалости, какъ низринутая въ бездну гибели адскимъ обольстительствомъ; она опъ горести и слезъ была въ самомъ ужасномъ положеніи. Великодушный командиръ полка, въ коемъ служилъ *Генингъ*, любя его, какъ нѣжный отецъ своего сына, и зная всю пылкость его характера, выхлопоталъ ему въпоричный отпускъ, отправилъ въ столицу, откуда, по его же ходатайству, онъ былъ переведенъ въ полкъ, квартировавшій въ Малороссіи, по близости его деревень.

Мрачная ночь давно раскинула свой черный ковѣръ надъ столицею съвера, но Невскій проспектъ еще кипѣлъ жизнью, когда всходилъ на Полицейскій мостъ, закутанный въ военную шинель, человекъ. — Безконечный рядъ фонарей, величественныя зданія, съ освѣщенными сверху до низу зеркальными окнами, съ магазинами, кондитерскими, книжными лавками, съѣзными прапирами, легко облегающими карманы и — наконецъ, мелькающія по бульварамъ существа, подобно пѣнямъ въ фантасмагоріи, всё невольнымъ образомъ плѣняло его взоръ и душу. Пробирался далѣе и далѣе, онъ остановился у свѣтлыхъ оконъ славной кондитерской, противъ самаго господина двора. Если-бъ это былъ *Жуи* или *Гогартъ*, и тотъ и другой нашли бы путь много пицци для насмѣшливаго ума и кисти; но это былъ просто драгунскій майоръ съ огромными усами, съ бречащими шпорами; впрочемъ малой, какъ уже извѣстно, (если читатели захотятъ догадаться, кто это) умный и образованный. Поглазѣвъ нѣсколько времени въ окна, ему вздумалось побывать внутри этой кондитерской. Отворяются двери, онъ входитъ, бросается въ кресла, въ ожиданіи спакана пунша, и наблюдательные взоры устремились на разнообразное общество! Какую занимательную, живую картину представляетъ собою кондитерская: путь самоохотный полицикъ углубленъ въ *Journal des Débats*, тамъ новопроизведенный офицеръ опыскиваетъ себя въ листкахъ инвалида, промышленникъ-либераторъ съ жадностью пробѣгаетъ журнальную крипку, юноша-писатель

ищетъ стиховъ, имъ въ Сына Отечества посланныхъ; пріѣзжій купчикъ тщателью чипаетъ по складамъ въ *С. Петербургскихъ* вѣдомостяхъ статью о казенныхъ подрядахъ; въ углу разлегся, какъ султанъ, на диванѣ, молодой невѣжа, котораго отецъ былъ первоспашейнымъ купцомъ, а онъ сдѣлался послѣднимъ канцелярскимъ служителемъ. На особомъ столикѣ, авторъ водевилля угощаетъ актѣровъ, которые будутъ его разыгрывать. На другомъ, пятеро средней руки либераторовъ, слушаютъ статью, которую шестой громогласно чипаетъ имъ и подслащиваютъ её шеколадомъ. Въ то время, какъ нашъ драгунъ наблюдалъ лицо и одежду, ухвалки и положенія лицедѣевъ кондитерской, вошло нѣсколько офицеровъ. Сходство одного изъ нихъ съ его невѣстою поразило его. Онъ вскочилъ съ своего мѣста и спросилъ подошедъ къ офицеру: «Позвольте, м. г., узнать вашу фамилію? Черты вашего лица мнѣ весьма знакомы. Припомню же, онъ напоминаютъ самое щастливое и самое несчастное время моей молодости.»

— *Искорьтскій* къ услугамъ вашимъ! — отвѣчалъ корнетъ.

«Я кажется не обманулъ, вы сынъ почтеннѣйшаго *Петра Сергѣевича* и *Анны Ивановны* и братъ прекрасной *Софьи Петровны*?»

— Точно такъ! — сказалъ корнетъ.

«Дайте себя обнять опъ искренняго сердца. Можетъ быть и я вамъ не совсѣмъ незнакомъ. Я другъ вашего дома. Я бывший женихъ вашей сестрицы. Короче сказать: вы видите передъ собою майора *Генинга*.»

— Боже мой! какъ я радъ видѣть васъ, любезный, благородный человекъ! Позвольте мнѣ съ вами покороче познакомиться! Представьте, я до сихъ поръ рисовалъ васъ въ своемъ воображеніи какимъ-то юношею, худенькимъ, поненькимъ. —

«Девять лѣтъ меня много перемѣнили, разумѣется, по наружности. Я теперь въ зрѣломъ возрастѣ и, какъ видите, не изъ послѣднихъ полстяковъ, однако-жъ чувства мои всегда одинаковы и образъ сестрицы вашей неизгладимъ изъ моей памяти. Сдѣлайте одолженіе, расскажите мнѣ все, касающееся до семейства вашего.»

— Съ охотою, — возразилъ молодой офицеръ: но прежде всего я спрошу васъ, видѣли-ль вы сестру по возвращеніи вашемъ изъ оппуска? —

«Нѣтъ, я не могъ её видѣть; даже признаюсь, и не желалъ её видѣть.»

— Слѣдственно вы не имѣете понятія, что съ нею въ это время происходило. Она находилась въ ужаснѣйшемъ положеніи; если бы не искусство нашего городского медика: по съ нею были бы самыя гибельныя послѣдствія. —

«Ужасно!» вскричалъ испуганный маіоръ: «меня и теперь морозъ по кожѣ подираетъ, когда вспомню безчестнаго виновника всѣхъ этихъ бѣдствій.»

— Богъ не поперпѣлъ это адское существо; кажется, что оно исчезло съ лица земли! —

«Какъ? Что вы говорите?» вскричалъ изумленный маіоръ.

— Такъ вы видно ничего не знаете о немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ въ оппускъ? Онъ, какъ въ воду канулъ; ни слуху, ни духу: полковой командиръ публиковалъ о немъ, дѣлалъ разнаго рода справки; однако-жь и по сихъ поръ неизвѣстно, что съ нимъ случилось.—

«И такъ, сестрица ваша?»

— Сестра моя два года жила въ домъ родительскомъ, начинала уже привыкать къ горестной судьбѣ своей; вдругъ постигли насъ новыя несчастія: мы оплакали кончину нашихъ нѣжнѣйшихъ родителей. Послѣ сего, единственнаго пристанища оспалось несчастной, домъ старшей нашей сестры, куда она и перѣехала. Но и тамъ жестокой рокъ её преслѣдовалъ. — Въмѣсто упѣшенія, видѣть столь близкую особу, наслаждающуюся щастіемъ, она пріѣхала туда воздавъ послѣдній долгъ мужу сестры своей, умершему скоростпжно. Теперь объ онъ вдовы. Съ тѣхъ поръ, жаркій южный воздухъ, сдѣлался имъ душень, несносенъ. Онъ переселился сюда въ холодный климатъ, чпобъ сво-

боднѣе проливать слезы о своихъ драгоценныхъ поперяхъ! —

Восхищенный маіоръ, схвативъ руку молодого офицера, вскричалъ: «Возможно ли! Что вы говорите, сестрица ваша здѣсь. Скажите поскорѣй, могу ли я её видѣть?»

— Даже сей часъ, если вамъ есть свободное время; — отвѣчалъ офицеръ.

Съ этимъ словомъ, забывъ недопитой пуншъ. Въ нѣсколько минутъ лихой извозчикъ примчалъ ихъ на Липейную.

Никакое перо поэта, никакая кисть живописца не въ состояніи описать, выразить радость и восторгъ двухъ влюбленныхъ. Радость эта не имѣла предѣловъ! Когда первые порывы восторговъ прошли, наступило краснорѣчивое молчаніе. Попомъ начались распросы, воспоминанія, и постепенно разговоръ склонялся къ наспоющему. — Сколько нѣжныхъ ощущеній испытывала попеременно уже щастливая *Софья*. Какая восхитительная будущность представилась маіору, когда онъ узналъ, что дѣло о разводѣ *Софьи* съ пропавшимъ безъ вѣсти ея мужемъ, производится въ Сиподѣ и должно скоро рѣшиться. — Пошли опять кляпвы, опять увѣренія и, наконецъ, при свидѣтельствѣ старшей сестры, вновь возобновленъ союзъ вѣчной, неизмѣнной любви.

Многіе увѣряютъ, что для влюбленныхъ уединенныя поля, дремучіе лѣса, дикія горы, имѣютъ ни съ чѣмъ несравненныя прелести. — Мнѣ кажется, всё это мило для однихъ созерцателей природы; что можетъ быть плѣнительнѣе разнообразныхъ удовольствій столицы? Самъ маіоръ, который былъ ревностный защитникъ сельской жизни, во всемъ находилъ неизъяснимую прелесть. За то, какъ грустно распавшись съ сподичными радостями, въ особеннсти влюбленному маіору. Его оппускъ прошелъ непримѣнно, взята была опсрочка, другая, претрѣя. Наконецъ надобно-жь знать и честь; а то, пожалуй, съ такою честью выпроводятъ за заставу, что въ другой разъ и не вздумается побывать въ столицѣ. Впрочемъ, маіоръ уѣзжалъ съ пріятною надеж-

дою; ничто, по его мнѣнію, не могло быть препятствіемъ къ его благополучію. Условіе сдѣлано такое, что по первому извѣстію объ окончаніи въ Синодѣ дѣла, онъ опять полетитъ въ Петрополь, чтобъ уже никогда не разлучаться съ своею *Собьєю*.

Тройка почтовыхъ коней, опъ неперпѣнія, разгребала копытами снѣгъ, стояла у церкви Всѣхъ Скорбящихъ, внутри которой, предъ иконой Божіей Матери, преклоняли колѣна *Собья*, сестра ея и уѣзжающій маіоръ. По принесеніи теплыхъ молитвъ Утѣшительницъ скорбящихъ и по окончаніи молебна, друзья уже выходили изъ церкви, какъ у самаго выхода, пропягиваетъ руку и книгу, въ черной, изорванной рясѣ, блѣдный, изнеможенный монахъ.— *Собья*, движимая добрымъ расположеніемъ къ подавнію, первая бросается къ монаху; но вдругъ, взглянувъ на него, вскрикиваетъ и падаетъ въ обморокъ. Маіоръ, полагая, что близкая минута разлуки сильно подѣйствовала на ея слабыя нервы, поднимаетъ её на руки, сажаетъ въ карету, а самъ тогда только очнулся, когда по столбовой дорожкѣ зализся Валдайскій колокольчикъ— и Тосненскій ямщикъ запянулъ: Не кукушечка во сыромъ бору куковала.

Города, деревни, вѣрсты, встрѣчавшіеся на пути, мелькали предъ нимъ съ необыкновенною скоростію. Уже маіоръ подѣзжалъ къ своему полку, уже онъ выѣхалъ съ послѣдней станціи. Могъ ли ожидать, что одна секунда, и онъ, такъ мало знакомый съ радостями въ жизни, преждевременно оставитъ всѣ свои надежды? Испуганныя молодыя лошади, копорыми правиль прусливый Жидъ, понесли съ крупой, извивистой горы, опрокинули бричку, и несчастный *Геникъ* ударился грудью о большой камень. Его замертво принесли въ мѣстечко, пустили кровь, послали пѣавокъ; но тщетно: онъ скончался въ шестой день послѣ своего паденія.

Спрашно перашь милыхъ сердцу. Ужасно видѣшь скорбь оплакивающихъ свои потери. Что было съ *Собьєю*, когда она получила извѣстіе о несчастномъ маіорѣ? Не

знаю! Но какъ раскащикъ истиннаго происшествія и врагъ анахронизмовъ, я обдзанъ кончить свое нескладное маранье. *Собья Петровна*, вѣрно полагаютъ мои читатели, испивъ полную чашу горестей въ жизни, вѣроятно, или оправила себя, или, слѣдуя Парижской модѣ, велѣла испити баню, закрыть печь съ головнѣю и задохлась въ чаду, или посприглась въ монастырь, если она была набожная женщина.

Ни чуть не бывало. Послѣ нѣсколькихъ конечно пляжкихъ лѣтъ, она нашла какого-то молодаго человека, весьма сходнаго достоинствами и даже паружностью съ покойнымъ двукрапнымъ женихомъ своимъ: она вышла за него за мужъ.

И вопъ, вокругъ нея цыпляточки, малюпки;

Она имъ говоритъ все сказки, прибаутки;

А въ щастьи проживетъ, конечно, до сна лѣтъ!

О женщины! о милыя, слабыя созданія, и вы иногда возстааете противъ непостоянства мужчинъ! Удивляюсь!!!

П . . . лъ У . . . въ.

Астрахань.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОЩАНІЕ БАЙРОНА СЪ ДОЧЕРЬЮ.

(Изъ *Чайльдъ - Гарольда*).

I.

Сходно-ль ты съ матерью своей,

Мое покинутое чадо,

Краса обитела моея,

Единый сердца другъ, о Ада!

Когда въ послѣднее взиралъ

Я на чело твое младое:

Лучь упованья согрѣвалъ

Мечты мои.— Теперь иное:

Внезапнымъ страхомъ пробуждѣнъ,

Я мрачный Океанъ встрѣчаю,

И воетъ бури оглушѣнъ!

Я въ путь лечу! Куда—не знаю!

Но кончено. Съ минутой сей,

Ни чувства радости, ни спона

Не возбудишь въ груди моея

Вдали чуть видный средь зыбей

Родимый берегъ Албіона.

II.

Опять, опять я заблуждалъ
 По гралямъ, въпрамъ влекомымъ,
 И подо мною скачель валь,
 Какъ конь подъ всадникомъ знакомымъ.
 Бушуй, холмисл царство волнь,
 По безрубежному раздолью!
 Несисл быспро въ пущь мой чомнь,
 Послушный бури своеволью!
 Пусть грозенъ прескъ снастей шугихъ,
 И въ зыбяхъ воздуха клубишся
 Въприло, сорванное съ нихъ,—
 Мой грустный путь не прекратится.
 Я, какъ низверженный съ скалы
 Тростникъ на лоно Океана,
 Блуждаю по безбрежью мглы,
 Куда влекутъ меня вавы,
 Несешъ дыханье урагана! —

Иванъ Гогісвъ.

Ш А Р А Д А.

Отгадчика слогъ *первый* не сбиваетъ:
 Межъ Русскихъ гласныхъ онъ щипается липеръ—
 И слѣдственно—не р, не ф, не ь, не ъ.
 Его, когда ребѣнокъ повторяешъ,
 То самъ пугается или другихъ спращаетъ.
Второе—Галльскій вождь: онъ презря ядеръ свиспъ,
 Со славою въ битвѣ палъ. А *все*—кавалериспъ.

Въ No 57-мъ, помѣщенная шарада значитъ: *Cure-dent*.

M O D E S.

Dans l'enceinte, les toilettes sont celles que nous avons déjà vues dans les théâtres. Ce ne sont pas des négligés, ce sont des demi-toilettes. Des mousselines ou des batistes d'Écosse doublées de taffetas, des foulards et des mousselines de laine, des organdis imprimés ou brodés. Les châles de cachemire carrés, les satins brochés et les foulards écossais se partagent à peu près en égalité. Puis viennent encore les mantelets de taffetas noir, bordés de haute dentelle noire, les longues pélerines en pou de soie de couleur tendre, et celles de mousselines blanche brodée, garnies de volans en mousseline brodée.

Les fleurs sous les chapeaux se voient aux femmes dont l'élégance n'est pas un doute; cependant elles sont encore rejetées par la généralité du monde recherché. A l'un des concerts de la semaine passée, on remarquait beaucoup madame T*** avec un chapeau en paille de riz orné de rubans blancs et de groseilles rouges, dont on retrouvait deux branches mêlées à ses vaporeuses boucles blondes.

Sur un chapeau de crêpe blanc Madame S*** avait un bouquet de bluets et des rubans de gaze à dessins finement brochés à mille raies bleues; sous la passe de son chapeau, accompagnant des nattes à la *Berthe*, était une délicate guirlande de bluets.

Pl. No 22. Сммотри ниже.

M O Д Ы.

Въ кругу, наряды тѣ же, какіе мы видали въ театрахъ. Это не *неглиже*, а полунаряды. Кисей или Шотландскіе батисты, подложенные пафшою, фулары и шерстяныя кисей, органди печатныя или вышитыя Турецкіе платки; запканныя атласы и Шотландскіе фулары, почти въ равномъ употребленіи. Потомъ манильи изъ черной пафши, обшитыя широкимъ чернымъ кружевомъ; большія пелеринки изъ pou de soie нѣжныхъ цвѣтовъ, и бѣлыя кисейныя вышитыя, опороченныя вышитыми кисейными оборками.

Цвѣшны подъ шляпками видны на дамахъ, которыхъ щеголеватость не подлежитъ сомнѣнію; однако, вообще они еще не въ употребленіи съ отличномъ свѣшъ. Въ одномъ концертѣ, на прошедшей недѣль, весьма замѣтили г-жу T... въ басовой шляпкѣ, опдѣланной бѣлыми лентами и красною смородиною, которой двѣ выпки перемѣшаны были съ ея прозрачными бѣлокурными буклями.

На бѣлой креповой шляпкѣ г-жи S. былъ букель изъ васильковъ и газоваго ленны съ узорами, слегка запканными мелкими голубыми полосками; подъ полемъ шляпки была легкая гирланда изъ васильковъ, прикрывавшая косы à la *Berthe*.

Поправка.

При *Литер. Прибавл.* роздана картинка *дѣтскихъ модъ* за No 21, а описаны *моды дамскія*, кои, за No 22, при семь прихажаются: это сдѣлано по ошибкѣ.

свѣшльниковъ рода человѣческаго. Надобно умѣть замѣчать ихъ погрѣшности, и не скрывать изящное, съ избыткомъ выкупающее первыя.

Сверхъ того, журналистъ долженъ остерегаться, чтобы прудъ одного не приписать другому; болѣе же всего, чтобы не опинить у своего согражданина честь какого нибудь изобрѣтенія, предославя его иностранцу. Онъ сдѣлается чрезъ то ненавидимъ своимъ соотечественникамъ, ревнующимъ о славѣ отечества, дорожащимъ каждымъ именемъ, его озаряющимъ.

Неприлично привязываться къ мелочамъ, поспѣшно унцижаятъ крипику клеветною. Выписывать должно текстъ съ точностію, и безъ малѣйшей перемѣны.

Книги должно разбирать по правиламъ, а не по прихоти, духу времени, или предразсудкамъ, прицѣпимъ въ обществѣ. Тутъ нѣтъ мѣста ни мщенію, ни самоуправству.

Слогъ журналиста долженъ быть простъ, числъ, ясенъ, почтенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не было въ немъ примѣтно и малѣйшаго прицѣпанія на краснорѣчіе и ученость.

Пусть онъ хвалитъ безъ лести, осуждаетъ безъ обиды, и знакомитъ читателей съ извѣстными иностранными произведеніями словесности.

Но пора кончить: продолжая сіи замѣчанія, ничего не скажу новаго, а повторю только сказанное однимъ славнымъ Французскимъ писателемъ въ пространномъ разсужденіи о крипикѣ.

«Вопь зеркало, пусть въ него посмотрятся нѣкоторые наши господа журналисты, оно вѣрно покажетъ имъ литературные ихъ грѣхи. Радъ буду, если бѣглыя мой замѣчанія, примутъ они какъ полезный совѣтъ чловѣка опытнаго, безпристрастнаго, любящаго читать хорошія книги и журналы, но не принадлежащаго къ цѣху журналистовъ.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М О Р Е.

Какъ вѣчность, какъ мысль, необъятно оно!
 Свирѣпо, какъ адъ, какъ младенецъ спокойно,
 Расходился вдругъ непослушная хлябь,
 И тысячи главъ поднимаетъ до неба,
 Какъ будто наскучило въ пѣсныхъ брегахъ,
 И хочетъ имѣть оно землю поспелью,
 Кавказа хребетъ подголовьемъ своимъ,
 И хлещетъ утесы сердитою влагой,
 Но тѣ безомѣнно на стражѣ споятъ;
 И чѣлны глотаетъ волною голодной
 И прячетъ богатство, какъ скрята, на днѣ, —
 Куда не проникъ чловѣкъ ненасытнй,
 Тотъ кладъ берегуетъ и Акула и Киптъ...
 Но часто, уткнувъ, заснетъ величаво,
 И дремлетъ лѣнливо поверхность пучинъ,
 И смотрится небо въ томъ зеркалѣ водномъ,
 И видишь подобье себѣ на землѣ,
 И солнце въ немъ понетъ; лучами злаными
 Его япшаритъ при восходѣ своемъ,
 Шипучую пѣну огинетъ въ часъ закапа,
 Луна жемчужитъ его лоно въ ночи,
 И пѣжно лелѣетъ сонъ спарца съдова,
 Но пылкаго вѣчно, по вѣчно младава.
 О чемъ говоритъ онъ—не знаетъ никто;
 И спарца языка никто не увѣдалъ,
 И смыслъ его звуковъ никто не проникъ,
 Но пѣтъ исполинскимъ, громовымъ глаголомъ
 Не тайну ли міра онъ хочетъ сказать,
 Не Бога ли хвалитъ, не смутно-ль пророчитъ
 О жизни грядущей, о тайнѣ гробовъ?
 Иль только о прошломъ старикъ вспоминаетъ?
 Свидѣтель могучій дѣлнй былыхъ,
 Желаетъ онъ высказать повесть столѣтій,
 Иль глухо ворчитъ онъ на жалкихъ людей
 И свищепъ и воетъ въ гранитныхъ утесахъ
 И бѣлою пѣной сребритъ берега.

М. Демидовъ.

ENIGME.

On m'insulte à la Mecque, on me révere à Rome;
 Contre les traits du Ciel je vins protéger l'homme.
 Qu'il soit faible, qu'il soit puissant;

Qu'il pousse la charrue ou qu'il porte le glaive,
 Pour faire son salut, vers moi son bras s'élève,
 Et je suis au coupable autant qu'à l'innocent.

Въ No 58-мъ, помѣщенна шарада значить: *Уланъ*.

К Р И Т И К А.

Карта Россійской исторіи, составлен-
 ная *М. Духовскимъ*. 1834.

Познаніе исторіи пребудетъ опъ всякаго образованнаго челоука, и соспавляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ въ планѣ нашего воспитанія. Въ школѣ заперживаемъ мы сонни хронологическихъ чисель, удерживаемъ въ памяти длинныя ряды именъ Государей, выучиваемся рассказывать довольно подробно важнѣйшія историческія происшествія. Такой запасъ свѣдѣній можетъ, безспорно, удовлетворить свѣской взыскательности и врожденному намъ любопытству, но не составитъ еще полнаго и основательнаго знанія исторіи. — Если исторія, какъ живая свидѣтельница всего бывшаго въ мірѣ, должна научать насъ опытности, то наставленія ея принесутъ намъ большую пользу, чѣмъ обширнѣе будетъ кругъ ихъ дѣйствія. Челоука, какъ опдѣльное лицо, могъ бы еще обойтись безъ назидательныхъ уроковъ ея; но государства, для коихъ собственная опытность покупается нерѣдко слишкомъ дорогою цѣною, должны безпрестанно имѣть предъ глазами быпописаніе и слѣдовать указаніямъ сего испытаннаго путевоидителя. Каждый изъ насъ принимаетъ участіе въ судьбѣ своего отечества, и съ сей-то стороны изученіе исторіи становится для насъ необходимымъ. Чтобы представить себѣ въ истинномъ свѣтѣ настоящее положеніе какого нибудь государства, должно сравнить оное съ предыдущими и изъ общаго ихъ соображенія вывести заключенія.

Но какъ трудно представить себѣ въ полной и вѣрной картинѣ судьбу народа съ самаго начала до послѣдней эпохи его существованія? Какъ легко растеряться въ этой смѣси сходныхъ и несходныхъ про-

исшествій, лицъ, спранъ, правленій, годовъ? А между тѣмъ незначительная ошибка памяти можетъ сообщить совершенно ложное направленіе нашимъ мыслямъ. Такая прудность заспавила придумывать различные средства къ облегченію познанія столь важной науки, какова исторія. Однимъ изъ лучшихъ служатъ, безспорно, такъ называемыя *историческія карты*, на копорыхъ въ спрогомъ хронологическомъ порядкѣ, въ самомъ сжатомъ видѣ, излагаются происшествія, относящіяся къ исторіи одного или многихъ народовъ. Желаящіе пользоваться ими, должны запердивъ въ памяти чертежъ ихъ, чтобы при названіи извѣстной эпохи, воображенію ихъ тотчасъ представилась соотвѣтствующая оной часть или полоса карты съ ея числами, войнами, переміріями, историческими лицами, законами и пр.: точно такъ знающій географію, при имени какой нибудь страны, мысленно рисуетъ себѣ ея фигуру, проводитъ въ ней рѣки, означаетъ положеніе озеръ, направленіе горныхъ хребтовъ.... Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, книжнымъ знаніямъ предоспавляется дополнить подробности, копорыхъ недоспаетъ на картѣ.

Иностранная литература давно уже обладаютъ опличными такого рода пособіями. Атласъ *Лесажа*, пріобрѣтшій всеобщую извѣстность и безпрестанно являющийся въ новыхъ изданіяхъ, однимъ собою достаточно уже доказываетъ пользу подобныхъ сочиненій. Въ нашей словесности существуетъ *Рѣка Времени*, изображающая всеобщую исторію государствъ; есть спеціальныя историческія карты для Греческой и Римской исторіи; но отечественное быпописаніе, если не ошибаемся, опдѣльно не было еще изложено въ такомъ видѣ.

Разспавриваемая нами карта г. *Духовскаго* начинается опъ *Рюрика* (862) и оканчивается 1833 годомъ. Вверху предспавляется широкая рѣка съ надписью: *Славянскія племена*, раздѣляющаяся попомъ на нѣсколько частей, на коихъ значатся: *Сербы, Босняки, Чехи, Моравы, Полоряне, Польша, Россія*, Оспавляя прочія Славянскія государства,

авторъ занимается только Польшею и Россією. Спустились нѣсколько ниже и взгляните на это множество разноцвѣтныхъ полосъ или ручьевъ, раздѣляющихся на опдѣльные пропоки, пересѣкающихъ другъ друга въ различныхъ направленіяхъ, сливающихся и снова раздѣляющихся: это періодъ удѣловъ, времена междоусобій. Продолжая ваше путешествіе, вы замѣчаете, что образуется новая широкая рѣка, принимающая въ себя съ обѣихъ сторонъ нѣсколько пропоковъ; прочитайте на картѣ: это царствованіе *Іоанна III*, его сына и внука. Чѣмъ болѣе приближаетесь вы къ XIX-му столѣтію, тѣмъ шире становится печеніе рѣки, въ которой наконецъ исчезаютъ всѣ ручьи, опдѣлившіеся при ея началѣ или люющіеся совсѣмъ изъ посторонняго источника. По бокамъ сей карты пlynутся двѣ полосы, изображающія: лѣвая исторію *Управленія церкви*, а правая исторію *Науки и Художества*. Кромѣ того на боковыхъ бордюрахъ означены въ небольшихъ кругахъ столѣтія, которыя должно всегда подразумѣвать при цифрахъ, выставленныхъ въ самомъ текстѣ (потому что въ *полосахъ* не пишется всего числа). Такъ напр: передъ *Дмитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ* стоитъ 62; проведя отъ этого числа мысленно горизонтальную линію къ споронѣ карты, найдемъ, что сей князь вступилъ на престолъ въ 1362 году. Для облегченія такового прійсканія проведены между сопвѣтственными кругами тонкія линіи.

Достоинство *исторической карты* состоитъ въ краткости, въ полнотѣ, въ искусномъ выборѣ событій; здѣсь не должно пренебрегать самую внѣшнюю форму и другими мелочами, которыя ничего не значатъ въ *книгѣ*. Разсматривая карту г. *Духовскаго*, какъ первый въ семъ родѣ опытъ въ нашей типографіи, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи поблагодарить автора за столь полезное предпріятіе. Но, съ другой стороны, желая показать, что первый шагъ въ каждомъ дѣлѣ бываетъ всегда сопряженъ съ затрудненіями и погрѣшностями, мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія, составленные нами при бѣгломъ обзорѣ его прую-

да. Въ полосѣ съ надписью: *Науки и Художества*, въ которой содержится и законодательная часть, Судебникъ *Іоанна IV* помѣщенъ такъ высоко, что по закону горизонтальности долженъ быть отнесенъ къ царствованію *Василія Іоанновича*; объ уложеніи же *Іоанна III*, о Кормчей книгѣ, Городовомъ положеніи, о Грамотѣ на избраніе *Михаила Ѳеодоровича*, о Полномъ Собраніи и о Сводѣ Законовъ не упоминается ни слова. Въ числѣ писателей нѣтъ ни *Курбскаго*, ни другихъ знаменитыхъ лицъ. Нѣкоторыя важныя событія пропущены или помѣщены не въ надлежащемъ мѣстѣ. Пашествіе Татаръ прописано большими буквами, а о сверженіи Татарскаго ига ни слова, такъ что неопытный ученикъ въ правѣ подумать, что мы доселѣ плачѣмъ дань Баскакамъ и цѣлуемъ Ханскую басму. Послѣ *Іоанна Васильевича Грознаго* слѣдуетъ прямо *Борисъ Годуновъ*, а *Ѳеодоръ Іоанновичъ* совершенно выключенъ изъ списка Россійскихъ Государей. Авторъ молчитъ объ уничтоженіи мѣстничества; за то объ уничтоженіи същъ Запорожской упоминаетъ въ царствованіе *Алексія Михайловича* подъ 1675 годомъ, т. е. цѣлымъ столѣтіемъ прежде, нежели какъ случилось на самомъ дѣлѣ. Кончина *Миниха*, *Потѣлкина*, сраженія при Мачинѣ, при Чесмѣ и др., хотя по значащимся при нихъ числамъ и принадлежатъ къ царствованію Императрицы *Екатерины великой*, но по занимаемому ими мѣсту должны быть отнесены къ правленію Ея Преемника. Хронологія иногда отступаетъ отъ общепринятаго мнѣнія; такъ противъ *Ольги* и *Святослава* выставленъ 949-й годъ вмѣсто 945, противъ *Іоанна Васильевича Грознаго* 1535 вмѣсто 1533, и пр. Наконецъ, поелику карта сія предназначается, вѣроятно, не столько для знающихъ Русскую исторію, сколько для учащихъ оной, то мы не желали бы встрѣчать въ ней непонятныхъ словосокращеній и орфографическихъ ошибокъ, подобныхъ слѣдующимъ: 1617 въ *Столб.* съ *Швец.*, 1667 въ *Андр.* съ *Пол.*, 1699 въ *Кар.* съ *Дан.* *Польш.*, *Симіонъ Пермскій*, *Арсентій Грекъ*, *Андрианъ*, *Махметъ Алинъ* и проч.

Впрочемъ, исчисленные нами недоспапки, изъ коихъ многіе произошли, вѣроятно, по одной ошибкѣ гравировщика, не уменьшаютъ достоинства сего опыта, и мы питаемъ пріятную надежду, что просвѣщенная Публика, лестнымъ вниманіемъ къ нему, ободритъ автора къ дальнѣйшимъ занятіямъ на поприщѣ опечеспвленной исторіи, которая такъ нуждается въ трудолюбивыхъ дѣлаателяхъ.

И. Д.

M O D E S.

Les organdis peints nous ont frappé de leur frais et délicieux aspect, dans les réunions demi parées et dans toutes celles où la toilette doit indiquer de la recherche. Nous citerons ceux que nous avons vus aux magasins de *Gagelin*. Quelques-uns à colonnes riches et légères se détachent en mille nuances sur un fond blanc, d'autres à bouquets jetés brillent aussi de couleurs variées sur un fond chamois ou bleu de ciel. Aucune nouveauté de l'année ne nous a paru, comme simplicité, plus élégante que celle-ci. Les organdis imprimés ne doivent pas se confondre avec les organdis *gouachés*; ces derniers ont peut-être plus d'éclat et d'effet, mais ils n'ont pas la faculté de se laver comme les autres, que l'on peut blanchir avec les mêmes soins que la mousseline.

Un nouveau magasin de modes s'est ouvert, boulevard Montmartre; nous avons remarqué que Mme *Lemoine* dispose ses modes avec bon goût, distinction et variété. Un beau chapeau de paille d'Italie orné de plumes blanches, un chapeau de paille de riz avec des ceillets blancs, à peine rosés, et un ruban de taffetas blanc broché sur les bords; un chapeau en pou de soie vert à plumes vertes et ruban foulard; des chapeaux de crêpe, dont l'un orné de fleurs de sureau; des bonnets de blonde à petites fleurs posées avec beaucoup de grâce, composaient un envoi charmant que Mme *Lemoine* expédiait ces jours derniers pour le Brésil.

Mme *Ratel*, rue des Filles-Saint-Thomas, possède une merveilleuse pommade pour teindre et fortifier

les cheveux, que l'on désigne sous le nom de *pommade noire*. Il y a des exemples de cheveux blanchis avant l'âge, rendus à leur couleur naturelle par l'action de cette pommade sur la racine, à laquelle elle donne sa première vigueur.

М О Д Ы.

Печатныя органди поразили насъ своею свѣжестію и прелестнымъ видомъ, въ полу-нарядныхъ собраніяхъ и во всѣхъ мѣхъ, гдѣ наряды должны означать нѣкоторую изысканность. Мы назовемъ тѣ, которыя мы видѣли въ магазинѣ *Gagelin*. Иныя съ богатыми, легкими гирляндами; опдѣляющимися пышью цвѣтами на бѣломъ грунѣ, другія съ разбросанными букетами, блестящія также разнообразными цвѣтами на верблюжемъ или небесно-голубомъ грунѣ. Никакая новостъ въ теченіи года не показалась намъ, какъ простота, щеголеватѣе этой. Печатныя органди не должно смѣшивать съ органди *gouachés*. Сн послѣднія имѣютъ можетъ быть болѣе блеску и виду, но ихъ нельзя мыть, какъ другія, которыя моются такимъ же образомъ, какъ кисей.

Открылся новый модный магазинъ въ улицѣ Мон-Мартръ. Мы замѣтили, что г-жа *Lemoine* дѣлаетъ свои моды съ хорошимъ вкусомъ, оплчціемъ и разнообразіемъ. Красивая Италіанская соломенная шляпка, опдѣланная бѣлыми перьями; баспоявая шляпка, опдѣланная бѣлыми гвоздиками, едва розоватыми, и бѣлыми пафьяными лентами, зашканными по краямъ; шляпка изъ зеленого *pou de soie*, съ зелеными перьями и фуларовою лентою; креповыя шляпки, изъ копорыхъ одна опдѣлана цвѣтами бузины; блондовые чепчійки съ мелкими цвѣтами, положенными съ большою ловкостью, составляли прелестную посылку, опправляемую г-жею *Lemoine* въ Бразилію.

У г-жи *Ratel*, въ улицѣ des Filles-Saint-Thomas, находится чудесная помада для крашенія и укрѣпленія волосъ, означаемая названіемъ *чертой помады* (*pommade noire*). Есть примѣры, что волосамъ, посѣдѣвшимъ прежде времени, возвращался натуральный цвѣтъ дѣйствіемъ этой помады на корень, копорому она придаетъ прежнюю силу.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 60.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
сплаткою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 28 дня, 1834 года.

... . Волей полной насладиться
Алкалъ безумецъ молодой,
И вскорѣ началъ онъ поминься
Предѣловъ свѣтскихъ тѣснопой.
Ему въ гостинныхъ спало душно;
Ему досадно и смѣшно
Въ нихъ показалось одно,
Другое глупо, прешье скучно.

Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОБЪ АЛЬМАНАХЪ АНЕКДОТОВЪ, НА 1834
ГОДЪ ИЗДАННОМЪ.

(*Окончаніе.*)

Анекдоты *третьяго* разряда:

Сихъ послѣднихъ сполько, что если-бъ
ихъ всѣ выписывать: то надлежало бы пе-
реписатьъ три четверти книги. Ограничимъ
ся пѣмъ, въ коихъ ошибки сами собою въ
глазѣ бросающся.

1. Кавалеръ *Тайлоръ*, находясь въ большомъ
запруденіи, какой избрать (надлежало бы
сказать: *девицъ*) *эпиграфъ* для своей кареты,
обратился съ сею просьбою къ *Фоте*, копо-
рый спросилъ *Тайлора*:

«Какой у васъ гербъ?»

— Три ушки. —

«Ну, такъ прибавьте слова: *квакъ, квакъ,*
квакъ.»

2. Одна дама говорила другой, коей мужъ
слылъ въ обществахъ любезностию, но дома
былъ настоящимъ пираномъ:

«Я завидую, сударья, вашему супруже-
скому щастію, у васъ мужъ такой добрый,
любезный, забавный, его можно сравнить
со скрипкою *Паганини*, коей даже слабые
аккорды приводятъ *всѣхъ восторгъ.*»

— Можетъ быть, но коль скоро онъ воз-
вращается домой, то сей часъ *вѣшаетъ*
скрипку и шляпу. —

3. Авторъ вновь предсавленной оперы
былъ весьма недоволенъ своимъ декоратѣромъ.

«Признайтесь, сударь, сказалъ онъ ему,
что замокъ вашъ былъ весьма *дуренъ для*
моей оперы.»

— А ваша опера, возразилъ живописецъ,
еще дурнѣе для моего замка. —

4. Однажды *Наполеонъ* спросилъ возвратив-
шагося съ посольства *Талейрана*: что ду-

мають о мнѣ на востокъ? — «Ваше величество, опивчалъ *Талейранъ*, один щипають васъ Богомъ, другіе дьяволомъ, но никто *геловькомъ*.»

5. Немногимъ извѣстны раздоры, происходившіе въ 1560 году, по случаю привоза табаку во Францію съ острова Табаго. Тогдашніе богословы сильно негодовали на сіе *сладострастіе*; порошокъ сей былъ яблокомъ раздора, брошеннымъ между еологами. Одни думали, что нюхаютъ табакъ есть дѣло ни худое, ни доброе для спасенія души. Другіе напротивъ утверждали, что нюханіе табаку есть безчестіе и одна *гепотка* онаго есть уже смертельный грѣхъ. Многіе писали о вредѣ и о пользѣ табака, но употребленіе его распространялось съ необыкновенною быстротою.

Урбанъ VIII кончилъ богословскіе споры, оплучивъ всѣхъ употреблявшихъ табакъ отъ церкви; но добрый Папа *схватился* очень поздно, и табакерки презирали громовыя стрѣлы *Ватикана*.

Однажды краснорѣчивый Доминиканецъ превозгласилъ въ Римѣ, что будетъ проповѣдывать о грѣхѣ нюхатъ табакъ. Спеченіе вѣрныхъ было многочисленное. Слушатели крайне удивились, что преподобный паспырь, сдѣлавъ всупленіе къ проповѣди, вынулъ изъ кармана табакерку и положилъ возлѣ себя. Сперва всѣ полагали, что сей ящичекъ будетъ служить вишійшвеннымъ средствомъ для искорененія сего зла; но удивленіе ихъ увеличилось, когда святой отецъ при каждой спранциѣ опускалъ пальцы въ табакерку и бралъ огромную *гепотку* табаку съ истиннымъ сладострастіемъ. Сіе машинальное движеніе повторялось споль часто, что, при концѣ проповѣди, табакерка опустѣла. Преподобный отецъ, замѣшивъ свою разсѣянность и, желая исправить споль грубую ошибку, произнесъ слѣдующія слова изъ Священнаго Писанія:

«*Послѣдуйте словамъ моимъ, но не дѣйствию моему.*»

6. Шли два мальчика и увидѣли мясника, копорый *закалывалъ* пеленка. Одинъ изъ нихъ испугался и сказалъ своему поварщику:

«Я ни за что на свѣтѣ не согласился бытъ мясникомъ.»

— Это правда, опивчалъ мальчикъ, но лучше бытъ мясникомъ, нежели *теленкомъ*.» —

7. Совѣтникъ *К** приказалъ себя похоронить въ Капуцинскомъ плащѣ. Когда тѣло его спояло на парадѣ, женщина, которую онъ сдѣлалъ несчастною, подходитъ къ гробу и говоритъ: «*А! бездѣльникъ! ты прятешься, но Богъ тебя отыщетъ.*»

8. *Одного спросили*, кто изъ нихъ старше братъ или онъ?

«Теперь я старшій, опивчалъ онъ, но когда братъ мой проживетъ еще при года, то мы будемъ *однихъ лѣтъ*.»

9. *Марію*, дочь короля *Якова*, предполагали выдать за принца Оранскаго. *Викторъ*, въ письмѣ къ другу, писалъ: «Это зависить отъ прехъ непостоянныхъ спихій: *женщины, вѣтра и Парламента.*»

10. *Малгеръ*, приверженецъ *Людовика XVI*, часто посѣщалъ короля въ шенницѣ. Однажды въ ненастную погоду онъ хопѣлъ кучеру, довезшему его, дать двойную плашу. Но онъ *отказался въ прилітїи*, говоря: «Нѣтъ, за дѣло короля, я хопѣ на край свѣта повезу безъ всякаго ропота.» — Но твои бѣдныя лошади. . . . — «Онѣ думаютъ, какъ я.»

11. Адвокатъ *Л.* входитъ къ лорду *Турлову* и объявляетъ за новостъ, что Богъ даровалъ *догери сына трактирщика Хансе*.

«Какое мнѣ до эшаго дѣло,» опивчалъ лордъ.

— Но, говорятъ, будто вы отецъ. —

«Какое вамъ до эшаго дѣло?»

12. Жидъ-маркишаншъ, снабжая войско во время войны съѣстными припасами, не упустилъ случая разбогатѣть. По окончаніи военныхъ дѣйствій, Жидъ, не довольствуясь прїобрѣтеннымъ богатствомъ, желалъ получить дворянство. Такъ какъ безъ покровителей на свѣтѣ ничего не дѣлается, то онъ зналъ средство, какимъ образомъ ихъ

приобрѣсть. Ему удалось всѣхъ вельможъ, имѣвшихъ при дворѣ силу, склонить на свою сторону, исключая одного, котораго не продавалъ своей совѣсти *по вѣсу*.

Жидъ вошелъ съ просьбою къ королю, и представляя свои заслуги отечеству, просилъ дворянской грамоты. Король, по ходатайству вельможъ, согласившись, обратился къ своимъ приближеннымъ, прося избрать для него гербъ; какъ вдругъ царедворецъ, котораго онъ не успѣлъ подкупить, сказалъ: «Самый приличнѣйшій гербъ для него, ваше величество, *пѣвица на золотомъ полѣ*».

Сей сарказмъ столько подѣйствовалъ на короля, что онъ отказалъ Еврею.

13. Въ Парижѣ Савоярды занимаютъ чистеніемъ на улицахъ сапоговъ. Оперистъ пеатра Feydeau, проходя мимо маленькаго Савоярда, приказываетъ ему вычислить сапоги; мальчикъ съ большимъ усердіемъ принимается; по окончаніи оной, актеръ хотѣлъ дать ему нѣсколько су за труды, онъ отказывается, но говоря: «Товарищи должны другъ другу помогать.»

— Товарищи?—съ удивленіемъ спросилъ актеръ.

«Точно такъ, сударь, мы съ вами вмѣстѣ служимъ при оперѣ, *ибо это я, который иллетъ геть играть ангеловъ и гетей.*»

14. Во время карнавала 1795 года въ Бордо собралось множество посѣпидей въ гостиницу Льва. Вдругъ въ залѣ, гдѣ играли въ карты, часть потолка обрушилась. Всѣ спѣшили выйти, кромѣ сидѣвшихъ за карточнымъ столомъ, которые даже не оглянулись при паденіи потолка и, продолжая свое ежедневное ремесло, смѣялись при семъ случаѣ. Наконецъ и другая часть потолка начинала обрушиваться; практирщикъ вбѣгаетъ и проситъ всѣхъ выйти, но одинъ изъ игроковъ хладнокровно отвѣчаетъ: «*сей гасъ, милой мой, дай намъ только кончить туру.*» Наконецъ вида близкую опасность, игроки вскакиваютъ, берутъ ломберный столикъ и уносятъ въ другую комнату; но, чтобы не прервать игры, каждый въ свою очередь кричалъ: «*Шестъ.*»—«*Пасъ.*»—«*Шестъ въ сюртахъ.*»—«*Grand misère.*»

15. *Моцартъ*, будучи семи лѣтъ, путешествовалъ съ опцомъ по Европѣ. По прибытіи въ Вѣну, маленькаго *Моцарта* потчасъ представили Императрицѣ *Терезіи* и Императору. Онъ сѣлъ Императрицѣ на колѣна, обнялъ еѣ и нѣжно поцѣловалъ. Она ни мало не обидилась дѣтскимъ простодушіемъ, подобно, какъ и *Георгъ IV*, когда прекрасный *Райнеръ*, вмѣсто того, чтобы поцѣловать руку, бросился къ нему на шею. Императрица подарила *Моцарту* изъ тонкаго лиловаго сукна съ золотою бахрамою плащъ, назначенное для *ерцъ-герцога Максимилиана*. Въ бытность свою въ Парижѣ въ 1763 году малютка *Моцартъ* хотѣлъ поцѣловать г-жу *Полпадуръ*. Однако она отворопилась. Дитя съ досадою спросило: «*Чтожь это за знатная дама, что не хочетъ меня поцѣловать. Кажется она не лучше Императрицы Терезіи.*»

16. Слѣдующее происшествіе случилось въ томъ же году (1763) въ Вѣнѣ. Двѣ *ерцъ-герцогини*, изъ коихъ одна была *Антоанетта*, водили малютку *Моцарта* по дворцу; ребенокъ упалъ на паркетномъ полу. *Антоанетта* поспѣшила поднять его, между тѣмъ, какъ другая даже не пронулась съ мѣста. «Вы предобрый, сказалъ ей *Моцартъ*, я на васъ женюсь.» *Антоанетта* рассказала сіе Императрицѣ, которая спросила его, почему онъ хочетъ на ней жениться?

«*Изъ благодарности,*» отвѣчалъ малютка.

17. Честнолюбивый баронъ *В*** имѣлъ слабость всегда говорить о своихъ предкахъ, изъ коихъ нѣкоторые сдѣлались извѣстными, на что ему однажды сказалъ нѣкто:

«Топъ, кто одними предками только можетъ похвалиться, подобенъ карпофелю, *кой все лучшее погребено въ землѣ.*»

18. Когда освѣщеніе газомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Парижѣ, то долгое время составяло предметъ всеобщихъ разговоровъ. Однажды Англичанинъ приходилъ въ практиръ обѣдать. За столомъ много толковали о семъ новомъ изобрѣтеніи, приписывая ему превосходство предъ масломъ.

Лакей, подавая Англичанину блюдо *со спаржами*, спросилъ: «прикажете, сударь, съ Голландскимъ соусомъ или съ масломъ?»

— Нѣтъ, другъ мой, съ *газоми*. —

19. Цирюльничъ приходилъ, рано упромъ, въ обыкновенное изъ своихъ лѣтъ и начинаетъ бришь господина. Во время бришья, цирюльничъ, взглянувъ на барометръ, сомнительно покачалъ головою. Господинъ спросилъ :

«Что это значить?»

— Вашъ барометръ невѣренъ. —

«Почему-жь?»

— Я сей часъ отъ механика *Р.....* и его барометръ показываетъ вѣтръ и дождь, а вашъ *дождь и вѣтръ*.»

20. Въ числѣ новосформированнаго полка * находился одинъ рекрутъ Еврей, который весьма мало дѣлалъ успѣховъ въ военной тактикѣ, и какъ на слѣдующій день былъ назначенъ генеральный смотръ, то капитанъ, послѣ ученія, призвалъ рекрута къ себѣ на кварширу и тамъ занялся съ нимъ, но видя всѣ старанія безуспѣшными, въ досадѣ закричалъ: «Худо! еще разъ.» Еврей повторилъ: «Худо! еще разъ.» Еврей опять сдѣлалъ на плечо. Но капитанъ, вскочивъ съ дивана, взялъ у него ружье и сказалъ:

«Садись на мое мѣсто, и замѣчай все, что я буду дѣлать, дабы ты могъ потомъ повторить.»

Еврей сѣлъ на диванъ, и когда капитанъ сдѣлалъ на плечо, то онъ воскликнулъ съ досадою: «Худо! еще разъ.»

Капитанъ поневолѣ улыбнулся и опустилъ рекрута.

21. Полицейскій комиссаръ, поймавъ вора на мѣстѣ преступленія, хотѣлъ довести его до висѣлицы, но мошенникъ, упавъ на колѣни, обхватилъ его ноги и умолялъ пощадить жизнь, представляя, что бѣдность и нищета, въ коей *вергнуто его семейство*, принудило его рѣшиться на сей поступокъ. Комиссаръ, пронутый несчастнымъ положеніемъ вора, сказалъ: «на сей разъ я тебя прощаю, съ тѣмъ, чтобы ты мнѣ далъ честное слово навсегда исправиться.»

—Клянусь вамъ, опивчалъ мошенникъ, и въ доказательство моего исправленія возвращаю вамъ золотыя пряжки, которыя сей часъ *снялъ съ ногъ вашихъ*. —

22. Англичанинъ, который снискивалъ себѣ пропитаніе, нанимаясь плакать на похоронахъ, приходилъ къ поварищу и говорилъ: «Послушай, *Томъ, послужи дружбу*.» —А что такое? — «Сходи за меня плакать на похороны банкира *Карласа*.» —А ты что-жь? — «*Не могу сегодня, — жена утормъ скончалась*.»

23. Въ прагедіи *Регуль* машинистъ вздумалъ, для приданія большаго эффекта, украсилъ корабль, на которомъ привозилъ героя, двѣнадцатью *гаубицами* и столько же *пушекъ*.

Можно бы поговорить еще кое-что объ *Альманахъ анекдотовъ 1834 года*, но подождемъ книжки 1835 года: тогда доскажемъ то, о чемъ здѣсь умолчано.

ВѢЖЛИВОСТЬ НЕ КЪ МѢСТУ.

«*Машинка*, какъ тебѣ не стыдно до сихъ поръ не научилъся вѣжливости; гдѣ это видано, чтобы дѣвушка своихъ лѣтъ подавала изъ рукъ своей госпожѣ требуемыя вещи? Впередъ, если я прикажу принести тебѣ чтобы то ни было, ты положи на чистую парелку, и тогда подавай: этаго требуетъ учтивость.» Такъ госпожа учила упромъ свою горничную. Послѣ обѣда она приказала ей подать туфли. *Машинка*, которой госпожа не напрасно полковала о вѣжливости, беретъ фарфоровую парелку — и съ довольнымъ видомъ подноситъ на ней туфли барынѣ.

СНИСХОДИТЕЛЬНЫЙ МЕДИКЪ.

Одинъ гаспрономъ занемогъ. Докторъ прописалъ ему лекарство, и на другой день пріѣхалъ навѣспить его. «*Иванъ Адаловичъ*,» говоритъ больной: «мнѣ хочется свиины.» — Никакъ нельзя! — «Пожалуйста позволь!» — Невозможно! — «На, вотъ десять рублей.» — *Ну, гми*. —

БЕЗКОРЫСТІЕ ЕВРЕЯ.

На одномъ блистательномъ балѣ, въ городѣ N. N., молодой Еврей, щегольски одѣтый, въ огромныхъ очкахъ, съ несносною наглостию вертѣлся вокругъ дамъ, и напѣвалъ имъ пошлыя комплименты. Это взбѣсило одного бывшего студента въ гостяхъ студента: онъ схватилъ Еврея за руку, и просилъ его за нимъ послѣдовать. «Куда?» спросилъ французъ-Еврей. — Въ ближнюю комнату, я дамъ тебѣ пощечину! — «Господинъ студентъ!» важно отвѣчалъ Жидъ: «я не выду изъ этой залы, еслибъ вы обѣщали дать мнѣ и двадцать пощечинъ!»

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРЛСБАДСКІЯ ВОДЫ.

Карлсбадъ городъ въ Богеміи, состоящій изъ четырехъ или пяти сотъ домовъ и имѣющій до 3,000 жителей. Онъ лежитъ въ 60 миляхъ отъ Вѣны и въ 76 отъ Праги, въ узкой и глубокой долинѣ, покрытой лѣсомъ и граничными утесами, что придаетъ ей видъ очень живописный. Самый городъ выстроенъ у подошвы и на отлогости холмовъ, возвышающихся по берегу рѣки Тѣплы.

Дорога въ Карлсбадъ изъ Праги идетъ по великолѣпному шоссе, которое извивается по горѣ до самаго заведенія минеральныхъ водъ, этого превосходнаго зданія, которымъ даже Римляне могли бы по справедливости гордиться. Зданіе сіе, начатое въ 1804 году, кончено въ 1806, по повелѣнію и на щѣтъ нынѣшняго Австрійскаго Императора.

Дома въ Карлсбадѣ вообще хорошо выстроены и содержатся въ большой чистотѣ. Всѣ они, во время пользованія водами, отдаются въ наймы; ихъ владельцы, къ какому бы сословію ни принадлежали, оспавляютъ для себя одни только нижнія жила.

Съ половины Юня до половины Августа бываетъ въ Карлсбадѣ самое большое спѣшеніе посѣтителей; во все продолженіе курса, тамъ можно имѣть споль у содержате-

лей практировъ, которые отпускаютъ кушанье и на домъ, по опредѣленнымъ цѣнамъ. Охотники до веселостей найдутъ въ Карлсбадѣ балы, театръ, концерны и словомъ, всѣ способы къ разсѣянію, всѣ роды удовольствій. Тамъ можно прогуливаться верхомъ и въ экипажѣ; можно получать книги, журналы, музыкальные инструменты, и пр. Товары, которыми особенно изобилуетъ Карлсбадъ, состоятъ изъ стальныхъ и оловянныхъ издѣлій, огнестрѣльнаго оружія, ножей, булавокъ и прекраснаго Богемскаго стекла.

Преданіе говоритъ, что источникъ Карлсбадскихъ водъ былъ открытъ Императорскими охотниками, которые преслѣдуя оленя, увидѣли, что одна изъ собакъ, съ ними бывшихъ, упала въ кипящую воду источника. Жалобный визгъ обжегшагося живописнаго привлекъ вниманіе Императора *Карла IV*, въ присутствіи котораго это случилось. Справедливо ли, или нѣтъ, сіе преданіе, но достоверно то, что *Карлъ IV*, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, пользовался Карлсбадскими водами въ 1347 году, чрезъ годъ послѣ сраженія при Креси, гдѣ государь сей получилъ двѣ раны, сражаясь вмѣстѣ съ *Филиппомъ VI*, королемъ Французскимъ, противъ *Эдуарда III* Англійскаго. Карлсбадскія воды послужили къ его исцѣленію, и съ того времени перестали именоваться *Карлсбадскими* (п. е. *теплыми ваннами*), а приняли настоящее свое названіе, означающее *ванны Карловы*.

Большая часть города построена на поверхности слоя, образовавшагося отъ постепеннаго накопленія осадки воды. Соляныя кристаллизациі образуются въ Карлсбадскихъ водахъ въ такомъ изобиліи, что онѣ скоро наполнили бы всѣ бассейны и засорили водопроводы, если бы по временамъ ихъ не прочищали, что бываетъ обыкновенно четыре раза въ годъ. Замѣчено также, что Тѣпла никогда не замерзаетъ, начиная отъ мѣста, гдѣ она принимаетъ въ себя теплыя воды Спруделя до самаго впаденія ея въ Эглу. Равнымъ образомъ снѣгъ, падающій на тѣ Карлсбадскія улицы,

которыя прилегаютъ къ минеральному источнику, почти потчасъ таептъ самъ собою.

Карлсбадскую воду пьютъ обыкновенно въ шесть, или восемь часовъ утра, а иногда и вечеромъ. Обыкновенный пріемъ состоитъ изъ осьми или десяти стакановъ въ день, но количество это измѣняется, смотря по свойству больныхъ. Случается видѣть иногда людей, выпивающихъ въ печеніе дня до сорока и даже до пятидесяти стакановъ.

Настоящая вода, которую берутъ изъ источника, при перенесеніи оной съ мѣста, теряетъ свои свойства. Будучи налипа въ какой нибудь сосудъ, она потчасъ даетъ густой осадокъ и покрывается бѣловатою пленкою, а при томъ получаетъ непріятный вкусъ и запахъ, которыхъ не имѣетъ въ источникѣ.

Въ продолженіе двухъ столѣтій, люди, прибѣгавшіе къ дѣйствию сихъ водъ, ограничивались, какъ показывается самая этимология слова *Карлсбадъ*, только наружнымъ употребленіемъ оныхъ и брали изъ нихъ ванны. Не прежде, какъ въ 1521 году, *Венцель Бейеръ*, изъ Эллебогена, первый, писавшій о сихъ водахъ, подалъ совѣтъ принимать оныя внутрь.

Въ прежнее время, больные оставались по семи и по осьми часовъ сряду въ ваннахъ Спрудельской воды, которую для сего нарочно прослуживали, и которая лишившись такимъ образомъ большей части своей теплоты, пѣвъ сильнѣе дѣйствовала на кожу, производя на ней саднины. Для скорѣйшаго заживленія сихъ послѣднихъ, предписывали потомъ обыкновенно теплыя ванны, и эпошъ способъ леченія производилъ иногда удивительныя дѣйствія; но какъ онъ причинялъ лечившимся сильную боль и препятствовалъ имъ участвовать въ общественныхъ веселостяхъ: то въ Карлсбадъ его совершенно оставили. Впрочемъ, онъ сохраняется еще въ нѣкоторыхъ Швейцарскихъ заведеніяхъ.

Сода входитъ въ число главныхъ составныхъ частицъ теплыхъ водъ Карлсбад-

скихъ. Важнѣйшія дѣйствія оныхъ должны быть приписаны сей щелочи, въ различномъ соединеніи ея съ кислыми солями.

Тѣ, которые испытали пользу употребленія Карлсбадской воды, знаютъ, что дѣйствія оной обнаруживаются сильнымъ внутреннимъ волненіемъ, возбуждаемымъ ею во всѣхъ душевныхъ силахъ человека. Дѣйствія сей воды при переломѣ болѣзни также доспойны удивленія; въ тѣхъ изъ больныхъ, которые должны выздоровѣть, она раждаетъ всегда чрезвычайное безпокойство.

Всякое приспальное занятіе вредно для того, кто пьетъ Карлсбадскую воду. Вода сія вовсе не портитъ глянца зубовъ, какъ увѣряли нѣкоторые. Ко всѣмъ симъ подробностямъ должно прибавить еще, что тому, кто отправляется въ Карлсбадъ, надобно быть богатымъ или честолюбивымъ. Это городъ аристокраціи и политическихъ сѣздовъ.

Съ Фр. Бр.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

Донская быль.

КОЛДУНЪ.

Я пѣму чудесь о колдунѣ
 Опрымъ въ завѣшной спаринѣ:
 Онъ волкомъ сѣрымъ, кошкой черной,
 Совой, сорокой, мертвецомъ,
 Изъ спарца съ ловкостью проворной
 Вмигъ обратясь, въ часу ночномъ
 Пугалъ народъ, и на болото
 Лепалъ блуждающимъ огнемъ,
 Томимый вражеской заботой,
 И пѣмъ скрывался въ черной мглѣ...
 Не перечесъ его проказы: —
 То пылъ взмепал, на меплѣ
 Онъ ѣдилъ, и попокъ заразы
 Вдругъ разливалъ въ Донской землѣ;
 То на Днѣпровскіе пороги
 Онъ къ вѣдмѣ Кіевской лепалъ,

Избушку на курины ноги
 Колдунъ ей спавишь помогать, —
 И въ ней кикимору съдую
 Вънчалъ онъ съ карлой-домовымъ,
 И синимъ огонькомъ, какъ дымъ,
 Зажегъ лампаду ледяную.
 И на пуховую постель
 Колдунъ, за придевать земель,
 Къ царевнѣ славной Миллиприсѣ
 Кирбишьевнѣ, скакалъ на крысѣ
 Въ молчаньи полночи глухой,
 Закушавшись въ шуманъ съдой.
 И у прекрасной Царь-Дѣвицы
 Былъ въ тридцатомъ царствѣ онъ,
 И щедро ею надѣленъ:
 Перомъ блистательной Жарь-Пшницы,
 Ширинкой съ вѣчною казной,
 Водюю мертвой и живой.
 Но говорящъ и небылицы:
 Что ими онъ цѣлилъ, морилъ,
 И будто бы въ могильномъ гробѣ
 Однажды чувства пробудилъ.
 А съ Бабою-Ягою въ спунѣ
 Объяхалъ цѣлый свѣтъ кругомъ,
 И даже въ царствѣ-золотомъ
 У пощаго гостилъ Кощея.
 За то у огненнаго змѣя
 Въ плечу проспалъ онъ приспа лѣтъ.
 Однакожъ, выбравшись на свѣтъ,
 Онъ на коврѣ на самолешѣ
 Взвился, какъ изъ лука спрѣла
 Въ своемъ губительномъ полешѣ,
 И вдаль въ прежнія дѣла.
 Съ тѣхъ поръ нечистою наукой
 Морочилъ старый чародѣй
 Крещеныхъ на Дону людей,
 Для нихъ былъ страхомъ, чудомъ, мукой.
 Всегда его недобрый глазъ
 Виною—въ бѣдахъ, причиною—въ горѣ,
 Невзгодой—въ жизни, бурей—въ морѣ.
 За то въ мірскихъ дѣлахъ не разъ
 Къ нему-жъ ходили на совѣшы.
 Хоть спарь, но смѣшливъ, зорокъ онъ,
 На все гошовъ, во всемъ смѣшлѣнъ.
 Порывы чувствъ еще согрѣшы

У спарца юности огнѣмъ
 И не по лѣтамъ бодрость въ немъ.
 Онъ, первый гость въ бесѣдѣ шумной,
 Былъ важенъ, какъ болринъ Думной
 Въ почтенной Русской спаринѣ;
 Разборчивъ—въ пищу, въ разговорѣ,
 Умрѣнъ—въ смѣхѣ и винѣ,
 Рѣшипеленъ—въ бѣдѣ и въ спорѣ,
 И въ немъ правдивъ, какъ вспаръ судья;
 Но позабылъ прибавишь я,
 Что онъ на сватьбахъ, межъ гостями,
 Былъ неизбѣжное лицо,
 Онъ и съ крыльца и на крыльцо
 Вѣлъ повобрачныхъ, и дарами
 Онъ ихъ почтенъ былъ прежде всѣхъ.
 При немъ всегда вершилось дѣло;
 А безъ него оно не зрѣло,
 Во всемъ былъ вѣрный неуспѣхъ.
 И даже брачные набѣги
 Безпрелестныхъ дѣшей войны
 Бывали имъ же внушены;
 Успалыхъ воиновъ ночлеги
 Имъ онъ враговъ охранены.
 Совѣтомъ смѣлымъ, въ вихрѣ бипвы,
 Донцовъ къ побѣдѣ вѣлъ спарикъ.
 При немъ всегда оспрѣе брипвы
 Ихъ сабли и желѣзо пикъ.
 При немъ въ опасностяхъ бодрѣ,
 Опважнѣй въ напискахъ казакъ,
 Добыча—сильныхъ, дань—вѣрнѣ;
 Смирнѣй, уступчивѣе врагъ.
 Черкесы, Турки и Ташары
 Въ наукѣ славы и побѣдъ
 Донцамъ указывали слѣдъ,
 И храбрыхъ первые удары
 Имъ были плашой за совѣшъ.
 Не усавали въ бурѣ-брани
 Казнишь враговъ огнѣмъ, мечѣмъ
 За Волгой, Камой и Днѣпромъ,
 Въ Крыму, въ Сибири и въ Казапи.
 За волны Терека, Кубани —
 Вездѣ со славою казаки
 Водили смѣлые полки.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ

Есть вмѣстѣ буква и предлогъ;

Второй—названье

Проворныхъ молодыхъ людей,

Толпящихся вездѣ, въ шашрагахъ, на гуляньѣ,

На скачкѣ, на бѣгу, на балѣ и въ собраньѣ.

Сколь' были бы они пріятнѣй и милѣй,

Когда-бъ вели себя немного поскромнѣй.

Теперь, коль *цѣлое* мое узнать хощите:

То къ Русской печкѣ подойдите.

Въ No 59-мъ помѣщенная загадка значить: *Croix*.

М О Д Е С.

Hâtons-nous de diriger les choix de toilette dans ces brûlantes chaleurs vers les organdis de toute espèce qui varient toujours élégantes dans nos premiers magasins.

Les organdis rayés, les mousselines façonnées, les organdis à pois brochés que *Tarare* a faits pour la maison *Saint-Anne*, ont changé en une fantaisie la classique robe blanche; maintenant la mousseline unie ne suffit plus aux peignoirs élégans et aux robes montantes pour demi-toilettes; il faut les organdis rayés, les semés de pois, aussi légers, aussi simples et plus coquets. Pour les jeunes personnes aussi, on peut en composer une toilette habillée. Selon la nuance des pois elles mettraient dans leurs cheveux un bouquet ou une couronne de fleurs, puis des rubans à leur tête, à leur cou, en ceinture longue, en nœud d'épaule. Ce que nous avons vu de plus charmant en ce genre est la toilette de deux jeunes sœurs à une réunion du matin. L'une d'elles avait une robe d'organdi à mouches bleues et noires, son corsage faiblement dessiné en pointe se terminait par une ceinture longue en taffetas bleu à fleurs chinées; dans ses cheveux une couronne de *ne m'oubliez pas*, descendant sur ses joues, sans boucles ni nattes, des manches courtes et des gants blancs. L'autre avait une robe à peu près semblable à mouches citron et rose; le corsage à la tyrolienne,

garni d'un haut tulle imitant la maline; dans ses cheveux deux bouquets de chèvrefeuille; pour ceinture un large ruban de taffetas foulard rose; des manches courtes garnies de bouffettes en ruban, posées en petites coques comme celles que l'on voit quelquefois au haut des gants de bal; pour bijoux des perles nouées au cou; des mitaines noires et des souliers de gros de Naples blancs.

М О Д Ы.

Послѣшимъ направить выборъ нарядовъ въ эти сильныя жары къ органди всякаго разбора, которыя всегда щеголеваты во всѣхъ своихъ разнообразьяхъ въ первыхъ нашихъ магазинахъ.

Органди съ полосками, кисеи съ цвѣточками, органди съ зашканнымъ горошкомъ, который *Tarare* сдѣлалъ для магазина *St. Anne*, перемѣнилъ классическія бѣлыя платья въ прихотливья; теперь недостаточно гладкой кисеи для щеголеватыхъ пенъуаровъ и для полуцарядныхъ платьевъ съ высокими лицами; нужно полосатыя органди, зашканныя горошкомъ, споль же легкія, споль же простыя, но щеголеватѣе. Для молодыхъ дѣвицъ можно дѣлать изъ нихъ нарядныя платья. Сообразуясь съ цвѣтомъ горошка, могутъ надѣвать на голову букеты или вѣнки изъ цвѣтовъ, или ленты на голову и на шею, длинный поясъ и банты на плечахъ. Лучшее, что мы видѣли въ семь родѣ, это была одежда двухъ молодыхъ сестеръ въ одномъ упреннѣмъ собраніи. На одной изъ нихъ было платье изъ органди, по немъ мушки голубыя съ чернымъ; лифъ, слегка обозначенный выскомъ, оканчивался длиннымъ поясомъ изъ голубыхъ шашьяныхъ лентъ съ волнистыми цвѣтами; въ волосахъ гирлянда изъ незабудокъ, спущенная на щеки, безъ локоновъ и косъ; рукава короткіе, и бѣлыя перчатки. На другой почти такое же платье, мушки лимонныя съ розовымъ; лифъ Тирольской, обшитый широкимъ шюлемъ, на подобіе кружевовъ; въ волосахъ два букета капринолія; поясъ изъ широкой фуларовой розовой ленты; рукава короткіе, одѣланные буфками изъ ленты, положенныя маленькими пеплями, какъ иногда въ верху у балыныхъ перчатокъ; на шеѣ бусы; черныя мишени и бѣлыя гроденаплевые башмаки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 61.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Августа 1 дня 1834 года.

Нагъ я на землю пришелъ, и нагъ я сокроюся въ землю:
Бѣдная участь сія стоишь ли многихъ трудовъ!

В. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ГОСТИНАЯ ГРЕМУШКИНОЙ.

Французскіе романсы вамъ поюшь
И верхнія выводяшь нопки,
Къ военнымъ людямъ такъ и льнушь —
А опъ того, что папріотки.

Горе отъ ума.

Въ Октябрскій день, предъ сумерками, когда морозный иней хлопьями валился на землю, увеличивая грязь на Поварской улицѣ, и сгустившійся шуманъ въ воздухѣ препятствовалъ различать людей на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; въ по время, какъ у большей части Московскихъ жипелей двери и ворота были на замкѣ, ни конный, ни пѣшій, по случаю сильной холеры, не показывался на улицѣ, и одиѣ низенькія кареты Гипократовыхъ учениковъ изрѣдка нарушали ихъ мертвую тишину, уныніе не смѣняло обычной веселости въ домѣ *р е м у ш к и н о й*. *Зеновка*, дочь хозяйки, накинувъ свою пунцовую куцавейку, сидѣла за пѣльцами у окна; подлѣ неѣ *cousin Voldemar*, конноегеръ съ черными усиками; размащивалъ шерсть, а *Вѣра Степановна*, хозяйка дома,

занималась переводомъ гравированной картинки на дерево: споръ между ими не умолкалъ въ гостиной.

—Permettez-moi de vous dire, mon cousin,—говорила *Зеновка*: que vous avez tort de défendre les jeunes gens de notre capitale; ils ne sont guère aimables, tout leur manque: ils n'ont ni esprit, ni conversation; on diroit que ce sont des débarqués du Kamtchaska. On ne peut pas se faire une idée de leurs manières. C'est affreux de voir nos cavaliers.

Вольдемаръ. Зачѣмъ это рѣшительное мнѣніе о всѣхъ? Нѣтъ правила безъ исключенія, кузина; я назову вамъ многихъ изъ здѣшней молодежи, которые не сдѣлаютъ безчестія своимъ знакомствомъ лучшимъ домамъ въ городѣ; на примъ: *Пиленовъ*; что вы о немъ скажете? человекъ образованный—пользуется хорошою репутациею въ Москвѣ.

Зеновка. *Пиленовъ*, который говоритъ оппорными словами и подходитъ костюмомъ къ прошедшему вѣку? Полно-те, mon cousin, какъ въ голову войдетъ его сипировать? Это сорокалѣтній вздыхатель, онъ чувствительнень до невозможности, занятъ собой до крайности, хочеть казаться съ дамамъ любезнымъ....

Вольдемаръ (*перебивая её*). Поному что онъ въ самомъ дѣлѣ любезенъ.

Зеновка. Vous plaisantez, je crois (*слѣпется*). Онъ душу вынимаесть своими фразами: il vous assomme de complimens et de fadaises. Правда, что *Пилленовъ* добрый и честный человекъ, но это еще не большое достоинство: мой Оскаръ не уступитъ ему въ добротѣ.— И съ симъ словомъ *Зеновка* взяла на руки песпренъкую Англійскую собачку, которая возилась у неё въ ногахъ, и потрепавъ её, продолжала: viens, mon bon Oscar, viens mon joujou! que je t'embrasse!

«Je suis tout-à-fait de l'opinion de Zéuicide,» примолвила *Впра Степановна*, попирая двумя пальцами усатаго Французскаго гренадера, наклееннаго на дощечку. «Дѣвушка, которая рѣшилась итти за *Пилленова*, покажетъ такое же самоопроверженіе, какъ пропивъ холеры. У него приспа душа, и тѣ въ залогъ.— C'est un de ces promis, mon cher Voldémar, qui n'ont rien à promettre.»

Вольдемаръ. Я не на щѣпъ женишьбы его назвалъ, ma tante, а полагаю....

Впра Степановна (*съ досадою*). Съ премея спами душами ничего нельзя полагать.

Зеновка (*вырываетъ лотокъ съ шерстью у Вольдемара*). Ахъ! оставьте, Mr. Voldémar! что это за несносный! все перекупалъ!

Вольдемаръ (*Зеновкѣ*). *Пальмиринъ* къ вамъ ѣздитъ?

Зеновка. Разумѣется.

Вольдемаръ. И *Ветлугинъ* и совѣтникъ *Петровъ* и князь *Эрнестовъ*?

Зеновка. Всѣхъ этихъ господъ знаю: прошедшей зимою они у насъ каждый понедѣльникъ плясали.

Вольдемаръ. По-Русски, кухня?

Зеновка. Какъ вы злы! Ну къ чему эпомъ вопросъ? Вопъ также можно сказать объ *Эрнестовѣ*: онъ былъ бы очень любезенъ, еслибъ не сочинялъ злыхъ эпиграмъ и не щеголялъ насмѣшками: c'est une bien méchante langue.

Впра Степановна. Et puis il a le grand défaut d'être marié.

Вольдемаръ (*грохотомъ, такъ, чтобъ Впра Степановна слышала*). Comme nous en sommes au chapitre des aspirants, Léon Vétlougine, si ma tante le permet, est un promis à ne pas dédaigner: c'est un jeune homme de mérite.

Впра Степановна. Oui, si l'on pouvait compter le mérite par le nombre des contredanses qu'il exécute au bal, il serait regardé comme un grand homme à Moscou, mais n'ayant que l'héritage de sa grande mère, ce qui fait bien peu de chose, il est probable qu'il fera des queues de chat toute sa vie.

Вольдемаръ, промолчавъ, взглянулъ на свою кухню и сказалъ ей въ полголоса: «ваша мама мастерски сорпируетъ жениховъ, знаетъ въ подноготную каждого и строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы милая кухня моя не сдѣлала промаха въ замужствѣ. Je sais ce qu'il lui faut, un prince, un prince... un aide-de-camp général... un millionnaire.

Зеновка. Перестаньте говорить вздоръ. Скажите-ка мнѣ лучше, куда дѣвался *Рушницкій*. On ne le voit plus du tout, quel aimable garçon! est il encore à Moscou?

Вольдемаръ. Онъ чуть было не опривалился на попъ свѣтъ.

Зеновка (*встревоженная*). Возможно ли! гусарской ротмистръ *Рушницкій*? и вы имѣете духъ рассказывать объ эпомъ хладнокровно? Ah! que c'est vilain!

Вольдемаръ. Успокойтесь, кухня: большой вышелъ изъ опасности и ужъ вчера сидѣлъ на діапѣ въ рестораціи у *Яра*.

Тутъ вошелъ слуга и доложилъ хозяйкѣ о прибытіи г-жи *Пустозвоновой*. «Проси, сказала *Впра Степановна*, сдѣлавъ поспѣную мину: на эту гостью ни опдаленность, ни бользнь не дѣйствуетъ: она, какъ лихорадка, черезъ день таскается съ *Покровки*.»

«Здравствуй, жизнь моя!» провозгласила дородная *Пустозвонова*, ввалившись въ госпскую. «На что это похоже, что ты совѣтъ не слѣдуешь медицинскимъ наставленіямъ? Нѣтъ у тебя ни хлора въ передней, ни можжевеликомъ не куришь! Ты знаешь, какъ нынче опасно пускать въ домъ поспоронихъ безъ этихъ предосторожностей. Со съдки моей *Приндиковой* какъ не бывало; предъ

спавъ, умерла опъ какой бездѣлицы: съѣла пять порцій мороженаго на креспинномъ обѣдѣ у *Шолинныхъ*, да двѣ бонкрепеневаыя грушки съ кулачокъ. А уже кончина Петра Савастьяновича *Голодушкина* для всѣхъ загадка: покойникъ былъ здороваго сложенія, бралъ всѣ предосторожности, умывался хлоромъ; да попалъ на душеные грибы за ужиномъ и, правду сказать, покушалъ ихъ въ полную. При мѣѣ это было, жена говорила ему: какъ ты не бережешься, монъ-шеръ, кушаешь другую шарелку. — И, мапушка, отвѣчала *Голодушкинъ*: что за щепы въ шарелкахъ, когда что по вкусу пришлось. — Распроцался съ нами здоровѣхонекъ; ночью схватила его холера, а наупро и поминай какъ звали. Она ужасно какъ губитъ народъ въ Москвѣ, а пуще того морбусъ: онъ гораздо хуже холеры; третьяго дня вдругъ опъ него умерли: начальникъ больницы *Пиленовъ*, гусарчикъ *Рушницкій*, и два цирюльника на Моросейкѣ, и представъ какимъ образомъ, они пускали кровь холернымъ, оба упали, да и духъ вонъ.»

Вольдемаръ. Если смерть Моросейскихъ цирюльниковъ также върна, какъ кончина *Пиленова* и *Рушницкаго*, то они и теперь кровь открываютъ; *Рушницкій* выздоровѣлъ, а *Пиленовъ* и болѣтъ не былъ.

Впра Степановна. Вѣдъ вамъ все равно хоронитъ, *Пелагея Никаноровна*, такъ присядьте пожалуста, переведите хоть на минуточку дыханіе.

Пустозвонова (садясь). Вотъ прекрасно! *Пиленовъ* не былъ болѣтъ! Онъ умеръ, я вамъ говорю, и это такъ върно, какъ я здѣсь теперь сижу. Ахъ, кспати! я еще и не поздравила себя, мать моя; ты секретничаешь нынче, выдаешь свою дочку за мужъ, опъ меня и пошла.

Зеночка (вслушавшись). Что такое вы говорите?

Впра Степановна. Въ первый разъ слышу. Откуда вы набрались этихъ вѣспей?

Пустозвонова. Весь городъ говоритъ, да еще какъ: утверждаютъ завѣрное, что вчера была помолвка.

Впра Степановна. Да за кого? скажите пожалуйста.

Пустозвонова. За Александра Ивановича *Пиленова*. Кто бишь намѣдн говорилъ, что это давнишня спрость! Да, Маргарина Федоровна *Потасовкина*; она сказывала, что знакомство сдѣлалось прошлымъ лѣтомъ на водахъ.

Зеночка. Это бездѣнно, что меня помолвили за *Пиленова* (слѣтется). Выдумка забавна.

Вольдемаръ. Помилуйте, да вы сей часъ сказали, что онъ опъ морбуса умеръ.

Пустозвонова (слѣшавшись). Я сказала? Неужто въ самомъ дѣлѣ? ну чпожъ такое? Это, можетъ быть, неправда; *Рушницкіхъ* много на свѣтѣ, легко спанепися, что братъ его умеръ. Ну да потъ или другой, все равно, не о томъ рѣчь. Прикажи-ка, мать моя, поставитъ шарелки съ хлоромъ по окнамъ, да кури почаще можжевелникомъ.

Зеночка и Вольдемаръ (слѣются и шепчутъ между собою).

Впра Степановна (какая догери головой). *Finissez, ma chère.* (*Пустозвоновой*). Я не терплю запаха ни хлора, ни можжевелника, у меня куритъ уксусомъ.

Пустозвонова. Ахъ полно, жизнь моя, какъ это можно. Уксусъ ложился на грудь и можетъ вовлечь въ чахотку. Мой докторъ *Карантингъ*, человекъ искусный, строго запрещаетъ уксусное куренье, и я ему върю: *Карантингъ* такой медикъ, что пишетъ заочно рецепты и распознаетъ холерные признаки у больнаго изъ другой комнаты.

Впра Степановна. Не онъ первый, не онъ послѣдній.

Въ ближней комнатѣ загремѣла сабля. Рѣзвый Оскаръ залаялъ, выбѣжалъ въ дверь и скоро оплять воропился; за нимъ вошелъ *Рушницкій*. Онъ размахнулъ бѣлымъ сулпаномъ и однимъ поклономъ привелъ въ умилительное положеніе всю бесѣду. *Зеночка* весело улыбнулась и поправила свои каштановыя бубли. *Впра Степановна*, вызвавъ колокольчикомъ слугу, приказывала подавать чай. *Вольдемаръ* бросился обнимать

Рушницкаго и, подводя его къ своей кузинѣ, сказалъ :

«Вотъ онъ, милый покойникъ, взгляните, ma cousine, какъ похорошѣлъ послѣ смерти.

Зеновка. Comme si je ne connaissais pas Mr.? Et nous vous avons supposé à Pétersbourg.

Рушницкій. C'est ma maladie qui m'a empêché de partir; впрочемъ не досажаю на бользнь, освобождаясь отъ нее совершенно: она доставляетъ мнѣ пріятный случай пребыть еще нѣкоторое время въ Москвѣ.

Въра Степановна. Vous devez vous ennuyer, actuellement il n'y a ni bals, ni spectacles.

Рушницкій. S'il est possible de connaître l'ennui quand on se trouve avec vous, Madame!

Зеновка. On ne peut pas être plus aimable.

Вольдемаръ. Каково любезничаютъ? Все вѣдь это для васъ. Вотъ что значить быть моимъ ученикомъ. Подождите, по ли еще будетъ.

Зеновка (тихо *Вольдемару*). Ахъ, опснатьте пожалуйста, вашъ пріятель гораздо васъ милѣе. Вы злой языкъ, а онъ прелестъ.

Рушницкій. Что вы изволили шить такъ прилежно? (разматривая шитье *Зеновки*) deux petites colombes, ah! que c'est tendre.

Зеновка. Не правда ли, что мои голубчики интересны?

Рушницкій. Особенно подъ вашими руками. Я завидую ихъ участи.

Зеновка улыбулась наивно, опять поправила букли, взглянула на *Рушницкаго* и продолжала: c'est un coussin pour maman, elle tient à tout ce qui vient de moi.

Между тѣмъ, какъ молодые люди пристойно разсуждали около пьлецъ, подали чай. *Шустозвонова*, глотая сухарики, какъ пилули, продолжала изъяснять *Върѣ Степановнѣ* свое сомнѣніе на щѣтъ выздоровѣвшаго *Рушницкаго*. Лай и визгъ снова пробужденнаго Оскара возвѣщали другъ другу пріѣхавшихъ гостей. Въ то время, какъ привѣтствовала ихъ хозяйка, рѣзвые пальчики интересной *Зеновки* бѣгали уже по клавишамъ очаровательнаго рояля въ другой комнатѣ; сначала услужливый *Рушницкій* перевертывалъ для неѣ нотные листки Крамеровой сона-

пы, попомъ въ угодность его раздался нѣжный голосъ *Зеновки*: Bon chevalier! quoi c'est l'amour qui cause votre peine?

Святскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОѢЗДКА СЪ ДЕПЕШАМИ.

(1812 годъ.)

«Сей часъ вступишь опрядъ войскъ; и вы получите прикрытие.»

— Къ чему это? Въ четверть часа я легко могу проскакать разстояніе, отдѣляющее меня отъ Ируна. Чего пугать опасаться? Дорога прямая, ровная, почти совершенно открытая, и при томъ ваши пушки обстрѣливаютъ еѣ почти на всемъ протяжении. —

«Не полагайтесь на это. Третьяго дня одинъ шпурманъ, отправившійся въ Санъ-Себастьянъ, въ глазахъ нашихъ былъ изрубленъ, прошивъ самыхъ эгихъ черныхъ скалъ, нѣсколько дѣвѣе. Когда жандармы наши прискакали на помощь, они нашли только ограбленный и изуродованный трупъ его; грабители успѣли уже убраться....»

— Но онъ былъ пѣшъ, а я съ егеремъ своимъ конные, и при томъ мы хорошо вооружены. —

«Пули лепаютъ гораздо быстрее вашихъ лошадей!»

— Не всякая пуля бьетъ, которая свистѣтъ въ воздухѣ. —

До свиданія, г. комендантъ!

«Желаю вамъ щасливаго возврата!»

И мы пустили лошадей своихъ малымъ галопомъ по прекрасному шоссе, простирающемуся вдоль р. Бидассоа. Предшествовавшій разговоръ происходилъ между мною и комендантомъ крѣпости, построенной близъ мостоваго укрѣпленія въ Бегобіи, на р. Бидассоа, у самой границы, отдѣляющей Францію отъ Испаніи. Я отправился съ депешами въ Ирунъ и Санъ-Себастьянъ, въ сопровожденіи одного рядоваго 13-го Егерска-

го полка. Былъ полдень, солнце сполло въ полномъ блескѣ; все дышало миромъ и шириною; ничто насъ не тревожило. Дорогою, мы удивлялись зрѣлищу, открывавшемуся предъ нашими взорами. Вправѣ отъ насъ тихая р. Бидассоа капала синеватыя воды свои въ Океанъ, и видѣлся Фазаній островъ, знаменитый бракосочетаніемъ *Лудовика XIV*. Вдали, къ морю, выше бѣлыхъ утесовъ, омываемыхъ водами Бидассоа и Океаномъ, во время приливовъ, намъ представился городъ Андай, гдѣ перегоняется споль извѣстная водка; съ другой стороны мы видѣли Фонпарабію; передъ нами возвышался амѣшеапромъ Ирунъ, съ своими мрачными фабриками, построенными изъ сѣраго камня; позади его простиралась обширная гряда второстепенныхъ горъ; нѣсколько влѣво выказывалась живописная вершина прехъ-коронной горы. Слѣва видъ заключался невысокими черными скалами, тянущимися по направленію дороги почти на четверть мили. Доступъ къ симъ скаламъ затруднителенъ даже для пѣхоты; онѣ соединяются съ грядою утесовъ, болѣе или менѣе доступныхъ и крутыхъ. Сіи послѣдніе постепенно возвышаясь, равняются съ вершиною горъ Лабрюнъ и Луссуи.

Свиснула пуля, и егеръ мой опрокинулся вмѣстѣ съ лошадей: онъ скоро оправился, ибо не былъ раненъ. Въ ту же минуту упалъ подо мною конь, пораженный 7 или 8-ю пулями изъ шпугера; и прежде, нежели я успѣлъ выпутаться изъ спремья, насъ окружили человекъ двѣнадцать Испанцевъ, головные ограбили насъ и послѣ прикололи; но показавшійся со стороны Ируна, отъ котораго мы находились не болѣе какъ на четверть мили, взводъ конницы, скакавшій къ намъ во весь опоръ, принудилъ бродягъ къ отступу. Къ счастью, мы не были ранены. Насъ тотчасъ обезоружили и, приставя къ груди пистолеты и сабли, понуждали взбираться на лежавшія отъ насъ влѣвъ скалы. Все это происходило съ такою поспѣшностію, что пока прибылъ взводъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали наши лошади, мы находились отъ дороги шагахъ въ четырехстахъ. Кавалеристы не могли

однакожь подать намъ помощи, посреди сихъ неприступныхъ для конницы скалъ, тѣмъ болѣе, что и спѣшившись, надлежало бы имъ идти одинъ за другимъ подъ выстрѣлами непріятелей съ высшихъ скалъ и подвергаясь опасности быть побитыми поодиначкѣ, подобно теперамамъ, подстереженнымъ стрѣлками въ Саррскихъ ущельяхъ. Это происходило не далѣе какъ на десятиминутный переходъ отъ Французской границы; наша армія занимала тогда всю Испанію: можно судить о свойствѣ войны, какую вели мы въ сей странѣ, когда въ виду Французскихъ припиновъ, у самаго рубежа Франціи, каждый день мы попадались въ плѣнъ парпизанамъ.

Между тѣмъ мы продолжали путь, едва поспѣвая за нашими жокапыми. Наши плѣжелье, съ желѣзною оковкою и длинными шпорами сапоги вовсе неудобны были для скорой ходьбы по вершинамъ скалъ, мелкому хрящу, узкимъ и крупнымъ пропинкамъ. Напрошивъ того наши Бискайцы были сильнѣе насъ, привычны къ подобнымъ переходамъ и костюмъ ихъ соответствовалъ образу ихъ жизни: они имѣли легкую посконную обувь (espadillas), прикрѣпленную, подобно Римскимъ копурнамъ, ремнями, обвитыми вокругъ голыхъ ногъ; камзолъ и короткое нижнее платье, темнаго цвѣта шинель съ широкимъ поясомъ, и фуражка на головѣ, составляли нарядъ ихъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ ружей, карабиновъ, шпугеровъ; у каждаго были сабля, пистолеты за поясомъ, длинный, похожій на кинжалъ и привязанный на ремнѣ къ нижнему платью ножъ, коего рукоятка торчала изъ подъ правой мышки.

Когда они удостоверились, что не смотрятъ на ихъ крикъ и угрозы, мы не въ состояніи прибавить шагу: то одинъ изъ нихъ, съ звѣрскимъ и грознымъ видомъ, предложилъ прочимъ вѣроятно убить насъ; мы вовсе не понимали Бискайскаго языка, на которомъ они говорили; но послѣ жаркаго спора, предложеніе сіе, казалось, было отвергнуто. Бискайскіе гверилласы очень часто захватываютъ въ плѣнъ Французовъ и потомъ предлагаютъ имъ выкупать себя.

Многіе Баіонскіе жителі и значительное число офицеровъ, спасли такимъ образомъ жизнь. Въ это время нерѣдко видали, что Испанецъ смѣло являлся въ шопъ или другой домъ въ Баіоннѣ, съ письмомъ оиъ родственника или друга хозяевъ, находящагося въ плѣну у гверилласовъ, и требовалъ условеннаго выкупа. Никто не смѣлъ удерживать сихъ опважныхъ разбойниковъ; почему выкупъ всегда плащился исправно, и плѣнникъ возвращался невредимымъ. О семъ знало и правительство; но употреблявъ строгость противъ посланныхъ, значило подвергать опасности жизнь несчастныхъ, находившихся въ ихъ власти.—Послѣ двухъ или трехъ-часоваго перехода, мы переправились въ бродъ чрезъ Бидассоа, пройдя берегомъ оной около одного часа. Судя по положенію совершенно извѣстныхъ мнѣ горъ Лабрюнь и Ашціолы, я заключилъ, что Бискайцы ведутъ насъ въ Берру; но недолго спусли, они остановились у одной изъ паспущихъ хижинъ, построенныхъ изъ широкихъ плитъ, положенныхъ одна на другую и покрытыхъ тѣмъ же матеріаломъ. Такія хижины встрѣчаются во всѣхъ окрестностяхъ Пириней, изобильныхъ паспущами; онѣ имѣютъ одинъ входъ, запираемый на ночь дурными воротами, коимъ, вмѣсто верей, служатъ большіе камни. Жилища сіи вышиною оиъ 5 до 6 футовъ; въ каждомъ изъ нихъ обыкновенно помѣщаются оиъ 30 до 40 козь и паспущъ съ своими собаками. При нашемъ приближеніи, старый, съ посѣдѣвшею головою, но еще бодрый и сильный Бискаецъ, вышелъ изъ воротъ; слѣдовавшая за нимъ полстая Бискайка, въ родѣ Марипорны, выглянула на насъ черезъ плечо его. Егеръ мой, замѣтивъ еѣ, испустилъ невольный крикъ удивленія; я не обратилъ на это вниманія, приписавъ сей неумѣстный восторгъ обыкновенному веселому нраву и склонности къ волокитству моихъ соотечественниковъ, даже въ минуту величайшей опасности.

Вскорѣ мы расположились въ углу хижины на кучѣ душистаго сушеннаго папоротника; намъ дали по ломтю печенаго изъ маиса хлѣба, который съ трудомъ можно было

глоптать. Въ это время гверилласы разговаривали между собою, часто кидая на насъ взгляды. Бискайка, пройдя нѣсколько разъ по хижинѣ, умильно посмащривала на моего поварища; я опасался спросить его, чіюбы не обнаружилъ ихъ пайны. Эта спранныя красавица, казалось, давала знашь глазами моему егерю, чіюбы онъ велъ себя оспорожнѣе: по этому они знакомы? Я перялся въ догадкахъ.

Наконецъ спаркъ подошелъ къ намъ, какъ бы для объявленія рѣшенія нашей участи, положеннаго военнымъ совѣтомъ. Онъ одинъ изъ цѣлой партіи говорилъ по Французски довольно хорошо, сколько можно требовать оиъ Испанскаго Бискайца.

«Есть-ли у васъ деньги?»

— Есть нѣсколько золотыхъ монетъ въ этомъ кошелькѣ, — сказала я, вынувъ его изъ кармана.

«А въ моемъ карманѣ, прибавилъ егеръ, не помню съ котораго времени, не заводилось ни одной копѣйки.»

«За васъ конечно дадутъ выкупъ во Франціи, если узнаютъ, что ваша жизнь находится въ опасности, и что въ семъ случаѣ возвращають вамъ свободу?»

— Надѣюсь. —

«Что до меня, — сказалъ мой поварищъ, то я увѣренъ, что если-бы у меня было десять тысячъ жизней и тогда некому было бы выкупить ни одной.»

«Гдѣ живутъ ваши друзья, которые выкупятъ вашу свободу, въ Баіоннѣ, или въ Бордо?»

— Въ Баіоннѣ.—

«Три тысячи ливровъ за тебя и тысячу за поварища.»

— Это много! —

«Если хопяте оставить свои кости въ сей долинь, это будетъ стоить дешевле.»

Тутъ запыхавшись прибѣжалъ молодой Бискаецъ и что-то съ жаромъ говорилъ гверилласамъ; изъ всего разговора я понялъ только слово *Оярсонъ*, названіе ближайшей оиъ Ируна деревни, на дорогѣ въ Вишпорію. Онъ вѣроятно предлагалъ имъ соединиться для ночнаго поиска, предписаннаго *Миною*, который командовалъ тогда въ Гю-

ипюскоа, Бискайъ и Верхней Наваррѣ. Они, казалось, начали снова разсуждать, что съ нами дѣлать; корыстолюбіе обуздывало ихъ жестокость: приговоръ нашъ опсрочень.

Намъ связали ноги веревкою, свитою изъ правы мечика: шайка грозила намъ разными знаками и страшными проклятіями, вѣроятно, если мы сдѣлаемъ попытку къ побѣгу, и попомъ удалилась, оставя насъ подъ присмотромъ спараго Бискайца. Сей вооружился саблею, зашкнулъ за поясъ пару пистолетовъ, зарядилъ шпугеръ семью или осьмью пулями, которыя онъ опускалъ въ дуло по одиначкѣ; попомъ спокойно сѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

Онъ подчивалъ насъ табакомъ, и вечеръ прошелъ у насъ въ томъ, что мы задушали другъ друга табачнымъ дымомъ, разговаривая о нашемъ выкупѣ. Между тѣмъ полсая Бискайка и мой егеръ не переспавали мѣнялись взглядами; она сдѣлалась смѣлѣе по опѣздѣ шайки: часпо подносила спарику большой, споявшій въ углу, мѣхъ съ виномъ. Нашъ караульный скоро развеселился; вино обыкновенно дѣлаеть челоуѣка щедрымъ: онъ поднесъ каждому изъ насъ по спакану вина, наливъ изъ своего мѣха. Это было Сенпъ-Пееское вино, самое крѣпкое.

Урсул, такъ называла его Бискайка, заперши воропа, напившись, напѣвшись и накурившись, заснулъ наконецъ глубокимъ сномъ. Она подошла къ намъ и довольно чисто по Французски сказала намъ, чтообы мы разорвали свои оковы. Въ это время она пихо опперла дверь, и схватила шпугеръ спарика. Черезъ минуту мы разорвали веревки, и по знаку своей избавительницы, вышли изъ хижины. Она на мигъ оспановилась, и прицѣлилась шпугеромъ по спящему спарику.....

— Нѣтъ, — сказала она...., и кинула на плечо шпугеръ.

Послѣ того она пустилась передъ нами скорымъ шагомъ. Долго хранили мы глубокое молчаніе, какъ вдругъ она вскричала: «Теперь вы спасены!» Въ самомъ дѣлѣ, мы миновали уже Берру, и были на Французской границѣ. Спустия часъ, мы вспунили

вмѣстѣ съ своею избавительницею въ Сарру, первое Французское пограничное селеніе.

Жуанна родомъ изъ селенія Олетины; она находилась въ услуженіи въ Сенъ-Жанъ-де-Люзѣ, въ то время, когда поварищъ мой споялъ тамъ съ ротою. Они познакомились и даже полюбили другъ друга.... По выспулненіи егерей, *Жуанна* завела связь съ однимъ пригожимъ Бискайцемъ, конпробандиспомъ; онъ сманилъ еѣ, обѣщая, по ея словамъ, на ней жениться. Она послѣдовала за обольспителемъ, который изъ конпробандисповъ сдѣлался гверилласомъ и былъ убитъ въ набѣгѣ, произведенномъ на Лезасу. Послѣ того она оставалась между гверилласами, ожидая только случая возвратиться во Францію. Сей послѣдній представился ей, и мы обязаны ея услугамъ избавленіемъ отъ пнякаго выкупа, а можеть быть еще чего нибудь худшаго.

На другой день я раздѣлилъ свой кошелекъ; *Жуанна* опправилась съ молодымъ егеремъ, который поклялся ей въ вѣчной любви, и общалъ дославить мѣсто маркишши....

Перевелъ В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СИЛЬНОЕ ПРАВО.

Любилъ я *Паиу* — и она
Твердила: буду вѣкъ вѣрна!
Но вдругъ богачъ плѣнился ею,
И сдѣлалъ *Паистеньу* своею.

*

Поэты! Намъ швердпте вы:
Сильнѣе прѣва нѣтъ любви.
А мой отвѣтъ вамъ пуспъ худенекъ:
Всѣхъ правъ сильнѣе — прѣво денегъ.

Олжиль.

C H A R A D E.

C'est toi que j'ai choisi, lecteur, pour mon premier;
Ajoutons le pour mon dernier;
Puis joignant l'un à l'autre, on tiendra mon entier.

Въ No 60-мъ, помѣщенная шарада значить: *Ухватъ.*

M O D E S.

Une jolie toilette de spectacle, négligée, était remarquée ces jours derniers au Théâtre-Nautique; une femme dont les cheveux noirs étaient nattés à la *Berthe*, portait un magnifique chapeau en paille d'Italie à plumes blanches. Sa redingote en mousseline claire était brodée en Mathilde par une guirlande de petites roses en soies de plusieurs couleurs. Les deux guirlandes très-étroites prenant au cou, descendaient presque égales jusqu'au bas.

Batton fait de charmantes coiffures en épis de riz de toutes couleurs, des couronnes, des touffes et des ornemens de chapeaux. Les épis très-légers, quoique volumineux, sont formés de grains transparens et entourés de longues et nombreuses barbes. L'épi est joli d'une teinte paille ou verdâtre. Ces épis sont surtout parfaitement placés sur les chapeaux en paille de riz qu'ils ne chargent pas.

Dans ce moment nous ne pouvons que passer en revue les fleurs le plus à la mode, ce sont celles de la saison; les giroflées rouges panachées, les œillets, le chèvre-feuille, les roses de quatre saisons et les églantines, le mouron, le caille-lait, les pois de senteur et les paquerettes. Une rose des quatre saisons et une branche de chèvre-feuille réunies sont portées avec très-bon goût sur un chapeau de paille de riz ou de paille d'Italie.

Une belle robe que portait la marquise de N*** à un grand dîner ministériel, était en étoffe très-forte, bleu turquoise, brochée couleur sur couleur; cette robe ouvrait sur un jupon en pou de soie blanc, garni de volans en angleterre, posés l'un au-dessus de l'autre, depuis la ceinture jusqu'au bas de la robe; le premier pouvait avoir la hauteur de trois doigts, et, augmentant progressivement, le dernier avait au moins un quart. Son corsage décolleté était garni d'une mantille en angleterre. Les devans de la robe étaient retenus sur le jupon garni, par des agrafes en nœud de ruban; dans les cheveux, Mme de N*** avait des bijoux qui retombaient contre les boucles, à son cou un collier de turquoises gravées sur émail noir, à sa main un mouchoir garni d'une valencienne haute de trois doigts, et un éventail d'ivoire incrusté d'or et d'argent, monté avec de magnifiques peintures de Lebrun.

Pl. No 23. Chapeaux de paille d'Italie ornés de couronnes. — Robe de jaconas et robe de mousseline imprimée. — Pélerine de mousseline brodée garnie de dentelle.

M O Д Ы.

Красивый, простой наряд для спектакля, замечен был на сих дняхъ въ театрѣ *Nautique*. Дама, у которой черные волосы заплетены были а la *Berthe*, была въ великолѣпной Италіанской соломенной шляпкѣ съ бѣлыми перьями. Рединготъ изъ прозрачной кисеи, вышитъ былъ машильдою; узоръ состоялъ изъ гирлянды мелкихъ розъ разноцвѣтныхъ шелковъ. Двѣ гирлянды, весьма узкія, отъ шеи спускались почти ровныя до низу.

Batton дѣлаешь прелестныя уборы изъ колосьевъ сорочинскаго пшена всякаго цвѣта: вѣнки, кушники и украшенія для шляпъ. Весьма легкіе, хотя обширныя колосья, составлены изъ прозрачныхъ зерей, окруженныхъ длинною густою осью. Колосья красивы палеваго или зеленовагаго цвѣта. Эпизъ колосья особенно приличны басповымъ шляпкамъ, потому, что не обременяютъ ихъ.

Теперь мы можемъ только обозрѣть самыя употребительныя цвѣты; они принадлежатъ времени года; красныя махровыя левкои, гвоздики, капризолы, розы четырехъ временъ года и шиповникъ, мюшон, сaille-lait, душистый горошекъ и паquerettes. Роза четырехъ временъ года, съ выскою капризолы, весьма приличны на басповую или Италіанскую соломенную шляпку.

Прекрасное платье было на маркизѣ de N. . . . на одномъ большомъ министерскомъ обѣдѣ. Оно было изъ весьма толстой матеріи, бирюзоваго цвѣта, зашканное подъ цвѣтъ; это платье раскрывалось на юбокъ изъ бѣлаго *pou de soie*, отдѣланной оборками изъ Англійскихъ кружевовъ, пришитыми одна надъ другою, начиная отъ пояса до низа платья; первая была шириною пальца въ при, а потомъ, постепенно увеличиваясь, послѣдняя была по крайней мѣрѣ въ четверть. Открытый лиць отдѣланъ былъ мантильею изъ Англійскихъ кружевовъ. Полы платья прихвачены были на отдѣланной юбокѣ бантами изъ ленты; въ волосахъ г-жи N. были вещи, которыя упали къ локонамъ; ожерелья изъ бирюзъ, врезанныхъ въ черную эмаль; въ рукахъ платокъ, обширный кружевомъ, шириною въ три пальца; опухало изъ слоновой кости, выклеенное золотомъ и серебромъ, съ великолѣпною живописью Лебрюна.

Карт. No 23. Шляпки изъ Италіанской соломѣ, украшенныя вѣнками. — Платье изъ жакона, другое изъ печатной кисеи. — Пелеринка кисейная, вышитая, обложенная кружевомъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 62 и 63.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 4 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Крипозъ, услужливый въ душѣ,
Въ комедіи своей изъ шрехъ два акта сбавилъ :
Конечно онъ и зритель въ барышѣ,
Но какъ-то все онъ лишній актъ оставилъ.

Кн. *Вяземскій.*

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О Т О М Ъ,

КАКОЙ РУКИ БЫЛИ ЛѢТЬ ЗА ДЕСЯТЬ ПЕРЕДЪ СМЪ
КНИГОПРОДАВЧЕСКІЕ РЕЭСТРЫ РУССКИМЪ КНИГАМЪ
И КАКОГО СОРТА СИДѢЛЬЧЕСКІЯ РЕКОМЕНДАЦІИ
ВНОВЬ ВЫХОДИВШИМЪ ТОГДА СОЧИНЕНІЯМЪ И
ПЕРЕВОДАМЪ.

Для составленія сей любопытной спашьи
ненадобно ломать головы, надуваться, какъ
лягушкѣ, желавшей сдѣлаться быкомъ, или
паращиться, какъ какому нибудь барону,
желающему поцаспъ въ *Вольтеры*: простая
выписка изъ одного стариннаго капалага
насмѣшилъ читателей. Сами изволите уви-
дѣть. На прикладъ:

*Алѣша Поповицъ и Чурило Пльниковицъ, бога-
тырскія повѣсти въ стихахъ, Н. Р.* «Богатыр-
ское сіе повѣствованіе уповательно приня-
то будетъ съ благосклонностію отъ тѣхъ
любителей чпенія, кои читаютъ веселія
книги для разсвѣнія мыслей и прогнанія
скуки; сія книга заслужилъ ихъ одобреніе.»

*Ирма или приключеніе нещастной сироты,
Индійская повѣсть; перев. съ Французскаго; 6
частей.* «Нещастія, изображенныя въ повѣ-
ствованіяхъ, описанныхъ *Ирмою*, имѣютъ
право на состраданіе читателя чувстви-
тельнаго: ибо горести, ею претерпѣнныя,
сильны пронуть сердце. Сія *Ирма* есть
дочь славнаго владѣтеля Индіи, котораго
ужасныя нещастія удивляли цѣлую Азію;
здѣсь увидитъ читатель, какимъ образомъ
въ цвѣтущей еще юности *Ирма* лишилась
отца и матери, тѣтки и брата, погибшихъ
отъ неслыханныхъ гоненій несправедливаго
народа; увидятъ, что въ сихъ горестяхъ
она жаждетъ найти утѣшеніе въ чувствахъ
любви своей, питаемой къ двоюродному бра-
ту своему; но политическія обстоятель-
ства принуждаютъ его съ отцемъ своимъ
оставить отечество; и такъ *Ирма*, остав-
шись одна на театръ ужасныхъ сихъ про-
исшествій, и не находя себѣ никакого утѣ-
шенія, цѣлыя сутки проводитъ въ уединен-
ныхъ бесѣдахъ съ собою. Сіе изданіе есть
плодъ размышленій ея чувствительности.
Въ книгѣ сей представляется *Ирма*, дочь

нещаснаго *Сбилуи*, описывающею ея родителей и представляющею ужасную карпину ихъ казни двоюродному брату своему, находившемуся во время сей пагубной революціи съ опцемъ своимъ при одномъ изъ сосѣдственныхъ дворовъ. Принцъ сей, воспитанный съ *Ирмою*, по взаимной любви, назначенъ былъ родителеми ихъ ей супругомъ; почему *Ирма*, руководимая нѣвнѣйшею любовію, находила единственное облегченіе горестямъ въ сообщеніи ихъ любимцу своему и тѣмъ опкровеніе изобразила всѣ происшествія, коихъ она была спрадающею свидѣтельницею.» (*) 6 частей!!!

Исторія Елисаветы, королевы Англійской, соч. Лети; изданіе второе, съ прибавленіемъ испиннаго характера сего государыни и ея фаворитовъ, съ приложеніемъ ея портрета (**); 3 части. Творецъ книги сей, знаменитый (***) по многимъ другимъ его сочиненіямъ, предпріявъ писать *Исторію королевы Елисаветы*, переведенную нынѣ на Россійскій языкъ, прудился надъ оною около сорока лѣтъ съ невѣроятною прилежностію. Въ семъ намѣреніи собралъ онъ всѣхъ авторовъ, повѣствовавшихъ о жизни и дѣйствіяхъ сего Монархини. Въ самое то время жилъ онъ въ Англии, и обязанъ будучи дѣлами, имѣлъ случай быть почти всегда у многихъ тамошнихъ вельможъ, въ числѣ которыхъ были знающіе въ исторіи и въ дѣлахъ государственныхъ; съ помощію ихъ спарался онъ узнать все то, что могло спосѣшествовать намѣренію его.

Календарь Брюсовъ, или новый и полный пелескопъ на 200 лѣтъ, аспрономическій, аспрологическій, физическій, экономическій, и политическій; показывающій свойства и печеніе небесныхъ тѣлъ, господствованіе планетъ, ихъ дѣйствія, переменны въ атмосферѣ, полезныя или вредныя вліянія на челоука и всѣ царства Природы; съ присо-

(*) Подложныя записки, сочиненіе которыхъ насильно навязываютъ на принцессу Ангулемскую, нещасную дочь злополучнаго *Лудовика XVI*. — К.

(**) Ужъ что за портретъ! Гравёръ и издапель изволятъ тѣшиться надъ Публикою. — К.

(***) Не ужели? А мы о немъ и не слыхивали. — К.

вокупленіемъ *Зороастровой* аспрологіи, полкованія сновъ древнихъ и новыхъ аспрологовъ, древнихъ магиковъ, предсказывающій будущее; новая физиогномія и хиромантія *Лафатера* и проч., сочиненный и расположенный по правиламъ славныхъ мужей: Персидскаго царя *Зороастра*, *Юлія Кесаря*, *Иосифа Мута*, графа *Брюса*, и прочихъ. Изданіе шрестіе, въ 4-хъ часпяхъ, съ карпинами.

Исторія о разореніи Трои, столицнаго города Фригійскаго царства, переведенная съ Греческаго на Еллинскій языкъ, а нынѣ съ онаго вновь переложенная для удобнѣйшаго понятія на Россійскій. Въ сей исторіи содержится описаніе разоренія города Трои, Фригійскаго царства, второе сооружеіе онаго, и тѣ цари и князья, которые, предводителъствуя войскомъ, защищали Троянъ, или поражая оныхъ, испребили и самое ихъ опечество; также описывается каждое порознь сраженіе, причина сей войны и десятилѣтнее продолженіе оной; припомъ упоминается и о тѣхъ государяхъ и князьяхъ, которые, во время осады Трои, какимъ образомъ были убиты. Все сіе описали *Даретъ* и *Витъ*, Греки, въ присутствіи коихъ десятилѣтняя Троянская война продолжалась, а попому сія исторія можетъ почестъся любопытною. 2 части.

Князь Оедоръ Д—ій и княжна Марія М—ва, или вѣрность по смерти. Русское происшествіе, соч. *Августа Лафонтена*, пер. съ Нѣмецкаго. Очаровательное перо *Лафонтена* живо начертало картину нещасныхъ любовниковъ, находившихся въ Сибири на Берёзовскихъ островахъ, и поклявшихся вѣрностію по смерти. Въ семъ романѣ читатели найдутъ невымышленное происшествіе, но историческую истину одной вальной эпохи изъ Россійской исторіи. Благоклонное принятіе сего романа въ Германіи и Франціи побудило Русскаго переводчика перевести оный. Россійская Публика ободрила успѣхъ переводившаго распродажею въ скоромъ времени; оная книга сдѣлалась рѣдкою. Почему издапель и приступилъ ко второму, исправленному изданію, которое и представляется на судъ просвѣщенной Публики. 2 части.

Любимецъ Духовъ, истинное происшествіе во время Португальской революціи, заимствованное изъ записокъ *Жельзной Маски*. Перев. съ Нѣмецкаго. 6 часпей.

Любопытныя приключенія одного достойнаго сельскаго, случившіяся въ 1792 году и описанныя другомъ природы.

Новая Жерминія, молодая прекрасная дворушка; прогательная повѣсть.

Героиня сего романа, наскучивъ свѣтомъ, гдѣ клевета и злоба поражали её спрѣлами своими, и лишившись родителея, который ничего не щадилъ для образованія ума ея и сердца, удаляется въ сельское уединеніе, наслаждается красотами природы и облегчаетъ судьбу несчастныхъ. Благопріятное спеченіе обстоятельствъ знакомитъ её съ молодымъ благонравнымъ челоѡкомъ, ни мало не похожимъ на жадныхъ верпопращовъ, спраждающихъ недугомъ Галломаніи. *Жерминія*, увѣренная въ достоинствѡхъ предмета своей любви, соединяетъ съ нимъ судьбу свою. Вотъ содержаніе сего романа. Переводъ. 2 часпи.

Новѣйшій, самый полный писмовникъ, или Всеобщій Секретарь, содержащій въ себѣ письма всякаго рода, въ общежитіи употребляемыя и приспособленныя ко всѣмъ случаямъ и обстоятельствамъ, съ предварительными правилами и наставленіями сочиняны и писаны всякія письма къ разнымъ особамъ и о разныхъ предметахъ, съ присовокупленіемъ примѣрныхъ писемъ великихъ особъ, какъ-то: Императрицы *Екатерины II-ой*, Императора *Павла I*, *Иосифа II*, *Франца II*, *Лудовика XV*, *Фридриха втораго*, *Елисаветы Англіиской*, *Христини Шведской*, *Наполеона Бонапарте*, графа *Румянцова-Задунайскаго*, *Суворова-Рымникскаго*, князя *Меншикова*, *Паткуля*, принца *Кобургскаго*, *Делина*, принцессы *Гонзакъ*, лорда *Нельсона*, барона *Штакельберга*; ученыхъ: *Фенелона*, *Боало*, *Расина*, *Дюпати*, *Честерфильда*, *Вольтера*, *Руссо*, *Белья*, *Шафтесбури*, *Юнга*, *Фонтенелля*, госпожи *Франквилля*, *Полладуръ*, *Фукетъ*, *Дюлутъе*, *Попе*, *Герве*, *Карамзина*, *Суларокова*, *Богдановича*, *Муравьева*, *Хован-*

скаго, *Майкова* (*) и прочихъ; съ описаніемъ торговли и ярмарокъ, и съ образцами коммерческихъ писемъ; съ наставленіемъ и формами писанья всякія записки, контракты, вѣрющія письма, свидѣтельства, формы векселей, таблицы о процентахъ, росписки, пашпорты, доношенія, объявленія, приказы, духовныя и просьбы, до присутственныхъ мѣстъ принадлежащія, и пр. и пр., въ двухъ томахъ, или 4-хъ отдѣленіяхъ.

Одазиръ, или молодой Сиріанинъ, защищаемый отъ спрѣлъ любви добродѣтельнымъ *Менторомъ*, и наконецъ побѣжденный красотою нѣжнаго и прекраснаго пола и жестоко гонимый злосчастною судьбою.

Плацидидъ или долина Баттюековъ, согненіе госпожи Жанлисъ. *Плацидъ*, юный Баттюекъ, герой сего романа, не есть такой дикой, которой бы не могъ судить и обдумывать, а при томъ и не такой мизантропъ, которому бы все мечпалось въ мрачномъ видѣ. Напротивъ того, онъ снисходителенъ ко всѣмъ себѣ подобнымъ; онъ, будучи озаренъ немерцающимъ свѣтомъ Христіанской религіи, обладаетъ истиннымъ образованіемъ разума, которое одно только можетъ дать совершенство нравственнымъ понятіямъ. Эпопъ юноша, имѣя организацію самую щастливую, родившись съ воображеніемъ самымъ пылкимъ, съ сердцемъ благороднымъ и чувствительнымъ, вдругъ, такъ сказать, бросается въ большой свѣтъ, не зная нашихъ наукъ и художествъ, и будучи вовсе незнакомъ съ нашими нравами и обычаями, онъ часто является по *восхищенъ восторгомъ*, по погруженъ въ уныніе отъ негодованія. Его крипика и похвалы никогда не пресупаюотъ должныхъ предѣловъ; однакожь важность ихъ можетъ показаться чрезъестественною въ челоѡкѣ, коего привычка изъ дѣтства *познакомила* отчаспи съ нашими науками и искусствами; но они поразительны своею вѣрностію

(*) Вотъ разительныя противоположности: *Наполеонъ Тамерланъ* и *Буонапартъ* — *Александръ Петровичъ Сулароковъ*; *Екатерина великая* — князь *Григорій Хованскій*; *Фридрихъ великій* — *Майковъ!!!* На такіе контрасты не пускались ни *Шатобрианъ*, ни *Делиль*. — К.

въ устахъ молодого Бапшюска! Все сказанное въ семь сочиненіи о Бапшюекахъ, о ихъ происхожденіи, странной исторіи, характерѣ, нравахъ и прочемъ, все это испи-на. Описаніе таинственной ихъ долины, касающейся до сей исторіи, и подробности любопытны и занимательны. Все это, кажется, сочинительница успѣла показать довольно порядочно въ сценахъ важныхъ, какія только можетъ доставить предметъ сей книги.

Новѣйшій снотолкователь, составленный по руководству иностранныхъ и въ сногатапельной наукѣ искусныхъ мужей, какъ-то: *Платона, Птоломея, Илбумазара, Али, Варлала, Арменидора и Кёнигсбергера*, съ 48-ю гравированными картинками.

Трогательныя наставленія для образованія сердца и спокойствія духа, состоящія въ прилпныхъ повѣстяхъ, какъ-то: въ плачевныхъ слѣдствіяхъ картёжной игры, несчастныхъ приключеніяхъ любви, удивительныхъ дѣйствіяхъ ревности, въ ложно воображаемой невѣрности, и другихъ любопытныхъ испоріяхъ, кои были рассказываемы взаимно другъ другу для невиннаго препровожденія времени одними собравшимися въ общество друзьями.

Смѣшно сказать, а грѣхъ уплатить, что въ Московскихъ вѣдомостяхъ до сихъ поръ встрѣчаются подобныя апеспации нововходящимъ книгамъ и споль же хитрля извиптія словесъ, въ похвалу своимъ изданіямъ щедро книгопродавцами распочаемыя.

Заслуженный С. Петербургскій книгопродавецъ Иванъ Васильевичъ *Слѣнинъ* первый переспалъ употреблялъ сѣ *кустарныя* средства при объявленіяхъ о книгахъ, на его иждивеніе напечатанныхъ. *Ф. В. Булгаринъ* за десять лѣтъ предъ симъ оцѣнилъ его за-слуги: «Г. *Слѣнинъ* есть книгопродавецъ по «спрасти къ литературѣ. Онъ хотя поздно «началъ учиться иностраннымъ языкамъ, «но знаетъ очень хорошо Французскій «языкъ, понимаетъ Нѣмецкій и пламенно «любитъ Россійскую словесность. Дѣятель- «ность *Слѣнина* въ сіе время наша себѣ «пищу на поприщѣ опечесственной литера-

«туры, и онъ между пѣмъ занимался изда- «ніемъ полезныхъ книгъ на Русскомъ язы- «кѣ, которыя не пребовали споль большихъ «издержекъ, какъ иностранныхъ сношенія. «Должно замѣтить, что понынѣ, *Слѣнинъ* «не издалъ ни одного романа, пѣсенника и «подобныхъ имъ сочиненій (*), которыя, «какъ извѣстно, у насъ гораздо скорѣе и «охотнѣе раскупаются, нежели ученые «книги.»

Первымъ порядочнымъ Русскимъ капалогомъ книгъ обязаны мы покойному Василию Алексѣевичу *Плавильщикову*. Сей капалогъ составленъ по методѣ ученаго и трудолюбиваго мужа — спатскаго совѣтника Васи- лия Григорьевича *Анастасевича*.

Впорымъ, улучшеннымъ, полнѣйшимъ и удовлетворяющимъ самыхъ прихотливыхъ любителей чтенія — А. Ф. *Смирдину*, ко- пораго — «познанія въ библиографіи безпри- «мѣрны, по крайней мѣрѣ, въ Россіи. Его «приличнѣе назвать ученымъ библиотека- «ремъ, нежели книгопродавцемъ;» говоритъ г. *Булгаринъ*.

Это все въ Петербургѣ! Теперь надобно ожидать превосходнаго капалого изъ Мо- сквы, отъ просвѣщенной любви къ опече- сивенной словесности содержателя памош- ней библиотеки чтенія Н. Н. *Глазунова*, и ведущаго обширную книжную торговлю молодого книгопродавца А. В. *Глазунова* же, внука покойнаго *Матвѣя Петровича*, копо- раго память уважается въ древней сполі- цѣ Русскаго царства, и котораго слово въ коммерческомъ отношеніи было по же, что наличныя деньги.

А. Кораблинскій.

(*) Еще достоинство! *Слѣнинъ* и *Смирдинъ*, публика въ газетахъ о книгахъ, у нихъ продающихся, всегда выславляютъ годъ, въ копоромъ онъ напечатанъ, и же выдають за новыя полнѣйшихъ, залесневѣлыхъ современниковъ *Тредьковскаго*, кои за 30. предъ симъ лѣтъ куплены на вѣсь, какъ мажатура. А это дѣ- лають другіе — прочіе, впрочемъ весьма не бѣдные ихъ товарищи, которые не могутъ даже сказать въ свое оправданіе того, что говоритъ лисица-воровка у *Крылова* въ баснѣ. — въ свое оправданіе: *нужда . . . дѣти!* — К.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖИЗНЬ ГОЛЬБЕЙНА.

(Сочиненіе Юлія Жапенна.)

Гольбейнъ родился въ Аугсбургъ 1498 года, въ сію великую эпоху освобожденія во всѣхъ родахъ. Отецъ *Гольбейна* былъ живописецъ; въ то время, когда власть обычая была еще во всей силѣ, хопя и близилась къ уничтоженію, мы почти всегда находимъ сына, слѣдующимъ званію отца и достигающимъ степени великаго человѣка, или великаго художника, когда ему не остается ничего другаго. Такимъ же образомъ, восходя къ колыбели сихъ знаменитыхъ людей, всегда встрѣтите вы далекія переселенія, добровольныя изгнанія, непрерывныя перемѣны мѣстъ: вѣрные признаки какого-то волненія, или престоной души. *Гольбейнъ* рано началъ спрансцовать; онъ переехалъ изъ Аугсбурга въ Базель, въ сердце Швейцаріи, и тамъ научился живописи, вмѣстѣ съ двумя своими братьями, *Амвросіемъ* и *Бруно*.

Учителями *Гольбейна* были отецъ его, посредственный художникъ, и дядя, замысловатый рисовальщикъ и искусный гравёръ; остальнымъ обязанъ *Гольбейнъ* самому себѣ. Удивительно! ребенокъ, поперлянный внутри Швейцаріи, угадываетъ всѣ пособія рисовки и колорита! Живописецъ того времени, и живописецъ столь знаменитый, не переехалъ изъ виду горъ, покрытыхъ снѣгомъ, и спановишься великимъ художникомъ, не совершивъ путешествія въ Испалію! Дѣйствительно, Испалія есть обѣтованная земля художника; эпо его школа, его образцы, его жизнь. Тамъ, подъ эпимъ яснымъ небомъ, пламеннымъ и яркимъ солнцемъ; тамъ, на этой землѣ, усѣянной образцовыми произведеніями, пребываетъ искусство. *Гольбейнъ* не поѣхалъ въ Испалію; онъ трудился одинъ, будучи преданъ собственному вдохновенію и изыскивая образцы въ душѣ своей. Еще ребенкомъ привлекалъ онъ вниманіе добрыхъ людей города Базеля. Въ четырнадцать лѣтъ, онъ заслужилъ уже удивленіе толпы. Всѣ желали имѣть его рисунковъ; отъ него требовали уже порпрены

повъ; и онъ почно написалъ порпрены своего отца и дяди съ поразительнымъ сходствомъ. Словомъ, успѣхи юнаго художника были такъ значительны, что въ пятнадцать лѣтъ ему поручили разрисовать фасадъ дома какого-то достопочтеннаго Базельскаго мѣщанина, который отважился возложить на *Гольбейна* важный трудъ сей.

Вы улыбаешься; но тогда была такая мода. Въ то время, когда, благодаря Бога, не было недоспашка въ великихъ живописцахъ, и когда живопись была въ чести во всей Европѣ, существовалъ обычай выставлятъ на фасадахъ главнѣйшихъ городскихъ домовъ первыя произведенія молодыхъ художниковъ, желавшихъ сдѣлаться извѣстными. Такимъ образомъ, большал картина составлялась предъ глазами цѣлаго города; цѣлый городъ обсуживалъ и крипиковалъ её, потомъ, когда все было высказано, дождь, снѣгъ и вѣтеръ спирали картину, и не всегда сполно жалѣлъ о томъ. И такъ, *Гольбейнъ*, какъ и другіе, взобрался на подмостки вывѣсочнаго маляра; онъ изложилъ свои первыя идеи на открытомъ воздухѣ, и Швейцарцы толпились вокругъ него, удивляясь тому, что онъ писалъ для нихъ, и что не должно было сохраниться для насъ. Такъ выполнилъ онъ два великія произведенія, по справедливости служившія предметомъ удивленія своихъ современниковъ: эпо были *Пляска крестьянъ*, на углу Базельскаго рынка и *Пляска мертвецовъ*, на деревянной кровлѣ, усроенной надъ тамошнимъ мостомъ. Отъ *пляски мертвецовъ* уцѣлдо лишь нѣсколько неполныхъ эспамповъ, но и эти слабые остатки сего масперскаго произведенія имѣли на живопись чрезвычайное вліяніе, которое оцупипельно еще и въ наше время.

Выдержавъ первые опыты надъ стѣнами мѣщанскихъ домовъ, мостовыми кровлями и лицами отца своего и дяди, *Гольбейнъ* былъ наконецъ допущенъ къ опытамъ, болѣе значительнымъ. Съ фасадовъ домовъ онъ перешелъ во внутренность оныхъ; граждане и жены ихъ, вѣрjali ему свои лица, и вопъ по какому случаю разсыалъ онъ въ Базель

множество портретовъ, историческихъ картинъ и рисунковъ оригинальныхъ. Все, что писалъ *Гольбейнъ* въ это время, заслуживаетъ удивленія; онъ обладалъ легкостью, необыкновенною даже для той эпохи, когда плодовитость составляла одно изъ главныхъ свойствъ таланта. Между картинами *Гольбейна* лучшія тѣ, предметы коихъ заимствованы изъ Страстей Господнихъ. Ничто не можетъ быть прекраснѣе *Страстей Гольбейна*; это цѣлый рядъ изображеній, вполне совершенныхъ; они одни составляютъ собою галерею, которую всегда покидаешь съ сожалѣніемъ, и въ которой, по долгому размышленіи, всегда открываешь новыя красоты. Здѣсь оканчивается исчисленіе образцовыхъ произведеній *Гольбейна*, до отъѣзда его изъ Швейцаріи. Здѣсь начинается настоящая жизнь его, жизнь романтическая, богатая приключеніями, когда онъ сдѣлался вельможею въ Лондонѣ, при *Генрихѣ VIII*, такъ какъ живописцы, его собратія, спановились вельможами въ Італіи, при *Медицисахъ*.

Гольбейнъ былъ женатъ. Въ одинъ день, когда жена помѣшала ему въ занятіяхъ, по несдержимой женской суевѣливости, заспавившей споль многихъ, одаренныхъ талантомъ людей, предпочесть скучную холоспую жизнь, какъ спокойный удѣлъ, — вошелъ къ *Гольбейну* другъ его, и видя, какъ онъ огорченъ и печаленъ, спросилъ его: — Что съ тобою, любезный *Гансъ*? —

«Ахъ! отвѣчалъ *Гольбейнъ*, ты видишь во мнѣ самаго несчастнаго человѣка. Жена моя зла и упряма; она всегда со мною неразлучна и мучитъ меня своею праздноспію и несноснымъ нравомъ. Тяжело и невыносимо для меня это бремя. Боже мой! какъ далека эта женщина отъ той, которую я надѣялся имѣть женою! До замужства, это была веселая, рѣзвая дѣвушка, плѣнительная, живая, болзливая; всегда неоплчуная отъ моего спанка, всегда готовая служить мнѣ оригиналомъ, когда я писалъ моихъ ангеловъ; настоящая дѣва горь, бѣлая, блистательная, величественная! Въ Свѣтлый понедѣльникъ будетъ ровно полтора года, какъ я на ней женился. . . .»

— А теперь, — возразилъ другъ *Гольбейна*: сказать-ли тебѣ, *Гольбейнъ*, что такое теперь жена твоя? Это своеправная и своевольная госпожа въ домѣ; это демонъ у твоего изголовья вечеру и шумливый, неприятный будильникъ поутру; это злой духъ, который безпреспанно тебя мучитъ, бѣдный *Гансъ*. Теперь, она уже не прекрасна для тебѣ; она даже и не думаетъ быть прекрасною; она наряжается только для другихъ; съ тобою, она не рачительна, скучна, бранчива; она не вѣрится больше ни тебѣ, ни твоему искусству; она спановилась между солнцемъ и тобою, когда ты хочешь писать; между покоемъ и тобою, когда ты хочешь спать; между удовольствіемъ и тобою, когда ты хочешь предаваться необузданнымъ порывамъ своей веселости. Теперь, (а кому это не наскучитъ?) эта женщина является тебѣ всегда какъ несносный вопросительный крючекъ, поставленный предъ тобою! Она хочетъ знать причину малѣйшихъ движеній души твоей, хочетъ знать, отъ чего ты печаленъ, отъ чего ты веселъ, отъ чего ты ни веселъ, ни печаленъ, — тайны, которыхъ ты самъ не знаешь. Ахъ, бѣдный, бѣдный *Гольбейнъ*! Ты пропадшій человѣкъ! —

«Это совершенная правда,» сказалъ *Гольбейнъ*. «Какая жалкая участь, имѣть столько идей! Чувствовать такую сильную потребность творить, такое чрезвычайное желаніе свободы, счастья и удовольствія, и быть женатымъ! Это величайшее несчастіе!»

Онъ спалъ ходитъ по комнатамъ. Другъ его смотрѣлъ на него съ удивительно-лукавою и насмѣшливою улыбкою. Человѣкъ этотъ былъ средняго роста и имѣлъ физиономію, очень неопредѣленную, между злостью и добротою; физиономію, обладавшую пысачью оппѣнковъ и способную выражать все, что она хотѣла, никогда не обнаруживая себя вполне; человѣкъ сей былъ всемогущая воля, и назывался — *Эразмомъ Роттердамскимъ*.

Онъ предоспавилъ друга своего *Гольбейна* его дурному расположенію; ему не хотѣлось ослабить онаго, вызвавшись съ утѣшеніями. *Гольбейнъ* прохаживался по комна-

пѣ, обдумывая съ разныхъ сторонъ свое жалкое положеніе: слабость души своей и твердую волю его жены. Чѣмъ болѣе онъ спарался выпупаться изъ сего лабиринта, тѣмъ менѣе находилъ способовъ изъ него освободиться.

— Зналъ ли ты *Албрехта Дюрера*? — сказалъ *Эразмъ*.

«Великій художникъ!» возразилъ *Гольбейнъ*.

— Да, продолжалъ первый, великій художникъ, простой, новый, дивный, чудесный, прудившійся днемъ и ночью, для своего пропитанія, и умершій отъ побоевъ жены, онъ, благородный *Албрехтъ Дюреръ*! —

Гольбейнъ подыалъ къ небу руки и испустилъ тяжелый вздохъ.

— О несчастный, несчастный *Албрехтъ*! — продолжалъ *Эразмъ*, какъ будто говоря съ самимъ собою. — Цѣлую жизнь терзаясь, цѣлую жизнь бытъ жерпвою этой Мегеры! И она также, до замужства была и добра и спройна и миловидна, но послѣ сватъбы сдѣлалась и зла и несносна; вотъ что будетъ скоро и съ твоею женою; готовь же заранѣе свои щеки, бѣдный *Гольбейнъ*! —

Мнѣ неизвѣстенъ конецъ сего спрашнаго разговора, въ которомъ *Эразмъ* долженъ былъ призвать на помощь всю свою логику, всѣ свои сарказмы, а главное, весь свой софизмъ, чтобы увѣрить несчастнаго своего друга, что ему немедленно надобно разбитъ сія оковы, покинуть сего деспота и возвратитъ себѣ свободу и щастіе! Долго надлежало ему бороться съ недоумѣніемъ *Гольбейна*. Броситъ жену! въ помъ вѣкъ это казалось спрашнымъ, невѣроятнымъ дѣломъ. Покинуть отечество, пуститься въ даль отъ родины, вновь сдѣлаться юношею! И припомъ, куда отправитъ? въ какую землю? Это помъшаетъ женѣ его опять съ нимъ соединиться? Почему не найдетъ она его въ Голландіи или Италіи? Размышляя о сихъ затрудненіяхъ, *Гольбейнъ* былъ готовъ сохранить свои оковы.

Но *Эразмъ* имѣлъ ту желѣзную волю, которая не пугается бездѣлицъ. *Эразмъ*, это маленькое существо, котораго вы видите достигающимъ столь высокой степени съ такимъ умомъ и такимъ прекраснымъ пер-

пѣніемъ, есть, можетъ быть, лучшая воля шестнадцатаго столѣтія. Вотъ человекъ, который первый угадалъ геній *Гольбейна*; вотъ человекъ, который первый надъ нимъ сжалился, который противъ воли оторвалъ его отъ жены, отъ безвѣстности и ничтожества, чтобы послать его, могущимъ и щастливымъ, ко двору государства Англійскаго.

Такимъ образомъ, необходимо надлежало, чтобы *Гольбейнъ*, смиряясь предъ этой все-сильною волей, наконецъ послѣдовалъ ея внушеніямъ. *Гольбейнъ* покорился и рѣшился оставить жену и отечество.

Онъ отправился, не взявъ съ собою ничего, кромѣ двухъ вещей: письма *Эразмова* и его портрета, написаннаго самимъ *Гольбейномъ* предъ отъѣздомъ.

Письмо это было адресовано къ Англійскому канцлеру *Томасу Морусу*, мужу, который имѣлъ щастіе умереть столь прекрасною смертію; мечтателью, котораго Утопія цѣлымъ вѣкомъ предупредила *Фенелона* Телемака. Онъ былъ тогда однимъ изъ первѣйшихъ вельможъ на свѣтѣ, наперсникомъ и другомъ *Генриха VIII*, однимъ изъ старѣйшинъ Англійскаго народа, готовившагося къ царствованію *Елисаветы* и великимъ переворотамъ, за онымъ послѣдовавшимъ. Я съ большимъ прудомъ досталъ письмо *Эразма* къ своему знаменитому другу; оно писано хорошимъ Латинскимъ слогомъ, и вотъ его переводъ, столь вѣрный, сколько то отъ меня зависѣло; не смотря, однако же, на все стараніе, я крайне опасуюсь, чтобы красота подлинника не исчезла въ моемъ предложеніи:

«*Эразмъ Роттердамскій* Е. С. *Томасу Морусу*, великому канцлеру Англійи здравія.

«Давно уже, ваша свѣтлость, смиренный другъ вашъ, *Эразмъ Роттердамскій*, не имѣлъ о васъ другаго извѣстія, какъ чрезъ посредство неупомимой молвы, которая прославляетъ васъ и какъ орапора, и какъ искусства въ дѣлахъ, и какъ друга короля, занимающаго не послѣднее мѣсто въ ряду Христіанскихъ государей. Не смотря на ваши милостивыя ободренія, я опасался, слишкомъ часто являя взорамъ вашимъ недостойныя

мои письма, отвлечь васъ отъ пѣхъ высо-кихъ мыслей, съ которыми связана судьба цѣла-го народа; и такъ, проспите мнѣ, что я не споль часпо обращался къ вамъ съ изъяс-вленіями моего почтенія, сколько вы мнѣ по дозволили.

«Нынѣ я посылаю къ вамъ одного велика-го живописца, какъ сами вы по усмотрите; онъ называется *Гансомъ Гольбейномъ*, изъ города Базеля. Онъ написалъ здѣсь много превосходныхъ портретовъ и картинъ въ совершенно новомъ родѣ; это человекъ пла-менный, оригинальный и удивительно трудо-любивый. Между прочимъ, написалъ онъ для здѣшняго города, на дрянныхъ доскахъ, сберегаемыхъ одною волею *Зевеса*, родъ фан-тасмагоріи, копорая, если не обманываюся, весьма-бы вамъ понравилась; въ ней изобра-жена большая толпа мершвецовъ, копорые кружатся также весело и охотно, какъ способны кружиться развѣ только живые крещеные люди. Этому не бывало примѣра прежде друга моего *Ганса*, и я не знаю, гдѣ онъ взялъ свои образцы; вѣроятно, случилось ему присутствовать при шабашѣ, въ зимнюю лунную ночь.

«Кромѣ своего таланта, терпѣнія, воз-держности и совершенной покорности Про-видѣнію, бѣдный другъ мой, *Гольбейнъ*, имѣетъ еще одно великое право на благо-склонность вашей свѣплости; онъ женатъ на презлой и пресварливой женщинѣ; его Христіанское смиреніе не выдержало сего послѣдняго испытанія; онъ не успоаялъ противъ этой адской муки и обратился въ бѣгство, повинувся Провидѣнію. Будьте же его Провидѣніемъ, ваша свѣплость.»

Гольбейнъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, явился къ канцлеру *Томасу Морусу*. Сильно забилось у него сердце, когда предсталъ онъ предъ лице друга *Генриха VIII*. *Томасъ Морусъ* со-ставляетъ въ этомъ описаніи большую про-ливноположность съ *Генрихомъ VIII*. Чело-вѣкъ жаднокровный и любознательный, со-вѣспливый и спокойный, весьма свѣдующій въ наукъ законовъ, копорая, въ то время, была немаловажною наукою; споль же искусный въ словесности, какъ самъ *Эразмъ*; поэтъ и филологъ, довольный малымъ и совершен-

спвующій идеаль *Платона*, человекъ воз-вышенный, обладавшій всеми роскошными склонностями вельможи и всею бѣдностію честнаго судьи: таковъ былъ славный Ан-глійскій канцлеръ *Томасъ Морусъ*.

Онъ жилъ тогда въ обширныхъ палапахъ, копорыя были отворены для всякаго, и ку-да нашъ юный художникъ немедленно на-шелъ свободный доступъ. *Томасъ Морусъ* съ заботливостію принялъ письмо и портретъ; онъ долго разсматривалъ сей послѣдній, уцѣлѣвшій намъ въ числѣ образцовыхъ про-изведеній *Гольбейна*. Наконецъ, онъ развер-нулъ письмо и прочелъ его съ улыбкою, ибо онъ любилъ читать *Эразма*; попомъ, взявъ *Гольбейна* за руку, сказалъ ему:

— *Гансъ Гольбейнъ*, поздравляю васъ съ пріѣздомъ въ Англию; вы здѣсь въ друже-скомъ домѣ. Все, что отъ меня зависитъ, молодой человекъ, къ вашимъ услугамъ, ибо вы привезли мнѣ сильное за себя ходатай-ство: это портретъ *Эразма*. Оставайтесь съ нами, живите спокойно а если жена ва-ша придетъ васъ опыскивать, мы солжемъ и скажемъ ей: здѣсь нѣтъ *Ганса Гольбейна*.—

Такъ говорилъ канцлеръ; съ сими словами онъ обнялъ *Гольбейна*, и съ тѣхъ поръ умно-жилась однимъ числомъ дѣпей его.

Съ сего же времени *Гольбейнъ* спалъ сво-боденъ и щасливъ; онъ вполне предался своимъ занятіямъ, споль непріятно пре-рваннымъ. Онъ жилъ такимъ образомъ, ни кѣмъ незнаемый, и едва обращая вниманіе на великія событія, вокругъ него происхо-дившія. *Гольбейнъ* зацмался только исторіею прошедшаго, древними, достопамятными про-исшествіями, героями, падшими со славою. Въ тиши своей рабочей, онъ спарался до-спигнуть идеальнаго совершенства, мысль о копоромъ безпрестанно его преслѣдовала, и никогда не былъ онъ споль щасливымъ. Семейство канцлера было вмѣспъ и его се-мействомъ. Такъ провелъ онъ три года, на-писавъ множество историческихъ картинъ и довольспвувся одобреніями и похвалами своего знаменитаго друга. Но не въ этомъ заключалась награда, копорую готовилъ ему *Томасъ Морусъ*; сердце его было споль много исполнено справедливости, что онъ

не могъ употребить въ свою пользу сію сокрытую славу. Сии при года были для *Гольбейна* годами испытанія; но наконецъ, когда онъ произвелъ картины, достойныя великаго имени, приобрѣннаго имъ въ послѣдствіи, канцлеръ разсудилъ, что ему пора уже было испоргнуть своего живописца изъ безвѣстности, на которую онъ обрекъ его. День сей былъ прекраснымъ днемъ въ жизни *Гольбейна*. Хозяинъ его ожидалъ одного гостя; но кто былъ ожидаемый гость, *Гольбейнъ* вовсе не зналъ того. Между тѣмъ весь домъ былъ убранъ съ большою пышностію; слуги бѣгали и суеписались, канцлеръ заботился, внушенности дома блистала множествомъ огней, вездѣ было видно царское великолѣпіе. *Морусъ* посвятилъ для сего вечера часть своего имѣнія. Наконецъ наступилъ назначенный часъ. Тогда вы увидѣли-бы въ Лондонѣ короля, шествующаго съ своею свитою и послѣшно оспанавливающагося у дверей сего дома, обыкновенно столь смиреннаго. Канцлеръ сошелъ внизъ и подалъ государю руку; король взялъ его подъ одну, и они вмѣстѣ взошли на лѣстницу. Сильно былъ изумленъ *Генрихъ* блескомъ этого дома, но всего болѣе поразила его коллекція картинъ *Гольбейновыхъ*. Увидѣвъ ихъ, король остановился въ удивленіи и воспоргѣ. Онъ въ высокой степени чувствовалъ цѣну искусствъ, и никогда еще не видалъ вмѣстѣ столько прекрасныхъ произведеній живописи. Онъ переходилъ отъ одной картины къ другой, въ безмолвномъ восхищеніи, разсматривалъ ихъ по послѣшно проходя, по оспанавливаясь; иногда вырывалось у него восхищеніе, но потомъ опять впадалъ онъ въ прежнее молчаніе. Никогда не былъ онъ такъ доволенъ. *Гольбейнъ* стоялъ въ углу, внимательно наблюдая малѣйшія движенія государя. Такъ, это былъ грозный *Генрихъ VIII*! Онъ, столь обрадованный, восхищенный, столь занятый бѣднымъ художникомъ! Между тѣмъ король не переставалъ удивляться; всего болѣе дивился онъ прелести дамъ, изображенныхъ на картинахъ; живости шелка, бархата, горноспая въ одеждѣ всѣхъ этихъ особъ, истинно царской роскоши; вы-

шпыхъ плащей и волнующихся перьевъ. Всѣ эти лица, столь богато одѣтыя, казалось, хотѣли выступить изъ рамъ; король былъ готовъ проплету къ нимъ руки и сказать:—приблизьтесь, прекрасныя дамы! Онъ употребилъ такимъ образомъ цѣлый часъ на безмолвное обозрѣніе.

Наконецъ *Генрихъ* воскликнулъ: «Какой художникъ написалъ это?»

Гольбейнъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ; сердце его сильно препетало; участь его должна была измѣниться. Король замѣнилъ его по чрезвычайной бѣдности; потомъ, слѣдуя своей привычкѣ, подошелъ къ живописцу и сказалъ ему сердитымъ голосомъ:

«Такъ вы-то, сударь, пишете всѣ эти вещи, такъ хорошо наряжаете женщинъ и такъ богато вышиваете платье мужчинъ. Клянусь честью! вы помрачаете блескъ моего двора и заслуживаете за это примѣрное наказаніе.»

Потомъ, видя сильное смущеніе бѣднаго *Ганса*, король, улыбаясь, примолвилъ:

«Право, я имѣю въ васъ нужду при дворѣ моемъ, чтобы научить нашихъ дамъ быть прекрасными, а молодыхъ мужчинъ нашихъ искусству одѣваться; вы будете гросмейстеромъ нашего вкуса. Но какъ же зовутъ его, *Морусъ*?»

—Онъ называется *Гансомъ Гольбейномъ*,—государь, отвѣчалъ канцлеръ.—Онъ прибылъ сюда по совѣту *Эразма Роттердамскаго*, который сердечно благодаритъ васъ за всѣ ваши милости. Теперь, государь, если вашему величеству угодно будетъ принять, то картины принадлежатъ вамъ вмѣстѣ съ живописцемъ.—

«Ты мнѣ дѣлаешь этимъ драгоценный подарокъ, мой вѣрный подданный; но мнѣ довольно одного живописца. Я не хочу лишаться себя своего богатства; оставь у себя картины, я возьму къ себѣ *Гольбейна* сегодня же вечеромъ.»

Вотъ какимъ образомъ перешелъ *Гольбейнъ* изъ жилища канцлера *Томаса Моруса* ко двору *Генриха VIII*.

При дворѣ *Генриха VIII Гольбейнъ* сдѣлался первымъ королевскимъ живописцемъ; попомъ онъ сдѣлался другомъ *Генриха*, и это было шѣмъ возможно, что король не имѣлъ случая претованъ отъ него какой либо несправедливости или жестокости. Такимъ образомъ, тогда, какъ дружба *Генриха* была гибельна для всѣхъ его приближенныхъ, одному *Гольбейну* нечего было еѣ спрашивать; онъ былъ исключеніемъ при Англійскомъ дворѣ, гдѣ самая блестящая участь была ближайшимъ путемъ къ смерти. Успѣхъ *Гольбейна* въ холодной Англии, споль неопытной въ изящныхъ искусствахъ, есть дѣло почти невѣроятное, хотя онъ и не подверженъ сомнѣнію. Со дня, когда *Гольбейнъ* удостоился королевскаго покровительства, не осталось въ Лондонѣ ни одной прекрасной и богатой женщины, копорая бы не желала быть списанною королевскимъ живописцемъ. И за то какими прелестными, какими великолѣпными онъ изображалъ ихъ! Весь дворъ наперерывъ добивался чести служить *Гольбейну* оригиналомъ; знаменитость не почиталась болѣе совершенною, если не была овящена кистью сего живописца!

Такимъ образомъ почести и богатство вдругъ явились къ *Гольбейну* и осыпали его всѣми своими дарами. У него вымаливали прощупа, какъ милости у короля; вокругъ него, какъ вокругъ короля, сосредоточивалось все, что отличалось пороною, красоною или славою. Историческія картины и другія произведенія *Гольбейна* покупались на вѣсь гиней. Онъ вдругъ сдѣлался національнымъ Англійскимъ живописцемъ. Еще донынѣ, первѣйшіе Англійскіе богачи почитаютъ работу его драгоценнѣйшимъ украшеніемъ своихъ музеевъ и домовъ, а попому неудивительно, что онъ былъ провозглашенъ Англичаниномъ отъ Англичанъ, которые не хотѣли поминуть о наслоящей его отчизнѣ, Германіи. Дѣйствительно, въ Германіи нашель онъ только жену, а въ Англіи богатство, уваженіе, почести; все, что дѣлаеть художника великимъ, когда въ головь его есть умъ, и въ сердцѣ гений.

Что касается до него, то онъ предался сему новому роду жизни,

казался ему шѣмъ необыкновеннѣе, что онъ не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго понятія, не бывъ никогда въ Итали. Онъ сознавался внутренно, какъ справедливъ былъ другъ его *Дразинъ*. Онъ совершенно посвятилъ себя искусству и своему щастію. Дружба *Генриха VIII* къ живописцу его не имѣла границъ. Онъ нѣсколько разъ поручалъ *Гольбейну* списывать себя въ своей царской одеждѣ; поручалъ ему также расписывать многія комнаты въ своемъ Виппгальскомъ дворцѣ; но пожаръ испребилъ дворець, копорый въ послѣдствіи снова былъ выспроенъ, но работы *Гольбейна* некому было возобновить. *Гольбейнъ* написалъ еще нѣсколько большихъ картинъ, въ копорыхъ изобразилъ многихъ знаменитыхъ особъ государства. Если принять въ разсужденіе совершенную опдѣлку его картинъ въ малѣйшихъ подробностяхъ, то можно сказать, что дѣятельность *Гольбейна* была неограниченна. Припомъ, если къ безчисленнымъ его произведеніямъ, писаннымъ масляными и водяными красками, прибавить всѣ рисунки, копорые составлялъ онъ для мастеровъ золотыхъ дѣлъ и для гравировальщиковъ на мѣди, то легко будетъ понять, на какой огромный прудъ долженъ онъ былъ обречь себя, что бы успѣть во всемъ этомъ. Онъ приобрѣлъ такимъ образомъ чрезвычайно большое состояніе, а по мѣрѣ того, какъ умножалось его богатство, увеличивалось вліяніе его на короля. Между всѣми анекдотами, извѣстными по сему предмету, о копорыхъ я умалчиваю, есть одинъ, копораго не могу не разсказать.

Гольбейнъ, сдѣлавшись знатнымъ бариномъ, скоро и безъ пруда ознакомился со всѣми его привычками и обычаями. Одно изъ свойствъ великаго художника есть умѣнье немедленно примѣняться ко всякому положенію, хорошему или худому. Отъ этого *Гольбейнъ* успѣлъ такъ щастливо примѣниться къ своему высокому состоянію, что даже взял надъ нимъ нѣкоторый верхъ. Между прочими домашними привычками, онъ имѣлъ обыкновеніе запираеть свою мастерскую для всѣхъ, исключая короля, когда прудился надъ какимъ нибудь большимъ произведеніемъ, ко-

порого не хотѣлъ показывать несовершен-но конченнымъ. Легко себя представить впрочемъ, что онъ былъ художникъ, слиш-комъ гордый, и нехотѣлъ добровольно подвер-гаться сужденію и особенно совѣпамъ праздныхъ и несвѣдущихъ людей, которые всегда полпялся въ рабочихъ великихъ жи-вописцевъ. Однажды, когда онъ запершись у себя, занимался работою, одинъ изъ перовъ королевства, особа, весьма важная въ то вре-мя, захотѣлъ силою отворить дверь рабо-чей и войти въ нее, не смотря на запреще-ніе. *Гольбейнъ*, услышавъ шумъ въ сѣняхъ, выходитъ изъ мастерской и объясняетъ молодому вельможѣ, что онъ никакъ не можетъ принять его. Надменный лордъ на-стаиваетъ, говоря, что это время назна-чено именно для него, что ему нельзя придти въ другую пору, и что наконецъ онъ непременно желаетъ войти. Тутъ возга-рается между ними споръ; молодой чело-вѣкъ сердится и хочетъ ворваться насиль-но. Тогда *Гольбейнъ*, вышедъ изъ себя, схва-тываетъ лорда поперегъ шѣла, и съ такою силою бросаетъ его съ лѣстницы, что топъ капится къ ногамъ людей своихъ съ крикомъ и воплями. Замѣтите, что эта сцена происходила между простымъ ино-спраннымъ художникомъ и важнымъ Ан-гльскимъ вельможею.

Гольбейнъ, увидѣвъ лорда внизу лѣстницы, поднимаемаго своими слугами, топчасъ рас-челъ, какія пагубныя слѣдствія могла имѣть его запальчивость. Чтобы предупредить ихъ, онъ идетъ на верхъ своего дома, и пробрав-шись по крышѣ, приходитъ эпою дорогою къ королю *Генриху VIII*, который зани-мался у себя въ кабинетѣ какою-то бого-словскою диссертаціею. *Гольбейнъ*, увидѣвъ короля, бросается къ ногамъ его и на колѣ-няхъ проситъ прощенія, не сказывая одна-ко же, въ чемъ онъ виновенъ. Изумленный *Генрихъ* поднимаетъ его, и узнавъ, что дѣ-ло идетъ о членѣ парламента, выброшен-номъ за окошко, не можетъ придти въ себя отъ удивленія; ибо онъ искренно любилъ свой парламентъ. И такъ *Гольбейнъ* полу-чилъ спрочайшій выговоръ; потомъ ко-роль, всегда къ нему милоспчивый, указалъ

ему на дверь ближайшей комнаты и запре-пилъ выходить оттуда до времени. *Голь-бейнъ* оставался такимъ образомъ въ запер-ти у своего царственнаго хозяина, не очень безпокоясь въ душѣ: ибо онъ зналъ могуще-ство своего покровителя. Чрезъ двѣ недѣли, молодой лордъ, находя, что онъ уже до-вольно времени игралъ роль больного, ве-дѣлъ отвести себя къ королю; онъ покрыл-ся перевязками, принялъ самый жалкій видъ, какой только былъ въ состояніи придумать, и приказалъ слугамъ своимъ себя поддержи-вать. «Государь, государь! правосудіа, пра-восудіа!» вскричалъ онъ съ разгорѣвшимся лицомъ и живыми движеніями. Между тѣмъ король, припворясь, что не замѣчаетъ эпой комедіи, слушалъ всѣ его жалобы съ совершеннымъ равнодушіемъ. Это равноду-шіе взбѣсило лорда. «Дѣло идетъ о вельмо-жѣ, а не о собакѣ, государь,» сказалъ онъ: «и если ваше величество отказываете мнѣ въ правосудіи, то я самъ спану искаю его!»

Этого только и хотѣлось королю. «Вы забываете о своихъ перевязкахъ, мой милый лордъ, вскричалъ онъ, и забываете почте-ніе, которымъ вы обязаны къ моей коро-левской особѣ. Вы хотите присвоить себя мои царскія преимущества, любезный лордъ? О нѣтъ! этому не бывать! Я одинъ имѣю право оказывать правосудіе всякаго рода. И такъ, прошу васъ не просирирать дальѣ своихъ припзаний, потому что я не хочу этого. Припомъ же дѣло беретъ дру-гой оборотъ; споръ идетъ не у живописца съ вельможею, а о томъ, что въ тысячу разъ важнѣе, любезный лордъ, у вельможи съ своимъ государемъ. А потому теперь, на-рушивъ слѣдующее ко мнѣ почтеніе, вы сами должны просить помилованія, вмѣсто того, чтобъ вопіять о мщеніи. Что-жъ касается до *Гольбейна*: поди сюда, *Гольбейнъ* (въ то же время художникъ вышелъ изъ комнаты), что касается до *Гольбейна*, по-знайте, сударь, и запомните мои слова: вотъ художникъ, который составляетъ одно изъ драгоценнѣйшихъ украшеній па-шей Англійской короны; это человекъ рѣд-кій, такой, какового мнѣ не скоро найти,

еслибъ случилось потерять его. Вотъ по-чѣму вамъ должно, господа; беречь его для меня, а не заводить съ нимъ ссоры. Если-бъ я захопѣлъ, по сей часъ же могъ бы сдѣлать семь, подобныхъ вамъ, графовъ, милордъ; но изъ семи графовъ, такихъ какъ вы, я не въ состояннн сдѣлать ни одного равнаго ему живописца.

«Дѣлайте, что хопште, лордъ, но я объявлю вамъ, что нападашь на *Гольбейна*, значить нападашь на меня самаго. Прощайте. *Гольбейнъ*, воропись въ свою масперскую и будь покоенъ: ты состоишь подъ нашею королевскою защипою.»

Гольбейнъ спокойно отсправился, и съ эпихъ поръ не нашлось никого, кто бы захопѣлъ войти въ его рабочюю безъ позволенн.

Вы видите изъ сего, что мода было въ модѣ и въ большой модѣ покровительствовать искусству и художниковъ. Императоръ *Максимилннъ* провозглашаетъ среди двора своего, что *Албрехтъ Дюреръ* сподипъ всякаго герцога; король *Генрихъ VIII* объявляетъ своему двору, что *Гольбейнъ* сподипъ семи графовъ. При дворѣ *Франциска I*-го являютъ знатныя дамы, удостоивающн своего покровительства всякаго завѣзжаго художника, и нѣжно обнимающн спящихъ поэтовъ. Спасительная и достохвальная мода! Не правда ли, что чипая сей поступокъ *Генриха VIII*, вы чувствуете немного менѣе ужаса къ супругу *Анны Бoleyнъ*?

(*Окончанн въ слѣд. листкѣ.*)

СТИХОТВОРЕНН.

СЦЕНА ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ.

Книгопродавецъ, Переводчикъ и Польщикъ.

Книгопродавецъ.

Все-ль въ добромъ, бапюшка?

Переводчикъ.

Какъ вы, сударь, здоровы?

Книгопродавецъ.

Кой-какъ живемъ, книжонки-ша дешѣвы, —
И сбыту вовсе нѣтъ,—такой ужъ нынче годъ!
Съ ума пришелъ плохой доходъ.
На книги урожай, да намъ-то годъ голодной...
А что за пазушкой?

Переводчикъ.

Романчикъ переводной.

Книгопродавецъ.

А какъ заглавн?

Переводчикъ.

Италн.

Книгопродавецъ.

Охъ нѣтъ!

Не громко, не чудно; вы знаете нашъ свѣтъ!
Ну чтобъ вамъ выдумать *Пещерку*, *Привидѣнн*,
Иль Зѣлокъ Рыцарской иль *Страшное сраженн*,
Иль Дѣву въ образѣ таинственной судьбы?
Съ *Италн*й успанешъ опъ ходьбы, —
Не купишь здѣсь ничто. А что за содержанн?

Переводчикъ.

Тутъ пупешествнѣ, дуэли, описанн,
Исприги нѣжныя, и шайное свиданн,
Романсы и спншки....

Книгопродавецъ.

Была

У насъ *Италн*, да съ рукъ-то не пошла!
А автора чьего?

Переводчикъ.

Не знаю — неизвѣстной,
Но ужъ повѣрьте — слогъ чудесной!

Книгопродавецъ.

Вотъ вышелъ у меня *Чудесный Атаманъ*,
Иль Пропастъ прнсподнл!
Что за романъ!

Въ газетахъ объявилъ сегодня,
А ужъ книгъ десять разошлось.

Переводчикъ.

И мой раскупнлся—авось!

Книгопродавецъ.

Авось! эхъ бапюшка!—Съ авосн нѣтъ доходу.

Переводчикъ.

Давно ужъ я хопѣлъ у васъ спросить :
Что книги идутъ въ ходъ—какого роду
И кто изъ авторовъ вошелъ сегодня въ моду?

Книгопродавецъ.

Ну, этакъ мнѣ вопросъ прудненько разрѣшить.
По общему всей нашей браться мнѣнью,
(Не спанемъ мы шайтъ грѣха)
Продажа книгъ куды плоха:
Нѣтъ денегъ что-ль увсѣхъ, иль нѣтъ охоты къ
чтенью!

Россійскіе покамѣспъ 'съ рукъ идутъ
Романы, повѣспи, рассказы—и все шутъ!...
Марлинскій нравился всѣхъ болѣе изъ Русскихъ.

Переводчикъ.

Нѣтъ, не изъ нашихъ, изъ Французскихъ.

Книгопродавецъ.

Бальзакъ, Гюго, Жюльенъ, какой-то *Зандтъ, Дежуртъ*;
И *Вальтеръ-Скоттовъ* романы славно сходящъ.

Переводчикъ.

Какой же онъ Французъ—помилуйте!

Книгопродавецъ.

Ну вотъ!

Его съ Французскаго у насъ всё переводящъ,
Такъ за Француза онъ слывѣтъ.
И нечего сказать—на *Вальтеръ Скотта*
У насъ пришла чудесная охота.
Вотъ сколько написалъ! Онъ не писатель—чортъ!
Возьмешь любой романъ—*Астрологъ, Кенильвортъ,*
Певериль дю Пикъ—заглавья очень спранны,
Да вѣдь за то, что за романы!
Ужъ имя-то его одно берѣтъ!—
И коль не хочешь быть безъ денегъ и съ безславьемъ,
Когда не именемъ, шакъ ужъ бери заглавьемъ.

Переводчикъ.

А прежніе?

Книгопродавецъ.

На прежнихъ чумный годъ.
Бывало ихъ вѣдь въ запуски чинали:
Скончалась госпожа *Радклифъ*,
И на *Жанлисъ* ходъ шугъ и нещасливъ,
А прежде, машушки, онъ насъ выручали.

Да что! шакія времена настали:—

Вы знаете, каковъ былъ *Августъ Лафонтенъ*?
Вѣдь парочка къ *мадаль Котель*!
А нынче и на ихъ, признаешь, чѣрный день.

Переводчикъ.

А *д'Арленкуръ*?

Книгопродавецъ.

Викентъ д'Арленкура

Романы хороши!—Что слово, то фигура,
Какъ всё ученые объ этомъ говорящъ!
Но нѣтъ—не въ славу онъ, и отъ него накладъ.
А что за слогъ! А что за складъ!
Цвѣтиспъ, заштѣливъ онъ, весьма пріятенъ въ
чтенъ.

Переводчикъ.

А *Коцебу*?

Книгопродавецъ.

Давно ужъ въ погребу—
Мышамъ оставленъ на съѣденъе.
Нѣтъ, *Коцебу* нейдетъ, какъ ты не раскричисъ.
Не знаемъ мы, какаѣ бы причина?
А ужъ забыто все—театръ и *Леоптина*.
Нѣтъ, *Коцебу, Котель, Радклифъ*, мадамъ *Жанлисъ*
Слывущъ у насъ шеперъ не городскими,
А попросу степными.

Переводчикъ.

Степными—какъ?

Книгопродавецъ.

Да, сударь, шакъ!

Бывало *Займокъ Пиренейской*

Въ гостиныхъ былъ въ чеспи, а нынче ужъ въ
лакейской

Его чинаешъ всякъ.

Бывало *Коцебу* слылъ авторомъ высокимъ
Въ столицахъ, а шеперъ въ степяхъ его чтецы,—
И наша брания—помельче продавцы,
Развозящъ эту дрянь по деревнямъ далѣкимъ.

Переводчикъ.

Ну, а комедія?

Книгопродавецъ.

Комедіямъ не ходъ.

Былъ операмъ недавно годъ,

А нынѣ водевили

У самыхъ слезныхъ драмъ дорогу перебили.

Переводчикъ.

Журналы идушь каково?

Книгопродавецъ.

Писла да Инвалиды, а прочее неужно.

Чишають ихъ Публикѣ все какъ-то недосужно.

Бываешь, въ урожайный годъ,

Карпички модъ даюшь инымъ журналамъ ходъ.

Переводчикъ.

Ну, а учебное?

Книгопродавецъ.

Учебное? — Не слишкомъ.

Вѣдь нынче всякой завелся умникомъ.

Учености ужъ все понабралось,

И дураки вокругъ умныхъ по умѣли;

Ученыхъ же такъ много развелось,

Что книги ихъ подешевѣли.

Нѣтъ, нынче вѣкъ не пошь...

Переводчикъ.

Какой же вѣкъ у насъ?

Книгопродавецъ.

Да вошь въ примѣръ *Письмовникъ* вамъ *Кургановъ*;

Онъ спарь, а все въ ходу — и сподитъ всѣхъ романовъ!

Печатаюшь его въ двѣнадцатый ужъ разъ.

Да вошь еще у насъ былъ авторъ знаменитый,

Блаженной памяти великій человекъ!

Михайло Федорычъ *Мелорскій* — кончилъ вѣкъ.

Такихъ людей ужъ нѣтъ, — дакъ хлѣбца, имъ мы сышы!

Переводчикъ.

На что-жь еще у васъ хорошая цѣна?

Книгопродавецъ.

Вошь *Бонапарть* въ великой модѣ;

Куда хорошъ онъ въ переводѣ!

Исторія его была разъ издана:

Въ два мѣсяца ужъ вся разобраца.

Все любяшь славное, — умы-то спали понки!

Расходятся и дѣтскія книжонки,

И дѣти спариковъ спановляеся умнѣй!

Купишь не приличковъ и не коврижекъ

Съ-измала просяшь маперей,

А все карпичицекъ, да книжекъ,

Переводчикъ.

Ну что же мой романъ, какой въ немъ будешь цушь?

Книгопродавецъ.

Оспавъте у меня — вѣдь надо же взглянушь.

Скупили много мы, — ужъ надобно бы высъчь:

Названій со спо — на семь пысячь.

Купилъ бы и у васъ, да пощъ, сударь, кармашь.

(*Перебиралъ листы*).

Заглавице-та въ немъ несходно;

Нельзя-ль перемѣнить?

Помѣщикъ.

(*Входитъ въ лавку*).

Книгопродавецъ.

Что вамъ, сударь, угодно?

Помѣщикъ.

У васъ какой-то еспь романъ,

Объявленъ нынче онъ — *Чудесный Атлантъ*,

Книгопродавецъ.

Такъ щочно-съ, вошь вамъ онъ.

Помѣщикъ.

А сколько сподитъ?

Книгопродавецъ.

Двадцать

Рублей.

Помѣщикъ.

Нельзя ли взидъ пянадцатъ?

Книгопродавецъ.

Мы не торгуемся. — Въ пяти большихъ наспахъ.

Такъ дешево, сударь, что спрахъ!

Прочтите, — скажете: цѣны нѣтъ книгъ этой,

Помѣщикъ.

А какъ берете вы — монешой?

Книгопродавецъ.

Такъ щочно-съ: мы свое добро

Все продаемъ на серебро.

Помѣщикъ.

Да хорошо, а що — рубль шестьдесятъ копѣекъ...

Книгопродавецъ (*жалостно*).

Чего же сподитъ вамъ?

Помѣщикъ.

Да парочки индѣекъ.

Смѣетесь вы,—какой въ романахъ вашихъ прокъ?

(*Со вздохомъ вынимая кошелекъ*).

Что дѣлалъ съ дѣшками?—Пустьешъ кошелекъ!

Когда-бъ не дочь моя *Ульяна*,

Ни за что-бъ не купилъ я своего романа:

Приспала бибныхъ два часа.

(*Отдавая деньги*).

Ну, шутка ли?—вѣдь шутъ двѣ чепверши овса!

Эй, брашъ!—для переду нельзя ли что придачи?

Книгопродавецъ.

Не сходно, сударь,—вошь вамъ сдачи.

Помѣщикъ (*взявъ книги, уходитъ изъ лавки*).

Книгопродавецъ.

Вошь видеше—какъ шуги времена!

И двадцать рубликовъ—великая цѣна!

Коль не опъ нихъ,—съ кого же намъ пожива?

А опъ чего купилъ? — Заглавіе щасливо!

Да не угодно ли на чашечку чайку?

Пойдемъ-те-ка въ *Свѣстной*, запомнимъ свою поску.

LA NUIT DE NOËL.

Tandis que les flots du torrent

Inondaient la forêt, par l'hiver dépouillée,

Une mère, à côté de son fils expirant,

Prolongeait sa triste veillée.

Muette et pâle de douleurs,

Dans sa cabane solitaire,

Elle pleurait et sur la terre

Nul mortel n'a daigné s'informer de ses pleurs.

Sans se plaindre à l'être suprême,

Elle a vu fuir tous ses amis:

Pauvre mère! peut-être il faudra qu'elle-même

Du funeste linceul enveloppe son fils;

Son fils... elle succombe à ces tristes pensées.

Tous à coup du hameau les cloches balancées

Vers le temple des champs appellent les mortels;

On célébrait alors, au pied des saints autels,

Cette nuit chaste et fortunée

Qui vit naître l'enfant, délices d'Israël;

Et, de rayons purs couronnée,

L'étoile de Jacob se montrait dans le ciel;

Sa miraculeuse lumière,

L'airain qui retentit de momens en momens,

Dans le cœur navré d'une mère,

Font naître par degrés d'heureux pressentimens.

Hélas! à force de tourmens,

Elle avait oublié jusques à la prière.

Faible, le front couvert de deuil,

Confiant à son Dieu l'objet de ses alarmes,

De sa triste cabane elle presse le seuil,

Et bientôt les autels sont baignés de ses larmes.

„Toi dont le secours est promis

Au chrétien souffrant et fidèle,

Épouse du Seigneur, écoute-moi, dit elle:

J'abandonne pour toi la couche de mon fils

De tes demeures éternelles

Daigne descendre dans ce lieu;

Tu sentis comme moi les craintes maternelles,

Tu tremblas pour ton fils et ton fils était Dieu.

Contre la tempête inhumaine

Protège un lis mourant qui n'a plus de soutien;

Mon enfant commençait à peine

A prononcer le nom du tien.

Ne m'en sépare pas; je l'entends qui m'appelle;

De son lit de douleur je reprends le chemin.

Adieu, je reviendrait demain

Déposer son berceau dans ta sainte chapelle.“

Elle dit, et déjà ses pas

Se sont tournés vers sa chaumière;

Mais, au retour de la lumière,

Dans l'église rustique elle ne revint pas.

Les cierges des morts s'allumèrent,

Et devant le temple attristé,

Le soir, à leur pâle clarté,

Deux cercueils inégaux passèrent.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ—цѣлебное растение,

Цвѣтокъ съ препышною и пѣспрой головой;

Другой

Рѣка—ея въ Швейцаріи печенье;

Все—имя; въ свѣщцахъ лишь пошарь,

Иль загляни хощь въ календарь.

C H A R A D E.

D'où te vient cet orgueil étrange?
 Disait mon tout à mon premier;
 Sitôt que l'on te voit voler dans mon dernier,
 Femmes, enfans, vieillards, tout s'enfuit, tout se
 range,

L'un, peur d'être roué, l'autre peur de la fange.
 Me voit-on au contraire, au retour du zéphir,
 Au gré du laboureur, pour mieux remplir sa grange,
 Dans son champ constamment aller et puis venir?
 Loin de fuir on s'arrête, et c'est pour applaudir
 Au sol qui sous ma loi docilement s'arrange.
 Si, comme mon premier, on ne sait qu'éblouir,
 Si, comme mon dernier, on ne sait qu'étourdir,
 On n'est pas, cher lecteur, bien digne de louange.
 Vive qui, comme moi, travaille à te nourrir.

Въ No 61-мъ, помѣщенная шарада значить:

En prenant *Toi* pour mon premier,
 Et *Le* pour mon dernier,
 Au lecteur j'ai donné le change;
 La *Toile* chez Emma revêt le corps d'un ange.

M O D E S.

On varie à l'infini les façons de redingotes, et celles dont notre gravure donne le dessin n'est pas une des moins élégantes, précisément peut-être parce qu'elle semble étrange et irrégulière. C'est avec intention que l'éventail formé par les biais se rejette sur un côté seulement, depuis l'ouverture, tandis que l'autre côté reste absolument dégarni sans ornement. Le corsage est à draperies en éventail, rapportées comme le devant de la jupe, et non point plissé comme les façons ordinaires. En dehors les olives de passenterie pourraient être remplacées par des nœuds, si l'étoffe était légère.

Ce genre de redingote est fort joli en mousseline doublée; alors il est presque indispensable de remplacer les olives par des nœuds en taffetas glacé. On

rencontre le soir aux promenades un assez grand nombre de mantelets et de pélerines en taffetas sans garnitures; celles en taffetas de couleur semblent une fantaisie qui remplace les écharpes ou les sautoirs; mais une pélerine de taffetas noir, courte, exiguë, se détachant avec sécheresse sur une robe de couleur tendre, nous paraît tous-à-fait dépourvue de goût.

Pour mettre avec les robes d'été, en jaconas ou en mousseline, on fait de jolis petits bonnets en tulle de soie garnis de biais, d'une forme très-simple, peu élevée, ornés en rubans de taffetas de fantaisie assortis à la robe.

М О Д Ы.

Фасоны редингошовъ измѣняюща до безконечности; представленный здѣсь, одинъ изъ самыхъ щеголеватыхъ, именно потому, можетъ быть, что онъ кажется спраннымъ и неправиленъ. Это съ намѣреніемъ, что опахало, составленное изъ косыхъ полосокъ, опкидывается на одну только сторону, ось начала разрѣза, между шѣмъ какъ другая сторона совсѣмъ безъ отделки. Лишь драпированъ опахаломъ, опогнутые какъ передъ юбки, а не сложенные въ складочки по обыкновенному фасону. Снаружи плетенныя оливки могутъ быть замѣнены банпами, если шканъ легкая.

Эпошъ разборъ редингошовъ весьма красивъ для кисейныхъ на подкладкѣ; тогда почти необходимо замѣнить оливки банпами изъ шафяныхъ двулицневыхъ лентъ. Вечеромъ на прогулкахъ очень много видно шафяныхъ пелеринокъ и манжилій; изъ цвѣтной шафяи кажутся переходящею модою, замѣняющею шарфы или маленькіе шарфики; но пелеринка изъ черной шафяи, корошкая, въ обшяжку, опдѣляющаяся грубо на платьѣ нѣжнаго цвѣта, кажется намъ совершенно безъ вкуса.

Чтобъ надѣвать съ льпными платьями, жакетовыми или кисейными, дѣлають красивые чепчики изъ шелкового шюля, опдѣляющы ихъ косыми полосками, весьма простаго фасона; они не высоки, съ шафяными лентами, приличными къ платью.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 64.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Августа 11 дня 1834 года.

И это челоѣкъ?
О времена! о вѣкъ!

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРІЯТЕЛЬ ШВАРЦЪ.

У меня есть пріятель, по имени *Шварцъ*, спрашнй охотникъ пить пиво и курить табакъ, неупомимый путешественникъ и сверхъ того фельетонистъ одного журнала въ какомъ-то Венгерскомъ городкѣ, копорого имя такъ написано кислотами, мепаллами и минералами, что я никогда не могъ ни выговорить, ни написать его.

Пріятель *Шварцъ* былъ недавно въ Парижѣ, и вѣроятно привелъ въ изумленіе всѣхъ, которыя имѣли щастіе съ нимъ познакомиться. Что касается до меня, принадлежащаго къ числу самыхъ короткихъ друзей его: то, какъ скоро мы съ нимъ встрѣпились, я по пріятельски взялъ его подъ руку и повелъ въ Голландскую гостиницу, въ это средопочіе міра, въ это постоянное мѣсто свиданія всѣхъ путешественниковъ и пассажировъ всѣхъ возможныхъ кораблей земнаго шара. Известно, что ни одинъ киполовъ береговъ Гренландіи не напишетъ къ своему пріятелю, какому нибудь ловцу жемчужныхъ раковинъ на южныхъ островахъ,

безъ того, чтобы не прибавить въ поспришпумъ: «Когда ты заѣдешь въ Голландскую гостиницу? Я буду тамъ передъ Рождествомъ. Пріѣзжай; мы повеселимся.»

И такъ, я повелъ моего пріятеля *Шварца* въ Голландскую гостиницу, не помню, что она служила мѣстомъ свиданія всѣхъ рыболововъ, корсаровъ и флибустьеровъ, но потому, что тамъ есть хорошее пиво, и что достойный *Шварцъ* могъ свободно выкурить тамъ при свои прубки: дѣло, которое онъ исполняетъ поутру и ввечеру съ такою же строгою почностію, съ какою Турокъ исполняетъ обрядъ омовенія. При томъ же я зналъ, что въ эпою облачной атмосферы, безпрестанно сгущающейся отъ табачнаго дыма, *Шварцъ* покидалъ свое обычное хладнокровіе, спановился говорливымъ и почти вдохновеннымъ; я зналъ, что оглушительный звонъ спакановъ и бушолокъ, смѣхъ, крики и полчки пирующихъ, вмѣсто того, чтобы разсѣивать *Шварца*, воспламеняли его, и онъ начиналъ пророчествовать, подобно древнимъ Сивилламъ, которыя не прежде раскрывали ротъ, какъ подвергшись предварительно разнымъ испязаніямъ.

Я рѣшился въ эпопѣй вечеръ оставить свою литературную нерѣшимельность и проникнуть тайную мысль великаго чело-вѣка, мысль, которую онъ скрываетъ отъ другихъ и которая разсыпается по време-намъ такими яркими блесками, вѣрою, коротко знакомыми тому, кто читаетъ удивительные фельетоны Венгерской газет-ны. Когда мы съѣли за столъ, я допустилъ сначала *Шварца* выкурить при положен-ный трубки, и потомъ коснулся литера-турнаго вопроса, приговорясь, что имѣю на щётъ его собственное мнѣніе, для того только, чтобы испоргнуть у него пайну его мыслей объ эпопѣй предметъ. Признаюсь, я сдѣлался на минуточку классикомъ, чтобы только достигнуть своей цѣли.

— Увы! мой добрый *Шварцъ*, — сказалъ я ему: до чего мы дожили? Можно-ли, чтобы столько безмерныхъ произведеній со-зданы были съ такимъ усиліемъ гениями древнихъ временъ, для того единственно, чтобы всё они исчезли подъ арлекинскимъ нарядомъ нашего вѣка? Увы! столько образ-цовыхъ твореній, столько правильныхъ, столько систематическихъ, столько удобныхъ для распределенія на условные разряды, такъ же различные, какъ клѣпки шахматной доски! И все это погибло, погибло невозвратно!—

Шварцъ захохоталъ. Я понялъ, что онъ не принадлежалъ къ числу защитниковъ стараго ученія, и это меня обрадовало; но я рѣшился выдержатъ принятую на себя роль, чтобы заставить его высказать свое мнѣніе.

— Да, все это погибло, мой добрый *Шварцъ*! И можно-ли поставить въ парал-лель эпимъ неподражаемымъ твореніямъ без-умныхъ исчадія современной литературы и современныхъ искусствъ? Скажите, *Шварцъ*, не правда-ли, что пора-бы раздѣлаться съ этими писателями, съ этими несносными пач-кунами, съ этимъ роємъ пожирающихъ ли-тературныхъ червей, которые напали на старую словесность опцовъ нашихъ, какъ на холодный трутъ, и со всѣхъ сторонъ точатъ, кусаютъ, грызутъ его, издѣваясь надъ мертвецомъ, ихъ питающимъ? И какъ не благодарить намъ гг. криптиковъ, достой-ныхъ, безпристрастныхъ криптиковъ, кото-

рые непрерывно опгоняютъ своими перья-ми презрѣнныхъ гадовъ, и стоятъ надъ умершимъ въ молчаніи, съ флѣромъ на шля-пахъ и плѣрѣзами на рукавахъ. —

Шварцъ уже не смѣялся болѣе. Глаза его рас-ширились, ноздри раздулись, щеки разгорѣлись. Спешительный потокъ словъ бушевалъ въ груди его, и онъ не въ силахъ былъ долѣе удер-живать его стремленіе. *Шварцъ* говоритъ до-волью рѣдко, но когда онъ однажды начнетъ говоритъ, то нѣтъ никакого средства остано-вить его. Онъ забываетъ тогда, съ кѣмъ онъ говоритъ; забываетъ все на свѣтѣ, не исключая Венгрии и своего фельетона. Онъ перестаетъ быть Венгерцомъ и ста-новится Парижаниномъ, адвокатомъ, ретро-ромъ; говоря съ пріятелемъ, онъ начинаетъ тогда рѣчь свою словами: «*Милостивые госу-дари!!!*» И такъ, едва только я выгово-рилъ имя криптиковъ, какъ *Шварцъ* разинулъ ротъ, и слова полились у него рѣкою. Вотъ, читатель, та странная рѣчь, кото-рую произнесъ мнѣ мой пріятель *Шварцъ*; я передаю вамъ её съ буквальною точнос-тію; дай Богъ, чтобы она послужила въ пользу каждому изъ насъ!

Рѣчь моего пріятеля Шварца.

«Я говорю, милостивые государи, что криптики совершенно напрасно жалуются на упадокъ настоящаго времени, называлъ вѣкъ нашъ холоднымъ, положительнымъ, развратнымъ, полущупливымъ, полуугрю-мымъ, наглымъ, буйнымъ, испорченнымъ, невѣрующимъ и проч.

«Криптики, составя союзъ для защищенія своего парадокса, криптики, говорю я, *Ари-стархи* нашего времени, прижиды неправы.

«Во первыхъ, ни одинъ литературный вѣкъ не былъ болѣе великимъ и болѣе поэ-тическимъ тогда, въ которомъ живемъ мы сами.

«Во вторыхъ, никогда еще не существо-вало въ одно время такъ много людей, обладающихъ высшимъ гениемъ.

«Наконецъ, если недостаетъ поэзии, то нельзя винить въ эпопѣй ни поэтовъ, ни поэ-тическій вѣкъ; причина сему заключается въ особой пайнѣ, которая дѣлаетъ честь на-

шей эпохѣ, которой не удалось еще понять ни крищикамъ, ни философамъ, и которую я надѣюсь пояснить къ удовольствію пріятелей.»

Послѣднія слова онъ сказалъ мнѣ на ухо.

«Я говорю, во первыхъ, продолжалъ онъ, что еще ни одинъ минувшій вѣкъ не могъ назваться болѣе высокимъ и поэтическимъ. Судите сами! Я встаю въ девять часовъ, беру шляпу и зонтикъ и отправляюсь въ Пале-Рояль; тамъ, вхожу въ большую комнату, уславленную множествомъ столовъ, покрытыхъ печатными листами всѣхъ возможныхъ форматовъ. Посредствомъ этихъ листовъ, я въ минушу вступаю въ непосредственное сообщеніе съ цѣлымъ міромъ, не исключая королей и ихъ министровъ, папъ и кардиналовъ, великихъ мужей, знаменитыхъ женщинъ, артистовъ всѣхъ столицъ, ученыхъ всѣхъ университетовъ. За шесть су, за эту ничтожную сумму, я становлюсь свидѣтелемъ неслыханнаго, дивнаго, безконечнаго зрѣлища, въ которомъ тысячи нечаянныхъ эффектовъ встрѣчаются, спалкиваются, уничтожаются другъ друга; зрѣлища, въ которомъ тысяча развязокъ и между тѣмъ ни одной развязки, ни одной, послѣ которой можно бы было опустить занавѣсъ, покинуть обласль очарованія и разойтись по домамъ.»

Тутъ *Шварцъ* развелъ руками и выпянулъ на цѣпочкѣ.

«Вмѣсто театра,» заговорилъ онъ вновь: «служить вамъ цѣлый міръ съ своими декораціями, составленными изъ многолюдныхъ городовъ, заоблачныхъ горъ, цвѣтущихъ долинъ, пересѣкаемыхъ сребристыми потоками; съ своими замками, полями и пучными пасѣбами; съ своими непронупыми рукою человека льсами, своимъ льдиснымъ океаномъ, окруженнымъ отвѣсными скалами и гладкими оплогоспями; цѣлый міръ съ своими Китайскими кіосками, Индѣйскими пагодами, съ своими храмами, пирамидами, минаретами, башнями, куполами и шпицами! Вмѣсто декорацій, говорю я — чудеса свѣта, огнедышущія горы, бездонныя пропасти, ледяныя громады! Вмѣсто люстры — великолѣпное солнце, или кропкая луна и

лркія, безчисленныя звѣзды. Главныя дѣйствующія лица на этой сценѣ суть избранные мужи всѣхъ націй, вельможи, посланники, государственные люди; прочіе служащія фигурантами. Не правда-ли, что это спектакль необыкновенный, чудный, очаровательный?»

И мой пріятель *Шварцъ* съ торжествующимъ видомъ размахивалъ руками.

«И за шесть су, мнѣ, вамъ, каждому изъ насъ, всегда открытъ въ этотъ спектакль свободный входъ! За шесть су я наслаждаюсь видомъ вселенной въ ея величайшихъ и малѣйшихъ часняхъ. Въ одно и то же время, я присутствую во ста разныхъ мѣстахъ. Я все вижу, все обозрѣваю; наблюдаю за всѣми происшествіями; я слышу мѣрный стукъ прядильныхъ машинъ Манчестерскихъ, Руанскихъ, Мюльгаузенскихъ, Испанскихъ, Саксонскихъ, Американскихъ и Индѣйскихъ. Я спускаюсь въ Гарцкіе рудники и блуждаю въ ихъ волшебныхъ опаловыхъ и алмазныхъ чертогахъ, схожу въ недоуманный Лондонскій Туннель; скачу черезъ Темзу по мосту, висящему на чугунныхъ цѣпяхъ, между тѣмъ, какъ подъ ногами лошадей проходятъ военные корабли съ распущенными парусами; лечу съ быстротою пушечнаго ядра по чугуннымъ дорогамъ Ливерпуля и Сент-Этьеня; выдерживаю ураганъ Анпильскій и съ ужасомъ смотрю на изверженіе Этны! И между тѣмъ, какъ съ береговъ Сициліи я перекочевываю на берега Алжира, новый островъ возникаетъ у меня передъ глазами, среди пламени и дыма! Я смотрю на кулачные удары Англійскихъ бойцевъ; люблюсь правлею Андалузскихъ воловъ; слышу оспропы Полишинеля на Римскихъ площадяхъ; вижу движенія многочисленныхъ войскъ съ распущенными знаменами, и внимаю мирнымъ философамъ, наставляющимъ человѣчество съ кафедръ своихъ.

«За шесть су я присутствую при осадѣ Антверпена и при представленіи новой драмы *Дюмаса*; слѣдую взоромъ за новымъ па *Mlle Талони* и за движеніями арміи донъ *Педро*. Я спранствую съ *Гульбольттомъ* по льдиснымъ степямъ, опыскивая роговъ Ам-

мона и зубовъ Масподонта; проникаю съ *Ландероли* во внушенность Африки, между пѣмъ, какъ Кипайцы ведутъ у меня передъ глазами междуособную войну. И за шесть су я спановлюсь свидѣтелемъ всего эпаго! За шесть су я слышу въ одно время ревъ пшгровъ Соляной спечи и хохотъ гулякъ на Ипаліанскомъ карнавалѣ; вижу сонню горъ, изрыгающихъ пламя, пысячу вдовихъ коспровъ и безчисленное множество паровыхъ судовъ и экипажей! Я вижу, какъ въ одинъ день, изъ земли Новой Голландіи, изобилующей школами, академіями, театрами, экипажами и журналами, возникаютъ города, освѣщенные газомъ и соединяющіеся широкими дорогами, по которымъ вездѣ и впередъ каплятся дилижансы. Я брожу по разнымъ ярмаркамъ и рынкамъ, не говоря уже о базарахъ, на которыхъ продаются женщины всѣхъ государствъ и всѣхъ цвѣтовъ. За свои шесть су, я присутствую при представленіи мелодрамъ, балетовъ, новыхъ водевилей *Скриба*; присутствую на конгрессахъ, сраженіяхъ, на пирахъ людоѣдовъ и при самыхъ любопытныхъ казняхъ Японцовъ; дѣлаюсь свидѣтелемъ дуэлей, похищеній, самоубійствъ, пожаровъ, грабежей и пр. и пр. и пр. Все это вижу я за шесть су, и послѣ эпаго, осмѣливайтесь еще утверждать, что мы живемъ не въ поэтическомъ и не въ великомъ вѣкѣ!»

Крупныя капли пона градомъ падали со лба *Шварца*. Онъ гордо потрясъ головою, и продолжалъ: «Вспомните, что въ наше время, не существуетъ уже болѣе, какъ прежде, спараго и новаго свѣта, не существуетъ пяни частей его, не существуетъ двадцати или тридцати породъ человѣческихъ! Помните, что это дѣло нашего вѣка, и рѣшитесь повпорить тогда, что онъ не можетъ назваться великимъ и поэтическимъ!»

«Что же касается до меня, то сколько ни твердили мнѣ въ дѣйствѣ, что я вступаю въ вѣкъ холодный, скучный и ничтожный, но когда я увидѣлъ, какъ эпаго вѣкъ, на который такъ жестоко клеветали, бодро принялся за дѣло, соединяя всѣ нарѣчія, испребляя всѣ народныя ненависти и всѣ

предразсудки; разсѣвая повсюду псапры, фабрики, музеи, школы, больницы, филантропическія и филармоническія общества, то признаюсь, я былъ пронуть до слѣзъ, и сказалъ самому себѣ: клянусь честью, вопъ великій и поэтический вѣкъ, какому доселѣ еще не было примѣра!

«Теперь, подумайте, можетъ ли вѣкъ быть великимъ безъ великихъ людей, и поэтическимъ безъ поэтовъ?»

Тутъ *Шварцъ* уперъ платкомъ лобъ, и остановился. Мы сдѣлаемъ поже.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖИЗНЬ ГОЛЬБЕЙНА.

(*Окончаніе.*)

Противъ воли должны мы коснуться пѣхъ ужасныхъ происшествій, которыя омрачили жизнь *Гольбейна*. Дружба короля *Генриха VIII* была дружба зловѣщая, копорой послѣдствія бывають гибельны, и прудно было коснуться руки эпаго чловѣка, не запянавъ себя кровью. Такимъ образомъ, не взирая на почести и возвышеніе, жизнь *Гольбейна* была очень печальна. Напрасно искалъ онъ уединенія и углублялся въ самага себя; напрасно не думалъ онъ о событіяхъ, копорыхъ былъ свидѣтелемъ; по нещасію, всегда случалось, что события поражали его прямо въ сердце, и онъ не имѣлъ права жаловаться. Еще болѣе, въ день самыхъ жестокихъ казней, онъ долженъ былъ являться съ веселымъ лицомъ предъ подозрительнаго монарха. Такимъ образомъ, былъ въ жизни *Гольбейна* день, въ копорый ему привелось быть свидѣтелемъ возведенія на эшафотъ его перваго покровителя, его друга, его опца, того, кто принялъ его въ домъ свой, кто раздѣлилъ съ нимъ свой столъ, того, копорый представилъ его *Генриху VIII*, самага Англійскаго канцлера, *Томаса Моруса*. День сей былъ днемъ великой печали для Англійи и для *Гольбейна*.

Смерть *Томаса Моруса* была не одна, копорую довелось *Гольбейну* оплакивать; немилоспъ эпа была не одна, копорой онъ

долженъ былъ подвергнувшись. *Гольбейнъ* оплакивалъ всякую подобную смерть; онъ раздѣлялъ, въ своемъ сердцѣ, всякую подобную немилость. Почти всѣ женщины, которыя были опличены *Генрихомъ VIII*, заслужили прежде удивленіе *Гольбейна*. Почти всѣхъ ихъ видѣлъ онъ юными, цвѣтущими, веселыми, царицами въ своихъ надеждахъ; со всѣхъ нихъ писалъ онъ портреты. Во власти *Гольбейна* было раздавать короны, доказательствомъ чего служилъ *Анна Клевская*, на которой *Генрихъ* женился по одному портрету *Гольбейна*, и которую, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, онъ опослалъ опъ себя по приговору парламента, подъ предлогомъ, что она умѣла говорить только по Нѣмецки, и не знала музыки.

Но какъ сильно долженъ былъ ужаснуться *Гольбейнъ*, увидѣвъ на эшафотѣ королеву *Екатерину* Аррагонскую, сію прекрасную Испанку. Чрезъ нѣсколько дней, когда эшафотъ еще не былъ вымытъ, *Гольбейна* призвали писать портретъ съ другой королевы, *Анны Болейнъ*. Онъ написалъ портретъ ея, невольно вспоминая о *Екатеринѣ* Аррагонской. Какъ дрожала рука живописца, какъ билось его сердце! Съ какимъ ужасомъ представлялъ онъ еѣ себѣ уже осужденною и умирающею, эту женщину, тогда столь горделивую, и столь блистательную, и столь любимую, ту, для которой *Генрихъ VIII* совершалъ свое первое юридическое преступленіе! *Анна Болейнъ* далеко не предвидѣла всего, что происходило тогда въ мысляхъ живописца, но она была грустна и задумчива, а онъ продолжалъ писать съ неѣ. Въ первый разъ встрѣчалъ онъ въ своей работѣ этого рода непреодолимая препятствія; въ первый разъ ему недоставало красокъ, недоставало свѣта. Какая-то синеватая черта плянула по этой спройной и бѣлой шеѣ. Самъ король еѣ замѣпилъ. «Вотъ негодная черта на шеѣ нашей государыни!» сказалъ онъ *Гольбейну*.

Кисть выпала изъ рукъ *Гольбейна*.

Въ послѣдствіи синяя черта сія пришла ему на память, когда *Анна Болейнъ* взошла въ свою очередь на эшафотъ *Екатерины* Аррагонской.

Сколько потерпѣли эти бѣдныя женщины, и какъ онѣ любили сего челоука! За *Анною Болейнъ* слѣдовала *Жанна Сеймуръ*; но она избѣгла эшафота естественною смертію. *Гольбейнъ* не имѣлъ даже времени списать ея портрета, такъ скоро умерла она, эта бѣдная королева, одна, которую оплакалъ супругъ ея! Потомъ пришла очередь *Екатерины Говардъ*, племянницы герцога *Норфолька*, также какъ и обезглавленная молодая супруга; *Катерина Говардъ*, добрая и крошкая, остроумная, прекрасная, прекраснѣйшая изъ всѣхъ, съ которыхъ писалъ *Гольбейнъ*. Въ день, когда онъ спалъ списывать съ неѣ портретъ, онъ опять увидѣлъ ту роковую синюю черту, которая уже однажды такъ его напугала. *Генрихъ VIII* также примѣпилъ еѣ. Въ этотъ разъ, онъ понялъ *Гольбейна*, и чтобы успокоить его, а можетъ быть, чтобы успокоить и самаго себя, бросился въ объятія *Екатерины*, и облобызалъ съ восторгомъ ея руки. *Гольбейнъ* плакалъ, король также плакалъ; *Екатерина* смотрѣла на ихъ слѣзы, вовсе не понимая сей необыкновенной сцены; но роковая черта не исчезала.

И *Екатерина* также взошла въ Лондонскую башню, гдѣ была обезглавлена, вмѣстѣ съ *Леди Рошфоръ*, другимъ оригиналомъ *Гольбейна*, который плакалъ о ней болѣе, нежели о какой либо другой, ибо онъ любилъ еѣ, ибо онъ любилъ всѣхъ сихъ прекрасныхъ женщинъ, которыхъ онъ видѣлъ въ величайшемъ блескѣ, и которыхъ ужасную участь заранѣе предугадывалъ.

Вы знаете, что съ приближеніемъ смерти, король спалъ свирѣпъ и гнѣвъ его не имѣлъ болѣе границъ. Знаменинѣйшія головы въ государствѣ пали подъ гибельною сѣкирою. Часто случалось *Гольбейну* узнавать о смерти челоука, котораго онъ, не болѣе какъ за полгода, списывалъ со всѣми принадлежностями могущества. Это подѣйствовало на его нравственное расположеніе; онъ вообразилъ, что портреты его работы были смертнымъ приговоромъ, и рѣшительно отказался писать ихъ. Надлежало прибѣгать къ сильнымъ убѣжденіямъ или къ сильному вліянію, чтобы заставить

его отступились отъ его правила. Случилось однажды, что описывая портретъ съ одного стараго дворянина и его дочери, онъ вдругъ, какъ бѣшенный, кинулся на эти удивительно набросанныя двѣ фигуры и измаралъ ихъ такъ, что не осталось ни одной черты; потомъ, когда вся картина была имъ уничтожена, бѣдный живописецъ спалъ по прежнему спокоенъ и съ своею прекрасною улыбкою сказалъ молодой дѣвицѣ: вы и отецъ вашъ, сударыня, долго еще проживете. —

Такъ жили вмѣстѣ король и живописецъ, и такъ вмѣстѣ они старѣли; король обходился съ своимъ живописцемъ, какъ съ другомъ, предъ которымъ не краснѣешь; живописецъ былъ исполненъ почтенія и дружбы къ своему повелителю, а это дѣло не совсѣмъ обыкновенное. *Гольбейнъ*, столь кропикій, столь человеколюбивый, столь великій художникъ, любилъ *Георгия VIII*; онъ сожалѣлъ о его свирѣпости, оплакивалъ его пресупленія, но чувствовалъ къ нему невольное влеченіе. Такимъ образомъ они жили, никогда не говоря другъ другу того, что было у нихъ на сердцѣ; только однажды, въ зимній день, прогуливаясь въ паркѣ и дошедъ до извѣстнаго мѣста, на которомъ *Георгия* узналъ о смерти *Екатерины*, король и живописецъ разомъ остановились и безмолвно взглянули другъ на друга.

Наконецъ *Георгия* прервалъ молчаніе: — Она была очень хороша, *Гольбейнъ*, — сказалъ онъ.

«Да, государь, отвѣчалъ живописецъ; и другая была тоже очень хороша.»

Потомъ онъ примолвилъ:

«Онъ всѣ шесть былъ очень хороши, ваше величество!»

Король закрылъ руками глаза.

— А которой тебѣ всего болѣе жаль, *Гольбейнъ*? —

Отвѣтъ былъ затруднителенъ. Къ счастью, король почувствовалъ ужасную боль, которая захватила у него дыханіе.

Спустия недѣлю, его не спало. Онъ умеръ на другой день послѣ казни молодого графа *Суррея*; въ слѣдующій день онъ готовилъ

смертный приговоръ своему дядѣ съ отцовской стороны, графу *Норфольку*.

Вся Англія оплакала его непритворными слезами.

Гольбейнъ плакалъ о немъ болѣе всѣхъ другихъ; *Георгия VIII* былъ его другомъ и подпорою; *Гольбейнъ* былъ всѣмъ ему обязанъ и уважалъ его.

Съ сего времени, онъ жилъ въ Лондонѣ, въ уединеніи и безвѣспности, и написалъ одно только примѣчательное произведеніе, а именно портретъ *Елисаветы*, дочери *Георгия VIII*, которая была въ послѣдствіи королею Англіи и царствовала съ *Шекспиромъ*, какъ отецъ ея царствовалъ съ *Гольбейномъ*.

Черезъ семь лѣтъ послѣ кончины короля, въ 1554 году, возникъ въ Лондонѣ полтъ до-спомятннй моръ, который, съ такою ужасною яростію, опустошилъ сію столицу, столь полную жизни и удовольствій. Горе было тѣмъ; которые оставались одинокими въ мірѣ! Спрашно было для нихъ приближеніе смерти! Спрашно было оно и для *Гольбейна*, который имѣлъ тогда только шестьдесятъ шесть лѣтъ отъ роду; одинъ въ этомъ большомъ городѣ, который не былъ его отчизною, одинъ, безъ друзей, безъ родныхъ, безъ утѣшеній, переживая всѣхъ своихъ покровителей, ждалъ онъ разры, которая уже касалась его своимъ палящимъ дыханіемъ. Продолжительны были предсмертныя его спраданія, тяжель былъ послѣдній конецъ его. Умирая, онъ окинулъ мысленнымъ взоромъ всю жизнь свою, и, по зрѣломъ размышленіи, нашель, что *Эразмъ* оказалъ ему небольшую услугу. И дѣйствительно! Чего пріѣзжалъ онъ искашь въ Англіи? Извѣспности, которой онъ достигъ бы вездѣ, и, можетъ быть, еще болѣе громкой и блистательной; богатства, котораго никому не могъ онъ завѣщать, и которое не спасало его отъ смерти! Какихъ превратностей и волненій исполнена была жизнь его! Какого множества похоронъ былъ онъ гореспнымъ и безмолвнымъ свидѣтелемъ! Какъ немного изъ людей, служившихъ ему оригиналами, могъ онъ отыскашь въ живыхъ! И припомъ, какія печаль-

няя событія вокругъ него! Какое суровое небо надъ его головою! Всю жизнь слѣдовавъ за *Генрихомъ VIII* и поповорствовавъ его малѣйшимъ любовнымъ прихотямъ; видѣвъ, какъ порпретъ, писанный имъ наказунъ, переносили изъ дворца на чердакъ и оставляли на съѣденіе червямъ, тогда какъ сѣкира падала на главу оригинала! О! не такова должна быть жизнь, предназначенная для художника; ему нуженъ воздухъ, свобода и солнце; ему нужна Италія, а не Англія; ему нужны праздники, удовольствіе, непостоянная любовь, а не богословскія диссертациі и эшафоты. Все это понималъ *Гольбейнъ* умирая. Онъ понималъ, что онъ употребилъ во зло, расточивъ свою жизнь при дворѣ; онъ понималъ, что щастіе не было имъ достигнуто въ жизни; онъ понималъ, что ему лучше было бы предпочестъ самовластіе жены своей, которая надѣлила бы его дѣтьми, нежели дружбу короля, которая доставила ему только богатство и почести. Тогда послѣдняя мысль его обратилась къ милой Германіи, къ Швейцарскимъ горамъ, къ веселому мосту, на которомъ изобразилъ онъ *Плэску мертвецовъ*; къ его укромному домику, сполъ полному жизни и спокойствія; потомъ онъ умеръ, напрасно стараясь опредѣлить, въ какой изъ всѣхъ религій, которыя распространилъ вокругъ него его повелитель, должно умереть ему.

Онъ умеръ, и городъ Лондонъ не узналъ о его смерти; онъ умеръ, не будучи ни кѣмъ оплаканъ; онъ умеръ смертію *Тиціана*, но не имѣлъ даже погребальныхъ почестей; какія воздали сему послѣднему. Никто не знаетъ, гдѣ покоится зараженный пруть величайшаго живописца своего времени.

Въ началѣ XVII столѣтія, графъ *Арундель*, одинъ изъ ревностнѣйшихъ почитателей образцовыхъ произведеній искусства, а особенно *Гольбейновыхъ*, хотѣлъ воздвигнуть надгробный памятникъ пѣни сего великаго художника, котораго малѣйшіе рисунки собиралъ онъ, при помощи чрезвычайныхъ стараній и издержекъ. По его приказанію, изрыли моровое кладбище 1554 года, но ничего не успѣли открыть; не нашли ни ма-

лѣйшихъ останковъ *Гольбейна*, чтобы воздвигнуть имъ гробницу. Послѣ этого будѣте самымъ великимъ живописцемъ своего времени!

Въ Базель сохранились еще многія прекрасныя картины *Гольбейна*; между прочимъ образъ Богородицы, въ удивительномъ положеніи (pose), исполненный чистоты и непорочности, съ изображеніемъ у ногъ ея Базельскаго бургомистра, его дочери, жены и сестеръ. Дрезденская галерея обладаетъ многими образцовыми произведеніями сего художника. Въ Луврѣ можно видѣть одну изъ превосходнѣйшихъ картинъ его, но Англія сохранила почти все прочее; болѣе богатая и болѣе спраспная къ искусству, нежели мы сами, Англія, пріобрѣтла образцовое произведеніе; никогда его не возвращаетъ.

Ил. Г—въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СИРОТКА.

«Нигдѣ мнѣ пріюта безкровному нѣтъ
Прилечь опягченной главою:
Я вяну, хладѣю, и въ младости хлѣтъ
Остался одинъ сироткою.
И вѣтры, бушуя, надъ Волгой шумятъ,
И мнѣ про несчастіе мое говорятъ.»

*

«Давно я лишился отца своего,
И думы веселой не знаю,
Печально смотрю на могилу его
И мапери пѣнь призываю.
Вотъ воронъ надъ камнемъ граниннымъ лепитъ
И гробницу пѣснь мертвецамъ онъ кричитъ.»

*

«Давно упѣшенъ мнѣ бѣдному нѣтъ,
И жизнь, не цвѣтя, увядаетъ;
Безвѣстенъ мнѣ дружбы священнѣйшій привѣтъ,
Душа въ сиротствѣ изнываетъ!...»
И слѣзы не льются, и сердце молчитъ,
А юный спрадалецъ у берега сидитъ.»

*

И долго сидѣлъ онъ. . . . И долго поскокой
 И дуною пляжкой помимый,
 Уснуль, наконецъ, надъ шумящею рѣкой,
 Уснуль для свиданья съ родимой!
 И въпры, бушуя, надъ Волгой шумящъ,
 И темныя кудри его шевелящъ!
 К. Петерсонъ.

О М О Н И М Ъ.

Бываю изъ купцовъ и власпвую купцами,
 Торчу, какъ пыква, надъ плечами,
 Или, какъ бѣлый снѣгъ, васъ лакоблю сластями.

Въ No 62 и 63-мъ помѣщенныя шарады значащъ: *Мак-
 аръ* и *Charrue*.

М О Д Е С.

Nous dirons quelques mots d'une élégante habitation située aux environs de Paris, sur les hauteurs qui dominant la Seine. Le jardin entoure le petit château, et quoiqu'il soit borné dans les limites de soixante arpens, il pourrait prendre le nom de parc, à cause de ses pelouses fleuries, de ses hautes allées formées par des arbres séculaires, et des bois qui le terminent. Le château est un bijou soigné, offrant dès l'entrée une preuve de la recherche avec laquelle il est entretenu. Le péristyle, garni de hauts vases en marbre blanc conduit à une galerie aérée, formée d'arcades à jours, cour intérieure et couverte, que nous pouvons comparer aux galeries du Palais-Royal, aux convents d'Italie ou aux palais mauresques. Cette galerie tourne en entier autour du château; elle reçoit le grand jour et le rend aux salles basses de plain-pied avec elle. L'escalier, qui s'élève en deux lignes, est pavé en marbre de Campan, bordé par une rampe à balustre en marbre pareil. Les portes extérieures de l'appartement en bois de chêne n'ont aucune peinture, mais elles sont sculptées et incrustées en bois d'ébène. Les portes intérieures, en bois plus recherché, sont toutes dans le même genre, en palissandre incrusté de citron, en acajou incrusté de cuivre, ou en noyer incrusté de palissandre. Celles de la chambre et du boudoir sont en bois des îles et marqueterie, aussi parfaitement soignées qu'une boîte à ouvrage ou un coffre à bijoux.

L'antichambre boisée est meublée en basin blanc bordé de Perse; les chaises, les banquettes et une longue table sont en bois de chêne à pieds tournés, sans couleur ni dorures.

Pl. No 24. Coiffure par M. Giraud. — 2) Capote en poue de soie. — 3) Capote de gaze. — 4) Bonnet de tulle et rubans. — 5) Pelerine en mousseline brodée. — 6) Bonnet d'enfant.

М О Д Ы.

Мы скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ щеголеватомъ жилищѣ, расположенномъ въ окрестности Парижа, на высотахъ, господствующихъ надъ Сеною. Сады окружающъ маленькой замкомъ, и хотя онъ заключается только въ шестидесяти десятинахъ, но могъ бы назваться паркомъ, въ его цвѣтущимъ лугамъ, высокимъ аллеямъ изъ вѣковыхъ деревьевъ, и рошамъ, которыми онъ оканчивается. Замокъ настоящая игрушка, представляющъ со входа доказательство тщанія, съ какимъ онъ содержанъ. Крыльцо, убранное высокими, бѣлыми мраморными вазами, ведетъ къ воздушной галереѣ, составленной изъ сквозныхъ аркъ; дворъ, внутри покрытый, который мы можемъ приравнять къ галереямъ Пале-Рояля. Италіанскимъ монастырямъ или Мавританскимъ дворцамъ. Эша галерея идетъ вокругъ замка; она вся освѣщена и передаетъ свѣтъ нижнимъ заламъ, находящимся въ ровень съ нею. Лѣспница, возвышающаяся въ двѣ линіи, выложена мраморомъ *Campan*; балюстрада изъ такого же мрамора. Наружныя двери дубовыя, безъ всякой живописи, но они рѣзныя и выклеены чернымъ деревомъ. Внутреннія двери, изъ отличнѣйшаго дерева, всѣ въ такомъ же родѣ, изъ палиссандра, выклеены лимоннымъ деревомъ, изъ красного дерева, выклеены мѣдью, или изъ орѣхового, выклеены палиссандромъ. Въ спальнѣ и будуарѣ двери изъ оспровскихъ деревъ, самой мелкой выклейки, сдѣланныя съ такимъ же тщаніемъ, какъ ларчикъ для работы или сундучекъ для вещей.

Прихожая выложена деревомъ; мебель обшита бѣлымъ канифасомъ, съ сипцевыми коймами; спулья, лавки и длинный столъ изъ дубоваго дерева, съ почеными ножками, безъ краски и позолоты.

Карп. No 24. 1) Причѣска. — 2) Капоть en poue de soie. — 3) Газовый капоть. — 4) Тюлевой чепчикъ съ лентами. — 5) Пелеринка изъ шипшой кисеи. — 6) Дѣтскій чепецъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 65.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Августа 15 дня, 1854 года.

Жена Глупона за носъ водишь,
И часто въ гнѣвъ она приходишь,
Что ухватишь рукой неловко мужинъ носъ,
За шѣвъ что онъ курносъ.
Проспишительно-ль имѣшь пакъ мало ей догадки,
И не видашь того,
Что у него

По милоспи ея ловчѣй естъ рукояпки?

П. Сулароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ ЖУРНАЛА: *БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ*; ВЪ ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ МѢСЯЦОВЪ ПО РОЖДЕНІИ.

Русскіе по сердцу, просвѣщенные любители опечественнаго слова много обязаны усердію безкорыстнаго книгопродавца Александра Филипповича *Смирдина*. Патристическая мысль соединить въ одномъ періодическомъ изданіи всѣ опечественные таланты, всѣ литературныя партіи, произвѣстъ изъ несогласія согласіе — естъ уже мысль высокая и достойная благодарности современниковъ и потомства.

Россійская Публика, съ щедростію, всегда отличяющею её при подвигахъ на общую пользу, поддержала благое предпріятіе г. *Смирдина*. Пясть тысячъ подписчиковъ съ избыткомъ вознаградили немовѣр-

ныя издержки его на покупку оригиналовъ и печатаніе.

Но, среди сихъ успѣховъ, мы журналисты, добровольные служители Литературной Управы благочинія, замѣтили со стороны писателей, относительно къ *Библиотекъ для чтенія*, спраннысти, коихъ объяснилъ не умѣемъ, а предлагаемъ своимъ читателямъ просто, какъ факты.

1.

Оберпка первой книжки сего журнала гласила:

Библиотека для чтенія,

журналь

словесности, наукъ, художества, промышленности, новостей и модъ,

составленный

изъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ *Арсеньева, Баратынскаго, барона Брамбеуса, Буларина, князя Вяземскаго, О. Н. Глинки,*

Грега, Григоровича, Д. В. Давыдова, И. И. Давыдова, Жуковского, Загоскина, Калашникова, Кагеновскаго, И. В. Кирьевскаго, казака Луганскаго, Козлова, Крылова, Кукольника, Лобанова, А. М. Максимовича, А. П. Максимова, Марлинскаго, Масальскаго, Михайловскаго-Данилевскаго, Норова, князя Одоевскаго, Ожкина, Панаева, Плетнева, Погодина, Погорельскаго, Полеваго, Пушкина, Раига, Ротгева, Рудаго-Панько, Свиньина, Семеновскаго, Скобелева, Спирева, Устрялова, Ушакова, Б. М. Федорова, графа Д. И. Хвостова, князя Шаховскаго, Шевырева, Шидловскаго, А. С. Шишкова, Щастнаго, Д. И. Языкова, П. Л. Яковлева, Ястребова, Яценкова и другихъ.

2.

Изъ числа сихъ 56-ти писателей князь *Вяземскій, Хомяковъ* и баронъ *Розенъ* споркнули съ зеленой обёртки и отказались отъ участія въ изданіи Библиотеки для чтенія.

3.

На ихъ мѣсто поступило нѣсколько новичковъ-писателей, о которыхъ, опносительно къ прѣмъ вышеназваннымъ писателямъ, можно сказать, что они

Смѣнивъ, не замѣнили ихъ!

4.

Изъ числа остальныхъ, въ печеніе перваго полугодія *Арсеньевъ, И. И. Давыдовъ, Калашниковъ, Кагеновскій, Кирьевскій,* казакъ *Луганскій, Лобановъ,* одинъ изъ *Максимовичей, Михайловскій-Данилевскій, Плетневъ, Погорельскій, Раигъ, Ротгевъ, Рудаго-Панько, Ушаковъ, Б. М. Федоровъ, Шевыревъ, П. Л. Яковлевъ,* ничего не помѣспили, а графъ *Хвостовъ* украсилъ журналъ г. *Смирдина* только четырьмя спрочами въ стихахъ.

5.

За то баронъ *Брамбеусъ* печатаетъ здѣсь и историческіе письменные памятники и примѣчанія къ нимъ, и повѣсти и сапирры, и философію и богословію, и криптику. Сочиненія сего писателя чрезвычайно разнообразны, многоглаголивы и многочисленны. Баронъ любитъ начинать свой рассказъ отъ

лицъ леды: онъ, разбирая драму г. *Кукольника,* написалъ цѣлое разсужденіе о Тассѣ; разсматривая новый романъ *Грега,* вклеилъ предлинный прапмапъ о Магнетизмѣ.

А Ф О Р И З М Ы М О Д Ы.

Знаніе свѣтскихъ прилчій много зависитъ отъ привычки: одна привычка научитъ васъ пысячи необходимымъ мелочамъ, которыхъ вы не узнаете изъ всѣхъ наспавленій о томъ, какъ вести себя въ свѣтѣ. Силою привычки, глупецъ всегда будетъ имѣть преимущество предъ челоѣкомъ благоразумнымъ. Послѣдній будетъ казаться неувѣреннымъ въ себя, когда всѣ приемы, движенія и слова перваго станупъ отличатся самонадѣянностью.

Красота безъ пріятности есть то же, что уда безъ приманки.

Женщины никогда не лгупъ съ бѣльшею понкостью, какъ говоря правду пому, кпо имъ не вѣрптъ.

Вмѣсто того, чптобы хотѣтъ исправлять людей отъ нѣкоторыхъ недоспатковъ, несперпимыхъ въ общеспвѣ, слѣдовало бы исправлять слабость тѣхъ, которыми они перпимы.

Для женщины кропость есть лучшее средство бытъ всегда правою.

Любовники испинно любяптъ другъ друга только тогда, когда не имѣютъ нужды увѣряптъ въ томъ одинъ другаго.

Злоспъ и щесплавіе располагаютъ челоѣка къ злословію и колкости: отъ презираетъ всѣхъ, чптобъ имѣть болѣе причинъ уважатъ самаго себя.

Ч У Ж І Я Н О Г И.

Одинъ весельчакъ, вдоволь насыщенный дарами Бахуса, изъ клуба опправился домой пѣшкомъ. Прошедъ нѣсколько шаговъ, онъ упалъ въ лужу, и крѣпко заснулъ, какъ будто на пуховикѣ. Ночью подкрался къ нему воръ, и увидя на немъ богатыя сере-

бреныя пряжки, снялъ ихъ съ башмаковъ, и скрылся. Между пѣвмъ пьяный покоился крѣпкимъ сномъ. Уже начинается разсвѣтъ. Люди ходятъ по улицѣ взадъ и впередъ, а нашъ весельчакъ все еще поживаетъ въ лужѣ. Подъѣзжаетъ карета: кучеръ, съ трудомъ оспановя лошадей, будитъ его бичемъ, и кричитъ: «Баринъ, подбери свои ноги!» — Ревностный поклонникъ Бахуса, еще сильно опуманенный виномъ, пропирая глаза, смотритъ на свои башмаки, и говоритъ: «Это, братецъ, не мои ноги; на моихъ пряжки; поѣзжай, и оставь меня въ покоѣ!»

НѢМОЙ-ГОВОРЯЩІЙ.

Одинъ нищій, чтобы возбудить къ себѣ болѣе состраданія въ прохожихъ, вздумалъ притвориться нѣмымъ. Молодой человекъ, который хорошо зналъ сего обманщика, вынимая кошелекъ, съ откровенностію спросилъ нищаго: «Давно ли ты онемѣлъ, другъ мой?» — Опъ самага рожденія, милосливый государь! — отвѣчалъ нѣмой.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРВОЕ ПЛАВАНІЕ ПО МОРЮ.

Я пріѣхалъ въ Лондонъ для изученія медицины и хирургіи, и уже нѣсколько мѣсяцовъ слушалъ курсы сихъ наукъ, когда разстройство здоровья вдругъ разрушило всѣ мои планы. Спячая жизнь была мнѣ вредна: я непрерывно спрадалъ лихорадкою. Доктора предписали мнѣ морское путешествіе, и чрезъ нѣсколько дней я былъ уже на океанѣ.

Мы плыли къ Анпильскимъ островамъ. Свѣжій вѣтеръ быстро умчалъ насъ отъ берега, и чрезъ нѣсколько часовъ, мы совершенно поперяли его изъ вида. Вскорѣ единственнымъ зрѣлищемъ нашимъ сдѣлались океанъ и небо. Надъ головами у насъ висѣлъ чистый лазурный сводъ, а подъ ногами огромнымъ ковромъ распшилось море, по которому съ легкостію скользило наше

судно. Я совершенно увлекся новыми ощущеніями, которыя возбуждало во мнѣ эша прекрасная и величественная картина; но голосъ, раздавшійся близъ меня, напомнилъ мнѣ, что на корабль, кромѣ меня, еспъ еще другіе пассажиры.

— Все объщаетъ намъ плаваніе, самое благополучное и самое пріятное, — говорилъ кто-то позади меня.

Я оглянулся и увидѣлъ пожилаго мушпну, а подлѣ него молодую, стройную и прелестную дѣвушку. Оба они любовались великолѣпною картиною заходящаго солнца.

«Какая восхищительная картина!» сказала наконецъ наша юная спутница, какъ бы неслышавшая словъ своего отца. «Посмотрите, батюшка! какое прекрасное облако! Не правда-ли, что это раждаетъ въ васъ сладостное воспоминаніе?»

— Ты слишкомъ увлекаешься воображеніемъ, милая *Марія*, — отвѣчалъ отецъ: если-бы оно было не такъ живо, ты была-бы щасливѣе. —

Слова сіи, вѣроятно, напоминали какую нибудь несчастную склонность, потому что, подошедъ къ ней, я увидѣлъ слезы въ глазахъ незнакомки. Замѣтивъ меня, она удалилась въ смущеніи; однако я имѣлъ довольно времени рассмотреть её, и убѣдился, что лицо ея было также плѣнительно, какъ голосъ.

— Вы, кажется, замѣтили странное расположение духа моей дочери, — сказалъ мнѣ спарець, когда она насъ оставила. — Бѣдна! недавно вытерпѣла такую жестокою болѣзнь, — продолжалъ онъ печальнымъ голосомъ: что я сомнѣваюсь, чтобы она когда нибудь могла совершенно оправиться. —

«Если судить по наружности,» отвѣчалъ я: «то духъ ея страдаетъ болѣе, чѣмъ тѣло.»

— Это правда, — сказалъ онъ со вздохомъ: болѣзнь ея заключается въ сердцѣ. —

Этимъ прекратился разговоръ нашъ. Онъ возбудилъ во мнѣ сильнѣйшее любопытство; но почитая неумѣстными дальнѣйшіе вопросы, я принужденъ былъ опложитъ ихъ до удобнѣйшаго времени.

Вѣтеръ дулъ попушный; корабль нашъ быстро лѣтъ по волнамъ, оставляя за собою пѣнистую бразду; и когда мракъ ночи разоспался надъ поверхностью моря, мы были уже миль за тридцать отъ берега. Плаваніе наше было самое пріятное. Мы проводили почти все время на палубѣ. Я сблизился съ прекрасною пассажиркою, и не прошло прехъ дней, какъ зналъ уже множество подробностей о семействѣ *Маріи Дугласъ*. Отецъ ея находилъ удовольствіе въ моей бесѣдѣ; *Марія* съ доверчивостію выражала мнѣ свои живыя и разнообразныя ощущенія, и скоро я сдѣлался ихъ неразлучнымъ спутникомъ.

Марія Дугласъ была дѣйствительно такою, какою я представлялъ ея себѣ послѣ перваго нашего свиданія, то есть: чувствительною и способною любить. Нравъ ея былъ для неѣ причиною важныхъ несчастій, которыя въ некоторое время доводили ея даже до расстройства разсудка. И теперь еще взоръ ея оживлялся по временамъ необыкновеннымъ огнемъ; воображеніе ея воспламенялось, она переносилась въ какой-то поэтическій міръ, и въ эти минуты, при всемъ сожалѣніи объ ея участи, я не могъ не удивляться блистательнымъ произведеніямъ ея фантазіи.

Время протекало для меня съ чрезвычайною быстротою. Будучи почти непрерывно вмѣстѣ съ *Маріею*, наслаждаясь ея остроумнымъ и опроверженнымъ разговоромъ, принимая участіе въ ея радости, раздѣляя ея горесть, я чувствовалъ въ ея обществѣ, въ продолжительныхъ бесѣдахъ нашихъ, удовольствіе, мнѣ допослѣ неизвѣстное.

Однажды, когда я въ разговорѣ съ нею выразился довольно ясно, чѣтобы дать ей прочесть въ моемъ сердцѣ, она вспала и закрывъ книгу, которую держала въ рукахъ, сказала мнѣ:

«Довольно, довольно: смѣшно-бы было, если-бы я спала припворилась, что не понимаю васъ.»

Послѣ минутнаго молчанія, она прибавила съ грустною улыбкою:

«Извиняю васъ, попомо что вы не знаете моего положенія. Вамъ неизвѣстно, что я любила, что я люблю еще и теперь, и люблю человека, недостойнаго моей привязанности!»

Мы вступили наконецъ въ ту часть моря, которая такъ ужасна для мореплавателей, по частымъ своимъ безвѣпріямъ, въ томъ обширный водоемъ, который простирается до самыхъ Багамскихъ острововъ. Съ одной стороны его возвышались туманныя горы Сень-Доминга, а съ другой синеватыя вершины горъ острова Кубы.

Привыкнувъ къ дикимъ карпинамъ горныхъ береговъ Англіи, я нашелъ совершенно новый для меня міръ въ этой части западнаго полушарія. Все казалось мнѣ чудеснымъ, все приводило меня въ изумленіе. Море, на необозримое пространство, покрыто было правою и цвѣтами, которые индѣ расплывались густою массою на нѣсколько миль, а индѣ тянулись длинными полосами, прямыми и правильными, какъ будто бы онѣ были дѣломъ рукъ человѣческихъ.

«Безъ сомнѣнія, здѣсь мѣсто садовъ *Нептунovýchъ*,» вскричала въ восхищеніи *Марія Дугласъ*.

Что касается до меня, то увидѣвъ эти водные дуги, преграждавшіе намъ путь, и замѣпивъ, что вѣтеръ внезапно прекратился, когда мы къ нимъ подплыли, я понылъ страхъ, овладѣвшій мапросами *Колумба*, когда заспигнуныя грозными безвѣпріемъ среди отдаленныхъ и невѣдомыхъ морей, они воображали, что корабль ихъ, прешедшій предѣлы, назначенные для мореплавателей и достигшій края свѣта, оставитъ намъ на вѣчныя времена памятникъ мщенія небснаго за ихъ дерзновенное предпріятіе.

Но опытъ давно изгладилъ страхъ сей. Нынѣ мореплаватели спокойно ожидаютъ, пока вѣтры разрушатъ эти цвѣтущія оковы, и самая опасность, которой онѣ подвергается тогда въ борьбѣ стихій, кажется ему особеннымъ щастіемъ.

Я вполне наслаждался симъ удивительнымъ зрѣлищемъ. Все, что было писано самымъ пламеннымъ и искуснымъ перомъ, все, что произвело наиболѣе поэпического, самое богатое воображеніе, казалось мнѣ слабымъ и холоднымъ подражаніемъ. Небо было чисто и ясно; воздухъ полонъ благоуханіемъ. Солнце проливало потоки ослѣпительнаго свѣта. Вдали, величественно возвышалась цѣпь горъ оспрова Кубы. Огромныя массы бѣлыхъ облаковъ носились у ея подошвы, а надъ ними выказывались высокія вершины, подобно оспровамъ, забытымъ въ небѣ, или головамъ цѣлаго племени исполиновъ. Мрачныя, густыя, непроходимыя лѣса, простираясь до самаго моря, показывали силу произрастанія въ сихъ мѣстахъ, и наконецъ безчисленныя стаи водяныхъ птицъ и неизвѣстныхъ мнѣ рыбъ, дополняли эту великолѣпную, волшебную картину.

Между тѣмъ, капитанъ нашего корабля, смотрѣвшій въ зрительную трубку, сказалъ намъ:

— Я отдаю-бы свое мѣсячное жалованье, чтобъ только попуный вѣтеръ помогъ намъ опшмыть опсюда, гдѣ мы подвергаемся многимъ опасностямъ. Посмотрите; видите-ли вы, въ помъ направленіи, лодку, которая плыветъ къ намъ? По всей вѣроятности, на ней находясь корсары, и невдалекѣ непременно должно скрываться другое судно, которое служило ей подкрпленіемъ; иначе, прослая, опкрытая шлюбка не осмѣлилась-бы напасть на насъ. Дѣлать нечего, друзья, — прибавилъ онъ, обращаясь къ экипажу корабля: примемся за пушки, если ужъ не остаеся намъ другаго средства. —

Экипажъ съ радостію принялъ это приказаніе. Въ нѣсколько минутъ все было готово, чтобъ встрѣтить разбойниковъ самымъ жаркимъ оппоромъ. Между тѣмъ ночь покрыла насъ своимъ мракомъ. Часы пропекали, но на морѣ царствовала глубочайшая тишина, и ни малѣйшій шумъ не возбудилъ нашего вниманія и опасенія. Непрѣтнѣе начинало обнаруживаться тихимъ

шепотомъ между мапросами, и большая часть изъ нихъ, послѣ напрасныхъ стараній опкрыть близость непріятеля, съ ругательствами и бранью, опправились къ своимъ койкамъ.

Г. *Дугласъ* и дочь его также удалились. Съ своей стороны, наскучивъ ждать и прислушиваясь по пустому, я шутя спросилъ у капитана, куда дѣвались его приятели съ оспрова Кубы.

— Вѣрно опправились опвѣдать щастья съ людьми, которыхъ легче заспать въ распахъ. —

Едва только капитанъ это выговорилъ, какъ въ глазахъ нашихъ мелькнуло спиральное опраженіе, происходившее какъ-бы опъ волнъ, разсѣаемыхъ веслами.

— Вотъ они! вотъ они! — вскричалъ капитанъ, котораго зрѣніе, опщренное часнымъ ночнымъ бодрствованіемъ, безъ пруда проникло темноту, опсюду насъ окружавшую. — Канальи обѣхали вокругъ и плывутъ опъ Сень-Доминга. Къ оружію, ребята! —

Глухой ропотъ пронесся между мапросами, и вслѣдъ за тѣмъ раздался залпъ изъ пушки, которую встали на палубу. Стоны и смертные вопли поразили слухъ нашъ; когда же дымъ опъ выстрѣла разсѣлся и позволилъ намъ опшрѣться вокругъ, море было уже чисто и шлюбка исчезла; но человекъ двѣнадцать разбойниковъ силились взлзть по бокамъ нашего судна на палубу. Благодаря благоразумнымъ предосторожностямъ капитана, это было не легко. Разбойники, встрѣтивъ и съ опой спорны неожиданное сопротивленіе, падали въ море съ ужасными ругательствами, и упоя въ волнахъ, спускали курки своихъ пистолетовъ. Тѣ изъ нихъ, которые были ранены, испускали вопли, раздрающіе душу. Трое пиратовъ успѣли, однакожъ, взобраться на палубу. Яростъ и опчаяніе удвоили ихъ силы. Ихъ безъ пруда схватили и вмѣстѣ съ пятью другими, выпавшими изъ волнъ, связали и попомъ опвели въ тюрьму.

Битва эта продолжалась около десяти минутъ. Любопытство вызвало пассажиров на палубу; сама *Марія*, повинуясь какому-то безопчетному безпокойству, явилась сюда же. Она была въ неизъяснимомъ нравственномъ волненіи; я видѣлъ ея пререпеть, слышалъ тяжелые вздохи ея.

«Этотъ страшный голосъ,» говорила она: «то былъ его голосъ! Этотъ ужасный крикъ — былъ крикъ *Астона*! О, какая мучительная мечта!»

Между тѣмъ, неподвижная до полъ масса черныхъ тучъ, собравшихся на воспокъ, начинала волноваться. Скоро луна скрыла серебряный ликъ свой за этимъ мрачнымъ занавѣсомъ, и совершенная темнота распространилась надъ океаномъ. Настала грозная тишина, потомъ море начало колебаться. Выперъ не воздымалъ на немъ высокихъ валовъ, но оно пререпетало, какъ бы отъ внутренняго кипѣнія. Тысячи рыбъ, покрытыхъ блестящею чешуею, плавали по поверхности моря во всѣхъ направленіяхъ, сверкая на ней яркими искрами, какъ будто-бы безчисленные метеоры разсыпались надъ океаномъ.

Тишина эта была наконецъ прервана глухимъ и отдаленнымъ шумомъ, который, соединяясь съ громкимъ голосомъ капитана, раздававшего пужлыя приказанія, поселялъ въ насъ какое-то тайное чувство страха. Онъ былъ сигналомъ торжественной, страшной борьбы между небомъ и землею, между слабымъ кораблемъ и яростными стихіями.

Шумъ непрерывно увеличивался; множество электрическихъ искръ, сверкая и погасая на темномъ сводѣ неба, уподоблялись золотымъ блесткамъ, раскинутымъ по черной бархатной маніи, безпрестанно волнуемой вѣтромъ.

— Мы должны ожидать сильнаго урагана, — сказалъ капитанъ твердымъ голосомъ, и едва лишь онъ это выговорилъ, какъ огромный метеоръ, загорѣвшись на небосклонѣ, величественно пропелся къ востоку, и прорѣзавъ огненною чертою густыя тучи, погрузился въ море.

Тогда поднялось въ воздухъ страшное волненіе, подулъ сильный вѣперъ, вода заколебалась, заревѣли волны, и величественное, но вмѣстѣ грозное зрѣлище, которое предсавилось мнѣ въ эту минузу, возбудило во мнѣ смѣшанное чувство мужества, воспора и ужаса, которое я не въ силахъ выразить. Я часто читывалъ до того описанія буръ, которыя случаются на морѣ, но какое описаніе можетъ сравниться съ дѣйствительностію! Зрѣлище это понятно только для тѣхъ, кто его видѣлъ, и самое богатое, самое поэтическое изображеніе можетъ дать только слабое понятіе о томъ, что такое буря на открытомъ морѣ.

Но въ щасливомъ климатѣ Антильскихъ острововъ бури также непродолжительны, какъ ужасны; и прежде, чѣмъ совершенно разсвѣло, не оставалось болѣе никакого слѣда грознаго сполкновенія стихій, кромѣ изломанныхъ снастей нашихъ и мокрой палубы. — Куба и Сень-Доминго не были уже видны на горизонтѣ; за милю отъ насъ, зеленѣлся цвѣщущій берегъ, немного отлогій къ морю. Тамъ и сямъ, небольшие возвышенности пріятно разнообразили видъ этого края; плодоносныя долины, проспиравшіяся вдоль по берегу, пестрѣли мельницами, сахарными заводами; а позади этой живописной картины, на отдаленномъ горизонтѣ, возвышалась стѣною величественная цѣпь Ямайскихъ горъ.

Въ эту минузу, восхищительный видъ сего острова былъ у насъ передъ глазами. Главная вершина его, одна изъ величайшихъ на земномъ шарѣ, поднимаясь въ кругу другихъ низайшихъ горъ, уподоблялась монарху, окруженному своими царедворцами. Подошва ея была устлана богатыми кофейными плантаціями. На срединѣ гора сія опоясывалась густыми облаками, а вершина ея, увѣчанная непроходимымъ лѣсомъ, казалась издали какимъ-то колоссальнымъ божествомъ, парящимъ надъ Карандскимъ моремъ.

— Если Эдемъ существуетъ въ мірѣ, то онъ предъ нами! — вскричалъ я въ восхищеніи.

«Солнце не освѣщаетъ ничего подобнаго въ эпомъ опношеніи остроу Ямаикъ,» замѣпилъ г. *Дугласъ*. «Это наспоящій рай земной.»

Наконецъ, мы вошли въ Кингспонскій заливъ и бросили якорь за полмили отъ берега. Всѣ пассажиры, собравшись на палубѣ, любовались великолѣпнымъ амфиатромомъ, который возвышался передъ нами. Къ нимъ присоединилась и *Марія Дугласъ*.

Въ эту минупу изъ гавани показалась шлюбка съ нѣсколькими солдатами и однимъ офицеромъ, который привезъ нашему капитану приказаніе отъ начальства сдать ему плѣнниковъ.

Привели разбойниковъ. Видъ эпихъ нещасныхъ, казалось, живо пронуль чувствительную *Марію*. Воображенію ея представилась кровавая сцена минувшей ночи. Блѣдность ея очень меня тревожила; я подошелъ къ ней.

«Того, который такъ ужасно вскрикнулъ, нѣтъ здѣсь,» прошептала она тихонько, и какъ-бы почувствовала отъ этого нѣкоторое облегченіе. Слова ея были однако жѣ услышаны. Одинъ изъ плѣнныхъ корсаровъ проходилъ въ это время чрезъ корабль, чптобы сойти въ шлюбку, прибывшую за ними. Ему было около двадцати двухъ лѣтъ; нѣжное и вмѣстѣ прекрасное и выразительное лицо его обезображивалъ свѣжій и широкій рубецъ. Приемы его отличались ловкостію, но черты и вообще фizioномія носили на себѣ очевидные признаки давнѣйшей привычки къ пороку и униженію. Онъ остановился, взглянулъ на *Марію* съ страннымъ выраженіемъ опчаянія и какого-то безумія; она съ своей стороны его замѣтила, и упала, какъ пораженная громомъ.

— *Виллиамъ Астонъ!* — вскричалъ нещасный отецъ: еще ли эпого для тебя недовольно? Неужели ты хочешь быть виновникомъ ея смерти? —

Но молодой человекъ, не отвѣчая, вырвался изъ рукъ солдатъ, окружавшихъ его; отвелъ

локоны, освѣтившіе чело *Маріи*, и задыхаясь, едва дыша, неподвижно остановился передъ нею. На судорожно-сжатомъ лицѣ его выразались его душевныя перзанія. Въ чертахъ его изображалось угрызеніе, раскаяніе, неукротимое мужество; и впечатлѣніе, произведенное эпимъ зрѣлищемъ, было такъ сильно, что офицеръ и солданы оставили своего плѣнника свободнымъ. Вдругъ, прежде, чѣмъ успѣли вопрошившись его памѣренію, онъ подбѣжалъ къ борту корабля, кинулся въ море и скрылся въ волнахъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Т И Ч К А.

(Подраж. Саади).

Я спалъ; денница золотила
Края небснаго шапра;
Меня пѣснь ппички разбудила,
И вспалъ я съ мягкаго одра.
Вилась лепунья надъ землѣю
И пѣла стройно въ пишинѣ,
Какъ-бы бесѣдуя со мною,
Какъ-бы поскую обо мнѣ;
Она звала меня изъ праха
Туда, далеко, въ зыбъ небесъ,
Къ подножью дивнаго Аллаха,
Въ спрану блаженства и чудесъ...
И пѣла сладко!.. Дань безсилья,
И дань любви пламя слезой,
Воскликнулъ я: «о, дай мнѣ крылья!..»
Мелькнула ппичка надо мной,
Еще, еще—и потонула
Въ бездонномъ морѣ бирюзы!
Подруга мнѣ тогда шепнула:
—Могла-ль виною быть слезы
Лишь пѣсня ппички?—«Ахъ, невольню
Слеза лилась, я отвѣчалъ:
Когда Аллаха пѣснью стройной
Пѣвецъ воздушный величалъ!»

Л. Якубовичъ.

Э Л Е Г И Я.

Я былъ вездѣ —я все узналъ:
Нѣшь въ мірѣ мѣста, нѣшь созданья,
Которыхъ глазъ мой не видалъ;
Нѣшь мысли, испины, познанья,
Которыхъ умъ не проникалъ —
И спроси нѣшь, и нѣшь желанья,
Какихъ я въ сердцахъ не вмѣщаль!...

Что-жь мнѣ оставилъ гордый опытъ.
Опъ всѣхъ познаній, чувствъ, спросей?
Безсмыслный, бесполезный ропотъ
На все—опъ праха до людей!
Къ себѣ—холодную безпечность;
Къ уму—безверье и презорь;
И ужась—если приговоръ
За жизнь мою написать—*оптиность!*....

Н. Ставловъ.

LOGOGRIPHE.

Tu me trouves partout dans nos belles campagnes,
Dans la vallée, aux bois, sur le flanc des montagnes.
Lorsque rêvant, tu suis mes détours sinueux,
Ton esprit dégagé peut planer dans les cieux,
Ou, restant sur la terre, admirer la verdure
Et les brillantes fleurs, qui parent la nature.
Ce que j'ajoute, est bien plus singulier,
C'est qu'en m'ôtant le chef, je suis toujours entier.

Въ № 64-мъ, помѣщенный омонимъ значить: Голова.

MODES.

La salle à manger, entourée de buffets et étagères pour le service de la table, et de fleurs dans de longues et basses jardinières, est meublée en *vieux meubles* du dernier siècle. Les rideaux à fleurs ramagées conservent la draperie de leur époque; les chaises rouges et blanches, en bois blanc, sculptées en guirlandes de feuillages, rappellent les appartemens de

nos mères; aux quatre coins sont placés des meubles de Boule, qui reçoivent la vaisselle et l'argenterie.

Lesalon en lampas bleu et blanc-rosé, en meubles en bois de palissandre, sur des formes *vieille mode*, est tendu en lampas, couvert habituellement par une double tenture en perse lustrée, semblable à celle des housses. Les fauteuils et les rideaux sont bordés d'une très-forte tange torse en soie tordue, bleue, blanche et rose. Au milieu une table façon de Boule supporte une jardinière en porcelaine; des petites armoires à glace renferment mille curiosités de tous pays, et des jardinières de toutes formes garnissent les coins de l'appartement, les entre deux de fenêtres, les dessous de meubles, et remplacent les devants de cheminée. Les stores, pareils à l'ameublement, atténuent l'ardeur du soleil; et des portières en lampas recouvrent les portes.

М О Д Ы.

Споловая окружена буфетами и эпажерками для споловаго сервиза, и цвѣтами въ длинныхъ и низкихъ *jardinières*; меблирована спарыми мебелями прошедшаго спольпія. Занавѣски съ разводами изъ цвѣтовъ, сохраняющъ драпировку своего времени; спулья, красные и бѣлые, изъ блага дѣрева, вързанные гирландами изъ лиспьевъ, напинающъ комнапы нашихъ бабушекъ. По чепыремъ угламъ поставлены мебели *Boule*, на которья спавяпся посуда и серебро.

Госпиная обпянупа лампасомъ, голубымъ съ бѣло - розовымъ. Мебели изъ дѣрева палисандръ, по образцамъ спаринной моды, обипы лампасомъ; обпкловенно же покрышы двухъ-цвѣшнымъ лоценымъ сипцемъ, на подобіе чехловъ. Кресла и занавѣски обложены весьма шолспю вишою бахрамою изъ крученаго шелку, голубаго, благаго и розоваго цвѣтовъ. Въ срединѣ споль, фасонъ *Boule*, поддерживаешъ фарфоровую *jardinière*; маленькіе шкапы со спеклами заключающъ въ себѣ пысячу рѣдкостей всѣхъ земель, и *jardinières* всякихъ фасонъ спольпъ въ углахъ комнапы, въ проспѣнкахъ, окружающъ низъ мебели, и замѣняющъ перѣдъ камина. Споры, шакія же какъ мебель, умѣряющъ жаръ солнца, и дверцы изъ лампаса прикрывающъ двери.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 66.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Августа 18 дня 1854 года.

Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣшился, ползкомъ;
Сыщу её на днѣ морекомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки,
Все больше сесприны, свояченицы дѣшки.

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Л Ъ Н Н И К И.

(Повѣсть.)

Мулей-Абдалла принадлежалъ къ числу богатѣйшихъ жителей города Туниса. Его кладовыя были загромождены множествомъ сундуковъ, набитыхъ монетою разныхъ странъ и народовъ; въ морѣ плавали двѣ принадлежавшія ему корвешпы, которыя гордо распускали красные флаги свои и служили предметомъ ужаса для всѣхъ Христіанскихъ судовъ; толпы невольниковъ наполняли роскошные сады его, испещренные благовоными цвѣтами; сверхъ того, *Мулей-Абдалла* былъ владѣльцемъ прекраснаго дома съ украшеннымъ арабесками фасадомъ, въ которомъ пополки были покрыты позолотою и рѣзбою, а полы устланы мягкими Персидскими коврами. Наконецъ, ему приписывали сверхъ-естественную власть, ибо всѣ эти богатства собралъ онъ посредствомъ морскихъ разбоевъ и грабежей надъ врагами *Аллаха* и пророка, что до-

справило ему высокое уваженіе достойныхъ его соотчичей.

Должно замѣтить, что *Мулей-Абдалла* исполнялъ законъ *Магомета* въ строгой почтении. Онъ посѣщалъ мечети, грабилъ Христіанъ, проклиналъ Жидовъ, и курилъ изъ предлиннаго чубука. Его нахмуренный лобъ, безспрастный взоръ, тяжелая походка, обнаруживали удивительную безпечность, какую-то склонность къ нѣгѣ, которая поглощала всѣ прочія его свойства. Короче, *Мулей* былъ воплощенная лѣность, *Музульманинъ* въ полномъ смыслѣ этого слова.

Самый ревностный послѣдователь Исламизма могъ упрекнуть *Мулея-Абдаллу* только въ одномъ пороѣ. Пороѣ сей не состоялъ ни въ употребленіи въ пищу мяса какого нибудь нечистаго животнаго, ни въ сомнѣніяхъ на щетъ верховной премудрости успавовъ *Магомета*, ни въ пайномъ пристрастіи къ напитоку, запрещенному пророкомъ: по, въ чемъ заключался онъ, была любовь *Мулея* къ единственной жещинѣ, которая до такой степени овладѣла

его сердцемъ, что онъ почти боготворилъ её. Она называлась *Мораиллою*; стройный станъ ея, нѣжная округлость формъ, длинныя черныя волосы, взглядъ и улыбка, — все это дѣлало её прелестнымъ, восхищительнымъ созданиемъ.

Родившись въ Испаніи, *Мораилла* взята была въ плѣнъ *Мулель-Абдаллою* въ одномъ изъ морскихъ его набѣговъ. Въ послѣдствіи, она оставила законъ Христіанскій, чтобы болѣе привязать къ себѣ *Мулея*, и когда семейство ея предложило за неё выкупъ, она не захотѣла возвратиться въ отечество. *Мулей-Абдалла*, влюбленный въ неё и пронутый такими важными пожертвованіями съ ея стороны, поспѣшилъ на ней жениться. Можно судить, какъ онъ любилъ её, потому, что наканунѣ свадьбы, одинъ паша предлагалъ ему за неё болѣе тысячи піастровъ, и *Мулей* предпочелъ не разсваиваться съ *Мораиллою*.

Въ продолженіе прехъ лѣтъ, наслаждались они ненарушимымъ щасіемъ; огромное богатство доставляло имъ множество удовольствій, которыя они могли разнообразить до безконечности. *Мулей-Абдалла* не хотѣлъ подчинять *Мораиллу* ни малѣйшему надзору; онъ стыдился мучить её ревностью и подвергать оскорбленіямъ евнуховъ и другимъ униженіямъ, которыя принуждены терпѣть восточныя женщины. Предоставивъ ей совершенную свободу, онъ исполнялъ ея малѣйшія прихоти, и такая неограниченная довѣренность еще болѣе усиливала любовь къ нему *Мораиллы*.

Случилось однажды, что посѣтивъ дворецъ, на которомъ содержались невольники *Мулея*, *Мораилла* замѣтила одного изъ нихъ, котораго задумчивый взоръ возбуждалъ живое участіе и показывалъ въ немъ душу, удрученную бѣдствіями. Она узнала отъ одного изъ стражей, что это былъ благородный Испанецъ, за котораго надѣялись получить богатый выкупъ. Онъ былъ еще молодъ, имѣлъ черныя волосы и блѣдный цвѣтъ лица. Легкія морщины покрывали прямой и высокій лобъ его, а глаза блистали рѣдкою живостью. Видя его, можно было сказать, что онъ соединяетъ въ себѣ пыл-

кость Андалузца съ величественною важностію Каспильца. — *Мораилла*, пронутая великодушнымъ состраданіемъ къ прекрасному невольнику, безъ пруда испросила у своего мужа облегченіе его тягостнаго положенія. На другой день, желая сама объявить объ этомъ плѣннику, она подошла къ нему въ то время, какъ онъ работалъ, и сказала ему по Испански:

— Оставь работу, если она упомлнетъ тебя: я позволяю тебѣ это сдѣлать отъ имени *Мулея-Абдаллы*, твоего господина и повелителя. —

«Награди васъ Небо за то, что вы жалелись надо мною, синьора! Я почиталъ себя очень несчастнымъ, когда попался въ плѣнъ къ Мусульманамъ, но теперь благословляю мои бѣдствія, ибо они доставили мнѣ ни чѣмъ неоцѣнимое блаженство восхищаться вашею божественною красою.»

Мораилла, вовсе непривыкшая къ подобнымъ выраженіямъ Каспильской вѣжливости, изумилась, услышавъ это рыцарское привѣтствіе, и сказала Испанцу:

— Я жалѣю, что не прежде, какъ вчера, тебя увидѣла; безъ этого, ты бы не подвергался прудамъ, которые такъ не свойственны твоему званію. Ты, конечно, благороднаго происхожденія? —

«Я донъ *Ренальдо де ла Ривера*, грандъ Испанскій, маркизь *д'Альмаиза* и герцогъ *де Кабра*; я приобрѣлъ знаменитость тѣмъ, что когда король *Францискъ I-й* былъ взятъ въ плѣнъ при *Павіи*, я снялъ одну изъ шпоръ его. Имя мое извѣстно цѣлому Свѣту. Что касается до васъ, синьора, то опнынѣ вы можете хвалиться тѣмъ, что меня видѣли.»

Онъ произнесъ эту смѣшную выходку съ самымъ важнымъ видомъ. *Мораилла* почувствовала нѣкоторую гордость, при мысли, что она оказала услугу такому благородному и знаменитому рыцарю.

— Я могла бы даже, донъ *Ренальдо*, — сказала она: хвалиться тѣмъ, что облегчила тягость вашей неволи; и надѣюсь, что когда вы будете свободны, то обо мнѣ не позабудете. —

«Клянусь черными волосами *Мануелы*, владычицы моего сердца! я не забуду васъ до послѣдняго издыханія. Если-бы даже я не клялся въ вѣчной вѣрности прекраснѣйшей женщинѣ во всей Испаніи, то на колыняхъ спалъ бы просить у васъ позволенія сразиться за честь вашей красоты, со всеми рыцарями, которые бы осмѣлились вызванья на бой со мною. Вамъ извѣстенъ языкъ Испанцевъ, моя прекрасная Африканка; вы знаете, какъ онъ возвышенъ, но любовь наша еще возвышеннѣе...»

— Я не Африканка, донъ *Ренальдо*: напрошивъ, я родилась въ Севильѣ.... —

«Клянусь всеми ауто-да-фе святѣйшей инквизиці!» прервалъ её *Ренальдо*: «и вы сдѣлались опсупницей? Если это справедливо, то самъ Св. *Иаковъ* де Компостелла не въ состояніи спасти отъ гибели вашу душу!»

— Правда, что я оставила прежнюю вѣру свою, но за это я не заслуживаю отъ васъ такихъ суровыхъ упрековъ. —

Молодой Каспилецъ былъ такъ раздраженъ эпимъ признаніемъ, что позабылъ всю свою вѣжливостъ и опошелъ, не поклоняясь *Мораиллѣ*; онъ боялся осквернить свои взоры, смотря на прелестную опсупницу; но красота *Мораиллы* сильно расшевелила его сердце, и онъ захотѣлъ еще разъ взглянуть на неё. Подойдя къ ней снова, онъ увидѣлъ, что глаза ея омочены слезами.

«О! простите меня, если я оскорбилъ васъ,» вскричалъ онъ, падая къ ногамъ *Мораиллы*. «Увлечшись негодованіемъ, я позабылъ, что вы женщина, и будучи рыцаремъ, нанесъ вамъ обиду, тогда какъ обязанъ защищать и уважать всѣхъ женщинъ. Простите меня, и за то вы въ свою очередь получите прощеніе Церкви; я надѣюсь найти покровительство у великаго инквизитора: онъ дядя мужа племянницы двоюроднаго брата, зятя моей тетки.»

Мораилла улыбнулась, услышавъ о такой далекой степени родства, и сказала *Ренальдо* съ прежнею живостію:

— Мой благородный рыцарь, стали-ли бы вы осуждать меня, если-бы, изъ любви къ вамъ я снова сдѣлалась Христіанкою? —

«О! безъ сомнѣнія, нѣтъ!»

— Такъ не обвиняйте же меня и за то, что изъ любви къ другому я приняла законъ *Магомета*. —

Съ этими словами она лукаво улыбнулась и оставила *Ренальдо* въ опчаяніи о томъ, что онъ нарушилъ правила рыцарства. Напѣвая старинный Арабскій романсъ, она возвратилась въ свои покои. Черезъ нѣсколько времени *Мулей-Абдалла* привелъ къ ней молодую Испанку, купленную имъ на Тунисскомъ рынкѣ въ числѣ другихъ невольницъ. Онъ предложилъ её *Мораиллѣ* для услуги ея, прибавя, что онъ желалъ чтобы ей служили невольницы, во всемъ ея достойныя.

Молодая Испанка называлась *Мануелою*. *Мораилла*, увидя слезы, орошавшія ея блѣдныя щеки, съ нѣжностію обласкала её. Замѣтивъ, однакоже, какъ внимательна смотрѣлъ *Мулей-Абдалла* на прелести *Мануелы*, она была такъ эпимъ раздосадована, что охотно-бы вонзила булавку въ грудь молодой невольницы, какъ поступали въ древности Римскія женщины.

Скоро она увидѣла, что *Мулей-Абдалла* съ каждымъ днемъ становился внимательнѣе и благосклоннѣе къ *Мануель*. Это еще болѣе усилило чувство нѣжнаго состраданія, которое возбудилъ въ ней *Ренальдо*. Съ тѣхъ поръ она стала часно съ нимъ видаться. Не смотря на негодованіе свое прошивъ опсупничества *Мораиллы*, *Ренальдо* тѣмъ не менѣе охотно рассказывалъ ей о своихъ военныхъ подвигахъ, украшая свои рассказы забавнымъ хвастовствомъ; такъ, напримѣръ если ему случалось ранить непріятеля, онъ утверждалъ, что убилъ его; если же врагъ былъ дѣйствительно убитъ имъ, то *Ренальдо* рассказывалъ, что онъ однимъ ударомъ разсѣкъ его голову, пуловище и даже лошадь.

Со всемъ тѣмъ, *Мораилла* напрасно прибѣгала ко всемъ обольщеніямъ красоты,

чтобы ему понравиться: нѣжности ея онъ отвѣчалъ однимъ горькими жалобами на продолжительность своего плѣна, который разлучалъ его съ царицею его сердца. Такая нечувствительность еще глубже вкоренила въ сердце *Моральи* любовь къ *Ренальдо*. Она искала его взаимности пѣтъ болѣе, что перемѣна склонности ея мужа спановилась весьма замѣтною. Между пѣтъ, *Мулей-Абдалла* съ своей стороны щепотно спарался овладѣть сердцемъ *Мануелы*; она также холодно отвѣчала на его нѣжность, какъ *Ренальдо* на благосклонность *Моральи*. Тогда *Мулей-Абдалла* рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству. Догадываясь, что *Ренальдо* могъ имѣть влияние на свою прекрасную единоземку, по сходству ихъ положенія, онъ приказалъ привести его къ себѣ и сказалъ ему:

— Послушай, глурь, ты знаешь, что во ожиданіи, пока мнѣ заплачешь за тебя выкупъ, я облегчилъ твою неволю: теперь ты долженъ доказать мнѣ, что душа твоя способна къ благодарности. —

«Въ родѣ моемъ Каспійская кровь никогда не смѣшивалась съ Мавританскою, и потому у меня въ жилахъ не можетъ быть ни одной капли крови, зараженной неблагоугодносцію.»

— *Аллахъ, Ахбанъ!* Не оскорбляй меня, или клянусь кобылицею пророка, я велю умертвить тебя. —

«Худо сдѣлаешь, лишивъ меня жизни; ты поперешь невольника, тогда какъ выкупъ мой можетъ доставить тебѣ нѣсколько тысячъ пиастровъ.»

— Ты говоришь правду, Христианинъ; но прежде, чѣмъ тебя выкупаю, хочешь-ли оказать мнѣ услугу? —

«Какую?»

— Выслушай! Между моими невольницами есть одна, родившаяся въ моемъ опечествѣ; она прелестна, какъ *Гурія*, стройна, какъ молодая пальма; глаза ея напоминаютъ своимъ цвѣтомъ роскошное небо Персіи, но сердце жѣстко въ ней, какъ булавъ. Она пренебрегаетъ моею любовью, и

я хотѣлъ-бы, чтобы ты склонилъ еѣ въ мою пользу. —

Сначала *Ренальдо* съ негодованіемъ отвергнулъ предложеніе *Мулея* способствовать ему въ покушеніи на честь невинной дѣвушки, но потомъ ему пришла мысль, что онъ можетъ быть полезенъ молодой Испанкѣ, согласившись еѣ видѣть, и онъ сказалъ Мавританину:

«Я готовъ исполнить твою просьбу, и употреблю всѣ силы, чтобы уговорить эту женщину покориться твоей волѣ.»

— Вѣрь послѣ этого словамъ Христианъ, — проворчалъ *Мулей-Абдалла*: соглашаются, тогда какъ за минутою передъ пѣтъ отказывались. — Хорошо, сказалъ онъ, обращай къ Испанцу, я назначу тебѣ послѣ время и мѣсто, гдѣ ты долженъ будешь говорить съ нею. —

Оставя *Мулея*, *Ренальдо* углубился въ рощу изъ цвѣтущихъ миндальныхъ деревьевъ, служившую единственнымъ мѣстомъ его прогулки, и прислонясь къ дереву, погрузился въ сладостныя мечтанія о родинѣ. То казалось ему, что онъ находится въ великолѣпной залѣ Эскуріальскаго дворца, и что король съ благосклонностію отзывается о его военныхъ подвигахъ; по представлялась ему па, которая владела его сердцемъ: она смогрѣла на него съ нѣжностію, улыбалась ему ангельскою улыбкою, и онъ забывался въ этомъ райскомъ видѣніи, онъ перялся въ упоительныхъ мечтахъ объ этой женщинѣ, онъ видѣлъ еѣ въ мысляхъ, — какъ вдругъ увидѣлъ у ногъ своихъ.....

«*Мануела!*» вскричалъ онъ въ чрезвычайномъ удивленіи.

— Пречистая Дѣва! Это вы, мой благородный рыцарь! —

«Вы также въ неволѣ, синьора! О! если бы для освобожденія вашего стоило только изломать на турнирѣ двадцать копій, вѣрьте, что черезъ часъ вы были-бы свободны, или я бы не жилъ болѣе на свѣтѣ!»

— Донъ *Ренальдо*, вы не разъ сражались за красоту мою, но теперь дѣло идетъ о моей чести, о моей добродѣтели! —

«Неужели есть въ мірѣ человѣкъ, до того несвѣдущій, чтобы не знать, что вы обладаете моимъ сердцемъ, или до того дерзкій, чтобы зная это, осмѣливаясь оскорблять васъ!»

— Эпопъ человѣкъ—*Мулей-Абдалла*, нашъ общій повелитель!—

«*Мулей-Абдалла!* Клянусь мощами моего патрона, это забавно! Такъ васъ-то избралъ онъ предметомъ любви своей, моя прекрасная *Мануела!* Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ бы должно было угадать это попому, какъ онъ описывалъ мнѣ свою суровую красавицу; такое роскошное изображеніе не могло принадлежать кому либо другому, кромѣ васъ.»

—Но развѣ онъ открылъ вамъ свою склонность?—

«Еще болѣе: *Мулей-Абдалла*, не надѣясь вамъ понравиться, и думая, что я могу имѣть на васъ нѣкоторое вліяніе, просилъ меня нынче упрямъ посовѣтовать молодой его плѣнницѣ бытъ менѣ къ нему суровою. Сегодня вечеромъ онъ хотѣлъ доставить мнѣ средство переговорить съ непреклонною красавицею, въ которой я никакъ не думалъ найти васъ, моя прелестная *Мануела*. Но онъ ускорилъ наше свиданіе своимъ неперпнїемъ, и, какъ я догадываюсь, прислалъ васъ сюда.....»

—Нѣтъ, *Ренальдо*, не *Мулею*, но *Моралии* обязана я щастїемъ упѣшать васъ въ невольѣ, и облегчать вашу огорченную душу, соединяя судьбу вашу съ моею собственною. Такъ знайте, что *Моралии* любилъ васъ, любилъ пламенно, спрасно! Часпо, когда будучи обязана служилъ ей, среди ночной пишины, я бодрспвовала у ея изголовья, и мечпала о васъ, имя *Ренальдо*, произнесенное *Моралиюю*, не выводило меня изъ забвенія. Я поняла, что любовникъ ея назывался *Ренальдо*, но не думала, чтобы это былъ мой *Ренальдо*. Слыша ея рыданія и опчаянныя жалобы, я проклинала въ душѣ человѣка, такъ безжалостно перзавшаго сердце слабой женщины, и спараясь упѣшить *Моралию*, предложила ей, что спану на колѣняхъ

умолять о соспрананїи человѣка, который съ такою холодноспїю издѣвался надъ женскою любовію. За полчаса передъ эспимъ, замѣпивъ съ своего балкона, что вы вошли въ эпу рощу, она послала меня вымолишь у васъ хопя каплю нѣжностп въ опвѣспъ на пламенную спрасъ ея; я пришла сюда и увидѣла, что ея *Ренальдо* былъ попъ, который давно опдалъ мнѣ свое сердце. *Ренальдо*, какъ прежде я проклинала вашу нечувспвительность къ *Моралии*, такъ теперь благословляю ваше постоянство къ *Мануель!*....—

Тупъ она съ жаромъ бросилась въ объспнїя *Ренальдо*.

«Преспвпая Дѣва!» сказалъ Испанецъ: «и такъ вы должны были разыгрывать предо мною точно ту же роль, какую я принялъ въ опношенїи къ вамъ! Спранная учаспъ! Мнѣ, любовнику *Мануелы*, должно было просптъ еѣ о любви къ другому, тогда какъ она, моя невѣспа, хотѣла склонптъ меня посвпспнть свое сердце другой женщиנѣ!»

—Ахъ, рыцарь! я, слабая женщина, гораздо васъ нещаспнѣе! Человѣкъ, который такъ меня преспѣдовалъ своими желанїями, грозптъ силою овладѣть мною.—

«Проклятїе!» вскричалъ *Ренальдо*, дрожа отъ гнѣва. «Этого не будетъ, пока у меня оспанется хопя капля крови въ жилахъ. Если нужно, синьора, я умру, чтобы сохранилъ васъ отъ позора; но если не спасетъ васъ отъ него моя смерть, то пусть избавитъ ваша собственная!»

Мануела опвѣчала рыданїями на слова его, и подала *Ренальдо* руку, которую онъ судорожно схватилъ и покрылъ пламенными поцѣлуями. Мрачное опчаянїе изображалось на лицѣ его; безспліе, защитилъ *Мануелу* отъ грубаго сласплюбїя *Мулей-Абдаллы*, раздирало его душу. Но приходъ *Моралии* положилъ конецъ ихъ разговору. Она долго съ безпокойствомъ ожидала возвращенія *Мануелы*, и наконецъ, увлекаясь неперпнїемъ, пришла сама позвать еѣ. Молодая Испанка съ трудомъ успѣла скрыть свое смущенїе, и когда *Моралии* спросила еѣ о послѣдствїяхъ

свиданія съ *Ренальдо*, она принуждена была отвѣчать ей сѣвпеніемъ всякой лжи.

Ренальдо былъ еще погруженъ въ горестную думу, когда невольникъ позвалъ его къ *Мулею-Абдалль*. Сей послѣдній хопѣлъ вновь переговорить съ нимъ о средствахъ побѣдить непреклонную добродѣтель *Мануель*. Испанецъ содрогнулся, когда въ концѣ этого разговора *Мулей-Абдалла* прибавилъ, что если эта новая попытка склонить *Мануелу* не будетъ имѣть успѣха, то онъ достигнетъ своей цѣли другими средствами. Съ прежнимъ отчаяніемъ въ сердцѣ, оставилъ *Ренальдо* ненавистнаго ему Мавританина; мысль, что единственнѣмъ средствомъ сохранить непорочность *Мануель* была смерть ея, грозно возставала въ умѣ его. Долго бродилъ онъ въ миндальной рощѣ, размышляя о способахъ помочь своему несчастію, какъ вдругъ нечаянная радость изобразилась на лицѣ его, и онъ съ благодарностію взглянулъ на небо. . . . Средство, избѣжающее грозившей опасности, было имъ придумано, и онъ успѣшилъ сообщить его *Мануель*.

«Радуйтесь, синьора,» сказалъ онъ ей: «и спанемъ благодарить Пречистую Дѣву *Марію*. Она внушила мнѣ мысль, какъ избавить васъ отъ подлаго врага нашего.»

— Не уже ли вы хопите умертвить его, *Ренальдо*? —

«Нѣтъ, *Мануела*, грудь Мавританина была-бы слишкомъ грубыми ножами для меча моего. Я не убью *Мулея*, потому что ему приличнѣе погибнуть отъ кнѣга инквизиціи, нежели отъ кнѣжала рыцарскаго.»

— Но какимъ же образомъ вы избавите меня отъ его преслѣдованій? —

«Выслушайте, синьора. Завтра я долженъ буду отдать *Мулею-Абдалль* отчетъ о томъ, какъ вы приняли предложенія, которыми мнѣ было препоручено сдѣлать вамъ отъ его имени. Я скажу, что вы назначаете ему завтра вечеромъ свиданіе, съ условіемъ, чтобы вамъ позволено было сѣсть на корабль и отправиться въ Испанію тотчасъ послѣ того, какъ вы его оставите.»

— По этому вы хопите отдать меня во власть его, *Ренальдо*? —

«Прошу васъ, синьора, выслушать перпѣливо до конца. — *Мулей-Абдалла* вѣроятно не замедлитъ принять это условіе; потомъ, я назначу ему комнату, въ которой должно происходить ваше свиданіе, и попребую, чтобы комната эта не была освѣщена и чтобы во все время свиданія *Мулей* говорилъ какъ можно менѣе. Я напередъ знаю, что онъ безъ спора согласится на сіи условія, тѣмъ болѣе, что онъ самъ будетъ имѣть въ нихъ нужду, чтобы не дать чего нибудь замѣнить *Мораиль*. Далѣе, я выпрошу у него легкое судно, на которомъ бы вы могли отплыть въ Испанію тотчасъ по выходѣ съ этого свиданія.»

— Право, я не понимаю васъ, *Ренальдо*. —

«Вопъ въ чемъ дѣло, синьора: то, что скажу я *Мулею-Абдалль* отъ вашего имени, скажете вы *Мораиль* отъ меня. Вы скажете, что я назначаю ей свиданіе на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ то же время и въ той же комнатѣ. Теперь, догадываетесь-ли вы? Такъ какъ, разумѣется, ни вы, ни я, не пойдѣмъ на это свиданіе, то супруги наши сойдутся шамъ и не узнаютъ другъ друга, а какъ по условію, каждому изъ насъ можно будетъ отправиться въ эту самую ночь. . . .»

— Какой замысловатый планъ! — прервала *Мануела*. — Наконецъ я поняла его. Клянусь Богомъ! мой *Ренальдо* пакъ же умѣнь, какъ прекрасенъ и мужественъ! —

Они распались, назначивъ за полночь срокъ этого двойнаго свиданія и условившись напередъ о томъ, въ какой комнатѣ должно было происходить оно. Когда на другой день *Ренальдо* передалъ *Мулею* придуманныя имъ условія, то послѣдній съ радостію на нихъ согласился. Чтобы отвлечь всякое сомнѣніе въ исполненіи своихъ обѣщаній, онъ приказалъ, въ присутствіи *Ренальдо*, одному изъ главныхъ своихъ невольниковъ приготовить къ полуночи особое судно для отправления *Мануель*, и не препятствовать ея отъѣзду. Что касается

ся до *Мораймы*, по она съ неизъяснимымъ восхищеніемъ узнала о свиданіи, которое назначалъ ей *Ренальдо*. Въ ожиданіи щасливой минушы, ей казалось, что время никогда еще не текло такъ медленно. Въ полночь, она уже ожидала Испанца въ назначенной комнатѣ, роскошно проспершись на мягкихъ подушкахъ и съ сердцемъ, прелепещущимъ опъ неперпѣнія. Наконецъ, дверь тихо отворилась, и кто-то съ жаромъ заключилъ её въ объятія. Ночь пролетѣла непримѣтно для влюбленныхъ въ спраспныхъ воспорагахъ, и когда денница загорѣлась на воспокъ, по *Морайма*, которая ожидала встрѣпшпъ нѣжный взоръ *Ренальдо*, увидѣла *Мулея-Абдалму*, а *Мулей* узналъ *Морайму*, въ шой, которую онъ почиталъ *Мануелою*. Между пѣмъ, какъ въ сильномъ изумленіи, они безмолвно смотрѣли другъ на друга, *Ренальдо* и *Мануела* приспавали уже къ Испанскому берегу.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

И Г Р О К Ъ .

Утрюмъ, задумчивъ, одинокъ,
Сидѣлъ обыгранный игрокъ
Въ своемъ опустошенномъ домѣ.
Онъ взоровъ гореспной семьи
Сносилъ не могъ, не смѣлъ, и въ ромѣ
Всѣ думы упопилъ свой,
Съ рублѣмъ изъ кошелька послѣднимъ.
Кружилась сильно голова,
Тѣснились въ ней мечпы и бредни.
Смущенной совѣспи слова:
«Зачѣмъ я ввѣрлся коварнымъ,
«Зачѣмъ не слушался жены!»...
Еще пвердилъ,—какъ со спѣны,
Висѣвшія шинель и шляпу,
Онъ снялъ дрожащею рукой.
Но прежде что-то взялъ изъ шкафа,
Спаканъ до капли выпилъ свой
И трубку выкурилъ вакшпафа,
Пускаясь на полночный бой! —
Въ глазахъ летучею мечпой

Лешаюшъ карты роковыя;
Безмолвенъ, холоденъ, какъ лёдъ,
Какъ председатель, банккомѣш
Рѣшаешъ пляббы игровыя:
То даспъ, по вдвое оберѣшъ,
Тревожпшъ, мучпшъ ожиданьемъ,
Не слышпшъ воплей и роппанья,
Не морщпшъ при бѣдѣ чела—
Знапокъ коварный ремесла.
На всё гоповъ: онъ изъ кармана
Опдаспъ и приберѣшъ, шупя.
А нашъ игрокъ—въ игрѣ дпшя—
Въ азарпшъ, какъ въ чаду пумаша,—
Онъ вовсе безъ ума съ умомъ;
Киппшъ надеждой, какъ огнѣмъ,
Въ какомъ-то буйспвѣ изспупленномъ,
Всѣ выиграшъ на короли; —
Но съ единицей при поля
Прехладнокровно и спепенно
Пропивникъ записалъ на нѣмъ...
И крѣпость выиграшъ на домъ.

Черкасозъ.

Э Л Е Г І Я Н А С М Е Р Т Ъ В . К .

Я знаю, въ гробъ его сокрыли
И землю сыпали надъ нимъ; —
Но вспанешъ онъ изъ хладной пыли,
Онъ явпшся глазамъ моимъ.
Когда-нибудь въ часы полночи,
Когда все сппхнешъ на землѣ,
И какъ недремлющія очп,
Зажгупся звѣзды въ сией мглѣ,
Онъ молча предо мною спанешъ,
Неслышимъ, будто лёгкій сонъ —
И помно на меня онъ взглянешъ,
И помно улыбнешся онъ.
Но не проспрешъ онъ длани хладной...
Спѣспштся горемъ грудь моя,
И то заплачу я опрадно,
То горько улыбнуся я.—
Что-жъ медлпшъ, другъ? Я жду тебя.
Не думай, чтообы я спрашплся

Увидѣшь свѣтъ пвоихъ очей!
 Пусь скажутъ, что ты въ гробъ сокрылся—
 Ты всё живешь въ груди моей.
 Другой меня съ улыбкой встрѣшишь,
 И пѣмень мнѣ ея привѣтъ;
 Но взоръ пвой все мнѣ дружбой свѣпишь,
 Онъ свѣпишь щаспьемъ прежнихъ лѣтъ.

А. Хомяковъ.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое—членъ шѣла пвогого,
 Но только иначе пеперь зовушь его;
 Последнее мое—почти одно съ судьбою
 И забавляешь нерѣдко надъ шобою;
 А цѣлое, когда подашь ты за обѣдъ:
 То ужъ не спанушь ѣспъ бифшпекса и коплешъ.

Въ No 65-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Sentier, entier.*

М О Д Е С.

Tout ce que nous voyons de nouveau en petites robes blanches au magasin de Mme Rome, passage Choiseul, se renouvelle par quelque chose de plus simple ou de plus élégant. Ainsi les petites pélerines croisées sont alternativement bordées de valenciennes ou de basses bandes plissées; des courtes jupes en batiste ou jaconas y paraissent brodées en mathildes ou en tabliers. C'est ainsi que, cette semaine, nous avons vu presque en même temps les plus jolis modèles exposés à la curiosité, et bien plus encore aux fantaisies maternelles. Une robe pour une enfant de quatre ans, à corsage décolleté, à manches courtes, à pélerine croisée, donnait des idées de coquetterie aux mères les plus raisonnables. La jupe, brodée sur le devant de quatre colonnes délicates, était garnie sur les côtés de deux petites bandes de batiste plissée,

posée en élargissant vers le bas jusqu'au bord de l'ourlet. Le corsage plissé était à demi couvert par une étroite pélerine à pans croisés, tombant sur les épaules en jockeis arrondis; les manches courtes, bouffantes, terminées par une bande plissée comme la pélerine.

Une autre robe plus grande, *négligé paré*, était destinée à une jeune fille de dix ans. Une mousseline anglaise basinée, semée de petits *bluets bleu barbeau*, était faite à corsage décolleté, mantille pareille, garnie de valenciennes et manches courtes à sabots garnis de même.

М О Д Ы.

Все, что мы видимъ изъ бѣлыхъ платьевъ въ магазинъ г-жи Rome, возобновляется чѣмъ нибудь проспѣе или щеголеватѣе. Такимъ образомъ небольшой пелеринки крестообразно подъ поясъ, по обшпшъ узенькимъ кружевною, по узенькими оборками, сложенными въ складочки; коропкія юбки, баписповыя или жакопѣшовыя, видны пашъ вышпшья машильдою или передникомъ. Такъ мы видѣли на этой недѣлѣ самые красивые образцы, выспавленные для любопытпшства, а болѣе еще для маперинскихъ прихощей. Платье для чепырехъ-лѣпняго дпшашп, съ опкрытымъ лифомъ, коропкіими рукавами, крестообразною пелеринкою, все-ляло мысли о кокепшствѣ самымъ разсудпшельнымъ маперямъ. Юбка, вышпшья спереди чепырмя легкими колоннами, обшпшя была съ боковъ узенькими баписповыми полосками, сложенными въ складочки, копорыя къ низу расширяются и идущъ до конца рубца. Лишь, сложенный въ складочки, въ половину прикрытъ узенькой пелеринкою съ кончиками, положенными крестообразно, упадающею на плеча округленными эпощами; рукава коропкіе, пышные, обшпшы, какъ пелеринка, полоскою, сложенною въ складочки.

Другое платье, но болѣе эпато, нарядное пеглиже, для дѣвочки лѣтъ десяти. Изъ Англійской канифасной кисеи, усѣянной маленькими васильками, было сдѣлано платье съ опкрытымъ лифомъ, съ такою же машильею, обшпшою узенькими кружевами; коропкіе рукава и sabots обшпшы пакъ же.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 67.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 22 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Съ Москвой и Русью онъ распался,
Края чужіе поспѣшилъ;
Тамъ промотался, проигрался,
И въ путь обратный поспѣшилъ.

Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КРАСОТЫ БАРОНА БРАМБЕУСА.

Боже мой, какъ странна наша публика!
Она охотнѣе чипаетъ какогонибудь
Брамбеуса, чѣмъ, напримѣръ, изящныя
творенія людей, которыхъ, подобно мнѣ,
пробѣжали всю Россію!

Баронъ Брамбеусъ. (1)

Да кто это *Брамбеусъ* (2)? Да что это
онъ пишетъ (3)? Баронъ *Брамбеусъ* ничѣмъ
не былъ извѣстенъ въ Россійской словесно-
сти до нынѣшняго 1834 года; мы не заспа-
ли его таланта въ колыбели, не видали,
какъ онъ росъ, крѣпчалъ, мужалъ, развѣр-
пывался: онъ вдругъ, подобно лучезарному
солнцу, облеснудъ, ослѣпилъ насъ яркимъ
сіяніемъ.

Баронъ Брамбеусъ не имѣетъ ни малѣйша-
го сходства съ знаменитымъ *Вальтеръ-Скоттъмъ*.
Онъ не выводитъ, подобно ему, на
сцену Цыганъ, Жидовъ, палачей, пьяныхъ

сборищъ, сваленныхъ въ одну живописную
грудю, для вящаго наслажденія образован-
ныхъ чипапелей. Онъ презираетъ плоское
и неискусное подражательство, упрямое
до самаго нельзя (4). Ему извѣстно, что
духъ нынѣшней Французской школы есть
ни что иное, какъ весь нечистый сокъ,
выжатый въ судорожномъ порывѣ восхи-
щенія изъ историческихъ романовъ *Валь-
теръ-Скотта* на молодые воспаленные мозги,
но выжатый опдѣльно, безъ выжатія изъ
нихъ красотъ всякаго рода, которыхъ оспа-
лись всѣ въ его книгахъ (5).

Баронъ самостоятеленъ; онъ не хочетъ
имѣть ничего общаго съ болтуномъ *Ша-
тобріаномъ*. Онъ опзываетъ о немъ съ
презрѣніемъ, какъ мы о сочиненіяхъ Алек-
сандра Анфимовича *Орлова*. «Г. *Шато-
бріанъ*,» говоритъ *Брамбеусъ*: «по истинѣ
дивный человекъ: ни одинъ писатель въ
прозѣ не возбуждалъ въ наше время такого
восхищенія, ни одинъ не былъ поставленъ

(1) Библиотека для чтенія, Апрель, стр. 33. (2) Тамъ же. (3) Тамъ же.

(4) Библиотека для чтенія, Апрель, стр. 33. (5) Тамъ же.

своими современниками на высшемъ пьедесталѣ славы и ни одинъ, бытъ можетъ, не предназначенъ такъ скоро свалиться съ своего пьедестала въ Лепу. Не будучи большими пророками, мы смѣемъ утверждать, что эта участь для него неизбежна, развѣ, при поспешномъ ходѣ времени, ложность идей и вычурность слова въ Европѣ достигъ ужь до того, что лѣтъ черезъ двѣсти г. *Шатобрианъ* будетъ казаться еще образцомъ спарины и естественности разсудительному нынѣшнему классу попомства (1).»

Еще менѣе щадилъ баронъ *Брамбеусъ* знаменитаго *Гумбольдта*, краснорѣчиваго *Карамзина*, глубокомысленнаго *Кюве*. Жестокосердостью отъ него *Бальзаку*, *Жюль-Жанену*, *Виктору Гюго* и всѣмъ Нѣмецкимъ живымъ писателямъ, безъ исключенія. И, по мнѣнью нашему, баронъ *Брамбеусъ* имѣетъ полное право съ такимъ неуваженіемъ опзывать о нихъ: ибо его собственныя пворенія, какъ онъ самъ чиспосердечно признается, преисполнены философіи; а по словамъ одного его панегириста, Русскую исторію должно перевернуть съ корня, благодаря великимъ бароновымъ открытіямъ. Баронъ, какъ писатель, оказалъ безсмертныя услуги Россійскому народу, Россійскому слову новыми оборотами, извиціями и выраженіями.

Нарвавъ съ обширнаго луга его сочиненій самыхъ благовонныхъ цвѣтвъ, мы связываемъ ихъ въ одинъ пучокъ — и подносимъ благосклоннымъ читателямъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Красоты слога, мыслей, чувствованій барона Брамбеуса, погертнутыя изъ его фантастическихъ путешествій.

1.

Посмотрите на общество, *отсырѣвшее* отъ ненастнаго лѣта и осеннихъ тумановъ, подернутое мглою дремоты, томное, блѣд-

ное, унылое. (Далѣе еще лучше, просимъ взглянуть на спран. 8-ой фантаспическихъ путешествій барона).

2.

Понятія наши безпрестанно вязнутъ въ *герныхъ, широкихъ 4-гастныхъ мужахъ* безвкусіа.

3.

Мнѣ кажется, что если-бъ я приказалъ связать себя крѣпко-на-крѣпко брачными узами и лежалъ на свѣтѣ *щастливыйль польноль*, это было бы удобнѣе.

4.

Небо, воздухъ, мой умъ и общество *нѣсколько просохнутъ*, разгуляюшся, спанутъ повеселѣе.

5.

Я видѣлъ слоновъ, *Кипайцевъ*, пирамиды и обезьянъ; видѣлъ также голыхъ людей, живыхъ *сельдей* и *Англійскихъ миссіонеровъ*.

6.

Зѣвая на природу и искусство, съѣдая съ апешипомъ *жареныхъ щенковъ* и парадоксовъ, закусывая парю и бананами, *запивая мадерою, какой не пивалъ* и самъ баронъ *Гумбольдтъ*, *Прусскій камергеръ* и *вселірный угенный*, *варя щи, вильсто дровъ, на муліяхъ министровъ* и *любовницъ Фараона*, я путешествовалъ фантаспически.

7.

Мы думаемъ *отрывками*, чувствуемъ *отрывками*, существуемъ *въ отрывкахъ*, и *разсыплемся въ отрывки*.

8.

Самыя лучшія надежды такъ далеки, *туманны*, *скры*, такъ *упитаны крѣпкими духомъ стверныхъ нашихъ переднихъ*.

9.

Чтобы согрѣшь душу новыми, неизвѣстными ей чувствами, чтобы произвѣсти

(1) Библіотека для чтенія, Іюнь.

коркъ въ сердцѣ, сведеніе въ жилахъ, судороги въ мозгу я желалъ впастъ въ чахопку и начатъ харкать кровью. Я воображалъ себѣ роскошь быть посаженнымъ на колы; иногда мнѣ хотѣлось скипаться по свѣшу съ отъсвѣнными языкомъ и руками и сочинять спихи въ эпомъ положеніи, или видѣть себя живо запертымъ въ гробу и съдѣнными гервами; или быть схваченнымъ вихремъ горбовъ, еноя, падугей болзыни; или провалишься внутрь кладбища и лежать, среди безчисленныхъ оспововъ, на груди перебитыхъ череповъ и ребръ, тогда, какъ по мнѣ плясали бы мертвецы, герты, вѣдлы, вампиры, злыи, яцерицы, жабы и все, что составляетъ прелесть жизни, прекрасное и высокое въ природѣ.

10.

Вистъ, это погребальное развлеченіе спраждающей подагрою образованности, довершилъ разрушеніе поэтической Руси, разбивъ общество плотное, сильное, задорное, рѣзкое, бурное, поспынное, важное на-тощакъ, пляшущее въ присядку на-веселье.

11.

Лучше отправолюсь въ Малороссію; посмотрю на отечество стряпчихъ и повытгиковъ: должно быть любопытно видѣть канцелярскіе геніи въ пеленахъ, еще ползающіе по грязному полу, и, младенческой ручкою, рисующіе на песку первыя герты будущаго гернильнаго круга. Хочу упоиться поэзіею подъячества. Буду въ Малороссію.

12.

Пріѣзжаю; нипко меня не примѣчаютъ, попому что я поэтъ 10-го класса. Я шже ничего не примѣчаю, кромѣ арбузовъ, блохъ и клоповъ, которыхъ можно отыскать и въ Монастыркѣ (1).

(1) Одинъ изъ лучшихъ Русскихъ романовъ. Въ немъ можно на каждой страницѣ найти, кромѣ блохъ, живой, серебромъ льющійся рассказъ и вкусъ изящный, разборчивый. La mère en prescrivit la lecture à sa fille. — К.

13.

Если когда либо возвращусь въ Пепербургъ, то сочиню романъ въ спихахъ, по еспъ поэму, въ которой напишу грязью величественную картину моего спранспвоанія и моихъ ощущеній.

14.

Въ одно мгновеніе ока огромныя, пощія, алчныя блохи, подобно угрызениямъ совѣспи, нападають на меня черною пучею; кусають, щиплють мое плѣо, скагутъ по лицу и рукамъ, проникають въ сапоги и подъ платъе, высасываютъ кровь изъ подъ кожи я гешусь, прыгаю, потля, изнемогаю.

15.

(Попрудитесь прочесть послѣднія полспраницки 26-ой и начало 27-ой спраницы фанш. пупешествій.)

16.

Мы уже въ опкрышомъ морѣ. Вопъ прекрасный случай загнуть крючекъ человетспву и, придравшись къ корабельной веревкѣ или къ лоскутку изорваннаго паруса, разругать добродѣтель, наплевать въ лицо гестности, доказать, что въ мѣртъ нѣтъ ничего ни умнаго, ни священнаго, и прославиться герноморскими Евгениямъ Сю.

17.

Коконицы (дамы) бросають на меня изъ подъ пандурныхъ одѣялъ пещдые, пареныя взгляды, но такіе вялые, такъ размлеженныя баннымъ духомъ жаровни, что въ нихъ нѣтъ никакой упругости и силы.

18.

Я вошелъ въ домъ правильно, въ большія двери; но внутри дома сбился съ пупи, и, вмѣспо хозяина, забрался въ сердце спаршей его дочери, коконицы Дуду, въ которомъ завязъ по шею,

19.

Любовь! Они лишь регистраторы, секрепары и пипулярные совѣпники наслоящимъ образомъ наслаждаются пвоими бла-

годѣльниками; имъ являешься пы во всей пшвей свѣжести и красѣ. Надворные и *безпорожные* пшпаются уже пшвоими обломками; спашскимъ иногда бросаешь пы изъ мшлоспи кусокъ разогрѣпой сладоспи, а превосходительные принуждены покупаешь пшбл *мерзлую, полфунтиками и на гистыя денги, вшьсть съ Французскимъ нохальнымъ табакшмъ и флаanelю.*

20.

Я возвращаюсь опть нея домой въ небесномъ восхищеніи, прыгая чрезъ *кровавыл, обезглавленныйя, посинившійя туловища Гауровъ, лежащія по угламъ улицъ на кугалъ навоза, и мое сердце коргитса, трепещеть, какъ лжшка лягушки, терзаемая двьствіемъ Гальваническаго столба* (1).

21.

Мы опсправляемся въ легкихъ и красивыхъ лодкахъ на рыбную ловлю, весело мчимся по Боспору и приказываемъ закинуть съшь на наше щаспие. Мягкая ручка коконицы роскошно дрожитъ въ моей, сильно, спспашно дрожащей. Мы говоримъ; мы въ упоеніи, но желаемъ еще гадашь обудущемъ нашемъ блаженствѣ по обилію закупленной нами въ водѣ добычи. Вдругъ рыбаки выпаскиваютъ на наше щаспие *одного окуня и двѣ страшныя, герныя, ослизлыя Янггарскія головы. Наше упоеніе, наше блаженство мгновенно прерацаются въ судорожную рвоту* (2).

22.

Какое-то новое, невѣдомое ощущение завладѣло моимъ пѣломъ, обоняніемъ и моею душою. Наконецъ, увидѣлъ я, что упопаю въ *поззіи полмеевъ* (3). Предспавыте же себѣ мое положеніе!... *Моя любовь обдана кшпяткомъ. . . . Съ моего самолюбія спруишса грязная, вонюгая вода! Щаспие мое засорено бараньими костями, куриньими перьями,*

(1) Это что-то въ родѣ юной Французской словесноспи.—К.

(2) Это явное подражаніе *Бальзаку*.—К.

(3) Это списано съ одной изъ трагедій *Александра Дюма*. — К.

кусками мяса, луку, моркови, капусты! Прочитайте нѣсколько главъ неподражаемаго романа: *Церковь Парижской Богоматери*, ежели хотите получить шу *высокую тошноту*, какую ощушилъ я, углубляясь взоромъ и мыслию въ подробности романшческаго моего приключенія.

23.

Я бѣгу пшуда, пробираюсь внупръ пшлпы и опкрываю, что два Турка, подѣ предсѣдательствомъ трепьяго, по видимому чиновника, свкушь моего *Луку* палками по пятамъ. Любопытство, видѣшь незнакомое мнѣ двьспвіе, и соспрананіе, и гнѣвъ, волнуюшь мое сердце. Я мечушь, кричу, ругаю, хочу защицашь своего служителя; но онъ проспагиваетъ ко мнѣ руку, и съ ужаснымъ *пытоньнымъ кривляніемъ лица и губъ*, покорнѣйше просипъ меня *не прерывать операцш.*

24.

Собаки смежной улицы поссорились за выброшенную въ окно кость съ соплеменниками своими, живущими на мостовой *перулка*. Какъ жалко, что пшупъ не было со мною г. *Бальзака*. Вотъ глава для философскаго романа!... (Что далѣе: по дѣльнѣе, сильнѣе. Весьма сожалѣемъ, что не имѣемъ ни мѣспа, ни досуга, выписанъ всей эпош поучительной 51-ой спраницы.)

25.

Объ враждующія спспорны (спая собакъ), оставивъ кость, накнулись на меня съ несслыханнымъ ожеспоченіемъ. Разъяренныя животныя рвали на мнѣ плашье, кусали мои ноги, *торложили меня, какъ старую подошву*. Я кричалъ, визжалъ, прыгалъ вверхъ на аршинъ и приходилъ въ изспупленіе. Что значипъ бышь безъ рукъ и безъ языка!... *Что за мудреная уловка, удавить свою жену для сильнѣйшаго выраженія угрызения совѣсти, или при всякомъ новомъ желаніи видѣшь кусокъ ослиной кожи уменьшающимся въ его объѣмъ и чахотку, успливающуюся въ своей груди!*... *Чтобъ освѣжить душу и сердце истинно раздирающими гувствами, надо пылашь любовью, мечпашъ о щаспш и бышь*

терзаемымъ сотнею собакъ.... Добрые люди разогнали собакъ, и я, поддерживая руками вислиця полосы своихъ брюкъ, прилижая къ себѣ лоскутья изорванныхъ рукавовъ, споная, хромою, искусанный, усталый, снова воропился на свою кварпиру.

26.

Слезы ея пресѣклись, какъ скоро я усѣлся подлѣ нея въ пандурѣ, прикрылся одѣломъ, взявъ ея ручку и спаялъ мой взоръ съ ея взоромъ. Наши души, чувства, мысли, вдругъ соединились съ такою же жадностью, съ такимъ же кипѣніемъ, броженіемъ и шипѣніемъ, какъ стрѣная кислота съ известью.... (Мы не хотимъ повторять пявъ спрочекъ, за симъ слѣдующихъ; но онѣ напечатаны на спраницѣ 56-ой.)

27.

Не спанемъ, другъ мой, сожалѣшь о жизни: она, бывъ можешъ, приготавлила намъ *гашу укусу и желги*. Подумай, какое щастіе, какое неземное ощущение: *мы еще живы, и уже разлагаемъ внутри нашихъ тѣлъ!... Мы шущъ говорили съ побою о нашихъ чувствахъ, обожаемъ, клянемся вѣчно обожать друга друга, и уже мертвы, уже гнѣемъ, и наши внутренности, наши сердца превращаются въ смрадную, гробовую матерію!....* Поцѣлуй меня еще разъ!... еще разъ... и еще!.... Теперь одно лишъ оспаеися желашъ, *чтобы немногія предоспавленные намъ минушы жизни могли мы посвящать ласкамъ нашей сврасни, а съ послѣднимъ поцѣлуемъ расплѣтѣся въ гной* (1), копорый люди подберушь оспорожно и выкинушь съ ошвращеніемъ.

28.

Докторъ на меня разсердился — и съ благороднымъ гнѣвомъ прописалъ *слабительное*.

29.

Иногда мнѣ казалось, будто я спраница спариннаго текспа — и сию на высокой

выноскѣ, *нашпигованной цитатами и объясненіями*.

30.

Я объяснялъ Бурятамъ, что они *скоты*.

31.

И когда докторъ клялся, что *натѣръ себѣ на съдлѣ оконечность позвоножной кости*, и эпо онъ причислялъ къ разряду пустыхъ теорій, ни къ чему не ведущихъ въ практикѣ и по службѣ, и хотѣлъ *напередъ удостовѣриться въ истинѣ его показанія своею пробирною иглою*.

32.

Я скорее убѣдился бы другими обстоятельствами, *гнѣмъ надеждою быть произведеннымъ въ предпотопные скоты*.

33.

Разъ, два, три, четыре.... *Четыре ляжки разныхъ предпотопныхъ собакъ, canis antediluvianus, все новыхъ, неизвѣстныхъ породъ!....* Вотъ, баронъ, избирайте любую: *которую породу хотите вы удостовѣрить вашего имени?....* Эту, на примѣръ, *собаку нарежемъ вашею фамиліею; эту — моего; этой можно будетъ дать имя вашей погтеннѣйшей сестр....*

34.

О мое опечество! Гдѣ пы пеперь?... Гдѣ мой прекрасный домъ, моя семья, любезная мать, брапья, сестры, поварищи и все дорогіе сердцу?.... Вы погибли въ общемъ разрушеніи природы, погребены въ пучинахъ новаго океана, или плаваете по его поверхности, вмѣстѣ съ льдинами, копорыя *трутъ ваши тѣла и разламываютъ ваши кости*.

35.

Мы приближаемся къ важному, общеспвенному перелому: *надѣюсь, что владычество юбокъ скоро кончится въ нашей святой Барабинѣ*.

36.

Нѣтъ сомнѣнія, что размовка съ любезнѣйшею еспъ удобнѣйшее время для аспро-

(1) Весь эпозъ спрасниный монологъ заимствованъ изъ *Библіофила Жакоба, если не ошибаемся. — К.*

номическихъ наблюдений, и самая аспрономія была, какъ извѣстно, изобрѣдена въ IV вѣкѣ опъ сотворенія свѣта однимъ великимъ мудрецомъ, *подравшимся ввечеру съ женою и прогнаннымъ ею изъ спальни.*

37.

Аспрономъ былъ въ одной рубахѣ, безъ колпака и безъ чулокъ, и споялъ прикованный правымъ глазомъ къ аспрелябѣи, *завязавъ лѣвый свой глазъ скинутымъ съ себя отъ жара исподнимъ платьемъ.*

38.

Куда вамъ и думать опѣлахъ небесныхъ, *завязши по шею въ такомъ бѣломъ земномъ тельцѣ.*

39.

Знаете ли, что было время, когда кометы валились на землю, *какъ гнилые яблоки съ яблони? ...*

40.

Все это обрушившійся кометы, пѣла, *прилипши къ землѣ, помятыя и переломленныя въ своемъ паденіи.*

41.

(Покорнѣйше просимъ любознательныхъ читателей пробѣжать пол-послѣдней справки на стр. 158-й и чепыре первыхъ на 159-ой.)

42.

Я взялъ его за руку и безо всякихъ чиновъ, *вытолкавъ коленною въ залу, гдѣ, къ моему удивленію, никто не думалъ о снѣ.*

43.

Одни утверждали, что новобрачная ушла отъ меня съ крикомъ и плачемъ къ своей маменькѣ; другіе важно объяснили это поступокъ разными нелѣпыми на мой шѣпъ догадками; иные, наконецъ, увѣряли положительно, что *Сална* вышла за меня по принужденію, что она перпѣшь меня не можетъ, и что даже *я засталъ ее въ спальнѣ съ однимъ молодымъ и прекраснымъ мужчиною, ея любовникомъ, который тотчасъ спрятался подъ кроватью.*

44.

Мои любезные друзья, *столкнувъ чистъ юной моей супруги и мою собственную въ пропасть своего злословія, поспѣшили завалить ее осколками своего остроумія, и еще стряхнули съ себя на нихъ грязь своихъ пороковъ.*

45.

(См. страницы 162-ю и 163-ю фанпастическихъ путешествій барона *Бралибеуса*.)

46.

Я схватилъ *Салну* на руки, успѣлъ вырваться изъ лежащей въ безпорядкѣ полпы— и мы впроемъ первые выскочили на дворъ. Вся оспальная *куга* была въ поже мгновеніе *сплоснута, разложжжена, смолота* внезапно слѣпѣвшимъ на нее великолѣпнымъ сводомъ сѣней, и *кровь, выжатая изъ нея, брызнула на всѣ стороны* сквозь камни, какъ вода изъ брошеннаго въ нее бревна.

47.

Животныя, эпи благородныя созданія, первыя послѣ челоуѣка, *даже превыше многихъ людей, одаренныя рѣдкимъ умомъ и превосходною чувствительностью, принимали участіе въ общеспвенной печали.*

48.

И волны мести, хлынувшія изъ сердца, залили мнѣ голосъ въ горль.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

БУДНИЧНЫЙ И ПРАЗДНИЧНЫЙ ВИДЪ ЗЕМЛИ.

Одинъ учитель имѣлъ обыкновеніе носить при себѣ въ будни круглую, а въ праздники овальную серебряную пабакерку. Однажды говорилъ онъ ученикамъ своимъ о шарообразномъ видѣ земли, и чтобы это яснѣе имъ располоковать, онъ вынулъ изъ кармана круглую пабакерку и сказалъ: «Вопъ, смотрите, дѣпушки! земля имѣетъ пакаую же фигуру, какъ моя пабакерка.»— Черезъ нѣсколько времени вызываетъ онъ ученика къ доскѣ, и спрашиваетъ: «Ну, знаешь-ли ты, какой видъ имѣетъ земля?»— Смѣпливый ученикъ опѣваетъ съ гордою

M O D E S.

Nous rappellerons les bonnets du matin de Mme Rome, bonnets coquets et négligés, mousseline et tulle brodé, ornés de dentelles et de rubans de taffetas.

Les mouchoirs de poche doivent avoir une petite bordure imprimée ou une broderie blanche avec beaucoup de jours faits dans la batiste. Les vignettes se portent, mais elles sont moins distinguées qu'elles ne l'étaient il y a quelques mois. Jusque dans la broderie on retrouve le goût du dix-huitième siècle; les dessins *vieux Sèvres*, remplacent les fleurs artistement jetées et groupées; il y a confusion et profusion dans les dessins d'un col ou d'une pèlerine; des doubles bordures, de hauts bouquets, un semé; tout ce que l'imagination peut rassembler est également bien; pourvu que les broderies soient délicates et légères.

Rien n'est plus charmant que les chaînes de cou que nous avons remarquées au magasin de *Janisset*, passage des Panoramas. Ce sont des tresses en fil d'or très-fin, plates comme un lacet, entourant le cou, non pas tout-à-fait justes, et fermées par un cadenas d'où tombe un rang qui s'attache au milieu du corsage, et continue jusqu'à la ceinture, où il retient une cassolette. Une de celles que nous avons trouvées les plus élégantes était montée avec des onyx gravées. Les chaînes d'homme sont de ravissant bijoux d'un travail inexplicable. Une tresse délicate, ronde, un fil délié ou de petites baguettes en or lisse, à trois ou quatre facettes, liées l'une à l'autre par un petit anneau. Nous avons vu une charmante parure en perles enchâssées dans de l'or mat ciselé. Les bracelets que *Janisset* fait avec grand succès sont ceux en tresses rondes, trois rangs réunis dans un petit sabot carré, enrichi comme le cadenas par des pierres fines.

La turquoise est une pierre à la mode: parmi une quantité de plaques, de broches, dont le détail serait trop long, nous avons distingué un bracelet en plaques rapprochées, ayant au milieu une large turquoise avec une tête d'ange gravée.

Pl. No 25. Chapeau de paille d'Italie orné d'un oiseau.—Robe de pekin chiné.—Pèlerine de mousseline garnie de tulle.—Toilette d'enfant robe de jacobinas.—Capote de gros de naples.

M O Д Ы.

Мы напомнимъ объ упренныхъ чепчикахъ г-жи Rome; щеголеватые и простые чепчики, изъ вышитой кисеи и тюля, отдѣланные кружевами и шафляными лентами.

Носовые плашки съ узенькой печашной коёмкой или съ бѣлымъ шипьемъ и чшобъ было много рѣшешокъ въ баннистѣ. Виньшпы еще въ употребленіи, но не такъ уже опличны, какъ были назадь ішому нѣскольکو мѣсяцовъ. Даже и въ шипь видѣнъ вкусъ осьмнадцатаго сполѣтія; спаринные Севрскіе узору, замѣняюшь цвѣпы, искусно разбросанные; въ узорахъ для пелериннокъ или воропшиковъ смѣшеніе и избышокъ; двойныя гирланды, высокіе букеты, мелкіе узору по всему; все, что воображеніе можетъ собрать, равно хорошо, полькѣ бы вышиванье было легко и нѣжно.

Ничего нѣтъ прелестнѣе цѣпей на шеѣ, которыя мы замѣнили въ магазинѣ *Janisset*. Это косы изъ весьма тонкаго золота, плоскія какъ шнурокъ, окружающія шею, не совсѣмъ вилочь, и запирающіяся замкомъ, откуда виситъ рядъ цѣпи въ срединѣ лица, спускаясь до пояса, гдѣ онъ прдерживаетъ cassolette. Одна изъ шѣхъ, которыя самыми щеголеватыми были, сдѣлана съ вырѣзанными *опух*. Мужскія цѣпочки прелестныя вещи, неизъяснимой работы. Легкая коса, круглая, отдѣльныя нипи или маленькія палочки изъ гладкаго золота, шрехъ-гранныя или чешверо-гранныя, связанныя одни съ другими маленькими колечками. Мы видѣли прелестный уборъ изъ жемчугу, отдѣланнаго въ маповое золото съ насѣчкой. Браслеты, дѣлаемые *Janisset* съ большимъ успехомъ, изъ круглыхъ косъ; при ряда соединены въ маленькой чешвероугольной *sabot*, отдѣланный, какъ замокъ, драгоценными каменьями.

Бирюза модный камень: между множествомъ бляхъ, булавокъ, которыя описывають подробно было бы слишкомъ долго, мы опличили браслету изъ сближенныхъ бляхъ, въ срединѣ большая бирюза, на кошорой вырѣзана голова ангела.

Карп. No 25. Шляпка изъ Италіанской соломы.—Кисейная пелеринка, обшитая тюлемъ.—Дѣтское платье изъ жакона.—Капоть изъ гроде-напля.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 68.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 25 ДНЯ 1854 ГОДА.

Я знаю: дамъ хотѣшь заставишь
Читай по Русски, Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представишь
Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ!

А. Пушкиль.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КРАСОТЫ БАРОНА БРАМБЕУСА.

Продолженіе первой главы,

содержащей красоты слога барона Брамбеуса, похерпнутыя изъ его фантастическихъ путешествій.

Въ первой отрывкѣ, напечатанномъ въ № 67-мъ *Лит. Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, мы представили нашимъ читателямъ 48 выписокъ и указаній: пусть онѣ говорятъ сами за себя и свидѣлствуютъ объ изяществѣ слога барона *Брамбеуса*. Эта система юной Французской словесности, а баронъ *Брамбеусъ* непримиримый врагъ ея.

Послѣ сего, кто повѣритъ издателю *Телескопа*, въ прехъ книжкахъ (№ 19, 20, 21, 1834-го года) усиливающемуся доказать, что баронъ *Брамбеусъ* прикидывается (1), надуваетъ насъ (2), и называя Парижъ

Un précipice ouvert à la corruption,
Où la fange descend de toute nation;
Et qui de tems en tems, plein d'une vase immonde,
Soulevant ses bouillons déborde sur le monde;

самъ, по своей собственной челоуѣкамъ слабости, увлекается блистательными примѣрами *Бальзака, Виктора Гюго* и другихъ Французскихъ писателей.

Издатель *Телескопа* имѣетъ свои *резоны* такъ думаетъ, а мы имѣемъ свои, чинобы мыслить совсѣмъ противное, и объявляемъ торжественно, что пишучи статью, подъ заглавіемъ: *Красоты барона Брамбеуса*, мы имѣли въ виду показать нашимъ соотечественникамъ оригинальность баронова слога, геніальность его мышления и смѣлость, съ какою онъ пробиваетъ себѣ особенную, новую стезю къ славѣ. Мы не только не спавимъ ему въ вину того, что онъ случайно спалкивается съ писателями юной

(1) См. *Телескопъ*, 1834-го года, книжка XIX, стр. 146.

(2) Тамъ же, стр. 147.

школы, но напропивъ, вмѣняемъ сіе ему въ достоинство. Кто изъ величайшихъ писателей не встрѣчался въ мысляхъ съ другими безмерными писателями? Вспомните слова премудраго царя Соломона:

Ничто не ново подъ луною,
Что было, естъ, что будетъ вѣкъ!

и позвольте намъ, милоспивые чипатели, продолжить выписки мѣспъ, почему-либо показавшимися намъ опмѣнными въ сочиненіяхъ знаменитаго писателя, нами разбираемаго.

49.

(Пусть чипатели заглянутъ на страницы 162, 163, 164, 165-ую фанпаспическихъ путешеспвій барона *Бралбеуса*.)

50.

Человѣчество и животное царство изрыгнули одинъ, внезапный, *хрипливый стонъ*, и, вмѣспъ съ эпимъ спомомъ, были *разлюжены* слепѣвшими съ неба горами, копорыя, *обрызганными ихъ кровію основаніемъ*, *мигомъ сплоснули*, *раздавили* и погребли навсегда бытъ, надежды, гордость, славу и злобу безчисленныхъ миллионъ существъ.

51.

У многихъ голова начала кружиться: они падали на землю, и въ ужасныхъ *коргахъ*, *сопровождаемыхъ поносомъ и рвотою*, *испускали духъ*, не дождавшись конца *представленія*.

52.

Въ печеніе нѣсколькихъ часовъ; большая половина спасагося въ горахъ народа сѣлалась ея жершвою, покрывъ долины и ущесы *безобразными, отвратительными трупами*.

53.

Мы спрадали *головною болью*, *тошнотою*, *ощупненіемъ членовъ* и въ то же время *расположены были къ рѣзости*.

54.

Мы потчасъ пустились обнаруживать нашу новую, и для насъ самихъ непоняшную склонность къ *шалостямъ*, *бросая съ не-*

истовыми хохотомъ трупы усопшихъ нашихъ товарищей съ обитаемаго нами утѣса въ пропасть, лежащую у его подножія.

Разыгравшись, мы хопѣли было *швырнуть* пуда же и нашимъ астрономомъ *Шилшикомъ*, и простили его потому только, что онъ *обшчалъ кувырнуться три раза передъ нами, для нашей пошѣхи.*

55.

Мы скоро удосповѣрилисъ, что нашъ прежній, сладкій, мягкій, благодѣтельный, цѣлебный воздухъ уже не сущеспвуесть; что приливъ новыхъ лепучихъ жидкостей совѣспъ его испортилъ, *превратилъ въ составъ безвкусный, волюгий, пьяный, пѣдкій, разрушительный*. Мы чувспвовали, какъ онъ *жжѣтъ, грызѣтъ, съдаеъ наши внутрениости.*

56.

(Просимъ пробѣжать страницы 216 и 217-ую *франт. путешеспвій*.)

57.

Наконецъ, *начали мы пожиратъ другъ друга*. (1).

58.

Мы жили какъ *звери*, вмѣспъ *терзая* *зубами* общій кусокъ добычи, и, безъ предварительнаго знакомства, щипая коропкими знакомцами всѣхъ принадлежащихъ нашему спаду, а не принадлежащихъ къ нему *врагами*, *которыхъ слѣдовало кусать, душить и обрацать себя въ пищу*.

59.

(Отсылаемъ нашихъ благосклонныхъ чипателей на стр. 219-ую *франт. путешеспвій* барона *Бралбеуса*.)

60.

Сална! . . . Сална! . . . Жена моя! . . . заревѣлъ я въ изспупленіи, среди изумленныхъ незнакомцевъ, и, подобно голодному пшгру,

(1) Тамъ же, стр. 118.

прыгнуль издали на занимапельную чепу, съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ. *Схвативъ за волосы нѣжнаго обнимателя, я отвалилъ голову его назадъ, и вонзилъ въ горло убійственное желъзо по самую рукоятъ. Кровь брызнула изъ него кмогомъ на коварную.*

61.

И пакъ, я убилъ его понапрасну? ... Очень сожалѣю! ... *Не обнимай гужой жены.*

62.

Люди спали копахся въ желпомъ, блестящемъ пескѣ, какъ дѣти въ грядѣ, или какъ *гены въ людскихъ могилахъ*; испоргали его одинъ у другаго, *орошали своєю кровію, скользили въ крови, падали на землю и, прѣвспаваая, израненные и полураздавленные, еще съ воспоргомъ приподнимали вверхъ пригоршни.*

63.

Въ дарованномъ намъ шемномъ и пуспынномъ уголкѣ жизни, мы съ радостію увидѣли свѣплую частицу будущности, рѣбющую блѣднымъ огнемъ *древесной гнили.*

64.

Съ какимъ удовольспвіемъ, послѣ кустарныхъ лиспьевъ, ѣли мы *влякое и воюгее тѣло гены.* Мы кормились имъ восемь дней, и находили, что съ любовью въ сердцѣ *сладка и сцрая генина.*

65.

(См. страницы 230 и 231-ую *фантастическихъ путешествій*)

66.

Освободясь опъ незваного госпя, мы подошли къ *трупу*, копорый опъ у насъ оспавилъ въ память своего посѣщенія. Предспавьте себѣ наше изумленіе: *мы узнали въ этомъ трупѣ погтеннѣйшаго Шцимишка!* Опъ, видно, погибъ очень недавно: ибо *тѣло его было еще совершенно свѣжо.* Сказавъ нѣсколькo соспрадапельныхъ словъ объ его кончинѣ, мы рѣшились, — голодъ рвалъ наши внутренности! — *мы рѣшились его съпсть.* Я *взялъ астронома за ногу, и стащилъ его въ пещеру.*

67.

Едва приступилъ я къ осмотру *худой его туши, чтобъ избрать гать годную на пищу,* какъ вдругъ схватилъ *крошегнаго астронома за ноги и швырнулъ имъ въ море. Пропади ты, злоцастный педантъ! Луже умереть съ голоду, гль портить желудокъ школьнигиною (1), просякю гернильными спорами.*

68.

Бѣдная *Сална!* Я спалъ мои уста съ ея устами искреннимъ, сердечнымъ поцѣлуемъ. Когда я ихъ оппоргнулъ, она была уже холодна, какъ мраморъ. . . . Она уже не существовала! Я осыпалъ тѣло ея спраспными поцѣлуями. . . . Вдругъ почувспвовалъ я въ себѣ *жугій припадокъ голода, и, въ остервененіи, запустилъ алчные зубы въ бѣлое, млекое тѣло, которое осыпалъ поцѣлуями. . . .* Но я опомнился — и съ ужасомъ опсочилъ къ спѣнѣ.

69.

Я съпль кокетку (2)!

70.

Докторъ держалъ въ рукахъ *два окаменѣлыя ребра и звонилъ въ нихъ въ знакъ радости.*

71.

Вотъ и кости предпомпной чепы. . . . Эпа *кость женнина: въ помъ нѣпъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Посмотрите, какъ она звонка, когда ударить въ неѣ мужниною костью (3),*

72.

Ѣду въ коляскѣ по лавѣ, мчусь по плодородной *погѣ, переложенной излциными скелетали прекраснѣйшихъ женщинъ въ мѣрѣ.*

(1) Слово, изжаренное барономъ *Бралбеусомъ* на манеръ *веткины, буженины, оленинины, баранины.* — К.

(2) Какъ пелячью кошпешку. — К.

(3) За сію фразу и *Викторъ Гуго* и *Александръ Дюма* должны уступитъ пальиу первенспва нашему барону. — К.

73.

Графъ Б** погонялъ пинками лошака *Джюльетты*, чшобъ заславившъ его слѣдовать непосредственно за Антоніемъ, а меня спарался *задомъ* своего мула отбросить *въ тылъ* избранной имъ оборонительной *позиціи у хвоста скотины* своей подруги; но упрямыя живописныя безпрестанно ломали его спрагегическую линію и, не знаю какимъ образомъ, мой мулъ поминушно *обтирался о мула нашей спутницы*.

74.

Я слѣдую за синьорою *Джюльеттою*, *въжлнво поддерживая рукою* понкя ея ножки, скользившія по рыхлой золѣ и, при всякомъ оспупленіи, *обнаруживавшія круглую, изыщную, пльнительную икру*.

75.

(Упомясь сами и упомя чипапелей, мы спараемъ избѣгать длинныхъ выписокъ и опсылаемъ любопытныхъ на страницу 288-ю.)

76.

Я всплеснулъ руками — *и закригалъ горизонтально*.

77.

Я опять уцѣпился плашемъ за скалу. Повисѣвъ на ней нѣсколько секундъ, *я упалъ задомъ на теплую золу*, лежавшую путь же подъ нею.

78.

Продолжая поѣздку мою *задомъ* въ нѣдрахъ огнедыщущей горы, я нашель довольно времени для размышленія о своей плачевной судьбѣ.

79.

Я спремглавъ полешѣлъ въ новое подземелье, гдѣ, падал опять на какую-то дощаспую наспилку, вышибъ часть ея грудью, и неожиданно очутился по ту спорону преграды, въ ярко освѣщенной атмосферѣ. Но въ то же мгновение, свѣтъ исчезъ предъ моими глазами, надъ головою раздался пронзительный крикъ какъ бы испуганной жен-

щины, и мое лицо, грудь и плеча были накрѣпко приколотены къ шой же наспилкѣ навалишеюся на меня тлжестью страннаго рода, которая зажала мнѣ ротъ и пресѣкла дыханіе. Кто-то, казалось, сидитъ на моемъ лицѣ, и еще кто-то.....

80, 81 и 82.

Я, давно вамъ извѣстный баронъ *Брамбеусъ*, скользл *задомъ* по охладѣлымъ огнепроводамъ, упалъ въ погребъ того свѣта (это пошъ же свѣтъ, полько вверхъ ногами, или свѣтъ дномъ-къ-свѣшу, или, нашъ свѣтъ на-изнанку), находившійся подъ домомъ загородной дачи, а въ погребу моимъ паденіемъ выломалъ квадрашъ паркета, служившаго пополкомъ ему и поломъ зала. Дача принадлежала одной значительной и *дородной тлломъ* дамѣ, вѣсившей шессть пудъ и пятнадцать фунтовъ: королкко сказаъ, *одной барынь ногами вверхъ*, подземной губернапоршѣ. Она погда, съ помѣщиками своей области, *танцовала кадрилъ на погребеніи мужа*; и такъ, *слугилось, что въ то самое время, какъ въ честь покойнику, дѣлала она высокія антреша*, я нечаянно *высунулся* сквозь паркетъ изъ погреба въ залу, *и попалъ промежъ самаго антреша....* Все это весьма понятно тѣмъ, которые учились умозрительной физикѣ.

83, 84, 85 и 86.

Но я заполковался о теоріи внутренняго устройства земли, и совершенно забылъ о моемъ положеніи. Вспомните полько, *что толстл хозляка давно ужѣ сидитъ на мнѣ. Съ отгалил, моя неумолима притѣснительница завизжала: Ахъ!... змѣй!... кусается!....* и, вскочивъ на ноги, упала въ споявшія по близоспи кресла.

87.

Опа, съ жирною улыбкою, взаимно выпрямила подспую свою руку.

88 и 89.

Нѣмецкій языкъ, которымъ *Германцы* говорятъ на лицевой споронѣ земнаго шара, потому полько неудобопоняентъ, что онѣ говорятъ имъ *лицевою* стороною; а *выверни*

его на-изнанку, по ешь, послушай его на оборотъ, онъ выходитъ попь же *Русскій языкъ*, ясный, пріятный, *согный*, только безъ грамматикки, попому, что онъ уже *процъ-женъ* сквозь *Нѣмецкіе* зубы, въ которыхъ *вкнутъ* всѣ наши окончанія, пакъ, что они *принуждены* добывать ихъ оттуда *зубогисткою*.

90.

Спарыя, забытыя, *енилыя* понятія, оставшія еще опъ учебныхъ книгъ и лежавшія кучею безъ употребленія, *зашевелились* вмѣстѣ съ прочими, и *наполнили* жилище *умственныхъ* силъ *густою*, горькою пылью, которая *заструилась* сквозь глаза, ноздри и уши, въ видъ сѣраго, грязнаго табачнаго дыма *Германской* утености, и произвела въ горль *удашли-вый* кашель.

91.

Подземныя дамы совѣповали мнѣ не дѣлать церемоній, *поселиться* у нихъ *вверхъ* *ногали*, *избратъ* себѣ жену *на-выворотъ*, успроишь свое хозяйство *вверхъ* *дномъ*....

92.

Я обошелъ своего пріятелиа-философа, и *хлопнулъ* *коленною* въ задъ такъ удачно, что онъ чуть не исчерпилъ паркепа концомъ своего носа.

93.

Меня взяли *задомъ* въ рекрупы.

94.

Въ шу самую минушу, какъ перекувырнувшись въ послѣдній разъ, *валился* я уже на землю, что-то печально *подсунулось* подъ меня, и я *упалъ* въ него *задомъ*, какъ въ коробъ.

95.

Все это совершилось такъ мгновенно, что ни я не успѣлъ сообразить, что убилъ *проѣзжаго*, ни онъ догадаться, что *размозженъ* *головыгескимъ* *задомъ*.

96.

Я подождалъ еще нѣсколько минушь, пока она совершенно *успокоится*, и тогда,

желая *вспунить* въ разговоръ съ нею на правилахъ *подземной* *учпивости*, *уципнулъ* еѣ, по *Эмпедоклу*, *за ляжку*.

97.

Суцая бѣда съ *эпими* *далими* *дномъ* къ *свѣту*.

98.

Моя *жена* *раскохоталась*. Она подняла *вуаль* и *быстро* *повернулась* ко мнѣ, какъ *на* *винтъ*.

Конецъ первой главы.

(Глава вторая, шрешья и четвертая обѣщаны.)

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

К О Л Ь Ц О.

(*Черная* *сказка*.)

Жизнь пакъ сладостна въ семнадцать лѣтъ, когда *плѣняють* насъ мечны поэзіи, когда неразлучно *солупснвуетъ* намъ любовь, когда все благородное и прекрасное *находипъ* *опзываетъ* въ душѣ нашей, когда мы *вѣримъ* еще *словамъ* *муштинъ* и *лицамъ* *женщинъ*!... Въ этомъ *щасливомъ* *возраснѣ* *довѣрчиво* *спремимся* мы на *поприще* *свѣта*; бытіе *положительное*, *холодное* и *сучное* *исчезаетъ* *предъ* *жизнію* *опвлеченною*, *одушевленною*, *устьянною* *цвѣтами*, *богатою* *мечтами* *славы* и *любви*, *Движимые* *одними* *лишь* *высокими* и *чиспыми* *помыслами*, мы не понимаемъ *погда* *пѣхъ* *порочныхъ* и *унизипельныхъ* *спраспей*, которыя пакъ *самобластно* *господснвуютъ* надъ *людьми*....

Эдуардъ былъ прекрасный семнадцатилѣтній *юноша*, съ *возвышеннымъ* *челомъ*, *пламеннымъ* *взоромъ* и *блѣднымъ* *лицомъ*, *осѣненнымъ* *густыми* *черными* *кудрами*. *Природа* *одарила* его *всѣми* *возможными* *преимуществами*, но онъ былъ *бѣденъ*, и *одинъ* *этомъ* *недостатокъ* *помрачалъ* всѣ *прочія* его *блнспательныя* *свойства*; какъ *неизлечимая* *зараза*, онъ *пожралъ* его *среди* *нашего* *безчувственнаго*, *изможденнаго* *общее*

ства, скрывающаго язвы свои подъ жалкими и цѣлѣбными законами приличія и моды.

Онъ полюбилъ одну женщину: не изъ числа пѣхъ женщинъ, опытныхъ въ связяхъ сердечныхъ и играющихъ судьбою челоуѣка, не кокепку, разрумяненную лицомъ и сердцемъ, но молодую дѣвушку, съ ангельскими, голубыми глазами, милую и просердечную, кроткую и невинную, робкую и непорочную, которая смѣла глядѣть на него только тогда, когда онъ не смотрѣлъ на неѣ.

И какъ много поэзій, какъ много души было въ любви сего чистаго существа! За то онъ обожалъ еѣ съ восторгомъ! Сколько таинственныхъ, упоительныхъ словъ, высказанныхъ тихонько, переданныхъ одной душѣ другою; сколько нѣжныхъ писемъ, размысленныхъ на балѣ, пайкомъ опъ спрочныхъ взоровъ маперы и всѣхъ обожателей, толпами еѣ слѣдившихъ!... Онъ вездѣ угадывалъ ея присутствіе, на праздникахъ, зрѣлищахъ, гуляньяхъ, и когда ей случалось проѣзжать въ своемъ пышномъ экипажѣ, она бросала ему улыбку, бѣглую какъ взглядъ, утѣшительную какъ надежда, а онъ вперялъ въ неѣ взоръ, въ которомъ она могла читать всю радость, какою она его дарила на землѣ. Но когда она скрывалась у него изъ виду, сердце его стѣснялось, и онъ съ гореснїю говорилъ: «Я бѣденъ! Если бы я былъ богатъ, я спалъ-бы, также какъ эти баловни щастія, которые мчатся за нею на борзыхъ коняхъ своихъ, скакать подлѣ ея кареты: я уморилъ-бы ихъ съ досады. Я знаю, что она не можетъ любить этихъ гордыхъ повѣсь, этихъ глупцовъ, облитыхъ золотомъ. Нѣтъ, она презираетъ ихъ; но опецъ ея!... Между ними выберетъ онъ ей мужа, молодого или дряхлаго, безобразнаго или красавца, благороднаго или презрѣннаго; что нужды? они богаты!...» И онъ удалялся съ бѣшенствомъ въ сердце, съ презрѣніемъ и ненавистью къ богатству, съ ругательствомъ на жизнь, съ проклятіями противъ своего опца, который произвелъ его бѣднымъ на свѣтѣ. Дико бродилъ онъ по берегамъ Сены, оспанавливаясь

по временамъ въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода спояла пихо, какъ могила; мысли о смерти вертѣлись въ головѣ его, но подобная смерть... Самоубійство приводило его въ препенъ!

Въ одинъ день онъ получилъ опъ *Марію* письмо; она клялась принадлежать ему, и соглашалась быть его женою, если онъ достигнетъ званія, уважаемаго въ свѣтѣ; въ залогъ своего обѣщанія, прилагала она кольцо, въ которомъ были вырѣзаны имена ихъ и сплечены ихъ волосы. О! въ эту минуту онъ почелъ себя невыразимо щастливымъ; онъ зналъ, что слава ко всему открываетъ дорогу, а онъ чувствовалъ себя способнымъ къ славу.

Онъ видѣлъ въ Парижѣ званіе, уважаемое знатными, любимое народомъ; къ этому званію успремилась всѣ его мысли; онъ спалъ прудиться день и ночь, и черезъ годъ, *Монитѣръ* провозгласилъ его имя въ числѣ воспитанниковъ, принятыхъ въ Политехническую школу.

Спустя два года, онъ опличился при взятїи Алжира; пуля пробилла ему руку, и король украсилъ крестомъ, опличіемъ храбрыхъ, грудь молодаго подпоручика.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, едва оправившись опъ раны, онъ поспѣшилъ на балъ къ N. N., надѣясь найти тамъ *Марію*, *Марію*, которая скоро должна была сдѣлаться его женою. Оспановясь у дверей залы, онъ разговаривалъ съ друзьями, когда доложилъ о прїѣздѣ графини С*. Имя это было воспрѣчено въ обществѣ лестнымъ ропопомъ; онъ оглянулся.... Громъ небесный! это была она!... Она его не замѣпила... Онъ спалъ спрашивать, и каждый опвѣпъ глубже и глубже вонзался ножемъ въ его сердце. Онъ былъ подавленъ опчаяніемъ, голова его горѣла, грудь пылала, онъ принужденъ былъ выпши.... Воротясь домой, онъ схватилъ пистолетъ и приспавилъ его ко лбу, но потомъ оспановился. — Для чего мнѣ убивать себя? для женщины, которая мнѣ измѣнила, которая будетъ щастлива, когда меня не спанетъ, для женщи-

ны, которая не взглянула на меня, когда я шелъ на смерть? о! нѣтъ, нѣтъ!... Мщеніе! двѣ пули.... ей и себѣ.... Онъ выбѣжалъ какъ безумный изъ дома.... остано-вился при поворотѣ въ другую улицу; пресупленіе ужаснуло его.... онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ страшномъ оцѣпененіи. Наконецъ онъ бросилъ оружіе... снялъ съ пальца кольцо, поцѣловалъ его съ испу-пленіемъ, поцѣловалъ еще.... двѣ кровавыя слезы скаплились по искаженному лицу его.... Онъ захохоталъ безумнымъ, неистовымъ смѣхомъ.... поднесъ кольцо къ устамъ и проглотилъ его.... ужасныя судороги искривили его шею, онъ прохрипѣлъ имя *Маріи* и голова его ударилась о мостовую....

Его опнесли въ la Morgue (*), въ это послѣднее убѣжище порока и преступленія. Тамъ лежалъ онъ, холодный, посинѣлый, страшный, съ искривленнымъ ртомъ, со всѣми признаками насильственной смерти, съ слившимися ошъ крови волосами.... Ужасно! Онъ могъ-бы сдѣлаться необыкновеннымъ человѣкомъ, и женщина его туда повергла!... Онъ могъ-бы за себя опмспить, и не хотѣлъ этого....

Съ Франц. *Ип. Глбовъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ ПЕРСИДСКАГО ВѢСТНИКА.

(Подражаніе *Персидскому*).

Скажи, *Шахзада* (**), что ты дремлешь?

Иль гласа общаго не внемлешь:

Паскевичъ въ *Персію* идетъ!

Теперь не прежнее ужъ время:

(*) Мѣсто въ Парижѣ, гдѣ выславляются тѣла самоубійцы и другіе неизвѣстные трупы, найденные въ городѣ и его окрестностяхъ. — *Пр. Пер.*

(**) *Шахзада*—шипулъ, присвоенный Персіянами наследнику престола *Аббасу-Мирзѣ*; также шипулюють они и всѣхъ принцевъ крови.

Безпечность въ гибель увлечетъ!

Возстанъ! спряхни дремоты бремл,
И докажи на дѣлѣ намъ,

Что ты герой—не по словамъ!

Гассанъ, защитникъ Эривани,—

Сей жѣлтый левъ (*),—поникъ челомъ
Передъ воинспвеннымъ врагомъ,

И опустилъ ошъ страха длани.

Ужъ Эриванъ обращена

Въ развалины съ ея стѣнами,

И за Араксомъ знамена

Россіянъ вѣютъ передъ нами!

Паскевичъ грозенъ и могучъ!

Идешь впередъ,—пошокъ по грозный,
Разинь,—по молнія изъ пучъ!

Погибель тѣмъ, кто непокорны!

Но кто съ повинной головой

Къ вождю великому предстанетъ,—

Въ того перунъ его не грянетъ,

Того подъ щипъ онъ применетъ свой!

Силновъ.

24-го Сентября 1833.

Варшава.

НА СМЕРТЬ ЭЛИЗЫ.

(Изъ *Шатобриана*.)

Съ прахомъ *Элизы* молодой сходишь во гробъ не-
возвратно

Двѣ послѣдній уборъ, розановъ бѣлыхъ вѣнокъ;
Персть, породившая ихъ, персть и приемлетъ

обратно

Юную дѣву и юный цвѣшокъ.

*

Пусь же на вѣки ошъ нихъ ночь гробовая скры-
ваетъ

Долгий, плачевный сей міръ, съ нимъ и печаль
и порокъ;

Солнце здѣсь сушитъ и сжеть, вѣтеръ мертваитъ
и срываетъ

Юную дѣву и юный цвѣшокъ.

*

(*) Персіяне, *Гассанъ-хана*, начальствовавшего въ Эривани, и извѣснаго своею храбростію, прозвали *Желтымъ левомъ*, по желтому цвѣту лица его. — *С.*

Крѣпокъ, *Элиза*, пшвой сонъ въ мягкой могильной
посшелъ ;

Грянешь ли пѣснь хороводъ, дунешь ли па-
спырь въ рожокъ,
Слышать не будешь: для васъ красные дни про-
лешъли,
Юная дѣва и юный цвѣпокъ!

*

Скорбный родителъ вопще дочь возвратишь ему
просишь:

Смерть непреклонна къ мольбамъ! Чуденъ пани-
спвенный рокъ!

Спарые дубы щадя, время у корней ихъ косишь
Юную дѣву и юный цвѣпокъ.

О М О Н И М Ъ.

Въ концертѣ, въ оперѣ, въ шкапулкѣ, сундукѣ
Я вамъ необходимъ;

Когда вода мутна въ прудѣ и ручейкѣ:
Мы жажду уполяемъ имъ.

III.

Въ No 67-мъ, помѣщенная шарада значить: *Dé-tour*,

M O D E S.

Pour épingles d'hommes, *Janisset* monte des petites fleurs, un très-petit papillon, une mouche en semence de brillans, ou plus simple, un petit animal en or, un renard, un chien, etc., etc., qui se met sur la cravate, et peut être cité comme étant de fort bon goût.

Une jolie toilette de promenade est un peignoir blanc; aussi ne pouvons-nous donner l'idée d'une toilette plus parfaite que celle de Mme N*** ces jours derniers au bois. Elle portait un peignoir en batiste d'Écosse avec quatre pélerines étagées garnies de bandes en batiste d'Écosse festonnées, hautes d'un pouce, relevées à très-petits tuyaux, et accompagnant parfaitement les épaules sans les élever. Un ruban écossais rose et marron passait flottant sous la ceinture pareil- le. Sa capote en pou de soie rose était garnie sous la passe d'une guirlande de lilas blanc qui entourait presque en entier le visage.

Quelques femmes ont adopté chez elles ce qui res- tait à prendre du costume de nos mères, les fichus

d'organdis, plissés dans l'intérieur des robes et dépassant le corsage sans aucune garniture.

Les fichus de linon étaient une grande coquetterie il y a cinquante ans; ils vont parfaitement au visage, et n'ont qu'un inconvénient peut-être, c'est de causer trop de chaleur par la raideur de l'étoffe. Ils ont donné l'idée d'une imitation qui sied mieux encore; ce sont des fichus de tulle pliés en pointe, et fronçant sur le cou et les épaules en plis irréguliers; on les garnit tout autour d'une dentelle ou d'un tulle anglais.

М О Д Ы.

Для мужскихъ булавокъ *Janisset* дѣлаешъ ма- ленькіе цвѣточки, весьма маленькую бабочку, мушки изъ бриллантовыхъ семянъ, или просишь того, маленькое животное изъ золота: лисицу, собаку и проч. и проч.; онъ выпыкаются въ гал- спухъ, и можно сказать, что онъ весьма хороша- го вкуса.

Красивый нарядъ для прогулки: это бѣлый пеньу- аръ. Мы не можемъ дать понятія о совершеннѣй- шемъ нарядѣ, какъ описавъ одежду г-жи N... на снѣхъ дняхъ въ лѣсу. На ней былъ пеньуаръ изъ Шотландскаго баписпа съ четырьмя пелеринка- ми, одна другой ниже, обшитыя полосками изъ Шотландскаго баписпа выметанными городками, шириною въ дюймъ, сдѣланными весьма мелкими прубочками это прикрываетъ плеча, не возвы- шая ихъ. Шотландская лента, розовая съ кашпа- новымъ, пропущена подъ шакой же поясъ. Капоть изъ розоваго роу де соіе опдѣланъ былъ надъ по- лемъ гирландою изъ бѣлой спреніи, которая окру- жала почти все лицо.

Нѣкопорыя дамы ввели въ употребленіе до- ма, что оставалось еще отъ одежды нашихъ бабушекъ, косынки изъ органди, сложенные вну- три лифа и выпущенныя изъ подъ него безъ вся- кой опдѣлки.

Косынки изъ лино были весьма щеголеваты пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; онъ весьма идутъ къ лицу, и имѣющъ можетъ быть одно неудоб- ство, что отъ жесткости матеріи слишкомъ жарко. Онъ подали мысль къ подражанію, что идешь можетъ быть еще лучше: это плюевые платочки, сложенные косынкою, собранные на шеѣ и плечахъ неправильными складками; ихъ об- шивающъ вокругъ кружевомъ или Англійскимъ плюемъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 69.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 29 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Я люблю кровавый бой,
Я рожденъ для службы Царской!
За тебя на чорта радъ,
Наша мапушка Россія!
Пусть Французы удалые
Къ намъ пожелуютъ назадъ:
За тебя на чорта радъ,
Наша мапушка Россія!

Д. Давыдовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НОВЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬ ВЪ СТОЛИЦѢ.

(Отрывокъ пятый.)

Владимиръ искалъ развлеченія, искалъ чѣмъ бы занялъ помлщуюся въ бездѣйствіи и однообразіи душу. Какъ видѣли, въ лучшихъ обществахъ столицы не нашелъ онъ сего развлеченія. Нѣсколько видѣнныхъ имъ спектаклей, два или три бала, правда, доставили ему удовольствіе и похитили нѣсколько дней у его лежаргическаго сна, чтобы опять повергнуть его въ оный. Житейскіе романы, приключенія, явленія, происходящія отъ движенія чувствъ и страстей, полуневинныя шалости молодости, любовныя похождения—о всѣхъ эпизодахъ не лишнихъ эпизодахъ вѣрой поэмы, называемой жизнію, опыкъ онъ и слышалъ. Казалось, что наспалъ вѣкъ мудрости и практической философіи, важной, холодной и угрюмой. Всѣ

ходили съ длинными лицами, по большой части худыми и блѣдными; ни одна физиономія не позволяла себѣ выражать радости. По крайней мѣрѣ пакъ представлялось молодому провинціалу, привыкшему видать лица румяныя, довольныя и смѣющіяся. Всѣ были мысленно заняты чѣмъ-то важнымъ; всякій, идя по улицѣ, спѣшилъ къ своимъ дѣламъ и занятіямъ; всякому было некогда; всѣмъ было не до наслажденія жизнію, не до веселостей; эпо какъ-бы оставалось, по крайней мѣрѣ, опложеннымъ до времени, для чего-то другаго. Напряженная заботливость о себѣ, объ успѣхахъ въ своихъ видахъ, замыслахъ, надеждахъ, казалось, лишила людей любви къ ближнему и участія въ другихъ. Все приносилось въ жертву буквѣ *я*; все основывалось на ращѣпахъ себялюбія. Классы общества раздѣлялись рѣзкими чертами, и трудно было переходить чрезъ сіи послѣднія. «Къ чему эти люди спремются?» — разсуждалъ молодой Эпи-

куреецъ: «Въ чемъ состоишь цѣль ихъ существованія? Что для нихъ привлекательнаго въ жизни? Для того-ли мы родимся, чтобы бродили съ душою вялою, скучаешь и ждешь равнодушно, пока смерти придетъ время взять у насъ недорогое намъ существованіе? Это-ли значить слѣдовать правду Горация: *carpe diem*? Это не жизнь, а прозябаніе.»

Въ замѣтъ нравственныхъ недоспапковъ, по крайней мѣрѣ казавшихся такими *Владиміръ* въ жителей столицы, онъ нашель въ нихъ любознательность, пылливость ума, склонность къ наслажденіямъ умственнымъ, духовнымъ. Словесность, поэзія, музыка, живопись, изящное въ сооруженіяхъ, зрѣлищахъ, видахъ — находили между ними болѣе истинныхъ цѣнителей и приверженцовъ, нежели во всей прочей Россіи. *Владиміръ* видѣлъ, что молодому другу его нравилось слѣдить за успѣхами просвѣщенія, наблюдать доспопримѣчательности столицы, участвовать въ тѣхъ ея собраніяхъ, которыя были плодомъ образованности и ученія. Но *Владиміръ* былъ слишкомъ юнъ, чтобы жить созерцаніями и наблюденіями. Ему надобны были сообщество себѣ подобныхъ, живой размѣнъ съ ними чувствъ и мыслей, удовольствія болѣе легкія, болѣе увлекательныя. Это ли были шумъ и волненіе свѣта, о которыхъ онъ сполько слышался и начивался? Правда, что и другіе искали иногда разсѣянія: въ театрахъ, въ художественныхъ галереяхъ и музеумахъ, въ домахъ рестораторовъ (*à table d'hôte*) и въ кондитерскихъ, замѣняющихъ кофейные дома другихъ столицъ, въ зрѣлищахъ публичныхъ парадовъ и поржествъ; однимъ словомъ, въ предметахъ, которыми можно пользоваться вмѣстѣ съ другими, не будучи ими знаемымъ, и не зная ихъ, не сближаясь съ ними и оставаясь уединеннымъ среди многочисленнаго; но не въ тѣхъ кругахъ, гдѣ дружба и искренность соединяють собесѣдниковъ, гдѣ пріятность жизни, доставляемая самымъ обществомъ, возвышаетъ цѣну веселостей, гдѣ душа выгодно развлекается и проясняется, сердце бьется живѣе и свободнѣе, дѣлается добрѣе и болѣе привязыв-

вается къ жизни и людямъ. Пріятное разнообразіе, теплоша и полноша души, возможность раздѣлять съ другими свой образъ мыслей, чувствъ, свое время, свои радости и непріятности; жить не для одного себя, но и для другихъ; знать что въ насъ принимаютъ участие, какое и мы принимаемъ въ другихъ — вотъ преимущества сближенія съ себѣ подобными. Но этого сближенія не замѣнилъ *Владиміръ* въ столицѣ. Онъ не понималъ, отъ чего всѣ пакъ чуждаются другъ друга, пакъ удаляются одинъ отъ другаго, какъ-бы не находя ничего привлекательнаго внѣ самихъ себя, не смотря на всегдашнюю скуку и пасмурность своихъ лицъ. Публичные ихъ удовольствія казались ему слишкомъ сухими и однообразными, и тогда, какъ провинціальныя его родные и знакомые воображали его носящимся по волѣ вихря сполчныхъ веселостей, онъ не зналъ куда дѣваться отъ скуки.

А. Г.

(Будетъ продолженіе.)

1831.

О ТОРГОВЛѢ ВОЛОСАМИ ВО ФРАНЦІИ.

Присяжные, разрѣшавшіе пріемъ издѣлій на выспавку мануфактурныхъ произведеній, сначала мало благопріятствовали парикамъ, которые въропно вовсе не были бы допущены къ оной, если бы Гг. Нормандены, отъ имени всѣхъ своихъ поварищей, не представили записку, наполненную важными фактами о торговлѣ волосами. Изъ этой записки мы узнали, что въ Департаментяхъ: Сѣверныхъ береговъ, Финисперскомъ, Морбиганскомъ, Иль-э-Вилденскомъ, Нижне-Лоарскомъ, Мены и Лоара, Эрскомъ, Ла-Маншскомъ, Орнскомъ, Маіенскомъ, Кальвадосскомъ, Виенскомъ, Верхне-Виенскомъ, Крезскомъ, Ніеврскомъ, Коррезскомъ, Канпальскомъ, Пюи-де-Домскомъ, Верхне-Лоарскомъ—ежегодно рассѣваются разнощии, принадлежащіе двадцати главнымъ домамъ, занимающимся симъ промысломъ, изъ коихъ нѣкоторыя упопреляютъ не менѣе ста

таковыхъ разнощиковъ. Обязанность сихъ послѣднихъ состоятъ въ обмѣнѣ своихъ поваровъ на волоса поселянокъ, отправляющихся на праздники, ярманки или на соседніе рынки. Въ Западныхъ Департаментѣхъ главный предметъ мѣны составляютъ: плапки, ситцы, а на Югѣ кисеи и коленкоры. Изъ сего видно, что если кокешство существуетъ вездѣ, то средства къ оному весьма различны. Какая Парижанка пожертвовала бы своими волосами за лучшую шаль перно или кашемира. Между тѣмъ, Бретонская или Норманская поселянка съ радостію отдаетъ свою косу за два или три аршина коленкора!

Сборъ волосъ производится обыкновенно въ Апрельъ и Маѣ, но не каждый годъ въ одномъ и томъ же мѣсцѣ; и промышленники сего рода имѣютъ статистическія извѣстія довольно вѣрныя, чтобы не отправляясь на *стрижку* въ мѣста, которыя посѣщаются были въ предшествовавшемъ году. Окончивъ сборъ, они отправляютъ поваря въ Парижъ, Марсель, Бордо, Лионъ и на ярманки: Каенскую, Гибрейскую и Бокерскую, куда съѣзжаются иностранцы для закупки волосъ.

Ежегодный сборъ волосъ полагается до 200,000 фунтовъ. Средняя цѣна волосъ, приобрѣтаемыхъ мѣною, составляетъ 5 фр. фунтъ. Послѣ очистки, фунтъ стоитъ до 10 фр. По томъ волоса продаются парикмахерамъ, цѣною отъ 20 до 89 фр. за фун., смотря по добротѣ; такъ, что принимая среднюю цѣну, по 40 фр., цѣнность ихъ увеличивается въ соразмѣрности 1 къ 8. Поступивъ къ парикмахеру, волоса достигаютъ высочайшей цѣны, если приняты въ соображеніе, что парикъ продается по крайней мѣрѣ по 25 фр., между тѣмъ, какъ употребляется на него не болѣе 3-хъ унцій волосъ, которые первоначально стоили только 1 фр.

Изъ позднѣйшихъ изслѣдованій Гг. Норманденъ видно, что въ Парижѣ щипается 952 парикмахера, 1950 подмастерьевъ, коихъ занятіе состоитъ въ приготовленіи париковъ. Число работниковъ, употребляемыхъ

въ разныхъ мастерствахъ для выдѣлки париковъ, простирается до 6,200; по изчисленію Гг. Норманденъ, они вырабатываютъ всѣ вмѣстѣ 3.303,250 франк. въ годъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КРАСНЫЙ И ЧЕРНЫЙ.

(*Rouge et Noir.*)

Никогда не забуду ненавистнаго 27 Сентября; число сіе огнемъ вызжено въ моей памяти, выпечатано кровію на моемъ сердцѣ: я вспоминаю о немъ съ странною смѣсью чувствованій ужаса и удовольствія; ужаса, отъ ряда бѣдственныхъ дней и бессонныхъ ночей, которые были предпеченою моею пагубы; удовольствія, предварительнаго сей спежь, собственнаго своего уваженія, которому опредѣлено было кончиться — увы! на вѣки.

Сей день былъ четырнадцатымъ моего пребыванія въ Парижѣ, когда проходилъ садъ Пале-Рояля, остановился я полюбоваться красотою фонтановъ, отъ паденія на которые лучей солнечныхъ образовалась небольшая радуга. Тутъ подошелъ ко мнѣ спарый мой знакомый майоръ Е. Послѣ первыхъ обыкновенныхъ вопросовъ о здоровьѣ, при печальномъ свиданіи, услышавъ, что я отыскиваю порядочную квартиру, для пристойнаго помѣщенія съ своимъ семействомъ, и отъ того не имѣлъ времени осмотрѣть Парижа, онъ предложилъ мнѣ себя въ чичерони, и мы начали осмотръ съ окружающаго насъ строенія.

Послѣ осмотра, на скорую руку, наружности разбросанныхъ громадъ, на землѣ стоящихъ, повелъ онъ меня посмотреть нѣкоторыя подземельныя диковины. Въ *café du Sauvage*, у котораго нанятый человекъ за 6 франковъ, на цѣлую ночь, бьетъ въ большой барабанъ, съ разными гримасами, бѣшенствомъ и восклицаніями, свойственными сумасшедшему, кричалъ: пожалуйте сюда. — Въ *café des Aveugles* (слѣпыхъ), въ которомъ оркестръ многочисленный, и состоитъ

единственно изъ слѣпыхъ женщинъ и мушницъ. — Въ *café des Variétés*, маленькой театръ, залы и лабиринты, посѣщаются Сиренами, не менѣе опасными пѣхъ Имфѣ, которыя нападали на Улисса. Когда мы вырвались изъ сихъ мѣстъ, то пошелъ проливной дождь, и какъ мы пародировали по каменной галереѣ, припелъ мой внезапно вскричалъ, взглянувъ на номера домовъ, 144! По испицѣ, мы уходимъ, не посѣпивъ ни одного изъ сихъ номеровъ—такъ называются игральные дома, чѣобы не оскорбить пѣжнаго слуха наспоющимъ ихъ названіемъ. — Я еще никогда не вхаживалъ въ *Pandemonium* такого рода, сказалъ я, и никогда не войду. Я удерживаю себя опъ любопытства, и будучи на эптомъ разъ сложенія доктора *Джонсона*, скорѣе могу воздержаться, чѣмъ умѣряться; припомъ всякой знаетъ, что предубѣжденіе лучше лекарство. — «А помнишь ли ты,» отвѣчалъ *Е.* — «что тошъ же докторъ *Джонсонъ* сказалъ *Босвелю* (*Boswell*): любезный другъ, откинъ такіа мысли, я не прошу тебя играть; ты вѣрно чипалъ, еще мальчикомъ, что для избѣжанія порока, нужно видѣть его въ своемъ дѣйствіи, и вѣрно не забыть, что Спартанцы иногда поили рабовъ до пьяна, и показывали своимъ дѣшамъ, для возбужденія въ нихъ презвостии. Любовь къ добродѣтели лучше сохраняется ненавистію къ ея противникамъ; чѣобы ненавидѣть игру, тебѣ надобно видѣть её; кромъ того, свѣтскій человекъ долженъ видѣть все.» — Но это такъ непристойно; — возразилъ я. — «Ты совершенный *Джонъ Буль*, (*John Bullish*);» отвѣчалъ *Е.* — «Непристойно! Я веду тебя въ заведеніе, находящееся подъ покровительствомъ правительства и доставляющее ему огромный доходъ. Содержатели его принадлежатъ къ благонавному и обходительному сословію, и ежегодно собираютъ съ публики 6 милліоновъ франковъ. Чѣожь касается до общества, я увѣряю тебя, что ты встрѣпишь тамъ людей первостепенныхъ всѣхъ сословій и парцій: ибо во Франціи всякой играетъ въ сихъ залахъ, кромъ ханжей—тѣ играютъ дома.» — И взявъ меня за руку, взвелъ на лѣстницу.

Подходя къ двери, я напомнилъ ему, что я не играю.

Въ прихожей приняли насъ двое или трое слугъ, взяли наши проточки и шляпы, вручивъ намъ билеты, по номерамъ конхъ я увидѣлъ, что довольно уже много пущъ посѣтителей. Первая комната посвящена рулеткѣ: на длинномъ зеленомъ столѣ, поставленномъ въ сей горницѣ, было круглое углубленіе, похожее на вызолоченную большую чашу. Въ срединѣ онаго круговращающійся снарядъ, на которомъ верпился косяной шаръ, послѣ круговаго обращенія идущій къ низу чаши, на коей находится кругъ съ маленькими ямками подъ номерами. Въ одну изъ нихъ попадаетъ шаръ, и тогда провозглашаютъ громко номеръ, на которомъ онъ остановился. Кромъ сей игральной машинки, тамъ нарисована на зеленой байкѣ таблица многихъ, по порядку, номеровъ, съ раздѣленіемъ на чѣтъ и нечѣтъ и прочее; на сіи номера, желающіе, ставили разные куши. Тотъ, у котораго кушъ стоялъ въ раздѣленіи объявленнаго номера, выигрывалъ, и если онъ продолжалъ еще играть, оставляя прежнюю ставку: то оный увеличивался въ нѣсколько разъ, если выиграетъ, но эпто рѣдко случается: чѣтъ и нечѣтъ также объявляется, проигранъ или удвоенъ. У сего алтаря щастья немного было молещичковъ, и мы единственно остановились пущъ посмотрѣть на украшенія комнаты, и потомъ вошли въ слѣдующую.

«Эта комната,» прошепталъ мнѣ мой поварищъ (тамъ была мертвая тишина, хотя длинный столъ тѣсно окруженъ былъ играющими): — «называется *Серебреною*. Здѣсь ты можешь ставить даже 5 франковъ: пройдемъ въ слѣдующую, въ которой играютъ только на ассигнаціи и золото.» Взглянувъ мимоходомъ на внимательныхъ игроковъ, пожирающихъ глазами карпы, послѣдовалъ я за моимъ путевоителемъ въ святилище золотаго Мамона.

Сія игра называется: *Красный* и *Черный* (*Rouge et Noir*); — игра такая же, какъ та, что мы видѣли. На обширномъ столѣ на-

бросаны кучи золота, въ чашечкахъ, сверпкахъ и полстые пуки банковыхъ билетовъ и ассигнацій. По сторонамъ сполы сидѣли банкюметы съ своими помощниками, драконами, хранящими золотые яблочки. Овальная площадка нарисована на концахъ зеленого сполы, съ премья отдѣленіями; одно для *Краснаго*, другое для *Чернаго*, а середина для спавки денегъ, на цвѣтѣ первой и второй карты, и другія подраздѣленія, подробное описаніе коихъ будетъ упомянуто. Ни одного порожняго спула, всѣ заняты; шупъ я замѣнилъ, что каждый банкюметъ и помощникъ держали по лопаткѣ въ рукахъ, и нѣсколько лопатокъ было разбросано по сполу, чтобы имъ, выигравъ, удобнѣе было загребать червонцы, не безпокою своихъ пальчиковъ. Когда поставяшъ спавки, держащій банкъ закричитъ: *Le jeu est fait! Игра готова!* — Послѣ сего, нельзя уже ни прибавить, ни убавить спавки; банкирь беретъ колоду картъ изъ корзины, начинаешъ мешать: число игры 31, цвѣтѣ первой карты опредѣляетъ первый рядъ чернымъ или краснымъ: банкюметъ продолжаетъ кидать, пока не будетъ болѣе числа 31; тогда онъ мечетъ второй рядъ въ томъ же порядкѣ, и тогда, который либо изъ ряда будетъ ближайшій къ щету, томъ и выигрываетъ; если оба ряда одинаковы, банкюметъ кричитъ: *Après!* — *Послѣ!* — И снова начинаешъ мешать новыми картами; если каждый рядъ будетъ составлять 31, банкъ беретъ половину всѣхъ спавокъ, и въ семъ-то полагаютъ главный выигрышъ банка, который щитаютъ въ 10-ть процентовъ: если красный проигрываетъ, банкирь загребаешъ всѣ деньги себѣ; если-жъ выигрываетъ, то выплачиваетъ золотомъ или ассигнаціями, сумму, поставленную въ ямкахъ игрокамъ, которые берутъ всякой свою часть, или рискуютъ далѣе. *Е.* исполковалъ мнѣ занятія разныхъ членовъ сего заведенія; инспектора, половинщиковъ и прочихъ; также объясилъ значеніе разливанной карты и шпилекъ, которыхъ каждый игрокъ имѣлъ передъ собою, соображалъ съ необыкновенными происшествіями и временно спрашивая у прислужниковъ новыхъ; го-

роскопъ (Horoscope) сей былъ раздѣленъ перпендикулярными линіями на колонны, въ заголовкѣ коихъ поставлены литеры R и N. (*Rouge et Noir*) *Красный* и *Черный*, а гвоздикъ употребляли для прикалыванія карты, при выигрышѣ каждаго цвѣта, и это щиталось главнымъ основаніемъ въ семъ обманчивомъ совершенствѣ, называемомъ шансъ (*Chance*). Нѣкоторые имѣли передъ собою такіе памяпки (карпочки), кругомъ испыканные гвоздиками; по онымъ складывали произведенія, записывая на бумажку, съ надеждою, какъ казалось, выиграть, не хопя и думать, чтобы не было прибыли отъ сихъ волшебныхъ карпочекъ.

Невольная тоска и сердечное отвращеніе обняли меня, при сей сценѣ, а особенно замѣнивъ въ ближней комнатѣ множество дивановъ, копорые Парижане, по свойству своему обращать всякую вещь въ шупку, окрестили именемъ: «*Госпитали для раненныхъ.*» — Вошъ, подумалъ я, на эпито диваны многіе несчастные бросаются въ тоскѣ и душевномъ опчаланіи, обременяя себя и весь свѣтъ адскими проклятіями, или въ скрипномъ изліяніи глубокой горести, которая гораздо еще ужаснѣе, чѣмъ самая слова. Я удивлялся противуположности: пышности мѣбели, множеству огромныхъ по стѣнамъ развѣшенныхъ зеркалъ, закопѣлому поподку, горькому свидѣтелю горящихъ лампъ у ковчега *Ваалова* (*Baal*), во всю ночь бодрствованія. Обратясь къ окошкѣ, я увидѣлъ солнце, сіявшее на свѣплоглубомъ небѣ; дождь переспалъ, ппички пѣли на деревьяхъ и листья шевелились отъ вѣпра: природа веселилась извнѣ; внутри же царствовала печальная тишина, отъ неподвижныхъ фигуръ, взоры копорыхъ были мучительно прикованы къ форпункъ: одинъ Нѣмецъ боился съ дьявольскимъ упрямствомъ противу несчастія, которое грозило ему явно разореніемъ. Хопя лицо его показывало равнодушіе, но крупная капля пота, выступившій на лбу, ясно говорила о внутреннемъ его волненіи. Всѣ проигрывающіе спарались скрывать свою досаду, но не умѣли, измѣняли себѣ по кусал губы, по насмѣшливою улыбкою или

гнѣвными глазами. У всѣхъ же выигрывающихъ невольно обнаруживалось сердечное удовольствіе, разгорѣвшимися щеками и сверкающими очами. Два или три игрока, которыхъ *огистили*, какъ у нихъ говорится, и обрекли къ праздноси, поглядывали на своихъ щасливыхъ сосѣдей съ завистію; банкиры же и ихъ помощники, увѣренные въ прибыльномъ своемъ ремеслѣ, выказывали скромную и бдѣтельную хитрость, хотя черты ихъ лицъ, по блѣдности, обнаруживали дѣйствіе жаркихъ комнатъ и полуночнаго бдѣнія. — *Е.* рассказалъ мнѣ, что поспителли сихъ домовъ имѣютъ право претребовать чего-либо прохладительнаго; однако же никто не пользовался этою привилегією: ненасытимый аппетитъ къ деньгамъ поглотилъ всѣ другія желанія. Одна мысль сія волновала меня: какъ! ѣсть и пить въ этомъ вертепѣ гнусныхъ спрасней! въ этой пагубной комнатѣ, изъ которой выбѣгало множество самоубійць, или заспрылились или броситься въ воду! Въ сей комнатѣ, изъ которой возносялся къ небесамъ слезы вдовъ, вопли сиротъ и проклятія. Такъ размышляя, еще разъ взглянулъ я на лица, передо мною бывшія, и не могъ удержаться отъ восклицанія: Какой гнусный примѣръ низости человѣческой!

— Такъ какъ мы провели столько времени, — сказалъ я: опредѣляя шпропу, или лучше долготу сихъ различныхъ харь, по пристойности требуется отъ насъ чѣмъ нибудь пожертвовать. — «Я брошу наполеондоръ, опивчалъ *Е.*, какъ кусокъ хлѣба *Церберу*, и потомъ провожу домой себя.» — Нѣтъ, возразилъ я, вы привели меня сюда взять урокъ, за который очень сподитъ заплачивать деньги, а потому прошу васъ бросить эту золотую монету, и убѣжимъ. — «Подождемъ же, по крайней мѣрѣ, пока еѣ проиграемъ,» сказалъ мой поварищъ — и въ то же время мы сѣли у стола. Я чувствовалъ краску въ лицѣ, когда сѣлъ на мѣсто и хотѣлъ сдѣлать предположенную ставку; но поварищъ остановилъ мою руку, и взявъ протыканную карпу, просилъ меня замѣчать, какъ *Красный* и *Черный* шли зигъ-за-

гами или выигрывали попеременно до четырнадцати разъ: судя по предыдущему щастію было больше на черное, а потому надеяло ожидать перехода на другой цвѣтъ; и изъ всего имъ замѣченнаго онъ заключилъ, что лучше мнѣ рискнуть на красный цвѣтъ, что я и сдѣлалъ. Дьяволь-искуситель, соблазня меня богатствомъ, казалось, носился надъ проклятою моею головою въ этомъ моментѣ. Ставка моя удвоилась, и я рѣшился было уйти съ двумя наполеондорами; но мой совѣтникъ уговаривалъ меня не останавливать моего щастія; ибо вѣроятно попадемъ на красное. Я оставилъ ставку иппи, продолжая удваивать до цѣхъ поръ, пока сряду выигралъ 10 или 12 разъ. «Ну, теперь, сказалъ *Е.* я совѣтую тебѣ перестать и выигрыщъ спрятать въ карманъ.» Принявъ совѣтъ его, я пересталъ играть, и едва могъ вѣрить своимъ глазамъ, когда онъ передалъ мнѣ въ руки 20 тысячъ франковъ банковыми билетами, съ приговоркою: *на первый разъ порядочный успѣхъ.*

Возвратясь домой, въ восторгѣ, я готовился сдѣлать маленькой сюрпризъ моей женѣ: разложилъ съ возможнымъ тщаніемъ на столъ билеты, и сказалъ женѣ при входѣ ея въ комнату, какъ я ихъ выигралъ, прибавя, что самъ *Алладинъ* съ своею волшебною лампою не могъ провести щасливѣе 2 или 3-хъ часовъ; предлагалъ ей взять часть изъ нихъ на хорошенькую обновочку въ день своего рожденія. Вдругъ она вспыхнула, и скоро потомъ поблѣднѣла. Откинувъ отъ себя деньги, она вскричала съ ужасомъ: «Скорѣе допроцусь до 30 сребренниковъ, за которые *Иуда* продалъ своего Спасителя, чѣмъ до этихъ денегъ.» По прозорливости своей, она провидѣла опасность, въ которую я вдаюсь, и нѣжное ея сердце тотчасъ предсказало оную; но спустя нѣсколько секундъ, она бросилась въ мои объятія, и едва могла проговорить отъ льющихся по щекамъ слезъ: «Прости меня, мой дорогой *Карль*, извини мою горячность, мою неблагодарность; я прошу у тебя другаго подарка, вымаливаю милость, обѣщай мнѣ.» — Съ величайшею

охопую, отвѣчалъ я: если это мнѣ возможно.—«Дай же мнѣ обѣщаніе, никогда впередъ не играй.»—Съ радостью—подхватилъ я: потому что я уже самъ рѣшился на это.—Она цѣловала меня нѣжно, благодарила, прибавя, что я дѣлаю её совершенно щасливую. Я ей вѣрилъ, потому что самъ такъ тогда чувствовалъ.

(Описание въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

А. Е. ГРЕНУ.

Мои кипящія лѣта
 Меня зовутъ къ другому плѣну,
 Мой другъ! завѣса поднята
 И я вспушишь гошовъ на сцену.
 Мнѣ роль блестящая дана,
 Но на душѣ шуманъ сомнѣнья;
 Не знаю, выдержи-ль сполна
 Мое святое назначенье?
 Мои оковы—эпикешъ!
 А зришель мой—холодный свѣтъ:
 Его приспращивья сужденья,
 Его слѣпя одобренья,—
 Рукоплесканія райка.
 Меня гнетѣшь давно попка,
 Увы! Не вѣдая искусства
 Скрывать подъ маской сердца чувства,
 Освистанъ скоро буду я
 На перепутьи бышя.
 Невѣжда въ опышъ, напрасно
 Я буду льстивиться обуздамъ
 Языкъ злорѣчя ужасный;
 Напрасно буду избѣгать
 Враговъ взыскательнаго взора,
 Не избѣгу... И ядъ укора
 Отправу въ грудь мою прольетъ,
 Надежды, чувства... все убьетъ...
 И я, несчастный, въ цвѣтѣ лѣта,
 Гонимый шайною судьбой —
 Упьюсь забвенія спруей,
 Не заслуживъ вниманья свѣта.

Меня уснувшая мечта
 Не будетъ ушъшашъ игрою—
 Ахъ, между радостями и мною
 Пройдѣтъ глубокаа черта!
 Но нѣтъ, люблю я искушенья;
 Взгляни на небо, мой поэтъ!
 Кого не люблю, гонимъ свѣтъ,
 Тому услада Провидѣнье!
 Прости, мой другъ, прими въ залогъ
 Душевнаго расположенья—
Моей легты проразулилья.
 Храни ты ихъ: быть можетъ, рокъ
 Меня спасетъ отъ искушенья,
 Я буду щасливъ, можетъ быть,
 И онъ пройдѣтъ, шуманъ унылой!
 И на груди подруги милой
 Я научусь любовь цѣнить.

Ап—изъ Лесвицкій.

Кіевъ.

КЪ Н. Н.

Для поэтическихъ мечтаній,
 Для думъ возвышенныхъ твоихъ,
 Не нуженъ громъ рукоплесканій:
 Поэты щасливы безъ нихъ.
 Въ себѣ одномъ прозрѣвъ міръ цѣлый,
 Пѣвца Британіи любя,
 Какъ онъ могучій, юный, смѣлый,
 Ты намъ высказывалъ себя.
 Спихи швои, какъ бурны шучи,
 На челоука мещутъ громъ:
 Они, по отгулъ злополучій,
 То жизни быспрый переломъ.
 Товарищъ! жду иныхъ я звуковъ:
 Въ часы вакхическихъ отрадъ,
 Пускай въ семействѣ нашихъ внуковъ
 О нашихъ шалостяхъ швердятъ.
 Узнаютъ пусть, какъ дѣды жили
 На брегъ царственной Невы —
 И волочились и шалили,
 Но не теряли головы.

Л. Якубовичъ.

C H A R A D E.

Mon premier est le bruit d'un arbre fracassé ;
 Voyelle est mon second; vous avez mon troisième;
 Nos ayeux l'ont perdu, vous le perdrez de même;
 En Pologne, lecteur, mon entier est placé.

Въ № 68-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Ключь*.

M O D E S.

On revoit des volans, de hauts volans en mousseline festonnée, ou bordés d'une basse valenciennes. La longueur des robes n'ayant point diminué, elles touchent tout-à-fait la terre en raison de leur poids. Au dernier coucert de la semaine nous avons long-temps remarqué Mme T***; elle portait une robe de mousseline garnie d'un volant haut d'un tiers, à tête relevée, bordé aux deux extrémités d'une petite valenciennes étroite comme le doigt; la jupe, brodée et semée de petits pois, était posée sur un jupon de dessous en taffetas citron; sur son cou un mantelet de taffetas noir garni de dentelle. Son chapeau en paille de riz était très-relevé et orné d'une guirlande de liserons.

Avec elle, Mme la baronne de V*** portait une robe en batiste d'Ecosse, avec un volant haut comme celui que nous venons de décrire et festonné d'une dent en crête; son corsage, caché par des pélerines doubles, arrondies sur le devant, était terminé par une ceinture en taffetas glacé bleu. Elle était coiffée d'une capote de mousseline brodée, doublée de bleu, et garnie d'un demi-voile en angleterre.

On observe que les femmes en voiture, celles qui ne suivent pas la mode et la donnent, que les femmes les plus élégantes, disons-nous, font incliner les robes en arrière, pour obtenir une apparence des traînes que portaient nos mères. Les robes longues à cette époque, donnaient à la démarche une gravité que nous retrouvons aujourd'hui. Les grands éventails anciens forcent aussi les mouvemens à une lenteur qui n'est pas sans charme; si c'est une affaire de goût.

Un genre simple adopté pour les mouchoirs de poche est une rivière de points à jours, large comme le doigt, sans aucune broderie; ce que nous avons remarqué de fort élégant dans un riche trousseau sont

deux lignes ou deux rivières de jours, au-dessus de chacune desquelles se place une valenciennes haute de trois doigts.

M O D Ы.

Опять появляются оборки, широкія оборки, выметанные зубцами, или обшитыя узенькимъ кружевомъ. Какъ длина плащевъ ни сколько не уменьшилась, то онѣ доспаютъ до земли опъ пняжести своей. Въ последнемъ концертѣ мы долго наблюдали г-жу T.; на ней было кисейное платье, обшитое оборкою, шириною въ претпъ юбки, съ перегибкою, приподняшою къ верху, обшитую кружевомъ въ палець ширины; юбка, вышитая и усьянная мелкимъ горошкомъ, надѣта была на шафпяной юбкѣ лимоннаго цвѣща; на шеѣ черная шафпяная маншилья, обшитая кружевомъ. Баспоява шляпка, весьма опкрытая и опдѣланная гирландою, изъ *liserons*.

Съ нею баронесса V... была въ платьѣ изъ Шопландскаго баписста, съ оборкою, шакой же ширины, какъ мы уже сказали и выметанной зубцами на манеръ ппушыхъ гребешковъ; лифъ, прикрытый двойною пелеринкою, округленную спереди, оканчивался голубымъ двудичиевымъ полсомъ. На головѣ была вышитый кисейный капотъ на голубой подкладкѣ, съ полу-вуалемъ изъ Англійскихъ кружевовъ.

Замѣчаютъ, что дамы, которыя вьдять въ каретахъ, птѣ, которыя не слѣдуютъ за модой, а выдають еѣ; дамы, одьбающія самымъ щеголеватымъ образомъ, дѣлають платья сзади много длиннѣе, чтобъ имѣть видъ шлейфовъ, носимыхъ нашими бабушками. Длиннѣяя платья въ пу эпоху придавали походкѣ важность, которую мы опять нынѣ видимъ. Бодѣшя спаринныя опахала также вынуждаютъ движенія къ медленности, копорал не безъ прелести, если это дѣло вкуса.

Носовые плашки дѣлають весьма просто, вокругъ дорожка изъ прозрачной рѣшетки, шириною въ палець, безъ всякаго шипья. Мы замѣнили нѣчто весьма щеголеватое въ одномъ богатомъ приданомъ: дорожка въ два ряда и надъ каждою кружево въ при пальца ширины.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 70.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Ло
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 1 ДНЯ 1854 ГОДА.

Четыре мнѣ стиха ты сдѣлать приказала !
Чтожъ, милая, могу я въ скорости оказать ?
Скажу ли, что тебя всякъ долженъ обождать :
Давно и безъ меня сама ты это знала.

Кн. Хованскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛИТЕРАТОРЪ.

Имя изящной словесности въ пѣсномъ смыслѣ слова принадлежитъ однимъ людямъ воображенія, или по просту, сочиненіямъ, служащимъ къ лёгкому и пріятному чтенію.

Баронъ Брауберсъ.

Еще весьма недавно авторская слава была удѣломъ нѣсколькихъ мужей, которые, проучась до 25-лѣтняго возраста, повѣряли книжныя знанія на опытѣ, путешествовали по Европѣ, обозрѣвали свое отечество, заводили знакомство съ литераторами паланчивыми, съ учеными, сдѣлавшими себя имя въ ученое мѣрѣ. Многіе изъ нихъ служили съ пользою, удѣляя досуги свои — словесности. Они были стѣдливы и едва въ 30 лѣтъ издавали книжечку, выпускали первое свое стихотвореніе. Такою дорогою шли Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ, Капнистъ, Карамзинъ, А. С. Шишковъ, В. Н. Берсъ, Востоковъ, Мерзляковъ, Озеровъ; еще въ позднѣйшихъ лѣ-

тахъ начали печатать свои творенія Державинъ, М. Н. Муравьевъ и И. И. Козловъ. Одна смерть разлучила первыхъ двухъ съ Музами! Но такимъ писателямъ, какъ они, какъ Жуковский, Батюшковъ, Погодинъ, князь Одоевскій, Шевырѣвъ, князь Вяземскій, Ф. П. Глинка, Холмковъ, баронъ Розенъ (*), отечественная словесность мила-дорога, сама по себѣ, а не такъ, какъ средство къ возвышенію и обогащенію. Это жрецы добродѣтели, проповѣдники истины, столпы вѣры, отечества, прона!

Бользненно сердцу, однако надобно признаться, что многіе поступаютъ совсѣмъ иначе! Нынѣ гимназисты, кадеты, ученики уѣздныхъ училищъ, канцеляристы, писцы, писаря — пишутъ повѣсти, сочиняютъ историческіе, сапирическіе, нравоописательные романы; не смысла опличить *ижицы* осьмеричной опъ *i* десятиричного, составляютъ водѣвили; не разумѣя, гдѣ поставитъ *ъ*, и гдѣ *е*, печатаютъ романтическія поэмы,

(*) И еще многіе, весьма многіе. — К.

мистерин, наполняють своими спитками спсходисельныя къ ихъ шалостямъ спрацицы журналовъ. Случается даже, и очень перѣдко, что сии литературные недоросли, не доспигнувъ положеннаго законами совершеннѣйшаго, издають полное собраніе стихотвореній, опыты въ стихахъ и прозѣ, сочиненія и переводы, подъ хитрымъ заглавіемъ: *Дересинской лиры, Стихоголасной арфы, Серебрянаго и золотого розска, Сирели, Непытливой Музы, Приношенія Аполлону, Минутъ слыха, Цветовъ Грацій*. Чѣмъ же ознаменовываютъ они мужеспивенныя дѣла свои, самую высокую степень развитія дарованій: Душенькою, Причудницею, Пирами, *Борисолиз-Годуновилъ*, Горемъ отъ ума, или пламенными повѣстями *Марлинскаго*? Многіе ли будунъ увѣнчаны лаврами, какъ *Вальтеръ*, какъ *Гѣте*, наименованы великими, какъ *Корнель*? Многіе ли явили себя опважными соперниками *Шекспира*, какъ *Кукольникъ*, и *Шатобриана*, какъ *А. Н. Муравьевъ*? Увы, весьма немногіе. Большая же часть въ самомъ пылу молодости, при самыхъ благопріяшнихъ обстоятельсвахъ, бросаютъ авторское перо съ тѣмъ, чтобы никогда за него не приниматься. Одни гонятся за чинами; другіе, улучша свое состояніе насльдствомъ или выгодною женитьбою, — перемѣняютъ литературныя занятія на семипольное хозяйсво, вступають въ опкупа, въ подряды, заводятъ винныя заводы, заводятъ дѣпокъ, развозятъ визиты; ѣдятъ, кормятъ, надуваютъ пузы, облеживаются, обльниваются. — До Музы ли имъ тогда? Они предпочитаютъ табачный дымъ дыму славы, вкусъ дыни вкусу въ изящныхъ искуссвахъ, и чинъ коллежскаго секретаря высокому сану поэта.

Литераторъ.... Можно указать пальцемъ на такихъ, кои начали опдавать себя въ печатѣ 14-ми лѣтъ отъ роду, а въ 30 спали въ спущкѣ. Въ теченіи 16-ти лѣтъ они пробѣжали галопомъ кругъ всѣхъ родовъ словесности; перекладывали въ стихи псалмы и пророковъ, переводили *Пиндара* и *Горация*, подражали *Ла-Фонтену* и *Байрону*; сочинили трагедіи, драмы, комедіи, водѣвили, оды, поэмы, сатиры, посланія, пѣсни,

мадригалы, эпиграммы, надгробныя и порпренныя надписи, шарады, загадки, омонимы, логогрифы; чепырех томные исторпческіе романы, песпрыя и полосатыя сказки, были и небылицы; швыряли въ враговъ своихъ крипиками, антикрипиками, перекрипиками; грубо насмѣхались надъ заслуженными писателями; успѣли вперепись въ сотруднички къ журналистамъ; сами издавали журналы, опривки, альманахи, дѣтскіе альбомы — дѣйствовали неупомнимо, но не замѣтно, и сошли со сцены тихо, какъ пѣши усопшихъ, какъ призраки.

Имъ ихъ оспалось только въ огромномъ книжномъ кашалогѣ.

Литераторъ.... человекъ грамотный.... О, сколь многіе пуспились въ *авторство*, полагая, что оно опворитъ имъ двери вельможъ, доставитъ лесныя знакомсва, выгодныя связи, сильное покровительсво; сколь ужасно они ошиблись. Сильныя земли приближаютъ къ себѣ только сильный талантъ, сіятельные покровительсвуютъ сіяющее дарованіе, а пуская посредсвенность ими не замѣчается. *Шуваловъ* былъ друженъ съ *Долмоносвилъ*, у князя *Потемкина* жилъ *Петровъ*, вседневымъ гостемъ былъ авторъ *Недоросля*; *М. Н. Муравьевъ* любилъ бесѣдовать съ *Мерзляковилъ* и *Буринскиилъ*, безвременно угасшимъ поэтомъ-юношею.

Литераторъ.... Многіе неопытныя юноши, обольщенные успѣхами *Загоскина*, *Поговельскаго*, *Марлинскаго*, *Карлгофа*, пуспились писать безъ сна, безъ пищи, безъ опдыха; упрора работали въ департаментвахъ, а ночи на пролѣтъ просиживали за сочиненіями, надѣясь высидѣть деньги, какъ курьцыплятъ, какъ винокуръ зеленѣ вино. На пупъ-то было! — Опипъ холодною рукою снялъ повязку съ ихъ глазъ. Усправивъ время и здоровье, они увидѣли, что съ ними сбывась народная Русская поговорка: *угла попа грамота!!!* Пышное объявленіе о щедрости *Смирдина* вскружило имъ голову; они вообразили, что журналъ его дѣйствительнѣ произраститъ новое поколннѣ пи-

сателей на тощей нивѣ Русской словесности. Они забыли, что какъ онъ ни щедръ, какъ ни великодушенъ, какъ ни много у него подпичиковъ. (*), все таки ему нельзя бросать денегъ даромъ. Г. *Смирдинъ* плащичъ по 500 рублей за басню Ивану Андреевичу *Крылову*, но это поному, что онъ *Крыловъ*; по червонцу за стихъ Александру Сергѣевичу *Пушкину*, но онъ промѣниваетъ золото на золото; даетъ по 300 рублей за печатный листъ *Марлинскому* и *Ложегинкову*; но кто изъ книгопродавцевъ не найдетъ своихъ выгодъ, купя такой романъ, какъ *Послѣдній Новикъ*, такую повѣсть, какъ *Налзды*, *Фрегатъ Надежда*, *Амалатъ-Бекъ*? Всѣмъ извѣстно, что одинъ Московскій книгопродавецъ заплатилъ 22,000 рублей за новый испорической романъ Ивану Ивановичу *Ложегинкову*. У безвѣстныхъ же юношей и самъ издатель Библиотеки для чтенія едва ли купитъ статьи и за дешѣвую цѣну. Ему, для поддержанія славы своего изданія, нужны статьи блестящія, написанныя перомъ бойкимъ, оспирымъ, замысловатымъ, или ученымъ и глубокомысленнымъ. Онъ готовъ задобривать Императоровъ знаменитыхъ, любимыхъ Публикою.

А. Кораблинскій.

Село Рыбацкое.
1834,
Юль 24.

ВОЛЬТЕРЪ И ПИРОНЪ.

Вольтеръ и *Пиронъ* поссорились. *Пиронъ*, чувствуя себя обиженнымъ, подкрался на другой день къ дверямъ *Вольтерова* кабинета, написалъ на нихъ мѣломъ слово: Соquin (бездѣльникъ) и удалился на цыпочкахъ. *Вольтеръ*, находясь въ ту пору близъ дверей, и услыша шорохъ, отворилъ ихъ и увидѣлъ, что кто-то опрометью сбѣжалъ съ лѣспницы. Онъ подошелъ къ окну и узналъ *Пирона*, котораго поспѣшно удалялся. Спустился часъ послѣ того, *Вольтеръ* навѣстилъ *Пирона*, удивленнаго его приходомъ. — Онъ

такъ смутился, что едва могъ произнести привѣтствіе: *Покорнѣйшій вашъ слуга! Милости просимъ, господинъ Вольтеръ!* Чему обязанъ я неопытнымъ счастьемъ видѣть васъ у себя? — «*Покорнѣйшій вашъ слуга!*» отвѣчалъ *Вольтеръ*: «Сегодня угаромъ я увидѣлъ на моихъ дверяхъ имя ваше, и обязанностію поставилъ заплатиннъ вамъ визитъ за визитъ.»

БОГАТЫМЪ ВСЕ СЪ РУКЪ СХОДИТЬ.

Если богачъ сдѣлаетъ въ обществѣ что нибудь неприличное: но никто ни гу-гу.

Если бѣдняку случится соврать что нибудь: но всѣ закричатъ: караулъ! разбой! Какъ будто бы поймали его въ душегубствѣ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КРАСНЫЙ И ЧЕРНЫЙ.

(Окончаніе.)

Много людей, которые въ сужденіяхъ съ другими числосердечны и тверды, сами же съ собою и противъ себя хитрятъ какъ коварные Иезуиты. Никакой умъ не можетъ спорить съ сердцемъ; первый, хотя скроетъ или уничтожитъ все неприятное для послѣдняго; послѣднее, хотя принужденно покорится, и покажетъ искреннее убѣжденіе; но въ то же время сдѣлается своею добычею и орудіемъ противника. Воля должна быть цѣломудренна, если мы желаемъ, чтобы и разсудокъ нашъ былъ цѣломудреннымъ. Меня подстрекала охота продолжать щастливую игру (такъ я называлъ тогда эту страсть) и заставила выскивать предлогъ къ нарушенію честнаго слова, даннаго моею женою, и тогда никакія плутины, никакая ложь не были низки для моего оправданія; я перешолковывалъ свои собственные слова: я общалъ болѣе не играя въ этомъ домѣ, разумѣется, думая я самъ про себя: если-жъ я дѣйствительно не сказалъ этого, однакожь думать сказанъ; слово мое не мо-

(*) До пяти тысячъ. — К.

жестъ бытъ нарушено, если я пойду играшь въ другой домъ. Жалкое умствование! Еще огорчительнѣе и пагубнѣе, что такое жливое умствование успокоило мою совѣсть. Какъ легко слабый человекъ впадаетъ въ преступленіе, гонясь за удовольствіемъ. Укрѣпя себя такими убѣжденіями, я пустился въ домъ *иностранцевъ*, и послѣ двухъ часовой игры, вышелъ столько же щасливъ и почти съ такимъ же выигрышемъ, какъ и въ первый день. Удача сдѣлала меня умѣреннымъ; и я, въ надеждѣ на щасливую игру, рѣшился играть, покуда выиграю 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ или 200 тысячъ франковъ, и тогда открыться чистосердечно женѣ съ торжественною клятвою не играшь болѣе. Такъ разсуждая, думалъ я удержатъ тайну щасія въ своихъ рукахъ; я мысленно хвалилъ себя за то, что ограничиваю свой выигрышь такою бездѣлкою. Отъ *Фраскети* (преще мое посѣщеніе), по щасію, или лучше сказать, по несчастію, въ послѣдствіи мною испытанному, вышелъ я еще съ большимъ выигрышемъ, чѣмъ изъ двухъ первыхъ игральныхъ домовъ. И тогда, подобно тигру, жаждущему крови, сдѣлался я алчнымъ къ богатству; я уже раскаивался въ незначительномъ ограниченіи выигрыша, рѣшась на будущее время удвоить оный. — Еще одинъ щасливый день, и достапочио; но и топъ не насыпилъ бы меня! Призраки будущаго моего величія носились предо мною: я воображалъ себя обладателемъ черпоговъ, великолѣпнѣйшихъ дворца королей моихъ, о дачѣ подъ Лондономъ, гдѣ грезилось мнѣ, что создаю на свой вкусъ домъ, развожу сады съ водомѣтами, бьющими до облаковъ, съ бронзовыми статуями, съ мраморными бесѣдками. Это и во снѣ представлялось мнѣ. Я проснулся, какъ въ чаду — и тѣмъ же упромъ пустился исполнять мое предположеніе, съ изступленіемъ, весьма похожимъ на сумасшествіе.

Малодушные и нечестивые помыслы! Одинъ оборотъ колеса фортуны не образумилъ меня, а повергъ въ чрезвычайную горестъ и отчаяніе: нѣсколько неудачныхъ ставокъ лишили меня почти половины выигрыша.

Не привыкнувъ къ несчастію, я потерялся, и проигрывалъ все болѣе и болѣе. Я продолжалъ спавить вдвое, будучи ослѣпленъ бѣшенствомъ, и пересталъ играшь уже ночью, проигравъ весь прежній выигрышь и собственныхъ своихъ денегъ значительную сумму. Я не умѣлъ еще судить по опыту о душевной горести, хотя недавно осуждалъ проигравшихъ то, что я выигралъ, и внутренно проклиналъ тѣ выгоды, которыя основаны на несчастіи другихъ. Но самъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы оставить сіе очевидное и неизбѣжное бѣдствіе и чувствовалъ только, какъ будто меня обманомъ, и потому горѣлъ непереносимымъ опомспіемъ. Сердечная скорбь предсказывала мнѣ разореніе и нищету, слѣдовало только бы воздержаться; довольно сказать, что спростъ, бѣшенство и неистовство играшь, поглотили всякое чувство въ моей душѣ: участіе моя была хуже Прометеевой! Меня терзалъ и снѣдалъ внутренній огонь, котораго ничто не въ силахъ было погасить; увы! самая даже бѣдность не погаситъ. Во дни моего благоденствія, никогда не расположенъ я былъ обманывать свою жену; а только предполагалъ выиграть 10 или 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и потомъ рѣшительно откажась отъ игры. Но теперь разореніе ея и дѣтей, чувство вѣроломства и преступленія, оправлавшее меня поскою, произвели во мнѣ невыносимое душевное мученіе. Я еще могъ бы спастись, если-бъ имѣлъ смѣлостъ открыть женѣ пагубное свое положеніе, которое наконецъ и открылъ, но уже отъ прусоспи, грозившей мнѣ безчестіемъ. Госпожа *Дезульеръ* говоритъ справедливо, что картежники начинаютъ игру глупцами, а оканчиваютъ бездѣльниками: это самое подтверждаю собственнымъ признаніемъ, къ которому понуждаетъ меня надежда удержатъ другихъ, открывая мои преступления.

Родственница моя ввѣрла мнѣ 700 фунтовъ стерлинговъ для опдачи во Французской банкѣ. На бѣду свою, я съ этою суммою зашелъ въ домъ иностранцевъ, бывшій на пути къ банку; злой духъ шел-

нуль мнѣ: «свопъ-славный случай возвра-
тишь пвой значительный проигрышъ.» Я
выхватилъ бумажки изъ кармана, поспавилъ
на споль, при самомъ началѣ игры—и про-
игралъ. Убитый симъ ударомъ, я пошелъ
домой съ чувствомъ скрыпаго опчаянiя,
разказалъ все женѣ, сколько можно, въ
кряпчайшихъ словахъ и окончилъ пѣмъ,
что она сама нищая, а мужъ ея безчест-
ный человекъ. «Нѣтъ еще, мой милый
Карль!» отвѣчала эта благородная женщи-
на, у которой въ глазахъ блиспало нѣжное
прощеніе преступному мужу. — «Не прав-
да, мой другъ, мы можемъ еще сказать, по-
добно Французскому королю, потерявшему
сраженіе подъ Павіей: *Мы все потеряли, кро-
мь гести*; и покуда мы сохраняемъ честь,
нашъ проигрышъ не болѣе, какъ песчинка:
мы можемъ быть угнепены фортуной, но
обезчещены только самими собою. Возьми
мои брилліанты, они споюптъ гораздо болѣе
проигранной тобою суммы, и если наше
пеперешнее пещастіе понудитъ педя бѣ-
жать изъ Парижа, и забудь эту пагубную
спрасть: по обратися для насъ въ вели-
чайшее благодѣаніе.» Она не произнесла ни
малѣйшаго упрека, не показала даже непри-
ятнаго вида. Я не пропустилъ однако же
замѣпить ея нѣжность, кпорою она спа-
ралась, соединилъ свою участь съ моею, успо-
коивать мои чувства и извинять мое пре-
ступленіе. Благомыслящая женщина! Самъ
адъ не могъ выискать большаго для тебя
бѣдствiя, какъ привязать тебя къ душѣ,
не чувствующей спыда, и споль неблагодар-
ной, какъ моя!

Чишапель, не презришь ли ты меня и не
спанешь ли проклинашь болѣе, нежели я
самъ себя проклинаю, когда скажу тебѣ,
что вмѣсто благодарности за такое вели-
кодушiе, я имѣлъ гнусность оспаться въ
Парижѣ, продолжая игру на деньги, выру-
ченныя за брилліанты жены; сдѣлаться
подлымъ попрошайкою въ займы, съ кляп-
венными обѣщанiями вскорѣ заплапить,
когда зналъ, что не имѣлъ на то способовъ,
и подвергнувшись упрекамъ опъ своихъ зна-
комыхъ, при вспрѣчѣ на улицѣ? Часто бы-
вая въ игральномъ домѣ, я свелъ нѣкоторое

знакомство съ лордами Т., F., G., W., съ пол-
ковникомъ L., и особенно съ бѣднымъ S-t.,
еще прежде, нежели онъ промпалъ огром-
ное свое состояніе. Его съ печали разбилъ
параличь. Я былъ въ дружеской связи съ
другими своими соотечественниками, копы-
ры съ перемѣннымъ щастіемъ, но гораздо
съ бѣльшими средствами, нежели я, жер-
твовали *Красному* и *Черному* демону. Если
сіе кряпкое повѣствование попадетсѣ на
глаза кому либо изъ моихъ вышенисаныхъ
знакомыхъ, по ласкаюсь надеждою, что они,
прочитавъ, извлекутъ изъ него для себѣ
нѣкоторую пользу; по крайней мѣрѣ, бу-
дупъ знать, что я не забылъ ихъ уча-
спiя, ихъ вѣжливости. — Знаю, что не за-
служиваю ихъ пособiй и недостойнѣ ихъ
вниманiя, однако-жь я никогда не вообра-
жалъ, чтобы испощеніе собственныхъ сво-
ихъ средствъ и невозможность получить
опъ другихъ пособiе, довели меня до такого
ужаса. Тоска о проигранномъ имуществѣ,
бѣдственное униженіе, разспроенность раз-
судка, при мысли, что семейство мое удру-
чено нищетою, были ничто, совершенно
ничто, въ сравненiи съ раздирающими меня
муками о томъ, что я долженъ опказаться
опъ игры. Это покажетсѣ невѣроятнымъ,
однако-жь испинно такъ было. — Сидѣть
за игральнымъ споломъ съ пустыми карма-
нами, и спопрѣть, какъ другіе играютъ,
было несперпимо, я завидовалъ даже пѣмъ,
кои проигрывали. Если-бъ кто согласился
погда играть со мною на мои глаза, на ру-
ку, на ногу, на самую жизнь, я бы не оп-
казался. Тысячи дьяволовъ, казалось, гнѣзди-
лись въ моей головѣ: я думалъ, что сошелъ
съ ума, — желалъ даже этого.

Спыдно! Позорно! По я рѣшилсѣ напи-
сать исповѣдь моего моральнаго развраще-
нiя и совершенной потери характера, съ
искренностію, достойною *Жанъ-Жака Руссо*.
Ничего не утаю. Спустия ночь послѣ того
положенiя, кпорое я уже описалъ, будучи
одержимъ адскимъ искушеніемъ, я выбрелъ
изъ дому на разсвѣтѣ, и брѣлъ къ Енскому
мосту, какъ будто бы освѣжитъ запекшія-
ся мои губы, и горящiй мозгъ, шедшимъ
погда проливнымъ дождемъ. Протъжавшіе

мимо меня на рынокъ крестьяне, на своихъ лошадакахъ, пѣли и насвистывали свое благоденствіе; — а мнѣ казалось, будто они насмѣхаются надъ моими бѣдствіями; это приводило меня въ ярость. Когда я подходилъ къ мосту, дождь пересталъ; восходящее солнце, освѣщая рѣку, бросало лучи свои на окружающіе лѣса, по направленію Севры и С.-Клу, и пшички начали порхать. Будучи обожаемымъ природы, я очаровался красотою ея на одну минуточку; скоро мысли мои отвратились отъ Неба, и обратились къ аду. — Я скрежеталъ зубами и впалъ еще въ большее опчальніе.

Я всегда вѣрилъ внезапно и непреодолимымъ побужденіямъ; такая мысль не должна казаться смѣшною тому, кто довольно коротко знакомъ съ быпонисаніемъ злодѣйствъ. Поршреть *Сары Малькольмъ*, смертоубійцы, который видѣлъ я въ галереѣ лорда *Малерева*, возбудилъ во мнѣ желаніе прочиташъ судъ надъ нею и казнь ея, въ Ньюгемскомъ календарѣ. Я нашелъ, что мысль о злодѣяніи вдругъ внезапно вошла ей въ голову, безъ малѣйшаго къ тому повода, и что она чувствовала, какъ будто бы невидимою силою пинуло её къ совершенію смертоубійства: подобныя показанія многихъ другихъ злодѣевъ тоже подтверждаютъ. — Въроятно еще въ свѣжей памяти у многихъ, что убійца господина и госпожи *Бонаръ* въ Чисельгарстѣ, чистосердечно объявилъ судьямъ, что ему даже не снилось о преступленіи, что мысль сія вдругъ вошла ему въ голову и привела къ кровавому дѣлу. Многие не могутъ глядѣть на пропасти, не почувствовавъ влеченія броситься туда. Я зналъ весьма чадолюбиваго отца, который не могъ подойти къ окну съ дымящею въ рукахъ, чтобы не почувствовавъ какого-то внутренняго побужденія бросить ребенка за окно! Зналъ другаго, благороднаго, ничѣмъ не занятаго человека, который идя по большой дорогѣ, и видя у проходящаго человека высунувшуюся изъ кармана книжку, или плапокъ, тотчасъ принуждалъ его оспанавливаться, или самъ перебѣгалъ дорогу, чувствуя непреодолимую спрость украть сія вещи.

Такія сумасбродныя мысли рождаются отъ поврежденнаго или распаленнаго воображенія; онѣ влекутъ къ совершенію дѣйствій, какъ будто въ облегченіе болзненнаго видѣнія, на томъ же самомъ основаніи, какъ преступника добровольно предашь себя въ руки правосудія, потому, что смерть ему кажется сноснѣе, нежели спрхъ оной. Не думайте, что я ищу сокрыть отъ кого либо изъ сихъ несчастныхъ послѣдствія ихъ преступленій, о, нѣтъ! Я только доказываю спрнное свойство разсудка, дѣйствіе котораго надъ самимъ собою представляю въ подтвержденіе.

Стоя на мосту и отвращая взоры отъ карпины, которую я только что изобразилъ въ моемъ опчальніи, — я успремилъ вниманіе на спокойно текущія подо мною воды. Онѣ, мнилось мнѣ, приглашали меня погасить пылающій во мнѣ огонь, который испинно пожиралъ меня; рѣка шептала мнѣ издалека о томъ спокойствіи и забвеніи, которые ожидаютъ меня на днѣ Лепи: всѣ члены мои были объаты скорымъ и непреодолимымъ побужденіемъ броситься въ воду; и не прошло полминуты отъ перваго моего чувства, какъ я перелезъ черезъ перила и бросился въ рѣку внизъ головою! Плескъ воды въ ухахъ и мгновенный блескъ множества огней въ глазахъ моихъ, были послѣднимъ для меня впечатлѣніемъ. Обстоятельствахъ моего спасенія я никогда не имѣлъ духа спрашивать. Очувствовавшись, увидѣлъ я себя лежащаго на кровати; возлѣ меня сидѣла въ слезахъ моя жена, которая тотчасъ приняла веселый видъ, и сказала мнѣ, что со мною случилось ужасное приключеніе, что я упалъ въ рѣку, наклонясь посмотрѣть на что-то внизъ. Я былъ увѣренъ, что жена моя знала всю истину; но мы тщательнo извѣтали объясненій по сему предмету. Къ длинному рѣспру моихъ преступленій прибавился еще одинъ, о которомъ никогда не напоминала мнѣ моя добрая подруга. Она вышла на минуточку и возвратилась, ведя нашихъ дѣтей, которые бросились ко мнѣ съ радостнымъ крикомъ; каждый изъ нихъ рвался первый поцѣловать меня, спрашивая о моемъ здо-

ровѣ, со слезами на глазахъ. Въ это время безчеловѣчіе и гнусная низость самоубійства пробудили мою совѣсть, и я, заглуша самолюбіе, невольно вскричалъ: «Какой я подлецъ!»

Съ Англ. *А. Б.—овъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ЗВѢЗДОЧКѢ.

Какъ хорошо блистаешь ты
На небѣ голубомъ,
Какъ ярко свѣпишь съ высоты
Въ безмолвіи ночномъ! . . .

Запахло все, окрестность спитъ,
Сребрима луной;
Листокъ въ дубравѣ не шумитъ,
Умолкъ пѣвецъ ночной. . .

Одинъ безмолвно я споялъ,
Въ часъ ночи, подъ окномъ
И съ грустью въ сердцѣ вспоминалъ
О щастіи быломъ.

Гдѣ юность вольная моя?
Товарищей кружокъ?
Я въ степи холодной бытія
Остался одинокъ. —

И челоуѣка въ мірѣ нѣтъ,
Кто-бъ поужилъ со мной;
Такъ запоздалый вицель цвѣтъ
Осеннею порой. —

Такъ думалъ я,—и вдругъ вдали
Запеплилась звѣзда;
И думы черныя мои
Разсыпались тогда.

Пришло на память много мнѣ
О чемъ хотѣлъ забыть
И въ мрачной сердца глубинѣ
На вѣки схоронить. . . .

Еѣ я вспомнилъ, какъ она
Въ глухой ночной тишинѣ.

Смотрѣла на звѣзду одна,
Съ волненіемъ души.

Привѣщенъ былъ тогда пвой лучъ,
Завѣтная звѣзда,
Зачѣмъ же ты въ полночь часъ средь тучъ
Не скрылась навсегда?

Зачѣмъ въ досаду мнѣ горишь
На небѣ голубомъ,
И свѣпомъ мнѣ своимъ пвердишь
О бѣдственикомъ, быломъ? . . .

Но нѣтъ, ты съ тихой высоты
Привѣтливо глядишь;
Тамъ много звѣздъ, но всѣхъ ихъ ты
Одна свѣтлѣй горишь.

Ты замѣляешь мнѣ друзей
Въ пустынной сей странѣ,
И въ тяжкой горести моей
Одна опрада мнѣ.

Бышь можешь, что въ лучахъ звѣзды
Друзья, которыхъ нѣтъ,
Мнѣ шлютъ съ нагорной стороны
Свой ласковый привѣтъ.

Окончивъ жизнь, на ту звѣзду,
Бышь можешь, преселюсь,
Еѣ спрадалицу найду
И съ ней соединюсь! . . .

Я не имѣю никого,
Будь другомъ мнѣ хоть ты,
И вплоть до гроба моего
Привѣтливо свѣпи.

Тебя я буду ожидать
На небѣ въ часъ ночной,
Тебя я буду провожать
Предъ упренней зарей.

Сроднись, звѣзда, съ моей душой,
Опрадой будь въ слезахъ;
Когда-жъ придетъ часъ смертный мой,
Попухни въ небесахъ! . . .

М. Делидовъ.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* въ азбукѣ оны буква въ шѣхъ слсвахъ,
копорья, кончаюся на ахъ;
Второй, цвѣтокъ, хоть не душисть, красивъ
собою;
А *цѣлое*, казакъ, прославленный войною.

Въ No 69-мъ, помѣщенная шарада значить: *Срас-о-вѣ*.

М О Д Е С.

Mme *Lepetit*, rue Grange-Batelière, a fait ces jours derniers une nouvelle façon de capotes froncées qui a obtenu le plus grand succès. Les formes très-déliçates soutiennent si merveilleusement la passe, qu'elle ne peut pas plus se déformer que les passes montées sur doublure; quelques-unes de celles que nous avons vues étaient garnies de ruches découpées, ce qui est plus doux au visage que les ruches de ruban.

Une autre forme du soir, qui va parfaitement aux lumières, est en tulle froncé, avec des rubans de taffetas passés dans les coulisses; tout autour de la passe est un double bouillon en tulle, qui bouffe légèrement, c'est-à-dire figure un peu la ruche et n'est pas aplati comme les biais de crêpe lisse. Voici un mot de détail sur celle que nous avons trouvée au magasin de Mme *Lepetit*, commandée par la jolie Mme *d'O****. Elle était en tulle avec des coulisses roses, ayant sous la passe un tour de tête bouillonné, au milieu duquel étaient piqués de petites fleurs roses en grappes légères; sur la forme un très-simple nœud, qui retenait au milieu d'un bouillon de tulle une longue grappe rose.

Mme *Lepetit* a envoyé de petits bonnets aux différentes eaux, que nous retrouverons cet hiver pour nos négligés de coquetterie. Ils sont en blonde, élégamment ornés de rubans de taffetas, légers comme du tulle et de la gaze. Ils réunissent et la parure des bonnets habillés à fleurs et la simplicité des bonnets négligés en tulle. C'était une difficulté à résoudre, et il appartenait au bon goût de Mme *Lepetit* de la surmonter.

Pl. No 26. Costumes de campagne et de chasse.— Redingote de drap mélangé a boutons de métal ciselé.—Pantalon à la Créole.—Chapeau paille.—Basquette de maroquin.—Habit de drap.—Calotte de peau de taure et guêtres de peau.

М О Д Ы.

Г-жа *Lepetit*, въ улицѣ Grange-Batelière, сдѣлала на сихъ дняхъ новый фасонъ капота на сборкахъ, копорый имѣлъ великой успѣхъ. Самыя легкія подшавки поддерживающъ такъ чудесно поле, что оно нисколько не можетъ испорчиться, какъ и поля на подкладкѣ; нѣкоторые изъ шѣхъ, копорые мы видѣли, были отдѣланы вырѣзанными рюшами, что гораздо лучше къ лицу, нежели рюши изъ леншъ.

Другой фасонъ для вечернихъ капотовъ, чрезвычайно красивъ при огнѣ; они изъ шюля, на сборкахъ; вздержки продернуны пафьяными ленпами; вокругъ поля двойная буфа изъ шюля, немного собранная, то естъ походить на рюшъ, а не такъ плоско лежатъ, какъ косыя полоски изъ гладкаго крена. Вотъ нѣсколько подробностей о шляпкѣ, копорую мы нашли въ магазинѣ г-жи *Lepetit*, заказанной хорошенькою г-жею *O*. Она была изъ шюля, на розовыхъ вздержкахъ, подъ полемъ вокругъ лица буфа, въ срединѣ копорой вошкнуны мелкіе розовые цвѣточки, сдѣланные легкими киспями; на шудѣ весьма простой баншъ, копорый придерживалъ въ срединѣ шюлевой буфы длинную розовую киспъ.

Г-жа *Lepetit* послала маленькіе чепчики на разные воды. Мы опять увидимъ ихъ нынѣшнею зимою въ нашихъ щеголеватыхъ *неглиже*. Они блондовые, красиво отдѣланные пафьяными ленпами, легкими какъ шюль или газъ. Они соединяющъ парядъ чепцовъ съ цвѣтами съ простопшо обыкновенныхъ шюлевыхъ чепцовъ. Преодолѣть эту трудность, принадлежало хорошему вкусу г-жи *Lepetit*.

Карп. No 26. Костюмъ деревенскій и охотничій, изъ сукна, съ металлическими пуговицами.—Панталоны à la Créole.—Шляпа соломенная.—Карпузъ сафьянный.—Плашье суконное.—Панталоны лосиные.

Мать. Ну, такъ чего же ты хочешь ?

Дитя. Кричать!

*

Вопль истинный характеръ оппозиціи!

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОЛОДАГО МАТРОСА.

Въ 182* году, одно Англійское киполовное судно, плавая въ Южномъ морѣ и ощутивъ недоставокъ въ прѣсной водѣ и дровахъ, пристало къ группѣ Галлапагосскихъ острововъ, лежащей во сна морскихъ мляхъ отъ береговъ Перу. Здѣсь оно встрѣшилось съ однимъ Американскимъ бригомъ, который дни за два прибылъ туда по тому же поводу. Бросивъ якорь, суда сіи отправили къ берегу шлюбку, съ часію своего экипажа и съ бочками для налитія ихъ водою. Вышедъ на берегъ, моряки раздѣлились на два отряда, изъ которыхъ одинъ оспался на взморьѣ, а другой отправился въ лѣса, занимавшіе средину острова, чтобы опыскавъ въ нихъ источникъ ключевой воды. Къ сему послѣднему отряду принадлежалъ *Джонъ-Бардъ*, молодой семнадцатилѣтній матросъ. Опыткивая источникъ, онъ спалъ гонясь за большими пшицами, которыя въ самомъ дѣлѣ легко могли быть пойманы по своему шяжелому и низкому полету. Однако же, сколько ни старался *Джонъ* схватить свою добычу, но она безпрестанно ускользала отъ рукъ его. Пробѣжавъ большое пространство, онъ наспигалъ проклятую пшицу и заносилъ уже руку, чтобы поймать её, но она улетала, и онъ снова принимался за нею бѣгать.

Такимъ образомъ прошло около двухъ часовъ, но молодой морякъ, занявшись своею охотою, не замѣчалъ ни времени, ни пространства и зашелъ довольно далеко въ чащу лѣса. Увидѣвъ наконецъ бесполезность своихъ преслѣдованій, онъ спалъ думать о возвращеніи на мѣсто, гдѣ пристала ихъ шлюбка. Съ этимъ намѣреніемъ, онъ пошелъ по тому направленію, которое, по его мнѣнію, вело туда, но вмѣсто того, чтобы при-

ближаясь къ берегу, болѣе и болѣе отъ него отдалялся, такъ, что наступившій вечеръ заспалъ его совершенно заблудившимся. Такъ какъ весь островъ занималъ пространство довольно незначительное, то это ни мало не обезпокоило *Джона*, и онъ весело рѣшился провести ночь подъ открытымъ небомъ, будучи увѣренъ, что завтра безъ труда найдетъ дорогу къ берегу. Утоливъ изъ ближняго источника жажду, онъ взлезъ на въпвисное дерево, расположился на немъ какъ только можно было покойнѣе, и не смотря на печальные крики ночныхъ пшицъ, летавшихъ вокругъ него десятками, закрылъ глаза и спокойно проспалъ до самаго разсвѣта.

Проснувшись, онъ пустился въ путь, переплывъ желая выпши скорѣе изъ лѣса: ибо голодъ начиналъ уже помшть его. Нѣсколько часовъ шелъ онъ самъ не зная куда, оспанавливаясь по временамъ въ надеждѣ услышать съ корабля пушечный выстрѣлъ, который бы послужилъ ему сигналомъ и указалъ направленіе, которому онъ долженъ былъ слѣдовать. Не слыша ничего, онъ принимался кричать изо всѣхъ силъ, чтобы извѣстить о себѣ людей, которыхъ могли послать съ корабля его опыскивать. Упомясь наконецъ скипаться по лѣсу безъ всякаго успѣха, онъ взлезъ на вершину высокаго дерева, но все, что онъ оттуда увидѣлъ, были одни только холмы, покрытые лѣсомъ. Голодъ принудилъ его оспановиться и подумать о средствахъ пропитанія. Онъ вооружился толстою дубиною, въ надеждѣ подстеречь какого нибудь звѣрка, чтобы убить и съестъ его. Это было единственнмъ способомъ, который ему оставался, потому что деревья, его окружавшія, были совершенно лишены плодовъ. Поиски его оспались безуспѣшны; онъ нашелъ только огромную змѣю, и убилъ её, но не рѣшился употребить въ пищу.

Такъ провелъ онъ цѣлый день, и наступившая ночь еще исугубила ужасъ его положенія. Надобно замѣтить, что климатъ Галлапагосскихъ острововъ, хотя они лежатъ и подъ экваторомъ, вовсе не такъ

зносень, какъ въ другихъ спранахъ жаркаго пояса. Въ полдень, воздухъ бываетъ тамъ пепель и припненъ, но по упрямъ и вечерамъ онъ спановишся холоднымъ, и такимъ образомъ бѣдный *Джонъ* долженъ былъ бороться въ одно и тоже время съ голодомъ и спужею. Съ другой стороны, встрѣпивъ днемъ змѣю, онъ боялся быть ужаленнымъ ночью однимъ изъ эпитхъ пресмыкающихся, и потому опять рѣшился провести её на деревъ, котораго листья послужили ему пищею. Но *Джонъ* не могъ уснуть; опчаяніе начинало овладѣвать имъ; онъ мучился опасеніемъ, чтобы корабль его не опплылъ въ его отсутствіе, и почипалъ себя невозвратно погибшимъ, если-бы это случилось.

На завтра упромъ, онъ слѣзъ съ дерева и рѣшился иппи прямо, пока дойдетъ до морскаго берега, съ какой либо стороны оспрова. Но опъ слабоспи онъ едва могъ передвигать ноги. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ филина, сидѣшаго на вѣткѣ невысоко опъ земли; подкравшись къ нему пихонько, онъ убилъ его палкою и такимъ образомъ добылъ себѣ завтракъ. Не смотря на то, что мясо этой птицы имѣло самый непріятный вкусъ, голодъ заставилъ его преодолѣть опвращеніе, и эта скудная пища подкрѣпила его силы. Къ вечеру онъ пришелъ въ совершенное изнеможеніе, и скоро въ немъ опкрылась жестокая горячка. Однакоже, надежда все еще не оставила его: онъ оспановился у подошвы высокой горы, на которую намѣренъ былъ взойти въ слѣдующій день, и съ которой надѣялся увидѣть море.

Ночь была темная и дождливая; бѣдный мапрось съ трудомъ взобрался на дерево, котораго густыя вѣтви обѣщали ему защиту опъ дожда; эту ночь онъ провелъ покойнѣе, но проснувшись, почувствовалъ себя чрезвычайно слабымъ и промокшимъ до костей. Упромъ погода прояснилась, и когда солнце согрѣло озябшіе члены нещасливаго *Джона*, онъ пустился на вершину горы. Силы оставляли его на каждомъ шагу, но послѣ немовѣрныхъ усилій, ему удалось, однакоже, достигнуть желаемой цѣли. Можно представить себѣ его радость,

когда онъ увидѣлъ, въ недалекомъ разстояніи опъ горы, безпредѣльное пространство Океана, и самую бухту, въ которой приспала къ берегу ихъ шлюбка. Но радость эта была не продолжительна и мѣсто ея заступило опчаяніе, когда онъ удостоивился, что корабль его оспавилъ оспровъ, и что даже Американскій бригъ распускалъ паруса, чтобы опправиться въ свою очередь. До берега ему оставалось не болѣе мили; но кромѣ того, что онъ подвергался опасности снова заблудиться въ продолженіе этаго перехода, его мучила боязнь, что бригъ будетъ уже далеко, прежде чѣмъ онъ успеетъ обратиться на себя вниманіе экипажа крикомъ или знаками. Со всѣмъ тѣмъ, онъ не хотѣлъ упускать единственнаго средства къ спасенію, ему остававшагося, и какъ безумный, побѣжалъ съ горы, по камнямъ и чрезъ кустарники, которые до крови изранили все его тѣло. Послѣ двухъ часовоой птяжелой ходьбы, онъ пришелъ наконецъ къ морскому берегу, но было уже поздно, и только паруса Американскаго брига свѣплѣли бѣлою почкою на горизонтѣ.

И такъ, ему не оставалось никакой надежды! Чрезъ нѣсколько дней, пустынный оспровъ долженъ былъ сдѣлаться его могилою! Не смотря на то, что природа одарила его мужествомъ и пвердостью, онъ не могъ устоять противъ этой ужасной мысли, и упалъ на землю въ страшномъ испуленіи, за которымъ послѣдовала совершенная безчувственность и изнеможеніе. Въ такомъ положеніи пробылъ онъ нѣсколько часовъ, но голодъ наконецъ извелъ его изъ онаго, и онъ ползкомъ спалъ пробираясь ближе къ морю, чтобы поискать тамъ какихъ либо раковинъ; не найдѣвъ ихъ однакоже, онъ принужденъ былъ питаться правою. Вечеромъ онъ укрылся въ лѣсу, а на другой день, вѣспѣ съ разсвѣтомъ, снова подошелъ къ морю; надѣясь найти себѣ пищу. Увидѣвъ на берегу спадо пюленей, вышедшихъ изъ воды, онъ убилъ одного изъ нихъ палкою, и съ жадностию расперзалъ его. Продолжая ходить по берегу, онъ нашелъ черепаху, которую также съѣлъ, и

эта пища чувствительно подкрѣпила его силы.

Но все это не могло надолго обезпечить существованіе несчастнаго *Джона*, и скоро онъ впалъ въ совершенное истощеніе. Нѣсколько разъ овладѣвало имъ отчаяніе, онъ призывалъ смерть и даже заносилъ ножъ свой, чтобы разомъ положить конецъ своимъ страданіямъ; но каждый разъ, чувство самосохраненія, столь сильное въ живыхъ тваряхъ, удерживало его отъ пресупннаго намѣренія; лучъ надежды озарялъ его душу и роковое орудіе выпадало изъ рукъ его.

Въ началъ своего бѣдствія, подкрѣпивъ силы пищею, онъ уходилъ съ морскаго берега на гору, съ которой видѣлъ пригото-вленія къ отъѣзду Американскаго брига. Тамъ проводилъ онъ цѣлый день, не сводя глазъ съ горизонта, и вечеромъ снова сходилъ опшуда, съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Въ послѣдствіи, будучи не въ силахъ всходить на эту гору, онъ избралъ мѣстомъ своихъ наблюденій холмъ, ближайшій къ берегу и удобнѣйшій для восхода. Въ двадцать первый день пребыванія своего на островѣ, онъ взобрался шуда, едва двигаясь отъ истощенія, и это усиліе казалось ему послѣднимъ, къ которому онъ былъ еще способенъ. По обыкновенію, онъ долго смотрѣлъ въ даль, на поверхность моря, но успалость и родъ головокруженія, овладѣвающіе въ подобныхъ случаяхъ самымъ сильнымъ и здоровымъ чело-вѣкомъ, принудили его отворопиться. Черезъ нѣсколько времени, снова взглянувъ въ ту сторону, онъ примѣтилъ въ отдаленіи предметъ, формы котораго не могъ себѣ ясно представить. Первою его мыслию было, что онъ видѣлъ корабль, но эпошъ неопредѣленный предметъ показался ему неподвижнымъ, и онъ подумалъ, что это былъ утесъ, возвысившійся надъ водою и до того имъ не замѣченный.

Чтобы удостовѣриться въ этомъ, онъ вопкнулъ въ землю свою палку, и съѣвъ на нѣкоторомъ разстояніи позади эпошъ вѣхи, нацѣлилъ ею въ предметъ, обратившій на себя его вниманіе; съ помощію сего спосо-ба, онъ скоро замѣтилъ, что неизвѣстный

предметъ двигается, изъ чего заключилъ, что по дѣйствительно былъ корабль. Но корабль сей могъ пройти мимо острова, и *Джонъ* смертельно боялся, чтобы онъ не исчезъ у него изъ вида. Онъ спалъ наблю-дать его съ большимъ вниманіемъ, и уви-дѣлъ, что онъ болѣе и болѣе увеличивается; это служило признакомъ, что онъ при-ближается къ берегу. Надежда оживила серд-це *Джона* и силы его возобновились. Скоро сдѣлалось очевиднымъ, что судно плыветъ къ острову; *Джонъ* починялъ уже себя спа-сеннымъ; но вдругъ оно сдѣлало поворотъ, и молодой матросъ осполбенѣлъ отъ ужа-са. Отчаяніе его достигло высшей степени. Однако-же, чрезъ четверть часа, корабль снова поворотилъ къ берегу, и тогда не спало уже болѣе никакого сомнѣнія, что онъ пристанетъ къ небольшой бухтѣ. Радость несчастнаго *Джона* при этой увѣренности превзошла всякое описаніе; онъ прыгалъ, бѣгалъ взадъ и впередъ, испуская радостные вопли, попомъ вдругъ оспанавливался, сно-ва пускался бѣжать, пѣлъ, плакалъ и смѣял-ся вмѣстѣ. Наконецъ, онъ не въ состояніи былъ вынести столь сильнаго ощущенія и упалъ безъ чувствъ.

Когда шлюбка пристала къ берегу, ма-тросы, на ней прибывшіе, подняли бѣднаго *Джона*, и отвезли его на корабль. Капи-танъ и докторъ оказали ему все возможное пособіе. Черезъ нѣсколько дней, *Джонъ-Бардъ* былъ уже въ состояніи вставать, и тогда капитанъ рассказалъ ему, что встрѣтивъ на морѣ киполовное судно, которымъ онъ былъ оставленъ на берегу, и узнавъ о его несчастіи, онъ пожелалъ спасти, если мо-жно, отъ ужасной смерти одного изъ по-добныхъ себѣ, и для этого уклонился отъ настоящаго пуши своего и приспалъ къ Гал-лапагосскимъ островамъ.

По примѣру многихъ моряковъ, *Бардъ* не получилъ отращенія отъ своего званія послѣ эпошъ приключенія. Не задолго предъ симъ онъ служилъ еще штурманомъ на одномъ изъ Англійскихъ военныхъ кораблей въ Портсмутѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОЩАНІЕ 1853 ГОДА.

Прощайте, дѣтки! вашъ старикъ
 На бѣломъ свѣтѣ ошдежурилъ:
 Съ одними ладилъ, балагурилъ,
 Съ другими былъ несносень, дикъ;
 Однимъ придумывалъ я моды,
 Другимъ завязывалъ глаза;
 Однимъ далъ много на *туза*,
 Другихъ опустилъ дѣпьми природы...
 Но приспа шестидесятъ пять дней
 Безплотному, въ прудахъ безщѣпныхъ,
 Не шупка выжишь межъ людей,
 Запѣйливыхъ и беззаботныхъ,
 И умниковъ и проспьяковъ. —
 Я, въ тѣмъ безчисленныхъ прудовъ,
 Педристовъ далъ въ примѣръ Испанцамъ;
 Французовъ ссорилъ съ королѣмъ;
 Полярнымъ заслонивъ щипомъ,
 Царь-градъ не выдалъ Аѳриканцамъ;
 Въ Британіи мучилъ умы;
 Въ Италіи чиналъ псалмы;
 Въ Россіи пвердый миръ упрочилъ;
 Въ Германіи мяжежь каралъ;
 Войну всеобщую отсрочилъ,
 И Грекамъ короля послалъ.

Черкасовъ.

В Ъ Р А.

Средь шума свѣта, средь волненій,
 Средь суелы, среди спраспей,
 Среди безумныхъ нашихъ зрѣній,
 Святая Вѣра—вождь людей,
 Какъ вѣчная скала—споишь несокрушимо!
 И къ цѣли вѣрной и святой —
 Душа спѣшишь неутомимо
 Вкусншь блаженство и покой!

А. Грень.

LOGOGRIPHE.

Je suis avec mon coeur
 Un habile chanteur,
 Qui nait et meurt dans l'esclavage;
 Si tu m'ôtes le coeur,
 Je t'offre un appas séducteur,
 Qui du beau sexe est l'apanage.

Въ No 70-мъ, помѣщенная шарада значить: *Ер-макъ.*

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Одна и двѣ, или любовь поэта, *романъ изъ частной жизни, въ 4-хъ частяхъ, соч. В. Соколовскаго, М. Въ тип. Н. Степанова, 1834. Съ 4-мя литографированными въ заведеніи Логинова картинками, ц. 15 р. ассигнаціями. (*)*

Пошло на Русскіе романы. Были историческіе, были нравоописательные, и вошь пожаловали къ намъ шакъ называемые романы изъ частной жизни, въ подражаніе *Бальзаку*. Однако, эпого нельзя сказать съ неудовольствіемъ, пробѣжавъ двѣ, при справки эпого романа, сочиненнаго г. *Соколовскимъ*, авторомъ *Мірозданія*, стихотворенія, полнаго истинной поэзіи,—потому что вообщѣ *Одна и двѣ* доставяють истинное удовольствіе всякому читателю съ порядочнымъ вкусомъ. Предувѣдомляю васъ: шупъ нѣтъ ни одной сцены отвратительной, раздражающей душу, заславляющей содрогаться невинность и честность. Авторъ въ концѣ подчуешъ любителей смертной хрипоты, кинжаловъ, выломанныхъ реберъ, запекшейся крови, пѣны бѣшенства, похотливой кожи, прыщей честолобія, чирьевъ завиранія, и всего эпого отвратительнаго венегрепа—одною главою, въ копорой чего хочешъ того просишь; но глава эта естъ самая злая на юную Французскую словесность и Русскихъ ея подражателей. Къ щастію, юная развратница упадаешъ даже во Франціи.

(*) Продаешся: въ Москвѣ у *В. Логинова*, въ С. Петербургѣ у *Смирдина* и *Закина*.

Г. Соколовский, подобно автору *Камгадалки* и *Догери купца Жолобова*, переносят насъ въ родину свою Сибирь, спрашу, споль роскошно одѣшную сѣверною нашею природою, и знакомитъ насъ съ памошнимъ оригинальнымъ бытомъ и съ мѣстностями. По крайней мѣрѣ, двѣ трети романа происходятъ въ Сибири, а остальныя части въ Петербургѣ и въ Москвѣ, которыя автору, по видимому, также хорошо извѣстны, какъ и его родная страна. Главное дѣйствующее лицо есть *Владимиръ Смоляновъ*, молодой человекъ, вышедшій изъ Кадетскаго корпуса за слабостью здоровья съ чиномъ 12-го класса и прозванный поэтомъ, Богъ вѣспъ за что. Нигдѣ не замѣтно, чтобы г. *Смоляновъ* былъ даже поэтъ 12-го класса, хотя и читаетъ *Делила*; но главное дѣло въ томъ, что онъ влюбленъ en vrai poète въ *Лизу Буклину*, которую видитъ въ церкви у заупрени. Ему отъ восхищенія дѣлается дурно; онъ падаетъ въ обморокъ; бракъ *Лизы* помогаетъ ему; онъ знакомится съ *Буклиними*, узнаетъ *Лизу* короче и влюбляется пуще; но счастье подъ луною очень непрочно: отецъ *Смолянова*, важный чиновникъ въ Сибири, хочетъ, чтобы сынъ къ нему прѣхалъ, и потому два чиновника его превосходительства, *Арсій* и *Бльскій*, бездѣльники во всей силѣ и звучности эшаго слова, получили порученіе привести *Володю* въ родительскія объятія. Согласно съ ихъ хитрыми происками, *Вольдемаровъ* дядя, г. *Сашинъ*, акуратный спарикъ, оплично очерченный, опправляетъ племянничка въ Сибирь и разлучаетъ его съ *Лизой*. Въ г. Т**** *Вольдемаръ* знакомится съ однимъ добрымъ Сибирякомъ *Бенингимъ*, узнаетъ дочь его *Раису*, находить въ ней необыкновенное сходство съ милою ему *Лизой* и влюбляется въ неё, какъ слѣдуетъ поэту, не по стихамъ, а по безхарактерности и легкости, но не получаетъ взаимности, потому, что *Раиса* не умѣетъ понимать его. *Смоляновъ* съ досады пѣтешествуетъ по Сибири, и пупешествіе это составляетъ прекраснѣйшую часть романа, который, вообще сказать должно; преисполненъ жизни и игривости, и получилъ свое названіе именно отъ того, что *Воль-*

демаръ спрашно влюбленъ въ обѣихъ дѣвухъ, которыя ему кажутся одною. Это случается подъ часъ съ молодыми людьми. *Арсій*, разсерженный на молодого *Смолянова*, злословитъ его у *Бенингихъ* и самъ женится на *Раисѣ*. *Владимиръ* продолжалъ нѣкоторое время сладостную переписку съ *Лизой*, и депитъ въ Москву, гдѣ *Бльскій* успѣваетъ, чрезъ посредство кумушекъ, очернить его въ глазахъ *Лизиной* маперп, и нашъ бѣдный герой получаетъ опказъ, а *Лиза* выходитъ за мужъ за блестящаго гвардейскаго шнабъ-офицера. *Владимиръ*, или *Вольдемаръ*, какъ называется его авторъ, хочетъ заспрѣмитъ, и ранитъ себя, однако неопасно: ибо иначе, конецъ бы роману. — Sur ces entrefaites умираетъ отецъ *Смолянова* и богатый дядя, — и вотъ нашъ влюбчивый юноша дѣлается юношею съ состояніемъ, хотъ куда. Послѣ неудачнаго спрѣлянья, онъ былъ болѣнъ, но выздоравливаетъ, прогоняетъ *Бльскаго*, низости котораго узнаетъ, ѣдетъ въ Петербургъ; на дорогѣ встрѣчаетъ похороны, это похороны мужа *Лизы*; она свободна, онъ оправдывается — и женится на *Лизѣ*, съ которою и теперь живетъ припѣваючи гдѣ-то на Липейной (*).

Множество характеровъ нарисованы мастерски: ну, кажется видишь ихъ; множество сценъ есть очень, очень удачныхъ, хотя мѣстами и замѣтно слишкомъ близкое подражаніе *Поль-дѣ-Кокю* и *Рикару*. Частныя случаи семейной жизни, *Лафонтеовскія* подробности, картины, рѣзко списанныя съ натуры, одухотвореніе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, легкость разговорнаго языка, странная орѳографія, — вотъ опличительныя качества эшаго романа, который совѣтуемъ чиспосердечно всякому прочесть и надѣмся, что никто за совѣтъ сей на насъ не попеняетъ.

Вл. Б—въ.

MODES.

C'est véritablement une tâche effrayante que celle de chercher la mode chaque jour, dans un moment où

(*) Онъ недавно перѣхалъ въ Канонерскую улицу.—*Прилиганіе наборщика.*

elle ne se renouvelle pas; de dire: voici la nouveauté, quand la nouveauté ne se retrouve nulle part.

Nous qui cherchons moins l'étrange que le vrai, nous préférons répéter avec simplicité cette parole qui nous est répondue sans cesse *attendons un mois*, et nous nous bornerons à dire: nos remarques sur ce qui s'offre à nous des maisons privilégiées de nos lectrices.

Le dessin de ce jour donne le modèle d'un chapeau de paille de riz orné d'un magnifique oiseau de paradis; c'est une grande recherche pour les demi-toilettes, qu'un luxe de plumes dans un moment où la toilette est simple et privée de riches étoffes. Ici encore nous retrouvons les fleurs posées en petites guirlandes, sous la passe du chapeau; Mme *Lepetit* les a placées avec grâce et légèreté. Nous reparlerons à cette occasion des chapeaux de crêpe que nous avons vus dans ce magasin; l'un entre autres, destiné à une toilette de fête, devant être porté avec une robe d'organdi brodé, était en crêpe rose pâle; forme de capote à larges coulisses, n'ayant pour rubans qu'une traverse qui formait les brides; au-dessous de la calotte étaient posées deux branches de liserons, l'une s'élevant contre la forme et la dépassant, l'autre couvrant la forme et reposant contre la passe. Autour du visage était une délicate guirlande de liserons, placée comme une ruche de blonde. Une autre en pou de soie bleu glacé, garnie d'une ruche en ruban foulard bleu et blanc, avait pour ornemens deux branches de *tubéreuses en plumes*.

Ces *fleurs en plumes*, tradition du Brésil, nous sont offertes avec une rare perfection par une jeune artiste qui a obtenu à l'exposition de nombreux éloges pour une corbeille de fleurs mélangées, devant laquelle on s'arrêtait avec plaisir. Il y a dans les fleurs, de M^{le} *Faure*, *rue Saint - Pierre - Montmartre*, une légèreté, une richesse de nuances vraiment charmantes. Les fleurs blanches surtout, entourées d'un feuillage nué en couleurs vives et douces, offre un aspect de vérité qui ressemble bien plus à la nature que les fleurs d'étoffe. Nous avons remarqué surtout des camélias et du jasmin qui sont du plus merveilleux effet, entre les garnitures d'un bonnet de blonde.

М О Д Ы.

Изыскивать моду всякой день, испинно ужасный трудъ, въ то время, когда она не возобно-

вляется; сказать: вопъ новоспъ, когда новоспъ эту нигдѣ не увидиме.

Мы, которые не сполько ищемъ спранное, сколько испинно модное, мы предпочипаемъ лучше повторимъ просто слово, которое безспранно слышимъ въ опивѣтъ: подождемъ еще мѣсяцъ, и ограничимся пѣтъ, что расскажемъ наши замѣчанія на щепъ того, что видѣли въ любимыхъ домахъ нашихъ чипашельницъ.

На сегодншнемъ рисункѣ представлень образецъ басповой шляпки, опдѣланной великолѣпноу райскою пшпчкою; ничего нѣтъ опличнѣе для полу-наряда, этой роскоши перьевъ, въ то время, когда наряды проспы и лишены богатыхъ мапери. Здѣсь опять мы находимъ цвѣты, положенные маленькими гирландами подъ поле шляпки; г-жа *Lepetit* кладетъ ихъ ловко и легко. Мы опять упомянемъ при семъ случаѣ о креповыхъ шляпкахъ, видѣнныхъ нами въ семъ магазинѣ; одна между прочими, назначенная для праздничнаго наряда, должна быть надѣта съ вышитымъ по органди плащемъ. Она была креповая, блѣдно-розоваго цвѣта, сдѣлаца каполомъ на широкихъ вздержкахъ; перекинутая леша соспавляла завязки; по ниже шульы пришплены были двѣ вѣпки *liserons*, одна возвышалась по шульѣ и превышала еѣ, другая прикрывала шулю и ложилась на поле. Около лица была легкая гирланда изъ *liserons*, положенная какъ блондовый рюшь. Другая шляпка, изъ голубаго двучичеваго *pou de soie*, опдѣланная рюшемъ изъ фуларовыхъ лешъ, бѣлыхъ съ голубымъ; на ней были двѣ вѣпки шуберозы, сдѣланныя изъ перьевъ.

Эти цвѣты изъ перьевъ, преданіе Бразильское, представлено намъ съ рѣдкимъ совершенствомъ молодою художницею, получившею на выспавкѣ многочисленныя похвалы за корзинку смѣшанныхъ цвѣтовъ, передъ которою оспанавливались съ удовольствіемъ. Въ цвѣтахъ г-жи *Faure*, въ улицѣ *Saint - Pierre - Montmartre*, испинно прелеспны легкоспъ и богатспво красокъ. Бѣлые цвѣты особенно, окруженные лиспьями, опивенными яркими и нѣжными цвѣтами, несравненно болѣе походипъ на насполице, нежели цвѣты изъ мапери. Мы замѣтили особенно камелин и жасминъ, имѣющие прелеспный видъ между оборками блондоваго чепчика.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 72.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 8 ДНЯ 1834 ГОДА.

Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй, умъ вскружился,
То бережемся, шо объѣдъ:
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕВѢСТА И ЗОЛОТО.

(*Фантастическая повѣсть.*)

На берегу тихаго озера, въ одной изъ самыхъ опдаленныхъ областей Норвегіи, жили двое молодыхъ поварихъ: *Олуфъ* и *Урикъ*. Одинъ изъ нихъ былъ дровосѣкъ, другой рыбакъ. Оба они равно любили одну молодую и прекрасную дѣвушку, жившую въ той же деревушкѣ, и служившую предметомъ исканій для многихъ юношей. *Олуфъ* былъ самый красивый изъ молодыхъ людей, самый привлекательный изъ дровосѣковъ того края; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и бѣденъ, а потому не удивительно, что отецъ прелестной *Маргариты* хмурилъ брови каждый разъ, когда *Олуфу* случалось заглядываться на дочь его.

Не такъ поступалъ онъ съ *Урикомъ*, самымъ надменнымъ и богатѣйшимъ рыбакомъ въ окрестности. Не смотря на то, что молва называла его скрагою и человѣкомъ

ненасытимой алчности, старый *Маркъ*, отецъ *Маргариты*, думалъ, по своей премудрости, что такой неважный недоставокъ никакъ не долженъ перевѣшивать всѣхъ неоспоримыхъ выгодъ богатства. Если люди, которые и не принадлежатъ къ числу жителей Норвегіи, думаютъ почтительно такъ же, какъ старый *Маркъ*, и я знаю многихъ, которые охотно-бы отдали за подобныхъ жениховъ своихъ красавицъ-дочекъ. Естественнымъ слѣдствиемъ такого образа мыслей былъ наконецъ разнесшійся слухъ, что *Маркъ* избралъ богатаго рыбака своимъ зятемъ. Неупѣшная *Маргарита* плакала такъ, какъ обыкновенно плачетъ хорошенькая дѣвушка, которая любитъ одного, и которую, проливъ воли, отдають за другаго. Но слезы и горесть ея были напрасны: старый *Маркъ* не понималъ въ любви ровно ничего; къ тому же, онъ былъ очень упрямъ, и бѣдная *Маргарита* принуждена была записать печаль и любовь свою въ сердце. Что касается до *Олуфа*, то сначала онъ рвалъ на себѣ волосы и уже рѣшился было лишиться себя жизни, но потомъ, разсуждая

о средствахъ, какъ приспустишь къ пому, вздумалъ между прочимъ, что гораздо будетъ лучше, если онъ убьетъ своего соперника, и потому опсправился искать *Урика*, чтобы предложилъ ему съ нимъ драпсья. Тотъ, кто не оставляетъ по себѣ на свѣтъ ни богатства, ни щаспія, дерется охотно; презрѣніе къ жизни-свойство бѣдниковъ. Но человекъ богатый и щаспливый думаетъ иначе, и не такъ легко рискуетъ жизнью. *Урикъ*, изъ благоразумія богатаго и щаспливаго человека, разсудилъ, что ему вовсе не было повода отказываться такъ рано отъ жизни, которая окружала его всѣми своими удобствами; онъ не сталъ драпсья, и *Олуфъ* едва не умеръ съ опчальніи.

Женѣха и невѣсту обручили. Горестъ *Маргариты* придавала красотѣ ея еще болѣе прелести. *Урикъ*, смотря на неѣ, почиталъ себя до крайности въ неѣ влюбленнымъ, и готовъ былъ даже поклясться въ этомъ. Въ одинъ вечеръ, мечтая... О своей прекрасной невѣстѣ? скажете вы.— Нѣтъ, въ головѣ его были совсѣмъ другія мысли. Да и стоило-ли ему терять время на мечты о женщиныахъ, обладаа такимъ огромнымъ богатствомъ? Спросите, объ этомъ у мужчинъ нашего времени, которые за цѣну золота продаютъ любовь свою. *Урикъ* мечталъ о средствахъ увеличить свое богатство. Кто не знаетъ волшебной силы подобныхъ мечтаній? Сила эта была причиною, что *Урикъ* шелъ, шелъ и незамѣтно очутился подъ высокими елями стараго лѣса, который росъ по берегу озера. Въ эту минуту стройные звуки, несшіеся изъ лѣса, поразили слухъ его. Въ звукахъ этихъ было что-то произительное, леденившее душу безопчетнымъ страхомъ. Казалось, сія таинственная музыка не была принадлежностію нашего міра. *Урикъ* слушалъ еѣ, очарованный и вмѣстѣ волнующій пѣгоспнымъ безпокойствомъ. При всей неизяснимой прелести, какую имѣла эта гармонія для его слуха, онъ хотѣлъ бѣжать, но какая-то непреодолимая сила влекла его къ мѣсту, откуда неслись невѣдомые звуки. Нѣсколько разъ силлся онъ возвратиться

назадъ; но его ноги, прошивъ воли, еще послѣшше несли его въ чащу лѣса. Такимъ образомъ, онъ принужденъ былъ итти до тѣхъ поръ, когда пришедши наконецъ на обширную круговину, увидѣлъ предъ собою какое-то исполниское существо.

Это былъ *Ферукабарахъ*, лѣсной духъ, самый злобный и самый спрашный демонъ во всей Норвегіи, и самый опчаянный музыкантъ на двадцать миль въ окружности. Всякій, кто только слышалъ его, топчасъ увлекался непреодолимою силою его гармоніи, и все, одаренное жизнью и движеніемъ, сбѣгалось къ нему отовсюду.

Лѣсной духъ сидѣлъ на пнѣ сломаннаго въпромъ дуба, и игралъ на какомъ-то невѣдомомъ и чудномъ инструмента, между тѣмъ, какъ вокругъ него происходило невданное зрѣлище. Всѣ живошныя, бывшія въ лѣсу, собравшись около *Ферукабараха*, и объятыя какою-то неистовою охотою къ пляскѣ, прыгали и скакали до упаду. Медвѣдь съ важностію переваливался въ кансѣ; прошивъ него, олень выкидывалъ анпрша, которые сдѣлали-бы честь любому балетному панцовщику; лисица выдѣлывала боковые на; волкъ давалъ опчаянные прыжки; рѣзвая бѣлка кружилась около въпвей и скакала по деревьямъ; даже ворона и сова прыгали вокругъ, въ то время, какъ журавль и филинъ опличались плавною поступью и граціозными движеніями à la *Tagliani*.

Демонъ, увидѣвъ *Урика*, бросилъ на него взглядъ, который свойственъ лишь духу мрака, и въ ту же минуту несчастнымъ рыбакомъ овладѣла, какая-то дивная сила, такъ, что не зирая на свое изумленіе и ужасъ, онъ спремглавъ бросился въ толпу четвероногихъ и двуногихъ плясунковъ. Едва лишь онъ сдѣлалъ это, какъ адская музыка загремѣла съ болшею противъ прежняго живостію, и быстрый вихоръ вальса смѣнился самымъ неистовымъ галопадомъ, какой только когда либо танцовали смерпные.

Это превозмогло важность *Ферукабараха*, отъ природы расположеннаго къ веселости,

и онъ вдругъ захохоталъ такимъ необычайнымъ и громкимъ смѣхомъ, что гуль его разнесся далеко по окрестности и самая земля заколебалась. Наконецъ онъ умолкъ, адская музыка прекратилась, а вмѣстѣ съ нею кончилась и пляска. Успалый медвѣдь попался къ своей берлогѣ; олень, задыхаясь, побѣжалъ освѣжиться въ ближнемъ источникѣ; лисица ушла въ свою нору, бѣлка скрылась между вѣтвями, а упомянутая сова заприпалась въ свое любимое дупло.

Урикъ и демонъ оспались одни. Первый охотно бы пустился бѣжать, но въ минуту, какъ эта мысль мелькнула въ головѣ его, ему показалось, что деревья приближаются къ нему и вѣтви ихъ сплелаются, чтобы преградить ему дорогу.

«Здравствуй, *Урикъ*,» сказалъ *Ферукабарахъ*: «я давно предвидѣлъ приходъ пивой. Я ждалъ тебя и готовился принять такого гостя пристойнымъ образомъ. Садись-ка и поговоримъ со мною.»

Съ сими словами, духъ сдѣлалъ *Урику* знакъ занять мѣсто съ нимъ рядомъ. Смущенный рыбакъ съ трепетомъ усѣлся на другомъ концѣ поваленнаго дуба; а между тѣмъ, *Ферукабарахъ*, съ разсѣяннымъ видомъ, принялся развязывать большой мѣшокъ, лежавшій у ногъ его, изъ котораго онъ высыпалъ множество золотыхъ монетъ, покапавшихся по землѣ. Демонъ складывалъ ихъ въ небольшія кучки, и потомъ, перешипавъ, снова клалъ въ мѣшокъ. Между тѣмъ, *Урикъ* жаднымъ взоромъ смотрѣлъ на эти сокровища. Онъ подвигался къ нимъ мало по малу, и наконецъ подошелъ такъ близко, что коснулся плечомъ своимъ плеча лѣснаго дуба.

«Извини меня,» сказалъ ему *Ферукабарахъ*: «ты видишь человека, чрезвычайно озабоченнаго; человека, который, наскучивъ своею щастливою свободою, хочетъ лишиться ея во чтобы то ни стало.»

— А это золото? — спросилъ *Урикъ*.

«Человѣкъ,» продолжалъ *Ферукабарахъ*: «который хочетъ вкусить то, что вы смертные называете сладостію брачнаго союза...»

— По это золото? — повторилъ *Урикъ*.

«Это золото,» отвѣчалъ духъ, бросивъ презрительный взглядъ на сокровища, лежавшія у ногъ его: «оно ничего не значить.»

— Ничего, говоришь ты? —

«Да, ничего, это бездѣлка, которую я назначаю пѣтому, кто поможетъ мнѣ найти жену.»

— Какъ! — вскричалъ изумленный рыбакъ: все это золото! —

«Чтожь тупъ удивительнаго? Я готовъ удвоить, утроить эту сумму, лишь-бы только достигнуть цѣли своихъ желаній.»

— Но можно-ли и сомнѣваться въ этомъ человѣку, тебѣ подобному? —

«О! ты не знаешь женщинъ! ты не знаешь, какъ онѣ причудливы! Повѣришь-ли, что одной не нравился мой цвѣтъ лица, другой мои копыта, третьей моя саваннинская улыбка, четвертой мой дикій взглядъ, и словомъ, всякая опвергала меня по какому нибудь смѣшному предразсудку. Со всѣмъ тѣмъ, я право не вижу въ себѣ ничего такого, чтобы невыгодно отличало меня отъ прочихъ людей. Какъ ты объ этомъ думаешь? прошу тебя быть со мною откровеннымъ.»

— Скажу безъ преувеличенія, — отвѣчалъ *Урикъ*: что у тебя самая выразительная фязіономія изъ всѣхъ, какія я только знаю. Цвѣтъ лица твоего, правда, немного смуглый, имѣешь въ себѣ что-то приятное и чрезвычайно заманчивое. Твоя улыбка, которую женщины величаютъ саваннинскою, дышетъ умомъ и лукавствомъ; а эти козлиныя ноги... но право, не стоить и говорить объ нихъ... подобные вещи такъ не трудно скрыть; при томъ же, въ свѣтѣ ежедневно встрѣчаются неправильности формъ, гораздо разительнѣйшія, нежели эта!... —

«Льстецъ!» сказалъ демонъ съ скромнымъ и нѣсколько жеманнымъ видомъ.... «Но шутки въ сторону, знаешь-ли, что ты судишь чрезвычайно умно. Теперь поговоримъ

о нашемъ дѣлѣ. Хочешь-ли ты помочь мнѣ преодолѣть отвращеніе прекраснаго пола?»

— Охотно! Будь увѣренъ въ моей преданности. Глупо-бы было пошворствовать предразсудкамъ и прихотлямъ женщинъ, когда онѣ и безъ того такъ щедро надѣлены ими. —

«Вижу,» сказала *Ферукабарахъ* съ распроганнымъ видомъ: «что ты человекъ, умѣющий чувствовать, и что сердца наши понимаютъ одно другое. Знай же, что я люблю прелестную *Маргариту*, дочь *Марка*, живущаго тамъ, по другую сторону озера.»

— Какъ? *Маргариту*! мою невѣсту? —

«Что говоришь ты?» вскричалъ *Ферукабарахъ* съ плачевнымъ видомъ: «и ты также любишь *Маргариту*? О, я несчастный! Теперь все кончено.... Мы, духи, умѣемъ, когда нужно, укрощать наши страсти и поступать, какъ предписываетъ намъ долгъ нашъ.... Забудь же то, что я говорилъ тебѣ. Мнѣ бытъ твоимъ соперникомъ! Никогда!.... Я сумѣю преодолѣть себя и спастись искавъ другой жены.»

Говоря такимъ образомъ, *Ферукабарахъ* завязывалъ между тѣмъ свой мѣшокъ съ золомъ.

— Зачѣмъ принимаешь все въ такомъ серьезномъ видѣ? — сказалъ *Урикъ*. — Я ни сколько не упрекаю тебя, и прежде всего прошу успокоиться. Поговоримъ хладнокровно. Ты говоришь, что *Маргарита* также любима побою.... Что же? Если тебѣ суждено сдѣлать её болѣе щастливою, нежели сколько это отъ меня зависить, то не будешь-ли перзать меня совѣсть, когда изъ эгоизма я не соглашусь уступить тебѣ *Маргариту*. Какъ ты объ этомъ думаешь? —

«Я нахожу, что ты имѣешь особенный даръ убѣжденія,» отвѣчалъ демонъ. «Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что уступивъ мнѣ *Маргариту*, ты сдѣлаешь лучшее дѣло въ своей жизни. Будь же самъ въ этомъ случаѣ безпристрастнымъ судьбою.»

— *Маргарита* пвол, — сказалъ *Урикъ*: но женщины, какъ ты знаешь, имѣютъ страсть

противорѣчить, и часто, для собственнаго ихъ блага, нужно бываетъ употреблять принужденіе и даже насиліе. Въ этомъ дѣлѣ, можетъ быть, воспрѣпятся надобность прибѣгнуть къ какой нибудь невинной хитрости, и я заранѣе предвижу много препятствій. А сколько бишь мѣшковъ, объчалъ ты мнѣ: чепыре, или пяты? —

«Я могъ обѣщать такую бездѣлку,» отвѣчалъ демонъ: «когда почивалъ тебя человекомъ обыкновеннымъ, но теперь, увѣрившись въ твоихъ рѣдкихъ свойствахъ, хочу предложить тебѣ награду, болѣе достойную насъ обоихъ. Приведи сюда черезъ часъ *Маргариту*, и я обязываюсь дать тебѣ столько золота, сколько можетъ вмѣстить его челнокъ пвой.»

— И ты готовъ мнѣ поклониться въ этомъ? —

«Клянусь честью *Ферукабараха*!» вскричалъ духъ такимъ ужаснымъ голосомъ, что деревья зашатались и *Урикъ* упалъ на землю. Не возражая болѣе, онъ вспалъ, пошелъ по дорогѣ къ озеру, гдѣ ожидалъ его челнокъ, и чрезъ нѣсколько минутъ явился къ *Маргаритѣ*.

Въ то время, какъ занятый мыслями о золотѣ, которое назначено было цѣною его невѣсты, онъ придумывалъ средства вовлечь её въ когти сатаны, *Олуфъ*, скипаясь по лѣсу, сокрушался о своей прискорбной участи, по примѣру всѣхъ несчастливыхъ любовниковъ, и возсылалъ къ Небу горькіе упреки. Очень естественна, что углубившись въ эти печальныя сѣнованія, онъ не думалъ смотрѣть себѣ подъ ноги. Опъ этого онъ споткнулся, и упалъ на что-то твердое, загородившее ему дорогу.

«Эй, болванъ!» закричалъ ему кто-то хриплымъ и сердитымъ голосомъ. «Развѣ не видишь, что ты рассыпалъ мое золото?»

— Извини меня, — сказалъ *Олуфъ* тихо и печально. — Право, я не замѣтилъ его. —

«Ты или черезъ чуръ разсѣянъ, или просто лжешь. Гдѣ ты видалъ людей, которые бы не замѣчали золота, положеннаго на дорогу? Однако-жъ, помоги-ка мнѣ подобрать»

впи деньги и опять покласть ихъ въ мѣшокъ.»

— Съ большою охотою, — отвѣчала *Олуфъ*, и занятый единственно своею любовною неудачею, со вздохомъ повиновался демону.

« Ты надѣдаешь мнѣ своими вздохами, » сказалъ *Ферукабарахъ*: « и плачевный видъ пвой мнѣ очень не нравился. Нельзя-ли быть веселѣе? »

— Я несчастливъ, — сказалъ *Олуфъ*.

« Несчастливъ? »

— Да. Я люблю молодую и прекрасную дѣвушку, которая выходитъ за моего соперника. —

« И только-то? Нельзя-ли рассказать чтонибудь позанимательнѣе; а это дѣло очень обыкновенное. »

Олуфъ отвѣчалъ на это тяжелымъ вздохомъ.

« И такъ, ты любишь *Маргариту*? »

— Къ сожалѣнію, такъ. —

« Ты долженъ забыть о ней, потому что она обещана другому. »

— Увы! я это очень знаю, и готовъ умереть отъ горя, когда подумаю, что её отдають на жертву негодяю, корыстолюбу. . . . —

« Тише, тише, любезный, знаешь-ли ты, о комъ говоришь? »

— Какъ! развѣ ты другъ моему сопернику, рыбаку *Урику*? —

« Кто говоришь тебѣ объ *Урику*? Знай, что я самъ люблю *Маргариту*, и что я самъ женюсь на ней. За минушу передъ этимъ, я обещалъ дать *Урику* столько золота, сколько онъ назначитъ, за то, чтобы онъ привелъ ко мнѣ сюда свою невѣсту нынче вечеромъ. Теперь, когда я узналъ, что она также дорога тебѣ, какъ и ему, я предлагаю тебѣ столько же золота, сколько обещалъ и *Урику*, если ты съ своей стороны согласишься мнѣ уступить её. »

— Не надѣйся эшаго! — вскричала *Олуфъ*. — *Урикъ* подлый, гнусный корыстолюбецъ,

если онъ заключилъ съ тобою подобный торгъ. —

« Говори, что хочешь, пріятель, но *Маргарита* не сдѣлается отъ эшаго пвоею женою. Послѣдуй моему совѣту: ты не властенъ измѣнить обстоятельство, такъ умѣй по крайней мѣрѣ извлечь изъ нихъ возможную для себя выгоду; это послужитъ тебѣ вознагражденіемъ, которое многіе на пвоемъ мѣстѣ почли-бы особеннымъ счастіемъ. Согласись, чтобы *Маргарита* была моею, и клянусь честію демона! я дамъ тебѣ, кромѣ эшаго мѣшка, полного золотыхъ монетъ, еще семь такихъ же мѣшковъ. »

— Я не продамъ *Маргариты* за все золото въ свѣтѣ, — отвѣчалъ *Олуфъ*, оппалкивая мѣшокъ ногою: и хотя-бы это стоило мнѣ жизни, но она не будетъ цѣною поспыднаго шорга. —

« Но съ богатствомъ, которое я предлагаю тебѣ, безразсудный, ты получишь руку дѣвушки, гораздо прекраснѣйшей, нежели *Маргарита*. »

— Къ чему мнѣ богатство, если я не могу раздѣлить его съ *Маргаритою*! —

« Посмотри на это золото. »

— Я его презираю. —

Въ этомъ мѣстѣ разговора, показался *Урикъ* вмѣстѣ съ *Маргаритою*, блѣдною и объятую ужасомъ. Едва лишь онъ привязалъ къ берегу свою лодку, какъ золотыя монеты, обещанныя *Ферукабараху*, сами собою въ неё посыпались. Крикъ изумленія и радости вырвался изъ груди *Урика*; въ восторгъ, онъ поспѣшно бросился въ лѣсъ, и повлекъ за собою блѣдную *Маргариту*, чтобы скорѣе возвратиться къ своему сокровищу.

« Благодарю, благодарю тебя, » сказалъ *Ферукабарахъ*, увидѣвъ его. « Ты узнаешь, *Урикъ*, умѣю-ли я выполнять свои обещанія; поспѣши, награда ожидаетъ тебя на берегу озера. » — При сихъ словахъ двусмысленная улыбка мелькнула на устахъ демона.

« Что касается до тебя, » сказалъ *Ферукабарахъ*, обратясь къ *Олуфу*: « то я вижу

въ тебѣ челоуѣка необыкновеннаго. Ты выдержалъ испытаніе, тогда какъ я готовъ былъ клясться честью демона, что также, какъ другіе, ты не устоишь противъ искушенія. Этимъ ты приобретаешь право на мое уваженіе. Обними эту дѣвушку, *Олуфъ*, и скажи ей, что въ мірѣ еще есть челоуѣкъ, неспособный продать за золото честь своей любезной. Давно я не встрѣчалъ людей, тебѣ подобныхъ, и боюсь, что и впредь болѣе ихъ не встрѣчу. Теперь, положи эготъ мѣшокъ къ себѣ на плеча, возьми за руку *Маргариту* и спускай къ озеру. Тамъ ты увидишь, какъ я выполняю обѣщанія, данныя тому, въ комъ спросишь къ золоту иссушила сердце....» Съ этими словами демонъ исчезъ.

Олуфъ, еще сомнѣвался, не сонъ-ли онъ видитъ, положилъ на плеча мѣшокъ, взялъ *Маргариту* подъ руку, и оба отправились по дорогѣ къ озеру.

Вдали, на зыбкой равнинѣ, которая начинала волноваться отъ сильной бури, увидѣли они лодку, нагруженную золотомъ и управляемую однимъ челоуѣкомъ. Это былъ *Урикъ*. Сначала волны быстро мчали челнокъ его, и онъ видѣлъ уже въ отдаленіи противный берегъ. Луна, выглянувъ на минуту изъ-за густыхъ тучъ, пролила яркое сіяніе на груды золота, лежавшія у ногъ *Урика*, который, какъ-бы покорствуя какой-то сверхъестественной силѣ, не могъ отвести своихъ взоровъ отъ этихъ сокровищъ, казалось, возраславшихъ по мѣрѣ того, чѣмъ долѣе онъ смотрѣлъ на нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, кучи золота, которыя въ началѣ едва закрывали его ноги, вдругъ поднялись до колѣнъ его, потомъ выше и выше, до пояса, и даже по самую грудь его. Наконецъ, лодка, уступая тяжести золота, начала грозить потопленіемъ, и вода поднялась въ ровень съ ея краями. *Урикъ*, въ бѣшенствѣ и отчаяніи, увидѣлъ тогда опасность, ему грозящую, и съ судорожными усиліями началъ бросать въ рѣку золото горстями, чтобы нѣсколько облегчить челнокъ свой. Но, казалось, чья-то невидимая рука сыпала въ лодку золото по мѣрѣ по-

го, какъ онъ его опшуда выбрасывалъ. Крупный потъ выступилъ на блѣдномъ лбу его; въ ярости, онъ разметывалъ золото руками и ногами, но лодка все болѣе наполнялась, и скоро озеро огласилось жалобными воплями *Урика*. Наконецъ въ изнеможеніи, онъ упалъ на груды золота; луна снова скрылась за тучами, и бездна океана поглотила несчастнаго вмѣстѣ съ лодкою.

Черезъ минуту, *Олуфъ* и его невѣста ничего болѣе не видѣли на поверхности озера: завыванія вѣтра стихли, небо прояснилось, воды опразнили въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, свѣтлый ликъ луны.... но золото и его жертва исчезли на вѣки....

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КУРИТЕЛЬНЫЙ ТАБАКЪ (*).

(*Посвящается вѣтлѣ табакофиламъ*).

Вивантъ, куришельный пабакъ!
Ты намъ веселье, наслажденье,
Съ побою намъ пріятны пакъ
Забавы, дѣло и бездѣлье!...

*

Какъ вкусенъ ни былъ бы обздъ,
Но трубка все въ немъ покрываетъ:
Закуски, вины и десертъ,
И вновь намъ силы освѣжаетъ.

*

Лишь трубка щастіемъ равна
Любезному для насъ предмету;
Она въ усахъ у насъ одна,
Когда въ глазахъ любезной нѣшу.

*

(*) Стихотвореніе сіе сложено однимъ поэтомъ-самоучкою, актеромъ *Сибиряковъмъ*, которому желая успѣховъ, жѣлаемъ какъ можно болѣе держаться національности и природности, какъ можно менѣе заниматьсь мнелогіею, и еще обратитъ вниманіе на правила стихосложенія. Тамашъ въ немъ видѣтъ, но нужно еще и умѣнье и знаніе своего дѣла. — *Прим. доставившаго сіи стихи.*

Какъ гордо съ трубкою сидишь
Богачъ въ блестящемъ кабинетѣ;
Предъ нимъ весь штампъ его молчишь,
О важномъ слушая предметъ.

*

Иль секретарь, придя домой,
Въ чекмень, съ трубкой засѣдаешь,
И какъ бояришь столбовой,
Прислугой мелкой помѣкаешь.

*

Писатель драмы, разсердясь,
Что мысли въ головѣ засѣли,
Закуришь трубку, . . . и потчасъ
Два лучшихъ дѣйствія поспѣли! . . .

*

Въ бостонѣ играя или въ вискъ,
Табакъ и пущь не помѣшаешь,
И у кого кармавъ спалъ чиствъ,
Себя потъ трубкой упѣшаешь.

*

Помѣхи также въ трубкѣ пѣшь
Играючи на билиардѣ :
Курильщикъ съ форсу дастъ приплеть,
Никѣмъ не дѣланный въ азарѣ.

*

И въ чемъ все наше состоишь
Въ дорогѣ дальной упѣшене? —
Ахъ! трубка только облегчишь
Отъ милыхъ сердцу удаленѣ.

*

Или, какъ сладостенъ табакъ
Вечерней, шихою порою,
Какъ армія займешь бивакъ
И воинъ выступишь изъ спрою.

*

Запяжки прочь! . . . И нашъ герой,
Мундшпукъ январный лобызая,
Свой поправляетъ усъ лихой,
Вѣнкомъ изъ трубки дымъ пуская! . . .

*

Тамъ не для прихотли одной
Куришь табакъ необходимо :
Съ нимъ воину климатъ сырой,
Дожди, болоша, все спершимо.

*

Такъ спало бытъ табакъ не зло,
А многимъ служишь для здоровья,
Съ нимъ вновь родилось ремесло,
И опрасли наша торговля.

*

Съ Америкой пѣснѣ связь,
Доходъ умноженъ половиной,
И скажемъ прямо, въ добрый часъ,
Табакъ пущь важною причиною!

*

Когда вездѣ и всѣ курящъ,
За что же мы примѣръ полміру?
Не правъ *Ситпушкинъ*, нашъ камрадъ,
Что на табакъ сложилъ сапирю.

*

Пѣшь, пѣшь, куришельный табакъ
Полезное произрастѣнье!
И несогласны мы никакъ,
Чтобъ въ этомъ было раззоренѣ! . . .

*

Хвала, нашъ *Жуковъ*-патріотъ!
Не уступилъ онъ иностранцамъ:
Его табакъ въ примѣръ идетъ
Завѣжимъ самозванцамъ!

*

Хвала ему, за славный трудъ:
Онъ поддержалъ свое сословье,
И у него-жъ Шампанскимъ пьютъ
За всѣхъ курильщиковъ здоровье (*).

*

Пусть этомъ Русскій хлѣбосоль
Предпринялъ трудъ не по пустому:
Онъ щаспѣ въ табакъ нашель,
Ну, пусть удастѣя по другому!

*

Дай Богъ, чтобы его трудовъ
Подарокъ намъ Американскій
Былъ въ славу нѣсколько вѣковъ,
Какъ нектаръ пѣнисный, Шампанскій! . . .

*

И пакъ, кто что не говори:
Вивать, вивать, табакъ полезный!
Друзья, за мной вслѣдъ повтори:
Вивать, нашъ *Жуковъ* предлюбезный! . . .

(*) Это истинный фактъ: у Василья Григорьевича *Жукова* всероссийскій носетъ весьма оригинальный: за здоровье курильщиковъ табака.

Ш А Р А Д А.

Во всякой азбукѣ мой *первый* слогъ бываетъ;
Второй, есть имя то, которое даютъ

Тому, кто молодца собою представляетъ;
 А *третьи*, изъ печей горшки всѣ доспаютъ.

Въ No 71-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Serein, sein.*

M O D E S.

Pour les toilettes de jour, rien n'est plus convenable que ces fleurs en plumes avec les robes de mouseline ou d'organdi.

Il y a dans ces fleurs peu répandues une distinction de bon goût qui leur promet un succès près de la mode élégante.

Les toilettes d'enfant des magasins de Mme Rome justifient ce que nous avons dit quelquefois de cette maison, où une petite fille de trois ou quatre ans conserve sa gentillesse, et celle de huit à dix ans retrouve toute celle qu'elle perd en grandissant. Rien n'est plus charmant que les capotes de Mme Rome; non-seulement ces petites capotes, jeunes pour de petites têtes, mais sur les mêmes modèles, celles des mères coiffées avec grâce et élégance sous la même coiffure que leurs filles. Les bonnets du matin que renouvelle sans cesse ce magasin, offre chaque semaine une nuance de nouveauté qui échappe à notre description, mais elle doit être sensible pour les femmes qui font de leur négligé une coquetterie de bon goût et de simplicité.

Mme Gleizal, rue Dauphine, vient de monter pour les soirées demi-habillées, de charmantes pélerines en blonde, très-légères, qui remplacent avec les mousselines de soie, les dentelles dont on commence peut-être à se fatiguer. En ce moment Mme Gleizal vient de réunir une quantité de dessins nouveaux qui se rapprochent des dessins de broderie et donnent un aspect tout inconnu à une toilette déjà portée cet hiver. Ses robes de blonde à légers bouquets, à palmes montantes, sont vraiment ravissantes pour des robes de mariée, portées sur une jupe de gros de Naples, avec des manches longues et un corsage à draperies de blonde.

M O Д Ы.

Для дневнаго наряда ничего нѣтъ приличнѣе цвѣтновъ камелии и жасмина изъ перьевъ, съ кисейными или органди платьями.

Въ эпихѣ цвѣпахъ, еще мало извѣстныхъ, есть опличіе хорошаго вкуса, которое общается имъ успѣхъ въ щеголеватой модѣ.

Дѣтскіе наряды, изъ магазина г-жи Rome, оправдываютъ, что мы говорили иногда объ этомъ домѣ, гдѣ маленькая дѣвочка, прехъ или чепырехъ лѣтъ, сохраняетъ всю свою прелесть, а восьми или десятилѣтняя находитъ опять ту, которую она теряетъ выросшая. Ничего нѣтъ прелестнѣе капотовъ г-жи Rome; не только эти маленькіе капоты, для маленькихъ головъ, но по лѣтъ же образцамъ сдѣланные для маперей, убраютъ ловко и щеголегато съ прической дочерей ихъ. Упренніе чепчики, безпрестанно возобновляемые въ семь магазинѣ, представляютъ каждую недѣлю опшѣнокъ новоспн, который исчезаетъ для нашихъ описаній; но онъ долженъ быть замѣненъ для женщинъ, которыя кокетствуютъ въ своихъ неглиже хорошимъ вкусомъ и простотою.

Г-жа Gleizal, въ улицѣ Dauphine, сдѣлала для полунарядныхъ вечеровъ прелестныя блондовыя пелеринки, весьма легкія, которыя замѣняютъ, съ платьями изъ шелковой кисеи, кружева, можетъ быть начинающія уже надѣдаться. Теперь г-жа Gleizal собрала множество новыхъ узоровъ, приближающихся къ узорамъ для вышиваній и придающихъ совсѣмъ новый видъ нарядамъ, бывшимъ въ употребленіи уже нынѣшней зимою. Ея блондовыя платья, съ легкими букетами, съ высокими пальмами, испинно восхищительны для вѣнчальнаго платья, надѣтыя на гроденаплевую юбку, съ длинными рукавами и лифомъ, драпированнымъ блондою.

П о п р а в к а.

Въ No 57 и 58-мъ Лип. Прибавленій во многихъ мѣстахъ повѣсти *Невымышленный Разсказъ*, ошибкою напечатано: гусарскій офицеръ *Лыкошкинъ*, вмѣсто того, что надлежало бы поспавить: *Лукошкинъ*. Спѣшимъ поправить сію неумышленную, но важную ошибку, въ которой не виновать ни г. сочинитель сей повѣсти, ни типографія, ни корректоръ, а плохой переписчикъ и самъ *Издатель*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 73.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 12 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Я самъ дѣшъ пятьдесятъ за мудросью гонюсь,
Тружусь, учусь; но чтожь узналъ я отъ того?
Одно лишь то, что я не знаю ничего.
Со щасьемъ, какъ и всѣ, я встрѣпшился спаруюсь;
Но только находилъ лишь тѣнь одну его;
Его же самаго
На свѣтѣ никогда, повѣрь мнѣ, не бывало;
Съ небесъ оно и не слетало.

П. Суларковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВСЕ НА ЭТОМЪ СВѢТѢ ДѢЛАЕТСЯ
ОПРОКИДЬЮ.

(Два сцены изъ прозаической жизни.)

Проѣзжая черезъ Москву, я остановилъ
въ ней и, самъ не зная какъ и зачѣмъ, про-
жилъ около шести недѣль: все на этомъ
свѣтѣ дѣлается *опрокидью!*

Въ одно утро поѣхалъ я въ государствен-
ный архивъ: вхожу—и нахожу тамъ юнаго,
вдохновеннаго лирика *Улицына*....

..... Свѣтло

Его открытое чело

И зорко пламенное око!

Онъ сидѣлъ, запыленный, осыпанный гни-
лымъ пухомъ стародавнихъ бумагъ, до по-
ловины испоченныхъ червями и прогрызен-
ныхъ молью. «Что вы здѣсь дѣлаете?» спро-

силъ я у него съ удивленіемъ, ударивъ его
по плечу. Молодой поэтъ смутился, вско-
чилъ, раскланялся и отвѣчалъ мнѣ, что его
начальству нужно было опысать и въ
хронологическомъ порядкѣ выписать цер-
моніалы, которые со временъ великаго князя
Василія Иоанновича Тельнаго употреблялись
при торжественныхъ въздахъ Киргизскихъ,
Бухарскихъ и Калмыцкихъ посланцевъ; по
скольку дарилось имъ паръ соболей, куницъ,
лисицъ, корабельниковъ (червонцевъ), и ка-
кое количество опускалось имъ въ сумки
сѣстныхъ спадобьевъ, медовъ и другихъ
напитковъ. Я вызвался добровольно на сіе
дѣло!

Я. Вы неблагоприятно поступили.

Юноша-поэтъ. Почему вамъ это такъ ка-
жется? Я, напроивъ, щитаю, что посту-
пилъ прекрасно: ибо могу обратитъ на се-
бя вниманіе своего начальства исправнымъ

исполненіемъ его порученія, и получишь награду: подарокъ, чинъ и даже орденъ.

Я. Вамъ-бы надлежало слѣдовать своему высокому призванію, и благословенъ былъ-бы пупъ вашъ. А вы здѣсь погубите время, убѣете талантъ, не исполните возложеннаго на васъ дѣла съ пою основательною, съ пою мелочною опчѣпливостью, съ какою исполнилъ-бы его спешный пожилой чиновникъ, съ простымъ здравымъ разсудкомъ. А вы, вы одарены могучимъ духомъ, пламеннымъ воображеніемъ; вы поэтъ! вы Божій избранникъ!

Юноша-поэтъ. Лучше желаю быть коллежскимъ ассесоромъ. Стихи не пою, не корю, не доставляю въ свѣтъ никакого преимущества; я, рѣшительно навсегда отъ нихъ отказавшись, уже приобрѣлъ нѣкоторый навыкъ къ дѣламъ—и вы несправедливы, полагая, что я соскучусь, и не кончу дѣла, которое самъ на себя принялъ. Я далъ себѣ честное слово, не напишу ни одного стиха, не быть ни разу въ театрѣ, не дышать чистымъ загороднымъ воздухомъ, пока не буду совершенно доволенъ своею работою.

Я. Предсказываю, что вамъ не быть никогда въ театрѣ, не прогуливаться въ садахъ и рощахъ. Скажу еще болѣе, вы не получите награжденія за тяжкій трудъ свой.

Юноша - поэтъ не могъ вынести грубыхъ испинъ, которыя, не щадя его самолюбія, и открывалъ ему; онъ отвернулся, пошупилъ голову; началъ еще съ большимъ рвеніемъ рыться въ бумагахъ—вынюхивать изъ нихъ плѣсень и выпряхивать моль.

Пожалѣвъ о немъ, какъ о человѣкѣ, для словесности потерянномъ, я пошелъ далѣе, и въ четвертой палатѣ увидѣлъ Михаила Ильича *Дѣ-ла-Сезонъ*, почтеннаго изыскателя опечесвенныхъ древностей, глубоко-мысленнаго историка, краснорѣчиваго прозаика и неподкупнаго оцѣнщика сокровищъ нашей литературы; я бросился обнимать его. Поговоря о томъ, о сѣмъ, я бросилъ невольно взоръ на лежавшій передъ нимъ

полуисписанный листъ бумаги, и съ сердечнымъ участіемъ спросилъ у него о его занятіяхъ. Онъ опивчалъ мнѣ, что служилъ здѣсь при архивѣ и даетъ частные уроки Русской исторіи.

Я. Архивъ есть настоящее мѣсто для васъ; вы здѣсь вдвое полезнее, чѣмъ гдѣ либо. Ваши дѣльные замѣчанія на недѣльную *Исторію Русскаго народа* и обличеніе поддѣльных историческихъ рукописей, напечатанныхъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* ихъ издавелемъ, показали намъ, что мы имѣемъ въ васъ учёнаго педагога и писателя, умѣющаго осыпая цвѣтами сухія спящія исторической крипки. Умъ вашъ основательный, точный, но холодный: ш. е. точно такой, какой вамъ надобенъ; слогъ вашъ чистъ, но не поворопливъ, безцвѣтенъ и безуханенъ; онъ соопвѣстствуетъ предметамъ, которыми вы занимаетесь. Вы, какъ я слышалъ, прудитесь теперь надъ сочиненіемъ о *Александриѣ и объ участіи Бориса Годунова въ убіеніи Царевича*.

Археологъ (въ замѣшательствѣ, покраснѣвъ и запинаясь). Нѣтъ-съ! Я простился на нѣсколько времени съ исторіею; открылъ въ себѣ другое предназначеніе—и сдѣлался поэтомъ:

Слава дней моихъ непамятна;

Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она!

Я. Вы шупите?....

Археологъ (съ досадою). Ни мало!

.... Отъ раннего разсвѣта

До поздней ночи я пою!

Я. Вы поёте?....

Археологъ. Да, я! Что же шупъ удивительнаго?

Блескомъ упря озаренный,

Свѣпоносный, окриденный,

Ангель вспрѣпился со мной.

Пѣсь мнѣ первую внушилъ,

Сердце бишься научилъ.

*

И спалъ я похонъ божества,

Могучъ возсталъ до идеала.

Теперь сочиняю трагедію, взявъ для неё предметъ изъ Россійской исторіи.

Я. Вы сочиняете трагедію?

Археологъ. Пяписисопными ямбами, въ пяти дѣйствіяхъ. Четыре уже готовы; что вы на это скажете?

Я. Что слова барона *Бралбеуса*: всё на этомъ свѣтѣ дѣлается опрокидью, заключающъ въ себѣ великую истину.

А. Кораблнскій.

1854.

Августа 15.
Село Рыбацкое.

ПОНЯТІЯ ИЗДАТЕЛЯ МОСК. ТЕЛЕГРАФА О ГРАММАТИКѢ.

«Извлечь *тайны* (!!!) законы грамматики изъ умозрѣнія и филологіи: вопль способъ составивъ грамматику синтетически.» — «Извлечь её изъ философическаго умозрѣнія и философіи (!!!)—трудъ, преобладающій необыкновенныхъ усилій и познаній.»—*Лингвистика*, составляя *внѣшность* того знанія, котораго *внутреннюю* сторону составляетъ; *всеобщая грамматика*, даетъ намъ *матеріалы аналитическіе* (!!!) для *повѣрки и исправленія синтетическіхъ результатовъ всеобщей грамматики.*»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ А. Д. ВИТ.

Гдѣ ты, поварищъ жизни школьной,
Гусаръ и шѣломъ и душой?
Щаспливъ-ли ты? Вполнѣ довольный
Своей гусарскою судьбой,
Однѣ-ль ушѣхи жадно ловишь —
И въ настоящемъ нѣгу пьешь?
Друзьямъ цы новымъ руку жмешь;
Что-жь спаримъ въ памяти гоговищъ?
Уже-ль забвенъ?... *Милый мой!*
Я вѣрю: тяжкою порой,
Ты, вспомя годы золотые,
Слезу невольную опрешь,
Когда dospѣхи боевые
На службу ратную берешь...

Семь лѣтъ спрѣлою пролетѣли
Съ тѣхъ поръ, какъ въ скромномъ храмѣ Музъ
Окончивъ путь, святой союзъ
Прощаясь мы запечалили.
Чѣмъ въ насъ сердца тогда кипѣли?
Ты жаждалъ славы,—я наукъ...
А прерпій нашъ товарищъ?... *Другъ!*
Онъ спитъ! Давно ему пропѣл
Аминь—на поприщѣ земномъ—
И грустно вспомнишь мнѣ о немъ.

Твои мечты, твои желанья,
Сбылись—и щаспливъ ты вполнѣ!
Въ годину смерти ликованья
Уже ты рыскалъ на конѣ;
Ужъ ты вкусилъ веселье боя...
О, расскажи-жь мнѣ, милый мой,
Какъ памъ кипѣлъ кровавый бой;
Какъ рвалось въ сѣчу ретивое,
Ура слышавъ роковое?
Какъ въ бѣшеномъ пылу атакъ
Твои рубилися гусары?
Ты памъ сорвалъ победы знакъ
И pro virtute militari.

Теперь, въ кругу лихихъ гусаровъ,
Когда умолкъ кровавый пиръ,
Ты нарушаешь тихій миръ—
Лишь звономъ сабельныхъ ударовъ
Въ атакъ Вакха батарей.
Кипишь бесѣда-усачей,
Клубясь гуляешь дымъ Вакшпафа,
А ты, боясь удалыхъ шпрафа,
Спаканы спавишь имъ полянй.
А своенравная Киприда
Тебѣ по прежнему-ль вѣрна?
Какая-жь миленькая Лида
Теперь любви къ тебѣ полна?
Твой усъ и полный чаръ Киприды,
Адолфъ, пвой меншикъ голубой,
Какой на свѣтѣ гордой Лиды
Съ ума бы не свели порой?...
Когда рукою своевольной,
Бывало, нѣги спраспной дверь
Ты отпиралъ въ одеждѣ школьной,
Одинъ и смѣло,—что-жь теперь?...

А я? . . . Невольный жрецъ Сеиды,
 Невольно ей присягу давъ,
 Сношу слѣпой судьбы обиды,
 Безмолвно чпу ея успавъ.
 Еще съ младенчества, упрасы
 И грусть знакомы спали мнѣ;
 Лишь Онъ, незримый мой Вожаемый,
 Усладой былъ мнѣ на землѣ.
 Досель я вѣрю въ Провидѣнье,
 Надежда шепчетъ мнѣ: придетъ
 Твой свѣтлый день вознагражденья,
 И духъ убишый оживетъ.
 Когда-жь и гдѣ? Въ странѣ ли этой?
 Иль памъ, въ невѣдомой странѣ?
 Съ душой, надеждою согрѣшой,
 Я вѣрь ввѣрился вполнѣ.
 Я жду и щастья и нещастья;
 Что будетъ—будь! о чемъ грустимъ!
 Бѣда ладѣ, когда въ нещастье,
 Тоской убишый, кормчій спитъ!
 Подводныхъ камней въ жизни много.
 Разсудокъ, кормчій мой, будь швердъ,
 Пока по волю мощной Бога
 Ладья войдетъ въ желанный портъ.—
 В. З.

22 Ноября 1832.
 С. Петербургъ.

TU NE SAURAS M'OUBLIER.

(Romance).

En vain au plaisir qui l'entraîne
 Tu livres ton cœur agité,
 Celui qui cause tant de peine
 N'a point de sincère gaîté.
 En vain, soumis à d'autres charmes,
 Ton bonheur veut m'humilier,
 Dans tes yeux j'ai surpris des larmes;
 Ah! tu ne saurais m'oublier!
 Cette voix qui savait te plaire,
 Ce regard qui te séduisait,
 Et cette jalouse colère
 Qu'un mot de ta bouche apaisait;
 Ce nom, que le fer de tes armes,

Grave sur le vert peuplier,
 Ces chants qui font couler tes larmes,
 Tu ne saurais les oublier.

Jamais dans une âme plus pure
 Tu n'allumeras tant d'amour!
 Jamais la crainte du parjure
 N'alarmera moins ton retour.
 Ils avaient pour toi trop de charmes
 Les sermens que tu veux nier;
 Je t'ai vu trop fier de mes larmes,
 Tu ne saurais les oublier.

C H A R A D E.

Souvent, sans nul succès, on a fait mon premier;
 Mon second a gémi de plus d'une folie;
 En défendant mon tout, maint valeureux guerrier
 Dans les champs de Bellone a terminé sa vie.

Въ No 72-мъ, помѣщенная шарада значилъ: *Ухватъ*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ *Виктора Дюканжа* и романѣ *Вальтера-Скотта*: Ламмемурская невѣста.

То-то былъ поэтъ!

Пушкинъ.

На здѣшнихъ театрахъ появилась новая драма: *Ламмемурская невѣста* (*). Милое имя, напоминающее сколько же милый романъ *Вальтера-Скотта*! Въ самомъ дѣлѣ, *Викторъ Дюканжъ* не только основалъ драму на романѣ: *Ламмемурская невѣста*, но все желаніе его ограничивалось тѣмъ, чтобы переспавить романъ на сцену. Раздѣляя повѣсти и введенные въ нее разговоры на акты, явленія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ, онъ помѣстилъ въ почти цѣлкомъ содержаніе, мысли, даже выраженія романа. Литература не приобрѣла новаго созданія. Драма и романъ: *Ламмемурская невѣста*, поже самое,

(*) Въ первый разъ представлена на *Большомъ* театрѣ, 23-го Юля 1834-го г., въ бенѣфонъ режиссера г. *Лебедева*. Имя переводчицы не объявлено. — *Пл.*

что драмы и романы: *Юрій Милославскій*, *Рославлевъ* и п. д. Съ перваго взгляда кажется, что такія сочиненія должны быть, по крайней мѣрѣ, одинаковы: если подлинникъ хорошъ, то хорошо и подражаніе; по видимому, такіе передѣльватели удваиваютъ славу романистовъ. Не путь-то было! Посмотрите на луну въ небѣ и на луну въ театръ: вотъ романъ *Вальтера-Скотта* и драма *Дюканжа*! Люди удивительно мудрены, когда дѣло спойшъ за тѣмъ, чтобы изъ прекраснаго вышло дурное! Преимущественно это зависитъ отъ различія талантовъ; но кромѣ того, драма, подражаніе роману— сама себѣ злодѣй. Вы скажете, что прагедія: *Электра* и *Орестъ—Волтера*, взята изъ *Софокловой Электры*, а *Расинова Оедра*— изъ *Эврипидовой прагедіи: Ипполитъ*; что *Эдипъ въ Авинахъ*,—*Озерова*, есть смѣсь *Софоклова Эдипа въ Колонъ* и *Дюсисова Эдипа у Адмета*; что *Озерова* же *Поликсена* составлена изъ *Эврипидовой Гекубы*, *Сенекиной Троды* и *Шатобриановыхъ Тродокъ*; что *Жуковского Людмила* едва не переведена съ *Бюргеровой Леноры*... вы напомните многія знаменитыя подражанія прагедіи прагедіи, баллады балладѣ и подобное. Это дѣло другое. Но вы не назовёте ни одного славнаго романа, передѣланнаго изъ драмы, ни славной драмы, вывороченной изъ романа. Сшейте изъ спакана шубу, сооройте изъ прекраснѣйшихъ бревень каменный домъ!—Одинаково невозможно. Писатель, составляя повѣсть, самыя драматическія происшествія такъ вливаетъ въ формы романа, что чѣмъ онъ лучше въ повѣсти, тѣмъ будуще хуже въ драмѣ. Масса случаевъ, обширно развитая въ трехъ частяхъ *Вальтеръ-Скоттова* романа, вписанная въ три акта драмы, составила сумятицу. Вереница происшествій безпрестанно обрывается; люди сходятся болѣею частію единственно для препровожденія времени. Поговорили, да разошлись: вотъ все, что можно сказать почти о каждой сценѣ. Разнообразіе, дѣятельность романа— въ драмѣ спали пестрою, случаи— происшествіями безъ судьбы міра, безъ *Вальтеръ-Скоттовыхъ* красокъ Шотландіи и спарины,

люди безъ челоѳчества. Такъ передѣлалъ, или лучше сказать, отдѣлалъ *Дюканжъ Вальтера-Скотта*! Для каждаго рода сочиненій существуетъ свой матеріалъ, или поэтъ же долженъ быть совершенно пересозданъ. Драма требуетъ иного, чѣмъ романъ. Въ послѣднемъ мы какъ бы слушаемъ повѣсть разговорчиваго спранника, видѣвшаго чудное происшествіе. Напрошивъ того въ драмѣ, передъ нами сами люди. Здѣсь мы копимъ знать, что чувствуютъ, мыслятъ эти люди, обхваченные тѣмъ происшествіемъ; хопимъ видѣть не столько путаницу случаевъ, сколько челоѳка. Описаніе событія, въ формѣ разговоровъ, никогда не составили драмы.

Романъ, выбранный *Дюканжемъ*, не великъ, да дорогъ, пруденъ для соперничества. *Вальтеръ-Скоттъ* спойшъ въ немъ во весь ростъ: какъ обыкновенно умъ не спѣсняется веществомъ, и огромный талантъ всею величиною можетъ помѣспиться въ самой маленькой рамкѣ. Шотландецъ *Равенсвудъ*, знаменитаго происхожденія, получилъ въ наследство отъ отца суму и ненависть къ разорившему ихъ временщику, лорду *Аттоку*. Нецаспливецъ ищетъ гибели врага; увидѣлъ дочь его *Люцію*, и забылъ мести. Лордъ-временщикъ, по прудливой злости и по видамъ политики, то спсходитъ къ связи любовниковъ, то помогаетъ женѣ своей, отродью гордыхъ *Дугласовъ*, рвать эту нѣжную связь. Они играютъ дочерью, словно мячикомъ, невинною, крпкою *Люціей*; они смѣются надъ женихомъ-нищимъ! Любовники погибли. Вотъ содержаніе романа. Вы видите, какъ разнообразны въ романѣ главные характеры: столько же разнообразны въ немъ всѣ характеры до послѣдняго лица, до *Калеба*, если на *Калеба* смотрѣть по его рожденію. У *Дюканжа* дѣйствующія лица огладились, подровнялись, исчезли. На сценѣ одинъ устоялъ *Равенсвудъ*, но не талантомъ драматика, а талантомъ трагика-артиста. Хотите ли знать, какого сердца *Вальтеръ-Скоттовъ Равенсвудъ*? На это расскажу вамъ объ игрѣ г. *Каратыгина*. Во II-мъ дѣйствіи, въ замкѣ *Равенсвуда*

является неожиданный гость, лорд *Аттонъ*. Одичалый отъ несчастій, почувствовавшій въ когтяхъ своихъ врага, *Равенсвудъ* мгновенно разсвирѣпѣлъ, задрожалъ, будто плопоядный зѣбрь, увидѣвшій кровь. Лордъ напоминаетъ ему обычаи Шотландцевъ, законы гостепріимства, указалъ на *Люцію* . . . *Г. Каратыгинъ* покачнулся, потеръ лобъ, какъ-бы опомнивался, соображал; молча, медленно, вынулъ онъ шпагу, дико посмотрѣлъ на лорда, и . . . вдругъ бросилъ шпагу далеко отъ себя; потомъ, сложивъ на грудь руки, спокойно оспановился передъ *Аттономъ*. Онъ молчалъ, но все въ немъ говорило: ты безопасенъ, а меня и безоружнаго не одолѣешь! Кто видѣлъ г. *Каратыгина* въ этой сценѣ, тотъ знаетъ *Вальтера-Скоттова Равенсвуда*. Архистъ-прагикъ, вѣроятно приготавливаясь къ *Дюканжевой* роли, перечелъ романъ *Аммелиурскую невесту*, или внушилъ ему мысли его гений: онъ несравненно художественнѣе *Дюканжа* осуществилъ *Равенсвуда*. Это былъ подлинный сынъ несчастія, забава холодныхъ людей, расперзанный своимъ сердцемъ, которыи высоко несетъ голову, достойную лучшей доли. Если, выходя изъ театра, не осталось ничего въ памяти липературно-прекраснаго, то долго мечтался *Равенсвудъ*, какъ призракъ не нашихъ временъ и нравовъ, котораго мы видѣли бродившимъ, съ его посокою, по горамъ Шотландіи и по развалинамъ *Вольфрагскаго* замка! — Такое сцѣпленіе разночувствующихъ, разнохарактерныхъ лицъ произвело въ романъ *Вальтера-Скотта* стихію неумоляющую, которая не знаетъ покоя. Происшествія заузливаются, опиваются, исчезаютъ въ общемъ дѣйствіи, или спрашно рухаютъ безъ всякой искусственности (*). Семейство лорда *Аттона*,

(*) Искусственностью старыхъ романистовъ опзывается одинъ только случай: неожиданное первое свиданіе *Люции* съ *Равенсвудомъ*, послѣ избавленія отъ дикаго быка. Можно-бы назвать напѣнурымъ и смерть любовниковъ (сумасшедшая *Люция* зарѣзала мужа, *Буклава*, за котораго отдали еѣ насильно, и потомъ сама умерла; а *Равенсвудъ* погибъ, застрѣленный морскимъ приливомъ); но *Вальтеръ-Скоттъ* увѣряетъ, что этотъ случай имъ не вымышленъ.

Равенсвудъ, жившіе и воспрѣчавшіеся съ ними лица, спрадали, или думали, что они счастливы, любили или враждовали, одни погибли, другіе оспались—инаго ни съ кѣмъ изъ нихъ не могло случиться: такъ сошлись спрасти и люди, такова была судьба ихъ! Прочитавъ романъ, вы чувствуете больше, чѣмъ читали, чувствуете, будто сами жили. Сначала этотъ романъ можетъ показаться простымъ, очень простымъ; вы подумаете, что сочинилъ его бездѣлица: отъ того, что онъ въ самомъ дѣлѣ простъ, естественъ въ ходѣ, малосложенъ, обнаженъ отъ умниченья. Но всмопритесь въ свободу его происшествій, будто несочиненныхъ, въ глубину замѣпокъ изъ жизни и міра, попробуйте сами написать подобное, — и вы невольно повторите восклицаніе того древняго поэта, которыи, читая плавные, гармоническіе, по видимому ничего не сповишіе сочинителю, стихи *Виргилія*, сказалъ: «Какая прудная легкость (*)!» Романъ *Вальтера-Скотта*, какъ все прекрасное, тѣмъ больше привязываетъ къ себѣ, чѣмъ больше въ него вдумывается, чѣмъ больше видите, что сочинилъ, не будучи наружно многомысленъ, заспавляетъ васъ самихъ мыслями, чувствовалъ. Кончивъ чтеніе, съ головою и сердцемъ, оброенными собственными мыслями и чувствами, вы сподько ими пѣгопитесь, сладко пѣгопитесь, что не въ состояніи никуда выпти, и грустно оспаетесь въ уединеніи мечтаетъ о людяхъ, о человѣческомъ счасти!

Исчезъ у *Дюканжа* и *Калебъ*, *Равенсвудовъ* старый слуга, ничтожное въ мірѣ лицо, но высокое липературное произведение. Онъ одинъ изъ лучшихъ характеровъ, когда либо созданныхъ *Гомерическими* паланомъ *Вальтера-Скотта* (**). Для *Калеба* чпипели знаменитаго Шотландца спѣшили въ театръ. Ни *Равенсвудъ*, ни *Люция*, ни всѣ дру-

(*) Questo facile quanto è difficile!

(**) *Дюканжъ* предспавилъ *Калеба* какимъ-то сердитымъ, скуднымъ спаричишкою, которыи жалѣетъ подчивавъ гостей тѣмъ, что у него есть. Вы увидите, таковы ли *Калебъ* *Вальтера-Скотта*.

гя дѣйствующія лица, не покрыли-бы сполько блескомъ драму, сколько *Калебъ*, если-бы онъ перенесенъ былъ на сцену просто *Калеболъ*. Онъ долго привлекалъ-бы въ театрѣ публику всѣхъ сословій: потому что въ немъ много забавнаго, много прогательнаго и еще больше человѣческаго. Кто читалъ романъ *Ламилемурскую невѣсту*, тотъ будетъ спорить, что гдѣ-то, когда-то видѣлъ *Калеба*. Сполѣко онъ въ романѣ самобытенъ, опдѣленъ отъ книги! Неоспоримо, первенствующій паланнъ *Валтера - Скотта*—изображающъ характеры. Но бытъ можетъ, никого онъ шакъ геніально не осуществлялъ, какъ спариковъ, опспавшихъ отъ вѣка, въ коемъ они живутъ, спарыхъ слугъ, и вообще смѣшныхъ людей. Разселенные по его романамъ слуги: *Андрей Ферсервисъ*, несравненный *Куди*, *Ригъ*, *Монилейсъ* и многіе другіе — превосходны! Нѣкоторые едва показывающъ въ дѣйствіи; но только выславивъ изъ-за двери голову какой-нибудь управитель или спарый слуга, по онъ уже ни дашь, ни взяшь, управитель или спарый слуга! Отъ того самага, что эти лица въ каждомъ романѣ послѣднія, они спановящъ еще занимательнѣе. Многіе, по этому заключающъ, что каковы же у *Валтера-Скотта* первостепенныя лица, когда у него отъ ничтожныхъ лицъ идущъ свѣпые лучи на цѣлый романъ. Напротивъ, это значить сполько, что образование запоздалыхъ спариковъ и слугъ больше пришло по паланшу *Валтера-Скотта*, чѣмъ изображение людей съ высокимъ духомъ, или по крайней мѣрѣ не шакихъ, чтобы надъ ними можно было смѣяться. Конечно, нельзя не признаться, что и послѣдніе въ его романахъ многоразличны, часто рѣзки, прекрасны; но, рисуя смѣшнаго чловѣка, *Валтеръ-Скоттъ*... въ своей парелкѣ. Если душа липератора — его письмена, если что всего живѣе, сочувственнѣе выражаетъ сочинитель, на томъ вершился и умъ его въ жизни: то надобно полагающъ, что *Валтеръ-Скоттъ* былъ хлопотунъ въ хозяйствѣ, наполненный мыслями о домашнихъ бездѣлцахъ, самъ подъ старость опспалъ отъ со-

временниковъ, бытъ можетъ, чувствоваль себя иногда смѣшнымъ, по крайней мѣрѣ неловкимъ въ новомъ обществѣ, или окруженъ былъ анпиками домашними. Не съ напуры ли живыхъ слугъ списываль *Валтеръ-Скоттъ*, какъ живописецъ-Академикъ, своихъ липературныхъ слугъ и спариковъ? *Калебъ* не порипреть-ли какого-нибудь домашняго *Джона*, *Джернингала*: ибо нѣтъ върояшя, чтобы чловѣкъ, споль полный жизни въ романѣ, не жилъ въ дѣйствительности. Между всѣми случаями знамениаго романиста — *Калебъ* солнышко! Послушайте, какъ *Валтеръ-Скоттъ* въ первый разъ знакомить съ нимъ читателя. *Равенсвудъ* ночью возвращающъ домой, съ гостемъ *Буклаволиъ*. *Калебъ*, услышавъ голосъ своего господина и чужой голосъ, чтобы оппереть двери, медленно, очень медленно сходитъ съ лѣспницы. Опспановящъ за дверьми, онъ прежде десять разъ спрашиваетъ: «вы ли это, любезный господинъ?» и получалъ утвердительные отвѣпы, даже съ солью, опять повторяетъ: «да точно ли это вы, милордъ, мой любезный господинъ?» Наконецъ *Калебъ* опворяетъ двери *Равенсвуду* и *Буклаву*,—«и (шакъ пишетъ *Валтеръ-Скоттъ* своими красками) неподвижно предсталъ передъ нимъ. «Его сѣдые, короткіе волосы, морщиноватое, пронциательное и спранное лицо, было освѣщено ночникомъ, который онъ держалъ въ одной рукѣ, а другую закрываль «огонь отъ вѣтра.» Не правда ли, что это прелестный спаричокъ? Но если-бы вы знали, отъ чего *Калебъ* медленно сходилъ съ лѣспницы, отъ чего онъ десять разъ повторялъ: «да точно ли это вы, милордъ,»—то вы сказали-бы: какой же онъ хипрецъ, какъ онъ милъ *Калебъ*!

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

M O D E S.

Dans un dîner ou une réunion du soir, les robes blanches se remarquent en si grand nombre que les femmes paraissent habillées d'un uniforme comme les jeunes filles à un concert de pensionnat. Des robes de mousseline et des ceintures longues; des cheveux

plats ou nattés, des chapeaux de paille de riz ou paille d'Italie à plumes, voilà ce qui compose les toilettes d'un salon élégant; puis les organdis brodés ou imprimés qui sont toujours des fantaisies de très-bon goût, mais n'étant qu'une fantaisie ont moins de généralité. Pour venir à l'appui de cette théorie, nous citerons un exemple d'une soirée où cette majorité de robes blanches s'élevait au moins à dix-huit sur vingt. De jeunes femmes coiffées en cheveux, avaient des robes de mousseline à corsage demi décoleté et manches courtes; d'autres en mousseline brodée et des mantelets de dentelle blanche ou noire; puis des bonnets et des chapeaux de paille ou de crêpe.

On remarquait entre autres une très-belle personne dont les cheveux noirs rejetés très en arrière, tombaient de chaque côté du visage, en un tire-bouchon demi-long; sa robe de mousseline claire, était décolletée des épaules et couvrant beaucoup la poitrine, par une double mantille d'Angleterre, montée sur deux biais de tulle, et rattachée de distance en distance par un nœud de taffetas vert glacé; sa ceinture en ruban de taffetas pareil nouait en rosette sur le devant, et tombait à longs pans jusqu'au bas de la robe.

Une autre jeune femme à la physionomie douce et à la taille souple et élancée, portait une robe en mousseline rayée, à manches longues, corsage à la vierge, caché par un fichu de tulle, formant sur la poitrine et les épaules des plis irréguliers et garni tout autour d'une dentelle froncée haute de trois doigts. Ce fichu croise comme un *mouchoir de paysanne*, il n'est point garni au cou ni sur les devans; le tulle, au contraire, fait un nuage léger qui sied parfaitement au visage; la ceinture nouant à longs pans, passe sur le fichu dont les bouts sont arrondis et garnis. Un nœud assez court se place au milieu de la poitrine à l'endroit où les devans se réunissent; les rubans en taffetas bleu à dessins blancs dentelle donnaient beaucoup de douceur à cette toilette simple et fraîche.

No 27. Capote en poue de soie. — Redingote en mousseline de laine garnie d'une ruche en Ruban. — Redingote en mousseline garnie de dentelle.

М О Д Ы.

На объѣдах или въ вечернихъ собраніяхъ, бѣлыхъ платьевъ видно такъ много, что дамы, кажется, одѣты въ мундиры, какъ молодыя дѣвочки на концерсахъ въ пансіонѣ. Платья кисейныя съ длинными поясами; волосы гладкіе или заплецен-

ные; шляпки басовыя или Италіанскія соломенные съ перьями, вопль что сосоставляешъ ряды щеголеватыхъ гостиныхъ; потомъ органди, вышитыя или печатныя, которыя всегда въ модѣ и въ хорошемъ вкусѣ, но бывши только прихотью, не такъ общи. Чтобы подтвердить эту теорію, мы расскажемъ въ примѣръ объ одномъ вечерѣ, гдѣ изъ двадцати платьевъ вѣрно было осьмнадцать бѣлыхъ. Молодыя дамы, убранныя въ волосахъ, были въ кисейныхъ платьяхъ съ полуоткрытыми лицами, короткими рукавами; другія въ вышитыхъ кисейныхъ, съ манжильями изъ бѣлыхъ или черныхъ кружевовъ; потомъ чепчики и шляпки соломенные или креповыя.

Между прочими замѣтна была очень красивая дама; черныя ея волосы очень опкинута были назадъ, а спереди, съ каждой стороны лица, было по полудлинному локону; платье ея изъ прозрачной кисеи, открыто было съ плечъ и весьма закрывало грудь двойною манжильею изъ Англійскихъ кружевовъ, пришпую къ двумъ косымъ полоскамъ изъ шюля и прихваченною въ нѣкоторомъ распояніи двучичевыми зелеными шаплыми банпами; такой же шапльной поясъ завязанъ былъ спереди банпомъ, и концы висѣли внизу юбки.

Другая молодая дама, съ пріятнымъ выраженіемъ лица и съ глубокимъ спройнымъ спаномъ, была въ платьѣ изъ полосатой кисеи, съ длинными рукавами; лифъ *à la vierge*, прикрытъ шюлевой косыночкой, сосоставлявшей на груди и на плечахъ неправильныя складки и обширой во кругъ собраннымъ кружевомъ въ три пальца шириною. Эта косынка кладется крестообразно, какъ платокъ на кресльянкѣ; она не обшина ни около шеи, ни спереди; шюль, напрошивъ, сосоставляетъ легкое облако, что чрезвычайно идетъ къ лицу. Поясъ, съ длинными концами, завязанъ сверхъ косынки, у которой концы округлены и обшины. Довольно короткій бантъ пришпильвается въ срединѣ груди, въ помѣ мѣстѣ, гдѣ соединяется косынка; голубыя шапльныя ленты, съ бѣлыми кружевными узорами, придавали большую нѣжность этому простому, ловкому наряду.

Карш. 27. Капонтъ изъ шёлковаго роуе. — Redingote изъ шерстяной кисеи, обширой рюшамъ изъ лентъ. — Кисейный редянгошь, обширный кружевомъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 74.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
сигнакою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 15 ДНЯ 1854 ГОДА.

Чижъ, въ птичникъ залезя, прельснулся имъ, какъ раемъ.
Раздолье! петь и ѣсть одно онъ съ поугасемъ;
Но долго-ль? Нтъ! Скворецъ тамъ заклевалъ его.—
Опасно выходитъ изъ круга своего.

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КТО НИБУДЬ ДА ВИНОВАТЬ.

При выходѣ въ свѣтъ *Двадцати пьсенъ* г. *Тимофьева*, въ Іюнь 1833-го года, пѣкпо *Иванъ Жгутковъ* далъ о нихъ въ одномъ журналѣ весьма неблагопріятное мнѣніе. «Двадцать, такъ называемыхъ пѣсенъ съ рѣмами, посвященныхъ разнымъ лицамъ, и изъ коихъ каждая пѣсенка занимаетъ двѣ странички маленькой, тоненькой брошюрки, которая теперь лежитъ передъ нами;» говоритъ г. *Иванъ Жгутковъ*: «вопъ важное липературное явленіе. Авторъ, разумѣется, поѣтъ про минувшія впечатлѣнія, поѣтъ про какія-то былыя чувства, поѣтъ и про то и про сѣ, и про пятое и про десятое, передѣлываетъ съ Русской прозы два, при монолога *Шиллерова* *Карла Моора* и проч. Но не знаемъ и постигнуть не можемъ, съ какою цѣлю г. *Тимофьевъ* написалъ *комльбелную пѣсенку*, въ которой начинаешь такъ:

Сни, малюпка,
Сни спокойно,
Баю, баиньки, баю!

И попомъ продолжаетъ, рассказывая ка-
кую-то мудреную и нечестивую быль; онъ
говоритъ:

Демонъ въ брата
Поселился,
Братъ въ весприцу
Вдругъ влюбился.

Какъ правоучительно! Какъ мило! — Не
забудьте, что это мопивъ колыбельной
пѣсенки.

Да то ли еще найдете въ этой книжкѣ!
восклицаетъ *Иванъ Жгутковъ*.

Прошу взглянуть на пьесу *Отверженный*
прислушаться къ эшимъ гармоническимъ,
спихамъ, насладиться этою поэзіею:

Все здѣсь мрачно, все здѣсь *дико*,
Всюду пусто, всюду *писко*.
Каркай, воронъ! квакай, *жаба!*
Пойте, войте, духи *ада!*

Еще спихи, еще рѣмы, и
Войте, совы! квакай, *жаба!*
Пойте, войте, духи *ада!*

Не правда-ли, хорошо? — Какъ удачно эпа вѣчная жаба введена нашимъ поэтомъ въ музыкальныя общества: она квакаетъ по съ ворономъ, по съ совой, по съ демономъ. Прелестъ! Жаль только, что авторъ не взялъ эпиграфомъ первыхъ спрочъ своей колыбельной пѣсенки:

Баю, баиньки, баю!

Тогда бы онъ вѣрнѣе достигъ своей цѣли, и всякъ, кому нужно: *баю баиньки баю*, купилъ-бы съ удовольствіемъ эпу книжку, ибо возвратилъ здоровье за три рубля, — очень дешево!» — Въ заключеніи, рецензентъ совѣтуетъ господину *Тиллоффеу*, — «ради общаго блага, при впоромъ изданіи поступить такимъ образомъ.»

Ровно черезъ годъ послѣ того, а именно въ Іюль 1834 года, поэтъ же поэтъ написалъ стихотвореніе: *Художникъ*.

Въ No 169-мъ *Спв. Пчелы*, въ спавѣ о новыхъ книгахъ, прочитали мы, что г. *Тиллоффеу* человекъ съ большимъ дарованіемъ. Разбиратель новаго его произведенія падѣется, — «что съ эшимъ (*) не поспорить никто изъ читавшихъ его стихи и прозаическія спавы. Дарованіе его,» говоритъ онъ: «находится еще въ эпохѣ возрастанія: съ каждымъ новымъ произведеніемъ оно возвышается и усиливается: въ *Художникъ* оно спойтъ уже на весьма высокой степени. Авторъ вполне развилъ избранную имъ идею. Онъ представляетъ намъ сначала человека несчастнаго по рожденію, несчастнаго по обстоятельствомъ, въ которыхъ поставила его судьба, гонимельница талантовъ; потомъ показываетъ намъ проявленіе въ этомъ человекѣ генія; наконецъ, бореніе эшаго человека-генія съ обществомъ, его законами, его предразсудками, чопорностью, ограниченностью, ращетливостью и безжалостнымъ эгоизмомъ. Талантъ пребуетъ теплоты, душа истиннаго художника не можетъ быть холодною; *Художникъ* г. *Тиллоффеу*, съ самаго младенчества перившій отъ людей одни оскорбленія, между пѣмъ любитъ ихъ;

(*) Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать *противъ эшаго*. — К.

онъ расцвѣтаетъ душою при одномъ видѣ истинно-добраго человека; но истинно добрыхъ людей такъ мало, а прочіе его оппалкиваютъ, не понимаютъ его, и бѣдный *Художникъ*, измученный борьбою таланта съ бездарностью, души гордой и благородной съ низкими, устричными душами толпы, кончаетъ жизнь въ Италіи, или въ домѣ сумасшедшихъ — это оспаеся въ неизвѣстности, но послѣднее вѣроятнѣе.»

— Съ которыми же изъ двухъ приговоровъ согласны вы, г. издатель *Литературныхъ Прибавленій*? — спрашиваетъ у меня бойкій литературный наездникъ, приверженецъ юной словесности и вмѣстѣ (какой чудакъ!) обожатель сочиненій барона *Брамбеуса*. — «А вамъ какое до того дѣло? Соспавляя сію спавейку, я не свое мнѣніе хотѣлъ высказать, а предложить два вышеприведенные, одно другому на всѣхъ почкахъ противорѣчащія *уголовные приговоры*, и потомъ замѣнить, что одинъ изъ судей поступилъ противъ литературной совѣсти; что грѣшно вводить въ убытокъ жителей *иныхъ городовъ*, выдавая плохую книжонку бездарнаго риемоскрыпа за хорошую, и что еще грѣшнѣе обидными насмѣшками убивать дарованіе, если у сочинителя есть дарованіе.»

— И больше ничего мы не услышимъ отъ васъ? — приспупаетъ мой бойкій водрошатель.

«Ни полслова! — Покорнѣйшій слуга.»

А. Корабльскій.

1834 года
6-го Августа.
Нарва.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СВИДАНІЕ НАПОЛЕОНА СЪ ВИЛАНДОМЪ.

(*Посвящено полковнику И. О. Ласковскому.*)

Великій человекъ всегда ищетъ случая видѣть подобнаго себѣ.

Карлъ XII.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1808 года былъ извѣстный Эрфуртскій конгрессъ, въ которое время съѣхавшіеся тамъ монархи посѣпили

Веймарскій дворъ. Блиспапельные балы, со всею роскошью Германскою, оживляли всѣхъ бывшихъ при дворѣ. Одинъ только *Виландъ*, жившій въ Веймарѣ болѣе 35 лѣтъ, бывший учителемъ наслѣднаго принца *Карла-Августа* и попомъ тайнымъ совѣтникомъ—жилъ уединенно на мызѣ въ двухъ верстахъ отъ города. Его кажется всѣ забыли. Однажды, 6-го Октября, за роскошнымъ обѣдомъ князь-примасъ въ разговоръ упомянулъ о предсказаніи *Виланда* о *Наполеонѣ*, и о его мнѣніи о семъ великомъ человѣкѣ.—*Наполеонъ*, услышавъ это, пожелалъ видѣть поэта-генія; но какъ *Виландъ*, подъ предлогомъ разсѣянаго здоровья, не являлся ко двору: по желаніе *Наполеона* оспалось на сей разъ неудовлетвореннымъ.— Въ самый эпохъ вечеръ, прѣхавшіе въ Веймаръ Французскіе актѣры, по приказанію *Наполеона*, играли трагедію *Волтера*: Смерть Цесаря. *Виландъ* былъ въ театръ: онъ хотѣлъ видѣть Императора и *Тальму*. Спарецъ сидѣлъ въ ложѣ подлѣ сцены: сѣдая, черною бархатною скуфейкою покрытая голова, обратила вниманіе *Наполеона*, и онъ спросилъ: кто это? Ему названъ *Виландъ*.— На балѣ *Наполеонъ* спросилъ о немъ, и герцогиня тотчасъ приказала послать за нимъ карету. Въ половинѣ одиннадцатаго часа *Виландъ* явился во дворецъ въ обыкновенномъ своемъ простомъ, но пристойномъ костюмѣ.

Въ запискахъ своихъ пишетъ *Виландъ*: «Едва прибылъ я во дворецъ, какъ увидѣлъ *Наполеона*, шедшаго изъ боковой комнаты прямо ко мнѣ. Герцогиня подвела меня къ нему, и онъ, послѣ обыкновенныхъ ласковыхъ словъ, окинулъ меня сполъ быстрымъ взоромъ, что едва-ли какой нибудь смертный обладалъ въ высшей степени способностью съ перваго взгляда проникнуть и овладѣть человѣкомъ. Не смотря на нѣкоторую извѣстность мою, *Наполеонъ* увидѣлъ, что я старикъ простой, безъ всякихъ претензій; а потому, желая произвести во мнѣ навсегда хорошее впечатлѣніе, онъ въ одинъ мигъ принялъ на себя видъ пріятный и ласковый. Я никогда не видалъ человѣка сполъ простаго, спокойнаго и добраго; не было видно и слѣдовъ, что человѣкъ, говорившій

со мною, былъ великій монархъ Франціи. Онъ разговаривалъ со мною, какъ съ спарымъ искреннимъ другомъ болѣе полупора часа. Разговоръ его былъ кроткій, тихій, но такъ, что вокругъ собравшіеся государи и министры могли его слышать.—Было 12 часовъ, какъ я почувствовалъ, что не въ силахъ болѣе стоять, а потому взялъ смѣлость, на которую едва-ли бы могъ кто отважиться: я просилъ Его Величество опустить меня. Онъ принялъ сіе очень ласково. Allez donc, сказалъ онъ мнѣ съ пріятностію и съ пою же ласковостію: Allez! bon soir!»

Изъ сего продолжительнаго разговора *Виланду* показалось слѣдующее важнѣйшимъ:

Наполеонъ почиталъ Юлія Цесаря однимъ изъ величайшихъ умовъ Всемирной исторіи. Онъ былъ-бы совершенно великимъ, прибавилъ онъ, если-бы не сдѣлалъ одной непростительной ошибки. Онъ хорошо зналъ людей, которые не любили его, но не умѣлъ устранилъ ихъ.—Эта ошибка, важная, имѣла вліяніе на судьбу его. Если-бы *Наполеонъ* прибавляетъ *Виландъ*, могъ въ это время читать въ душѣ моей, онъ прочелъ-бы: «А ты развѣ никогда не позволишь себѣ сдѣлать эпою ошибки!»

Наполеонъ чрезвычайно хвалилъ Римлянъ, ихъ военное искусство и политику; но Грекамъ доспалось отъ него довольно. «Изъ эпихъ вѣчныхъ ссоръ множества мелкихъ республикъ о совершенныхъ мелочахъ, сказалъ онъ, что вышло? Ничего. Римляне же обратили умъ свой на великое, и сіе великое дало Риму другой блестящій видъ и составило эпоху во Всемирной исторіи.» *Виландъ* напомнилъ гениальную литературу и искусства Грековъ; но *Наполеонъ* возразилъ на это: «Что-жъ? и всѣ эти искусства и науки все таки вернутся около мелочныхъ распрей.»

Изъ всѣхъ поэмъ Греціи *Наполеонъ* опносился съ похвалою объ одномъ *Гомерѣ*, а первымъ поэтомъ всѣхъ вѣковъ онъ ставилъ *Оссіана*. Въ поэзіи онъ уважалъ великое, возвышенное, патетическое, утверждая, что всѣ прочіе роды только ослабляютъ и из-

пѣлывають духъ человѣческой. Изъ всѣхъ его словъ о поэзіи видно, пишеть *Виландъ*, что у него вовсе нѣтъ того, что Нѣмцы называютъ *Gemuth*; и какъ *Наполеонъ* ни принуждалъ себя быть со мною ласковымъ и вѣжливымъ, но все онъ казался мнѣ иногда какъ бы вылитымъ изъ бронзы.

Съ Нѣмец. *А. Гренъ.*

— СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ****

Я пвой, я пвой, когда огонь воспла
Моря зашипѣтъ;
Я пвой, я пвой, когда сафиръ потока
Луна сребрипѣтъ.

*

Я зрю тебя, когда въ часъ утра бродитъ
Туманъ съдой;
Въ глухую ночь, когда пришлецъ находишь
Приютъ святой.

*

Ты мнѣ слышна, когда въ рѣкѣ игривой
Журчитъ струя;
Слышна, когда въ дубравѣ молчаливой
Блуждаю я.

*

Сѣвшило-ль днѣ надъ моремъ умираеть
Въ straps чужой —
И въ хорѣ звѣздъ рубиновыхъ мелькаеть
Мнѣ образъ твой.

В. Т — ий.

Одесса.

Э П И Г Р А М М А.

Что *Бавій* нашъ писалъ:
То *льнь* ему внушала,
Разсѣянность скрѣпляла
И *идосугъ* шоржествовала.

Ш А Р А Д А.

Святошную игру слогъ *первый* означаетъ,
Второй же часть одну изъ свѣта составляетъ,
А *цѣлое* — и мысль и чувство увлекаеть.

Въ No 73-мъ, помѣщенная шарада значить: *Pas-sage*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ *Виктора Дюканжа* и романѣ *Вальтера-Скотта*: Ламмемурская невѣста.

(Продолженіе.)

Калебъ соспарялся при *Равенсвудахъ*, служилъ имъ, когда они были богаты и въ славу, вынянчплъ молодаго барина, послѣдняго *Равенсвуда*, котораго Богъ привелъ ему увидѣть въ бѣдности. Онъ прежней знаменитости господъ его въ немъ самомъ оспалась гордость. Изъ собственнаго самолюбія и изъ любви къ барину, онъ всячески спарается показать передъ другими, что онъ нисколько не разорились, что по прежнему баринъ его славень, богатъ, и самъ онъ не то, что простой слуга! *Калебъ* всячески хлопочеть поддержать (какъ онъ выражается) честь фамиліи *Равенсвудовъ*. Да поддержать-то не чѣмъ! Для него громовой ударъ гости: ну, чѣмъ подчиваешь, ну, какъ подержать барина, бѣда! Это его крайне обезпокоиваетъ! Онъ изобрѣшаетъ тысячу хитростей сначала опказать, опдалить какъ нибудь гостей; а если не удастся, то увѣришь, что у нихъ нѣтъ мебели, серебра, нѣтъ богатаго ужина, винъ, не опъ того, что нѣтъ, всего много, да что нибудь, къ несчастію, случилось: либо опъ эпюй прокляпой *Мизіи* (кухарки), либо опъ вольницы слугъ (которыхъ не бывало), либо... ужъ не безпокойтесь, *Калебъ* вывернется! Вотъ почему онъ такъ медленно сходилъ съ лѣстницы, услышавъ, что *Равенсвудъ* привезъ гостя *Буклава*, опъ чего онъ дѣлалъ разъ спрашивалъ: «почно ли вы это, мой любезный господинъ!» *Калебу* хотѣлось давъ время *Мизіи* прибрать комнаты, заваленныя признакамъ бѣдности, хотѣлось и погѣ, не осердился ли, не воропился ли во своен *Буклавъ*. Но гость уже спойпъ въ растворенныхъ дверяхъ, уже въ замкѣ... «Бѣда!» говоритъ *Калебъ*, прибѣжавъ на

кухню. Хотѣли зарѣзать послѣднюю курицу, да *Мизіа* представляеть, что курица спара, будетъ жестче камня. «Скажи»—умалываетъ *Калебъ* крошкимъ голосомъ — «что ты испортила курицу, *Мизіа*, что ты испортила: вѣдь дѣло идетъ о спасеніи «чести барина!» Однако же, это дѣло обошлось тѣмъ, что *Буклава* накормила костью баранины, и напоили ключевою водою. Вино *Калебъ* пролилъ, такое несчастіе! принеси въ доказательство и расколотую чашку... Да впрочемъ и вода хороша. «У насъ,» говоритъ *Калебъ* — «вода сущій нектаръ, вина не захопите!» — Въ подобныхъ случаяхъ вѣрный слуга бывалъ даже отчаянъ. Однажды услышавъ, что съ баринномъ ѣдетъ въ *Вольфрагъ* богатый маркизь *Атоль*, *Калебъ* зажегъ на дворѣ замка солому. Пошомъ выбѣжалъ онъ на дорогу, съ опчаяннымъ крикомъ: «*Вольфрагъ* горитъ, богатые обои, «превосходныя картины... все горитъ!» Когда же испуганные *Равенсудъ* и *Атоль* хотѣли скакать къ замку, подавъ помощь, то *Калебъ*, оспанаваивая ихъ, началъ кричать, что въ подвалахъ замка прирцатъ боченковъ пороха, и *Вольфрагъ* скоро взлетитъ на воздухъ! Госпъ воропился, а мальчишки соседней деревни *Вольфгона* цѣлую ночь проспояли на холмѣ, ожидал взрыва замка! — Еще замысловатѣе отдѣлался *Калебъ* отъ приготовления ужина лорду *Аттоноу*. Во время суесть стараго слуги была гроза и ударилъ громъ. Войтъ прекрасный случай для *Калеба*! Снекнувъ дѣломъ, онъ началъ кричать сколько было мочи, бѣгал по кухни, и заспавляя кричалъ кухарку. «Слышишь ли, спарал хрычовка, что ты спамъ дрожишь въ углу? поди скорѣ сюда; или оспанайся спамъ, кричи какъ можно громче; тебѣ только на это и взять; слышишь ли, *Мизіа*, кричи громче; еще громче; чтобы господа услышали; ты иногда и по-пусту крикивала громче эпаго!» После крика и шума, *Калебъ* приближалъ къ господамъ, и со слезами на глазахъ спалъ рассказывать, что громъ ударилъ прямо въ трубу, замепалъ сажей и испортилъ всѣ превосходныя кушанья. Онъ и качалъ головою, выражал сожалѣніе, и по пальцамъ пере-

щипывалъ блюда, какія готовились, и лордъ *Аттоноу* съ хозинномъ были очень сыты отъ емѣха! Однимъ словомъ, *Калебъ* при всякомъ случаѣ находилъ причину, по его мнѣнію прехитрую, на которую сваливалъ недодоспапки господина, поддерживая честь его фамиліи.

Впрочемъ *Калебъ* былъ-бы только фарсою, шупомъ, если-бы *Валтеръ-Скоттъ* не обспавилъ его такъ мастерски, что онъ спановится высокимъ произведеніемъ повѣст. Знаменитый Шотландецъ никогда не позволялъ себѣ пустословія классиковъ-романистовъ, не описывалъ не только пригорковъ и ручейковъ, но даже характеровъ. Нигдѣ не найдете у него: эпотъ легкомыслень, а эпотъ влюблень, она несчастлива, а вотъ она сплетница; у него все выражается дѣйствіемъ, поступками, положеніемъ челоуѣка. Его кисть—кисть природы. Она ни къ кому не приклеила ермыковъ съ описаніями свойспивъ людскихъ. Чтобы узнать челоуѣка, надобно жить съ нимъ, наблюдать его поведеніе. Смотри на лица, тѣлодвиженія, дѣйствія людей, слушай ихъ разговоры, мы читаемъ ихъ внутренность, хотя бы они еѣ скрывали. Жизнь и дѣйствія — это буквы, языкъ природы, ея липература, ежеминутно выходящіе листки ея журнала, съ истинами и повѣствіямъ всегда новыми, разнообразными, творческими, едва доступными не соперничеству, но только подражанію челоуѣка. Всѣ прежнія чувствованія челоуѣка, запланія его мысли, всѣ сбывшіеся съ нимъ случаи, природа сохрпаетъ на его наружности, какъ-бы въ урокъ и для памяти. Она пишеть прошлое челоуѣка: по его челу легкими или рѣзкими чертами, по лицу—румянцемъ или блѣдностью; его наглосмѣлыми приемами говоритъ вамъ, что онъ не спобитъ щаспія, а щаспливъ; непринужденностью милыхъ посупниковъ,—что онъ выросъ въ лучшемъ семействѣ и обществѣ; робостью и безнадежностью,—что онъ въ юности высоко готовилъ себѣ будущее, но люди его придавили; она сказываетъ о спепени мысленія челоуѣка — его оловянными глазами, или свѣтлыми взорамъ. Однимъ словомъ, наружность и дѣйствія челоуѣка

есть повесть природы о немъ самомъ. Такъ и у *Вальтера-Скотта*. Нигдѣ не находя описаній, вы однако же опъ эпаго не меньше знаете его дѣйствующихъ лицъ. Вы сами видите, что прелестная *Алли* несчастна: о томъ птвердятъ ея золотая клѣпка, ея алмазы и жемчугъ, даже великолѣпный *Лейгестеръ*, и въ то время, когда онъ ласкается и цѣлуетъ эпу дочь бѣднаго *Ропарта*. Развѣ вы не видите, что *Доллинусъ* смѣшенъ: что онъ ни сдѣлаетъ, ни скажетъ, съ вѣчнымъ прибавленіемъ: «судившительно-съ!» Опъ всего помрешъ со смѣху! Сами видите, что *Мортонъ* и миссъ *Белленденъ* любятъ другъ друга, хотя любовь ихъ пакъ скромна, что развѣ очи прекрасной *Белленденъ* иногда измѣняютъ ей. — Въ *Лаллимуурской повѣсти Вальтеръ-Скоттъ* употребилъ особенный, превосходный способъ описывать людей и событія. Кромѣ того, что эпи люди и событія, какъ во всѣхъ его романахъ, сами по себѣ свѣплы, онъ освѣпилъ ихъ *Калеболъ*. Причуда *Калеба* скрываетъ бѣдность своего барина, его безпрестанные рассказы о славл и богатствѣ предковъ *Равенсвуда*, мрачно напоминаютъ, чѣмъ былъ *Равенсвудъ*, чѣмъ могъ быть и что теперь. Между суепою и выдумками хитростей, онъ обнажаетъ передъ вами исторію, положеніе милаго ему барина. *Калебъ* въ *Вольфрагъ* — будто бѣдная лампа, повѣшенная подъ сводами, которая льетъ угасающій свѣтъ на почернѣлыя, осыпающіяся спѣны замка, на тлѣющія украшения, на переломанную мебель, ошатики щастія и славы *Равенсвудовъ*! Своею привязанностию къ господамъ, *Калебъ* какъ-бы птвердитъ, что эпу привязанность они поселили въ немъ не богатствомъ, коего уже нѣтъ, но благородствомъ и достоинствомъ сердца. Вездѣ въ романѣ, почти на каждомъ шагу, встрѣчаете *Калеба* съ его заботою: смѣтаетъ надъ нимъ, и грустно думаетъ о *Равенсвудѣ*; пѣтъ больше опдаетъ печали, чѣмъ больше проказитъ эпотъ несносный старикъ. *Вальтеръ-Скоттъ*, развеселя *Калеболъ*, держитъ васъ въ томъ положеніи, когда вы, приведенные думами жизни въ свой кабинетъ, одиноко сидите въ креслахъ, опустивъ на руку голову, когда сердце ваше

сжато, а съ успѣмъ сбѣгаетъ злая улыбка! Сполько мысли, сполько печали заключено въ проспомъ, по видимому, забавномъ *Калебѣ*!

Не одинъ *Калебъ*, не одни лица *Лаллимуурской повѣсти у Вальтера-Скотта* помѣщены каждый на высокомъ мѣстѣ, другъ друга поднимаютъ и заспавляютъ дѣйствовать, каждый имѣетъ свою мысль и углубляетъ мысль происшествія. Говоря объ одномъ романѣ, касаясь только по мѣстамъ другихъ, мы какъ-бы говорили о всѣхъ романахъ *Вальтера Скотта*: ибо паковъ онъ вездѣ, съ безчисленными измѣненіями въ краскахъ и тонахъ. Писатель какъ бы ни былъ многоплоденъ, разнообразенъ въ созданіяхъ, какъ-бы иногда не возвышался, или ни падалъ въ проявленіи своего таланта, но всегда довольно одного сочиненія, чтобы совершенно узнать сочинителя. При разборѣ *Лаллимуурской повѣсти*, передъ нами поднялись обѣ звѣзды исклочительнаго таланта *Вальтера Скотта*: характеры и составленіе изъ нихъ происшествій, не фантастическихъ, не кверхуногихъ; но безспорныхъ, согласныхъ съ міромъ и человекомъ. Знаменитый романистъ предспавляетъ, будто факты, опрывки опъ подлиннаго міра, съ живыми людьми, съ неподдѣльными событіями, и предспавляетъ ихъ, самъ изъ-подъ нихъ не выглядываетъ. Видя его умныхъ людей, вы пакже мало умъ ихъ приписываете сочинителю, какъ не относите къ нему глупости выводимыхъ имъ глупцовъ. Сочинителя будто не бывало! Думается, что онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ подробнѣйшія льтописи спарины, и списываетъ съ нихъ былое. Само собою разумѣется, что льтописи и преданія оставили одни клочки мелочныхъ происшествій Шотландіи; что *Вальтеръ-Скоттъ* не могъ подглядѣть, подслушать ни вѣшнаго герцога *Буккингэма*, ни *Макъ-Ивора*, ни короля *Ригарда I*, жившихъ до него за сотни лѣтъ; ни *Бурлея*, ни изверга *Фрондѣбефа*, ни школьнаго учителя *Глодеуса*, кои вѣроятно никогда не существовали. *Вальтеръ-Скоттъ* народилъ сполько людей, сполько не удаспся народитъ ни одному повелипелю правотѣрныхъ поклонниковъ *Магомета*!

Если счесть: то во всѣхъ его романахъ найдется до 500 душъ, такихъ только, которыхъ ни чужь другъ на друга не похожи, и о которыхъ никто ни подозреваетъ, что они вымышлены. Происшествія также идутъ сами собою, какъ будто автору небыло до нихъ никакого дѣла, а сообразно съ тѣмъ, какіе сошлись люди, какого они званія, образа жизни и мыслей, какихъ спрастей и какая между ними брошена кость. Его люди, съ тѣми же характерами и склонностями, встрѣтившись подобнымъ образомъ въ мірѣ, почто поже-бы сдѣлали, что въ романѣ и съ ними поже-бы случилось. *Вальтеръ-Скоттъ* не чаруетъ ни высокостью, ни прелестью отдѣльныхъ мыслей и выраженій. Но эту прелестъ и высоту вы увидите въ сонняхъ происшествіяхъ, въ сонняхъ характеровъ. Его не потъ геній, чтобы блистать выраженіями и мыслями: его геній изображаетъ характеры и происшествія. Какъ однихъ писателей, по преимуществу красоту ихъ сочиненій, называемъ писателями мыслей, другихъ писателями выраженій: такъ *Вальтеръ-Скоттъ* — писатель характеровъ и происшествій. Конечно, это недоспадокъ, и романъ нашего соотечественника, *И. И. Лажечникова: Последний Новикъ*, составленный также изъ живыхъ людей, изъ подлинныхъ событій міра, но исполненный богатства мыслей и выраженій, превосходитъ отдѣльно каждый романъ *Вальтера-Скотта*. Но думается, что создать столько романовъ, подобныхъ *Новику*, сколько написалъ *Вальтеръ-Скоттъ*, невозможно для человѣка. По крайней мѣрѣ *Вальтеръ-Скоттъ* первый началъ составлять не вымыслы, не мечты, если не всегда историческія: то постоянно человѣческія истины. Кроме того, талантъ—изображаетъ характеры и происшествія—одинъ достаточенъ для славы великаго писателя. Тѣ сами себя объявляютъ обиженными природою, которые романы *Вальтера-Скотта* называютъ пустяками. Его романы, какъ природа — пробный камень для поспоронныхъ умовъ. Одни самобытные умы извлекаютъ изъ происшествій міра мысль, а большая часть людей смотрятъ и идутъ мимо, чтобы посмотреть другіе случаи, ни

чѣмъ головы не обогащая. Такъ и въ романахъ *Вальтера-Скотта*, обнаженныхъ отъ мыслей, отъ выводовъ сочинителя, составленныхъ изъ фактовъ природы, только тѣ сильны понимать мысль, которые понимаютъ еѣ въ происшествіяхъ міра, а для другихъ эти романы кажутся глупостью, сказкою, какъ для нихъ глупость, сказка и происшествія міра. Повѣрьте, чтобы блистать отдѣльными мыслями, требуется гораздо меньше таланта, чѣмъ помѣстить мысль въ происшествіе и въ характеры. По крайней мѣрѣ, описатели характеровъ и происшествій гораздо рѣже писателями выражений и мыслей. Только два такихъ генія колоссально произвела природа, и оттолкнувъ одинъ другаго черезъ три тысячи лѣтъ, поставила ихъ на концахъ ученаго бытія: на нашемъ концѣ *Вальтера-Скотта*, и на противоположномъ—*Гомера*. Сертукъ, круглая шляпа и романы пераго, хитонъ, голова, неимѣющая нигдѣ приюта и поэмы послѣдняго — нисколько не уничаютъ сходства между ихъ талантами и даже произведеніями, показывая единственно разность въковъ и нравовъ. Не самозванцами-крипиками, но крипиками по призванію, образованнѣйшими людьми Англіи, Германіи и Франціи, геній *Вальтеръ-Скотта* признанъ необыкновеннымъ явленіемъ въ литературномъ мірѣ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

К Р И Т И К А.

(Отвѣтъ на письмо изъ Сердобска.)

Письмо ваше отъ 19-го Августа и рѣзкія замѣчанія на статью *Невымысленный рассказъ*, въ Лип. Прибавленіяхъ помѣщенную, я получилъ. Послѣднія не могутъ имѣть мѣста въ моихъ листкахъ: первое потому, что они рѣзки; второе потому, что несправедливы.

Вы называете дурнымъ слогъ рассказа; но мало сказали, надобно доказать это; оуждая содержаніе, вы спрашиваете у издателя: неужели оно невымышленное? Смыю

васъ увѣришь, что оно, отъ начала до конца, *вымышлено* авторомъ, — но разсказано столь правдоподобно, что вы сами въ раздумь и готовы принять его за истинное. Вышеприведенный вопросъ вашъ есть величайшая похвала повѣсти г. У—ва и служилъ отвѣтомъ на другой вашъ вопросъ: почему напечатана она въ моей газетѣ. Съ достоудожнымъ почтеніемъ, имѣю честь быть вашимъ,

Милоспивый государь!

покорнѣйшимъ слугою,

Издатель.

1834 года Сентября 4-го дня.
Село Рыбацкое.

M O D E S.

Avec une robe en mousseline de l'Inde, garnie au corsage d'une magnifique mantille de point à l'aiguille, une femme très-blonde avait de jolis rubans vert-pistache, façonnés en bouquets de roses nuancés; le tour de cou en écharpe passait sous la ceinture, les mêmes rubans plus étroits faisaient des nœuds d'épaule pen tombans.

Les *madras écossais* se rencontrent peu dans les rues. Ils se portent plus particulièrement le matin chez soi en peignoir ou en robe négligée. Ces peignoirs sont toujours sans corsage à devans francés, et attachés par une ceinture d'étoffe qui noue devant; les manches extrêmement larges et la jupe très-longue.

Les tabliers qui disputent la nouveauté aux taffetas écossais sont ceux de fil écriu damassé; rien n'est plus étrange que cette idée d'avoir mis devant une femme habillée de jolies mousselines peintes ou de fins jaconas imprimés, un tablier qui ressemble à une serviette. Nous croyons pouvoir affirmer à cette mode qu'elle vivra et mourra dans sa distinction primitive, sans que la généralité du public féminin ait eu seulement la pensée de l'adopter.

En attendant le moment des chasses, où le magasin de *Verdier*, rue Richelieu, va se renouveler et nous apporter ses élégantes nouveautés, nous y cherchons

quelques petits changemens dans les ombrelles et les cannes. Les cannes restent les mêmes; les ombrelles aussi, manches d'épine, ou par imitation en *bois de fer*, couvertures blanches, écruées, vertes ou solitaires, étoffe brochée, salinée à petits dessins; à celles du soir ou pour toilettes de jour, *Verdier* met encore des pierres gravées ou une petite tête d'oiseau en or ciselé, quelquefois émaille.

М О Д Ы.

Съ плашемъ изъ Индѣйской кисеи, лифомъ, отдѣланнымъ великолѣпною манпильею изъ вышитыхъ кружевовъ, на одной весьма блондуровой дамѣ были красивыя ленты зелено-фисташкового цвѣта, зашканныя букетами розъ въ шнуръ; лента шарфомъ около шеи пропущена была подъ поясъ; изъ шнуръ же ленты, поуже, сдѣланы были банты на плечахъ, не совсѣмъ висящія.

Шотландскіе мадрасы видны мало по улицамъ. Ихъ носять болѣе дома упрямъ, дѣлають пеньюары, или простыя платья. Эти пеньюары все также безъ лифовъ, полы собраны, и прихвачиваются шелковымъ поясомъ, завязывающимся спереди; рукава чрезвычайно широки, а юбки весьма длинны.

Передники, оспаривающіе новостъ у Шотландскихъ шафъ, камчатныя, неблѣнаго цвѣта. Нѣтъ спрашивать мысли, какъ надѣть на женщину, одѣтую въ красивую рисованную кисею или тонкій печатный жаконетъ, передникъ, похожій на салфетку. Мы можемъ утвердительно сказать этой модѣ, что она будетъ жить и умереть въ первобытномъ своемъ отличіи, и что дамская публика не возымѣетъ и мысли принять еѣ.

Въ ожиданіи времени, когда начнутся охоты, когда магазинъ *Verdier* возобновится и представитъ намъ щеголеватыя новосты, мы ищемъ памъ пѣкшорныхъ легкихъ перемѣнъ въ зонпикахъ и шпоспяхъ. Тростни остаются тѣ же, зонпикки также, ручки изъ шернаго дерева, или въ подражаніе, изъ желзнаго дерева, покрышки бѣлыя, суроваго цвѣта, зеленыя или *solitaire*, матерія зашканная апласисіная съ мелкими узорами; къ вечернимъ или къ дневнымъ нарядамъ, *Verdier* вдѣлываетъ вырѣзанные каменья или небольшую пшичью головку изъ золота съ насѣчкою, иногда съ эмалью.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 75.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 19 ДНЯ, 1854 ГОДА.

Спанемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней подъ шалашами,
Днемъ рубишься молодцами,
Вечеркомъ горьжку пишь!
Спанемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней подъ шалашами!

Д. Давыдовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА АЛЕКСАНДРУ I-му.

Въ четвергъ, 30-го Августа, исполнилась великая и славная мысль Государя Императора: въ сей достопамятный день происходило открытіе памятника, сооруженнаго въ столицѣ нашей Императору *Александръ I-му*, памятника, достойнаго сего Государя и Россіи. Сей исполинскій обелискъ, добытый 19 Іюня 1832 года въ каменоломняхъ Финляндіи, перевезенный въ С. Петербургъ съ неимовѣрными усиліями 1-го слѣдующаго Іюля и 30-го Августа того же года поставленный на пьедесталъ руками храбрыхъ воиновъ, сражавшихся подъ знаменами *Александра*, наконецъ открытъ среди изъявленій общаго неизъяснимаго восторга. *Александровская* колонна превосходитъ высоту всѣ существовавшіе донынѣ памятники. Гранитный стержень ея, имѣющій 12 сажень (84 Англійскихъ футовъ) вышины, стоитъ на гранитномъ же пьедесталѣ,

украшенномъ аллегорическими бронзовыми барельефами, съ слѣдующею надписью на споронѣ, обращенной къ Зимнему дворцу: *Александръ I-му благодарная Россія*. На верху колонны стоитъ Ангелъ, который въ лѣвой рукѣ держитъ вѣрстѣ, а правую указываетъ на небо.

Торжественность, сопровождавшая открытіе памятника, вполне соответствовала его величію. Надъ главными воротами дворца и наровнѣ съ главными апартаментами онаго, устроены балконъ, богато убранный въ видѣ шатра, и съ котораго двѣ лѣстницы прекрасной архитектуры ведутъ на площадь. На крышѣ и вдоль по фасаду манежа возвысились, какъ будто силою волшебства, длинныя эспрады, продолжавшіяся до угла площади, гдѣ сдѣланъ былъ другой фасадъ, совершенно подобный первому, съ которымъ онъ соединялся; вокругъ зданій Дворцовой площади также устроены были подмостки, и кромѣ оныхъ, безчисленныя полны зрителей, привлеченныхъ симъ

поржествомъ, занимали всѣ кровли и окна зданій, выходящихъ на площадь и весь Адмиралтейскій бульваръ.

Сначала можно было опасаться, что погода не будетъ благопріятствовать сему достопамятному поржествиу. Во все продолженіе Августа мѣсяца температура стояла чрезвычайно теплая, и небо было чисто и безоблачно, но съ 24-го начались дожди, а наканунѣ открытія памятника, вечеромъ 29-го, поднялась сильная гроза; и вода въ Невѣ возвысилась до такой степени, что ночью слышны были выстрѣлы вѣсповой пушки. Однакоже, къ утру 30-го числа, погода прояснилась, свѣжій вѣтеръ разогналъ легкія тучи и все возвѣстило прекрасный день.

Отслушавъ Божественную литургію въ Александро-Невскомъ монастырѣ, Государь Императоръ возвратился въ Зимній дворецъ къ десяти часамъ утра. Въ десять часовъ собрались всѣ войска, а въ одиннадцать, по сигналу, данному тремя пушечными выстрѣлами изъ конно-артиллерійскихъ орудій, стоявшихъ на углу Адмиралтейскаго бульвара, они разомъ двинулись пзъ всѣхъ выходовъ и выстроились въ боевомъ порядкѣ на Дворцовой и Адмиралтейской площадяхъ, будучи обращены фронтомъ къ памятнику, на значительномъ отъ него разстояніи. Воспитанники всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, составлявшіе шесть баталіоновъ, выстроены были вдоль фасада Зимняго дворца; на право, передъ манежемъ, стояла 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, прямо, передъ зданіемъ Главнаго Штаба, 2-я, а на право, 3-я дивизія; на Адмиралтейской площади весь гренадерскій корпусъ и гвардейская кирасирская дивизія; на Сенатской площади 1-я и 2-я легкія гвардейскія кавалерійскія дивизіи и 7-я легкая же кавалерійская дивизія; артиллерія была выстроена на небольшой площади, отдѣляющей Адмиралтейство отъ дворца, на Дворцовой и Англійской набережныхъ, и на набережной Васильевскаго острова, у Биржи. Опрядъ Императорскаго флота, состоявшій изъ пятнадцати судовъ, стоялъ на Невѣ вдоль Дворцовой набережной.

Число всѣхъ войскъ, бывшихъ подъ ружьемъ, проспиралось до 86 баталіоновъ пѣхоты и 106½ эскадроновъ кавалеріи, при 248 орудіяхъ артиллеріи. — Государь Императоръ, принявъ надъ ними начальство, изволилъ объѣхать по рядамъ, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Цесаревича Наслѣдника и Великаго Князя *Михаила Павловича*, Его Королевскаго Высочества принца *Вильгельма* Прусскаго и многочисленной и блестящей свиты; при появленіи Государя, войска привѣтствовали Его громкими кликами.

На балконѣ поставленъ былъ нагой, подъ знаменемъ роты Дворцовыхъ гренадеръ, выстроившихся шпалеромъ вдоль по обоимъ лѣстницамъ до самаго низа. Ровно въ полдень, Ея Величество Государыня Императрица, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ и предшествованіи преосвященнѣйшаго митрополита *Серафима* и всего главнѣйшаго духовенства со крестомъ, святыми иконами и хоругвями, прибыла на балконъ, гдѣ знатнѣйшіе военные и гражданскіе чины, члены Дипломатическаго корпуса, предводители дворянства и избранные отъ купечества депутаты, заранѣе заняли назначенныя мѣста. Въ эту минуту, когда процессія показала на балконѣ, всѣ войска, по командѣ Государя Императора, отдали Ей воинскую честь, а духовенство возгласило *Тебѣ Бога хвалимъ*. Тогда всѣ войска сдѣлали на молитву, безчисленныя полпы зрипелей обнажили головы и горячія мольбы вознеслись отовсюду къ Небу.

Никакое перо не можетъ описать сей поржественной минуты. Посреди площади, между колонною и дворцемъ, Монархъ пространной Имперіи, на колынахъ молящій Всевышняго о благѣ подданныхъ, о славѣ отечества, объ упокоеніи души Брата, память о которомъ пребудетъ безсмертною; на балконѣ, Государыня Императрица, окруженная Августнѣйшими дѣтьми Своими, надеждою и гордостью Россіи, и блистательнымъ Дворомъ; на четырехъ площадяхъ многочисленныя ряды колыно-преклоненныхъ воиновъ, и въ тоже время несмысленныя пол-

пы вѣрныхъ подданныхъ, также со всѣхъ сторонъ преклоняющихъ колѣна; это величественное цѣлое составляло картину пропагандельную, высокую, для которой не прищещь выраженія, но которую постигнешь всякое Русское сердце.

По пропѣтіи *Тебѣ Бога хвалимъ* и совершеніи молебствія за Императорскій домъ, протодіаконъ возгласилъ молитву объ упокоеніи души блаженной памяти Императора *Александра*, — въ половинѣ перваго часа, въ ту минушу, когда онъ произнесъ послѣднія слова, занавѣсы, скрывавшіе пьедесталь колонны, упали по знаку, данному Государемъ Императоромъ, и великолѣпный памятникъ представился взорамъ зрителей во всемъ своемъ величіи. Всѣ войска отдали воинскую честь, и въ продолженіе получаса въ воздухъ раздавалось громкое ура! повторенное войсками и зрителями и смѣшавшееся со звуками военной музыки и съ громомъ пушечныхъ залповъ, сдѣланныхъ всею бывшею при семъ артиллеріею, а также съ кораблей и съ крѣпости.

Послѣ молебствія за Русское воинство, Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами, въ предшествіи духовенства, въ сопровожденіи двора, членовъ Государственнаго Совѣта, сенаторовъ, предводителей Дворянства и избранныхъ отъ купечества депутатовъ, изволила сойти съ балкона на площадь и подойти къ памятнику между двумя рядами, образуемыми ропю Дворцовыхъ гренадеръ. Когда процессія приблизилась къ колоннѣ, то небо, въ продолженіе нѣкотораго времени покрытое лучами, прояснилось, и солнце вдругъ озарило лучами своимъ памятникъ, воздвигнутый благодарностію Россіи безсмертному *Александру*, и блистательную процессію, поражающую взоры не столько богатствомъ и изяществомъ одеждъ, сколько глубокимъ благоговѣніемъ всѣхъ особъ, еѣ составлявшихъ. Обошедъ вокругъ колонны, которую митрополитъ окропилъ святою водою, процессія возвратилась на балконъ, гдѣ Ея Императорское Величество и Ихъ Высочества оставались во все продолженіе бывшаго по-

помъ парада. Тогда оберъ-камергеръ графъ *Ю. П. Литта*, председательствующій въ Коммиссіи построенія Исакиевскаго собора, на которую возложено было и сооруженіе памятника, имѣлъ честь представить Августѣйшимъ Членамъ Императорскаго дома медаль, выбитую по случаю сего достопамятнаго торжества, которая была представлена Государыней Императрицей во внутреннихъ покояхъ дворца, еще до прибытія Ея на балконъ.

Въ часть по полудни, по командѣ Государя, войска начали проходить церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника, вокругъ котораго ропя Дворцовыхъ гренадеръ составила почетную стражу, окруживъ его со всѣхъ четырехъ сторонъ. Въ это время, всѣ зрители были глубоко пронуты, видя, съ какою благосклонностію Государь заключилъ въ свои объятія начальника сей роты, вѣрнаго и неразлучнаго спутника въ боихъ покойнаго Императора *Александра*, князя *П. М. Волконскаго*. Прохожденіе войскъ полковыми колоннами, въ первый разъ происходившее въ этотъ день, исполнено было съ величайшею точностію и удостоилось совершеннаго одобренія Его Величества. Офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые Прусскихъ войскъ, раздѣлявшіе съ нами славные подвиги въ компанію 1813 и 1814 годовъ, и присланные Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ нарочно для сего торжества, подѣ начальствомъ его Августѣйшаго сына принца *Вильгельма*, проходили равнымъ образомъ, находясь въ рядахъ гвардейскихъ полковъ.

Въ при съ половиною часа кончился парадъ, и Государь Императоръ, со всею Императорскою фамиліею, изволилъ возвратиться въ покои дворца.

Такъ окончилось торжественное сіе утро, которое навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ Россіи, какъ новый и прочный памятникъ глубочайшаго уваженія и безпредѣльной благодарности, питаемыхъ Государемъ Императоромъ къ Своему Другу и Брату.

(Изъ *J. de St. Pétersbourg.*)

КАЛАМБУРЪ НЕ ВПОПАДЪ.

Одинъ Французъ-путешественникъ, описывая Пепербургъ, не въ шутку увѣряетъ, что у насъ на улицахъ безпрестанно, даже днемъ слышно: разбой! разбой!

Онъ слышалъ, что разношники кричатъ: *ласасина! ласасина!* и вообразилъ, что они кричатъ: *L'assassinat! L'assassinat!*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИМЕНИНИЦЪ.

Слишкомъ многого нещастья,
 Дѣла, ты причиной мнѣ,
 Чтобы голосомъ участья
 Я всѣхъ благъ желалъ тебѣ.
 Нѣтъ! Въ порывѣ испуменья,
 Я молю у Провидѣнья
 Разрушенія примѣшь
 Для красы въ осьмнадцать лѣтъ!
 Пусть съ губительной косою
 Время мигомъ пролетитъ,
 И всеильною рукою
 За меня тебѣ опмститъ.
 Пусть румяныя ланины
 Пожелѣютъ, опцвѣтутъ,
 И изъ устъ молодой Хариты
 Перлы-диво—упадутъ;
 — Кудри черныя — въ сѣдины
 Превратятся на главѣ;
 — Старость пробраздитъ морщины
 На возвышенномъ челѣ;
 Пусть потухнувшій и хладный
 Взоръ твой жизнью не блестятъ,
 И блаженства лучъ опрадный
 Никому не подаритъ;
 Бѣломраморныя плечи,
 Тайныхъ прелестей соборъ,
 И плѣнительныя рѣчи
 Будушь пусть тебѣ въ позоръ.
 Словомъ, видѣ уничтоженья
 Пусть въ тебѣ спрашатъ людей;
 А въ груди — огонь мученья,
 Пусть горитъ огонь спрастей.

Пусть ко мнѣ домчатся слухи,
 Что мечтой ты ждешь меня,
 И—безвременной старухи
 Вновь поклонникъ буду я.
 Благъ физическихъ утраша
 Не страшна тебѣ, повѣрь:
 Ты красой души богата
 Будушь также, какъ пеперь.

Л. Л.

5-е Сентября.

СВЯЩЕННИКЪ И БОЛЬНОЙ.

Больной, не видя облегченья,
 Ждалъ жизни горькаго конца;
 Послыша совѣспи мученья,
 Призвалъ духовнаго опца,
 Сквозь слѣзы, вздохи и рыданья
 Ему приноситъ покаянье.
 «Прости, отецъ!»—онъ говорилъ,
 «Я чрезъ божбу и чрезъ обманы,
 Чужіе осушалъ карманы,
 Семей десятокъ разорилъ!
 Дѣла людскія и пороки
 На перечѣлъ я, грѣшный, зналъ;
 Не пропвердя свои уроки —
 Ихъ осуждалъ, пересмѣхалъ,
 Гордился много я собою!
 Друзьямъ, гонимымъ злой судьбою —
 Я помощи не подавалъ.»
 Священникъ кропкимъ поученьемъ
 Больнаго душу потрясалъ,
 И язвы сердца исцѣлялъ,
 Благословивъ его съ прощеньемъ.
 «Открою сердце для добра,
 Лишь подыми, великій Боже!»
 Волѣнь свалилась какъ гора!
 Онъ принялся опять за поже.

*

Когда заглянешъ къ намъ бѣда,
 Мы помощи отъ сердца просимъ;
 Прошла,—на обѣ руки косимъ
 Безъ совѣспи и безъ стыда!

О. Сльпушкинъ.

L O G O G R I P H E.

Je suis, avec cinq pieds, un végétal grim pant,
Que l'on trouve surtout, en la vaste Amérique.

Lecteur, en me décomposant,

Tu pourras naviguer sur un fleuve d'Afrique ;
Je t'offre encor de quoi faire un chaud vêtement ;

Puis un autre tissu, dont la femme élégante

Aime toujours la blancheur éclatante ;

Un légume ; un pronom ; un sol entouré d'eau ;

Ce dépôt que le vin laisse au fond du tonneau ;

Un animal utile ; enfin ce faux prophète

Que dans la Perse on honore et l'on fête.

Въ № 74-мъ, помѣщенная шарада значить: *Фант-азіа*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ *Виктора Дюканжа* и романѣ *Вальтера-Скотта*: Ламмемурская невѣста.

(Продолженіе.)

Астрологи, волшебники, Цыганы и таинственные лица, въ каждомъ романѣ *Вальтера-Скотта* міръ людей обращаютъ какъ-бы въ очарованныя царства, однако же не нарушаютъ естественности событій. Хотя по видимому кузнецъ въ *Кеннелвортѣ*, производящій столько подземныхъ проказъ, долженъ быть пріятель сапанъ; вездѣ являющійся Цыганъ въ *Кентенъ-Дюврардѣ* — неминуемо колдунъ; *Фенелла*, *Диана Вернонъ*, даже величественный *Робъ-Рой* и сотни другихъ, рѣшительно непостижимы, если они люди: но таковыми кажутся эти лица до тѣхъ только поръ, пока мы смотримъ на часть ихъ дѣйствій. Вглядитесь хорошенько, прочтите до конца романъ: вы увидите, что эти люди не видавали дьявола, не вѣдаютъ ни будущаго, ни ворожбы. Они являются вездѣ, все знаютъ, только посредствомъ проворства, тайныхъ связей и обмана; ворожатъ, предсказываютъ будущее — или пакже обманывая, или сами обманывались отъ фанатизма. Астрологъ *Людовика*

ХІ, Алина Грей, спрашная *Меэ-Мериллисъ* и другіе пророчили, какъ обыкновенно эти люди пророчатъ: зная, что предпринимаетъ поэтъ, кому они предсказываютъ, и что предпринимаютъ противъ него враги; судили по его характеру, по прежней жизни. Большая часть волшебныхъ составовъ, заклинаній, нисколько не дѣйствуютъ, пророчества не оправдываются. Если же что сбывалось, то единственно по случаю, и предсказатель не былъ увѣренъ, исполнился ли предсказаніе. Даже тѣни, выходцы изъ другаго міра, у *Вальтера-Скотта* вовсе не то, что въ романахъ г-жи *Радклифъ*, что въ повѣстяхъ новой Французской школы: по случаю естественныя, кои дѣйствующему лицу показались необыкновенными отъ разстройства его собственнаго, или отъ физическаго обмана. Самъ *Вальтеръ-Скоттъ* не долго оставляетъ въ сомнѣніи, и вы подъ конецъ романа, вспоминая казавшееся чудомъ, видите, что это вовсе не чудо. Между тѣмъ удовольствіе нисколько не нарушается. Сначала васъ занимала сверхъестественность событій, а послѣ еще пріятнѣе занимаютъ мысли, какъ дѣйствующія лица, какъ вы сами еще прежде не видали обмана, до какой степени въ самомъ дѣлѣ можетъ ошибаться человекъ своими чувствами, умомъ или сердцемъ. Кромѣ того, астрологи, ворожеи, довѣренность къ сверхъестественнымъ явленіямъ, оправдывается въ томъ, въ которомъ происходитъ дѣйствіе романовъ *Вальтера-Скотта*, а если сказать правду, то и нашимъ въ томъ. Вспомните, господа, съ какимъ участіемъ мы слушаемъ рассказы о пришельцахъ съ того свѣта, о привидѣніяхъ, о мертвацахъ, кои будто бродятъ по кладбищамъ и лѣсамъ; перечтемъ, сколько у каждаго изъ насъ нещастливыхъ и щастливыхъ примѣтъ; не прибѣгалъ ли кто изъ насъ къ тѣмъ, которые заговариваютъ кровь и зубы къ ворожбѣ Читая наши сочиненія, мы смѣемся надъ глупостями, а читая наши сердца, мы сами иногда дѣлаемъ большія глупости, вѣримъ почти всему, чему не вѣримъ на письмѣ: мы, подобно людямъ темныхъ вѣковъ, тѣ же люди. Ни уму, ни высокому

образованію не искоренишь слабостей чело-
вѣческаго сердца! Введеніе колдуновъ и при-
виднѣй, особенно съ такимъ смысломъ, какъ
помѣщаль ихъ *Вальтеръ-Скоттъ*, можетъ
быть допущено въ романахъ изъ происше-
ствій нашего времени, даже изъ происше-
ствій высшаго общества. Такія событія,
выходя изъ круга естественности, нисколь-
ко не выходятъ изъ круга естественности
нашихъ мыслей.

Скажу болѣе, таинственныя лица и вол-
шебники въ романахъ знаменитаго Шоп-
ландца, не просто волшебники и таинствен-
ныя лица, какъ многіе на нихъ смотрятъ:
въ нихъ заключается особая, творческая
мысль романиста. Это колѣса дѣйствія у
Вальтера-Скотта, судьба и боги его міра,
это его мифологія. Греческіе боги перемер-
ли до одного, *Оливеръ* опустилъ для роман-
пиковъ; но силы Христіанской Вѣры до
сихъ поръ не замѣнили ихъ въ литературу.
Быть можетъ, Христіане самыя напо-
минанія о Вѣрѣ, какъ святыню, не осмѣли-
ваются ввести въ литературныя удоволь-
ствія, уже потому, что онѣ, удовольствія,
передъ людьми часто непорочныя, а передъ
Небомъ почти всегда грѣшныя. Между тѣмъ
отсутствіе боговъ, особенно въ поэмѣ,
очень чувствительно: романы объ однихъ
людяхъ, ихъ безспорной жизни, какъ мы съ
вами жили прошлый годъ, хотя бы съ нами
случилось много, много любопытнаго, даже
романы гениевъ-литераторовъ въ подобномъ
родѣ, не удовлетворяютъ потребностямъ
наслажденія. У насъ до *Вальтера-Скотта* не
было того нашего, что у древнихъ была
эпопея. Наши романы были: одни сапиры,
описанія нравовъ, какъ *Сервантъ*, *Лесажа*;
другіе—слишкомъ умны, какъ *Руссо*, *Вилан-
да*; или припорны, какъ *Ричардсона*, *Филь-
дита*, *Августа Лафонтена*, г-жъ *Коттенъ*,
Жанлисъ: они были скучны, тогда какъ
назначены разгонять скуку, занимать насъ
сладо и радостно. Чудесное въ этихъ ро-
манахъ состояло единственно въ томъ, что
люди представлялись не людьми: слишкомъ
непорочными, слишкомъ высокими духомъ,
слишкомъ во всемъ — чудесное — несносное!
Мы, люди, охотнѣе читаемъ о слабостяхъ

другихъ. Будь лица романовъ возвышенны,
благородны, но имѣй они слабости, будь
они люди: вотъ тайна нашего сердца. «Я
человѣкъ и ничто челоѣческое мнѣ не чу-
ждо (*). . . . Я никогда не буду проклинаю
слабостей челоѣческихъ (**);» — это глу-
бокая истина, коренное правило для литера-
тора, который желаетъ занимать челоѣка
челоѣкомъ. Еще спасибо, что классики не
ввели и въ романъ Греческую мифологію,
какъ ввели её въ лирическую поэзію. За-
бавно было бы видѣть *Аполлона*, *Юпитера*,
Амура, между фижмами и париками, между
нынѣшними мундирами и фраками! А чуть
дѣло не доходило и до эпаго! Такимъ обра-
зомъ, собственно чудеснаго, соотвѣтствующаго
чудесному поэмѣ, не было въ романѣ.
Спранно, однако-жь, что крайности въ при-
родѣ какъ-то сходятся. Наслажденіе мудре-
ца въ часы отдыха почти тоже, что на-
слажденіе дитяти, только приаровненное
къ сѣдинѣ. Цвѣтущій ребенокъ, сидя на ко-
лѣняхъ безобразной няни, разгорѣвшійся, съ
препещущими глазѣнками, слушаетъ какъ
Соловей разбойникъ свилъ гнѣздо на семи ду-
бахъ, или какъ вѣдьма спрячала мѣсяць.
Мудрецъ, сполько же забываясь въ насла-
жденіи, съ важностью читаетъ божествен-
наго *Тассо*. Вотъ *Ренальдъ* входитъ въ лѣсъ,
очарованный *Исленомъ*, и дивится нежи-
данному спокойствію деревъ, прислушивается
къ мелодіи воздуха, листьевъ, потоковъ,
распознаетъ звуки какъ-бы челоѣческіе,
будто печальные. Смотрите: дубы, одинъ
за другимъ, раздвояются, изъ ихъ сердцевины
вылетаютъ *Ниллфы*, легкія, неосязаемыя,
одна другой прелестнѣе: онѣ носятся, пля-
шутъ, кружатся вокругъ *Ренальда*. Смотри-
те: и мирна раздвоилась, выносятся *Арли-
да*, воздушная, небесной красоты, спраш-
ная: она и киваетъ прелестною головою
Ренальду, и стонетъ и проситъ любви. Но
Ренальдъ, помня завѣтъ *Готфреда и Петра*,

(*) Homo sum, nil humani à me alienum puto. *Терен-
цій*.

(**) *Кирализитъ*. См. Письма Русскаго путешественника,
ч. III, по письму, гдѣ онъ говоритъ о судьбѣ *Фоль-
дохи* и *Терезы*.

кинулся на призракъ съ мечемъ. Вдругъ... *Арлида*, *Ниллфы*, деревья темнѣютъ, ропуть, обращаются въ спорукпхъ, безобразныхъ чудовищъ, и со всѣхъ сторонъ бросились на *Ренальда*: ужасенъ свистъ ихъ, воепъ въперъ, по лѣсу прескъ и гамъ, поверхность земли то поднимается, то упадаетъ, будто море, кругомъ мракъ и небо гремитъ!! (*). Прекрасно! божественно! Однако-жь, не тоже ли это, что *Соловей разбойникъ*, что вѣдьма спрятала мѣсяцъ! Но таковы мы сами: поэма и романъ безъ чудеснаго ни существовать, ни занимать насъ не могутъ. Чѣмъ дальше романъ отъ поэмы, тѣмъ дальше отъ насъ, тѣмъ ниже простой сказки. Повѣрьте, древнѣе слагатели сказокъ имѣли высшій, болѣе самобытный талантъ, чѣмъ классики-романисты, лучше поняли идею повѣсти. Они въ сказкахъ своихъ выразили свой вѣкъ, собственную душу, цвѣтъ любопытства. Но несравненно возвышеннѣе талантъ того, кто напишетъ поэму или романъ, основанные на чудесномъ, сообразные образованному вѣку. Таковы *Валтеръ-Скоттъ*.

У новыхъ народовъ только одинъ эпикъ: *Макферсонъ*, и одинъ романистъ: *Валтеръ-Скоттъ*, создали свое собственное баснословіе. Греческая мѣология недоступна для равнаго соперничества сѣвернымъ народамъ, по самой природѣ послѣднихъ. Въ баснословіи Грековъ заключена народная философія, не такъ высокая, временъ образованной Греціи, не *Сократова* и *Платонова* философія, но составленная еще въ темные вѣки, когда между дикими племенами носились изрѣченія умнѣйшихъ людей, щастливья замѣтки изъ опытовъ жизни. Греки, живя подъ поэтическимъ небомъ, отъ самой атмосферы и природы получивъ чувство изящнаго, выражали мудрость свою въ изящныхъ, пластическихъ формахъ поэзіи. Какъ у другихъ народовъ эта мудрость заключилась въ простыя, краткія пословицы, и только частію, и то въ грубое баснословіе: такъ у Грековъ на каждый случай жизни, кромѣ посло-

вицы, были прелестныя басни, общность коихъ составила игривую, подлинно романтическую мѣологию, столь поэтически опривившуюся въ созданіяхъ *Гомера*. *Макферсонъ* свое баснословіе вывелъ также изъ преданій спарины, своей родины, изъ ея атмосферы. Его ропщущая, прибрежная волна, его сѣни роцей, могилы, надгробные камни, его *Скалды* и воздушныя пустыни, населенныя тѣнями героев—прекрасны и столько же приличны древности туманнаго *Альбіона*! Однако же *Макферсонова* мѣология, потому уже, что прилична одной древности и одному *Альбіону*, не могла распространиться. Христіанскіе народы, древнюю свою мѣологию, подобно *Макферсону*, могутъ вводить единственно въ повѣсти изъ древнихъ происшествій. — Для новыхъ поэмъ и романовъ эта мѣология столько же смѣшна и столько же неприлична, какъ Греческая: ибо, чему мы не вѣримъ: то не родитъ въ насъ ни участія, ни восторга. Намъ нужна такая мѣология, баснямъ которой вѣрятъ и нынѣ, или по крайней мѣрѣ вѣрятъ и не вѣрятъ. Её нельзя вымыслить: она должна составиться изъ разсѣянныхъ въ народѣ басенъ, она должна быть наличная мѣология, мѣология въ ходу. *Валтеръ-Скоттъ*, кажется, нашелъ её. Тайнственныя лица, колдуны, мнимыя привидѣнія, управляющіе царствомъ его фантазіи, дѣйствительно тѣ существа, коимъ однимъ изъ баснословія мы вѣримъ, или и вѣримъ и не вѣримъ, на коихъ всегда съ жадностью бросается наше любопытство, Правда, эта мѣология не столько чиста, несравненно грубѣе, ниже поэтической мѣологии Грековъ: но въ томъ не виноватъ *Валтеръ-Скоттъ*, не выдумавшій, а только нашедшій истину; не виноваты и сѣверные народы, что они родились подъ пасмурнымъ небомъ, что ихъ умъ и природа не такъ жарки и изящны, что они не Греки. Мѣология *Валтера-Скотта* есть наша родная, есть лучшая, если мы не позволяемъ себѣ Христіанскихъ вымысловъ. Тѣ, которые, не понимая творческаго дарованія *Валтера-Скотта*, смѣются надъ его Цыганами и колдунами, какъ только Цыганами и колдунами, пусть безъ Греческаго баснословія, выду-

(*) Освобожденнаго *Иерусалима* пѣснь XVIII.

мають новое чудесное, приличнѣйшее нашему вкусу. Они согласятся тогда, что въ Цыганахъ и таинственныхъ лицахъ знаменитаго Шопландца заключается истинная поэзія новыхъ романовъ, сравнивая ихъ, говоря относительно, съ эпопеею древнихъ. Эта мифологія принадлежитъ собственно *Валтеру-Скотту*. *Тассо*, *Аріостъ*, *Гюфманъ* и другіе старые и новые эпичіи и романисты, даже многіе послѣдователи *Валтера-Скотта*, принимали волшебство, явленіе духовъ и подобное неопредѣленною силою, вводили ихъ какъ-бы мимоходомъ, наравнѣ съ проспыми дѣйствующими лицами, и не столько романическимъ, сколько поэмапическимъ образомъ. У нихъ дѣйствительныя волшебства, дѣйствительныя связи съ дьяволомъ и дѣйствительныя явленія существъ другаго міра. Напримѣръ того, *Валтеръ-Скоттъ* (мы это уже видѣли), вводя въ романы въ высокой степени чудесное, сумѣлъ сохранить естественность, представилъ вещи, какъ понимаютъ ихъ образованные люди. Его романы подлинно не только историческіе по исторической основѣ, но историческіе и по заключающейся въ нихъ челоувѣческой истинѣ. Гений *Валтера-Скотта* былъ совершенно самобытный, начавшій собою новую династію романистовъ; онъ поворотилъ въки предубѣжденія на свою дорогу. *Русса*, *Виландъ*, *Жанъ Поль*, *Викторъ Гюго*, высшіе мыслители и литераторы, но какъ романисты гораздо ниже *Валтера-Скотта*.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

MODES.

Du nouveau est toujours attrayant quel qu'il soit: tout ce qui est nouveauté plaît et se fait adopter, que sera-ce donc de la nouveauté qui traverse des mondes pour arriver à Paris, qui accourt de l'Inde, enfin, pour satisfaire une de nos fantaisies; ne la recevra-t-on pas avec un concert d'éloges et d'admiration?

Qui a vu les magnifiques châles de cachemire envoyés de Bombay au magasin Sainte-Anne? Ces merveilleux tissus où le talent de l'ouvrier lutte avec celui du dessinateur qui à tracé mille lignes riches et gracieuses. Tissus fins et unis comme une mousseline, chargés de broderies sans en être fatigués; rien n'est beau comme ces hautes palmes surmontées de doubles bordures, ces palmes traversées par des rayures serpentées ou recouvertes par d'autres petites palmes plus légères, et ce que nous ne connaissons pas encore, un luxe de nuances vives et douces, brillantes et nouvelles; des nuances *souci*, *bleu de roi*, *rose turc*, si bien harmonisées entre elles que toutes se font valoir. Des fonds jaune d'or, jaune turc, vert émeraude, bleu ciel, plus parfaits que nos fonds français; des bordures plus travaillées que celle de Constantinople.

МОДЫ.

Новое всегда привлекательно, чтобы это не было: всякая новостъ правится и входитъ въ употребленіе; что же будетъ съ новостью, которая проходитъ государства, чтобы достигнуть Парижа, которая наконецъ является изъ Индіи, чтобы удовлетворить нашимъ прихотямъ; не встрѣпшались ли её концерпомъ похвалъ и удивленій?

Кто видѣлъ великолѣпныя кашемирскія шали, присланныя изъ Бомбей въ магазинъ Sainte-Anne? Эти чудесныя ткани, гдѣ искусство художника борется съ искусствомъ рисовальщика, начерпавшаго тысячу богатыхъ и ловкихъ полосокъ, вышканные тонко и гладко какъ кисей, наполненныя шипѣя, но не обремененныя имъ. Ничего нѣтъ красивѣе этихъ широкихъ пальмъ сверху, ихъ двойная каѣмка, по этимъ пальмамъ идутъ извивающіяся полоски или небольшія, легкія пальмочки, и что намъ было неизвѣстно еще, роскошь яркихъ и прилпныхъ цвѣтовъ, блестящихъ и новыхъ. Цвѣтъ *souci*, голубой королевскій, розовой Турецкій, такъ хорошо соединяющіеся между собою, что одинъ оцъ другаго кажуща лучше. Грушпы золотого цвѣта, желтаго Турецкаго, изумруднаго, небесно-голубаго, несравненно превосходятъ нашихъ Французскихъ грушповъ; каймы выработаны лучше Конспаншинопольскихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 76.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 22 ДНЯ 1854 ГОДА.

Не дай мнѣ Богъ сойпись на багъ,
Иль при развѣздѣ на крыльцѣ,
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ,
Иль съ Академикомъ въ чепцѣ!

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ФИЗИОЛОГІЯ ВДОВСТВА.

Литературный свѣтъ изобилуетъ сатирами и эпиграммами противъ брака. Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ онъ служилъ неистощимымъ предметомъ насмѣшекъ на театрѣ и разглагольствій на философскихъ кафедрахъ. Но какъ-бы ни было и чтобы ни вымыслила злоба мужчинъ и даже женщинъ противъ сего священнаго установленія, а есть нѣчто гораздо убѣдительнѣйшее, есть доводъ, гораздо болѣе неоспоримый, нежели вся проза и стихи, всѣ драмы и проповѣди, всѣ умствования и насмѣшки, доказывающія невыгоды брака; это — проспой взглядъ на первую вдову, которую вы встрѣтите въ свѣтѣ.

Для дѣвицы, какого-бы ни была она возраста, безбрачная жизнь, какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ отношеніи, исполнена скуки и непріятностей. Едва располагая языкомъ и глазами своими, дѣвица никогда не можетъ сказать слова о себѣ

и о своемъ состояніи; если у ней нѣтъ отца, который-бы ей противурѣчилъ, или матери, которая-бы её журила: то навѣрное найдется какой нибудь бралець, присвоивающій себѣ роль цензора ея поступковъ, и тѣтушка или дядюшка, скрывающіе подъ именемъ дружескихъ совѣтовъ приписанія своей досадной навязчивости. Что касается до замужнихъ женщинъ, то хоти многія изъ нихъ непрерывно спремляясь къ владычеству въ домашней жизни, но не всегда встрѣчаютъ безусловную покорность въ мужьяхъ своихъ, а припомъ замужняя женщина по необходимости становится работою дѣтей своихъ, которыхъ она должна родить, дѣлать, воспитывать. Однимъ словомъ, брачная жизнь многихъ женщинъ есть ни что иное, какъ продолжительное и тяжкое спраданіе. Но взгляните на положеніе вдовы! Въ этомъ блаженномъ періодѣ женщина начинаетъ пользоваться дѣйствительною независимостью, и становится членомъ общества, вступающаго во всѣ права и преимущества, присвоенныя званію гражданина; такъ что дѣвицу можно срав-

нипы съ червячкомъ, замужною женщину съ куколкою, а вдову съ блестящимъ пылькомъ, свободно порхающимъ въ нашей общественной атмосферѣ, и всасывающимъ по произволу изъ тысячи цвѣтвъ благовонный медъ, предлагаемый ему свѣтомъ и природою.

Такимъ образомъ, почти не подлежащъ опроверженію, что вдовство есть крайній предѣлъ замужства и самый благополучный исходъ изъ этого состоянія, котораго добиваются обыкновенно съ такимъ перепѣишемъ. Иначе, для чего-бы, при брачныхъ условіяхъ, заботились такъ много о томъ, что опносился до будущаго? Если вы почтипаете бракъ ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ склонности, то что можете быть гнуснѣ той мелочности въ распоряженіяхъ и условіяхъ, предшествующихъ браку. Не пропихиваете ли видѣть, что два существа, спрасныя одно къ другому, безъ памяти влюбленныя, неспособны жить розно, спокойно дѣлаютъ предположенія на щепъ своей взаимной кончины, и рашипываютъ денежные выгоды, сопряженныя для каждаго изъ нихъ съ расторженіемъ узъ, которыя они, по видимому, налагаютъ на себя такъ охотно. Впрочемъ, обычай и необходимость даютъ совершенно иной видъ этимъ вещественнымъ обрядамъ. Нотариусъ занимаетъ мѣсто въ храмѣ гименея, рядомъ съ священникомъ, совершающимъ таинство брака, и въ существѣ, онъ лицо не менѣе необходимое и гораздо чаще присутствующее при обрядѣ, нежели самъ божокъ Купидонъ.

Если законъ предоставляетъ вдовѣ многія права, то преимущества, которыми она пользуется въ обществѣ, не менѣе достойны зависти. Первое условіе для того, чтобы быть пріятнымъ для другихъ, состоитъ въ довольствіи своимъ жребіемъ.... Посему, что можете быть пріятнѣе въ этомъ отношеніи общества вдовы? Дѣвицы, безмолвныя и осторожныя по необходимости, бывающія въ свѣтѣ слыхкомъ заняты заботами о томъ, чтобы пайли себя мужей, или желаніемъ заславить думать, что онъ насколько объ этомъ не забоялся, и попо-

му ровно ничего не значатъ въ обществѣ. Опъ этого-то общество замужной женщины гораздо пріятнѣе общества дѣвицы, но къ сожалѣнію, оно не безъ опасностей, и воспоминаніе о мужѣ оправляетъ и опнимаешь всю прелестъ у пѣжнаго разговора съ женщиною. Совсѣмъ не по бываетъ со вдовою; она не подчинена ни чьему постороннему надзору, и въ случаѣ, если думаетъ о новомъ замужствѣ, совершенно свободна въ выборѣ; она не имѣетъ нужды скрывать что либо, кромѣ морщинъ на лбу и сѣдыхъ волосъ, и ничто не препятствуетъ ей предаваться тихой душевной склонности, и обнаруживать въ рѣчахъ своихъ весь пылъ ея воображенія. Опъ того молодая вдова никогда не позабывается въ приглашеніяхъ ея знакомыхъ; опъ того не проходитъ ни одного собранія, котораго-бы она не была душою и украшеніемъ, ни одного семейственнаго праздника, на который-бы она не была приглашена изъ первыхъ. Во всѣхъ кругахъ, вдова почти всегда бываетъ исключительнымъ средоточіемъ, осью, вокругъ которой непрерывно вертится умъ и веселость. Будучи предметомъ исканій робкаго дебюта въ любви, котораго юное мужество имѣетъ нужду надѣяться, она служитъ также цѣлью, привлекающею охотниковъ до опытнаго сопротивленія.

Вдова можете позволить себѣ легкую улыбку при такой выходкѣ, опъ которой лицо женщины, имѣющей или еще неимѣющей мужа, должно оспаваться совершенно безспраснымъ. Это незначительное преимущество имѣетъ большое вліяніе на многихъ мужчинъ, которые, безъ пѣкоторой свободы въ разговорѣ съ женщинами, увидѣли-бы себя доведенными до жалкой ничтожности. Вспрѣчаетесь ли вы со вдовою на балѣ, ничто не приуждаетъ васъ звать еѣ на танцы, а если въ припадкѣ рѣзвости она и вздумаетъ провальсировать съ вами, то вамъ споитъ вспомнить, что вы держите въ объятіяхъ, и тогда.... Припомъ, она можете выбрать васъ своимъ кавалеромъ, поговорить съ вами глазъ на глазъ въ амбразурѣ окна, наклонить на голову плапочекъ и принять вашу руку;

чтобы прогулялся вмѣстѣ въ роцѣ, въ ясную ночь, и все это нисколько не опасаясь сдѣлался предметомъ пересудовъ и заспавитъ указывать на себя пальцами. Не менѣе пріятно и то, что подлѣ вдовы вы не встрѣтите ни глупыхъ мапушекъ, всегда готовыхъ записать васъ въ женихи своей дочки, ни забіякъ брашцевъ, съ ихъ несноснымъ вопросомъ: милоспивый государь, какія вы имѣете намѣренія?

Безъ сомнѣнія, со всѣми эпими преимуществами, вдова должна быть жестоко обижена природою въ нравственномъ и физическомъ отношеніи, чтобы оставался въ свѣтѣ безъ угодниковъ и обожателей, и не находить другихъ пособій противъ скуки и одиночества, кромѣ картъ, альбомовъ и собранія каррикатуръ.

Изъ всего предыдущаго съ справедливостію можно заключить, что вдовство чрезвычайно благоприятствуетъ развитію самобытныхъ характеровъ. Между дѣвицею и замужнею женщиною есть какое-то фамиліное сходство, также какъ между педантами мужскаго пола, въ которыхъ вы всегда замѣтите ихъ особенный типъ, изъ которыхъ въ каждомъ вы встрѣтите отличительныя черты его званія. Такимъ образомъ, замужнія женщины и дѣвицы безпрестанно носятъ на себѣ родъ ливреи, родъ мундира совершенно особаго покроя, по которому нельзя не узнать ихъ. Напримѣръ, между вдовами, почти каждая представляетъ въ себѣ что нибудь особенное, и какова бы ни была господствующая въ нихъ спрасъ, наконецъ она непременно обнаруживается. Самъ *Линней* не могъ-бы привести ихъ въ правильную классификацію; онъ не могъ-бы постановить ни одного правила, которое-бы не потребовало пылячи исключеній. Есть, однако же, нѣсколько родовъ эпихъ женщинъ, которыхъ замѣтите прочихъ.

Есть, напримѣръ, вдова веселаго нрава, всплупающая, по собственнымъ словамъ ея, въ тридцатилѣтне жизни. Она не отказывается отъ вцораго бокала Бордосскаго и предпочитаетъ холодное кушанье жаркому. Она смѣется отъ души, раскидывается въ

креслахъ, съ пою роскошною небрежностію, которая показываетъ, какъ она цѣнитъ эту высочайшую нѣгу. Если въ какомъ нибудь кругу она не отличаетъ предъ всѣми въ разговорѣ, то по крайней мѣрѣ у ней нѣтъ недостатка въ той природной живости, которая повсюду имѣетъ обращеніе, какъ монета ума. Всѣ поступки и всѣ слова ея носятъ на себѣ клеймо здраваго смысла, наклонности къ эпикурензму, благонамѣренному и изытому какъ отъ чрезмѣрной чинности, такъ и отъ излишней польности. Вдова этого рода служитъ предметомъ исканій для гулякъ, весельчаковъ и такъ называемыхъ *bons vivans*. Свободная отъ всѣхъ общественныхъ или семейственныхъ заботъ, она спокойно проживаетъ доходъ свой, не мѣшаясь въ дѣла и удовольствій своихъ сосѣдей. Она не любовница, не жеманна, не пронырлива; что же касается до отношеній ея къ мужчинамъ, то она имѣетъ небольшой кругъ служивиковъ, которыхъ привязанность къ ней никогда не выходитъ изъ предѣловъ приличія. Увѣренная въ ихъ преданности, потому что она есть произвольное слѣдствіе взаимной симпатіи, въ обхожденіи съ ними наша вдовушка исполнена непринужденности, любезности и искренности. Если она богата, то даетъ лучшіе обѣды и слѣдовательно выдаетъ у себя лучшее общеспво. Она цѣнитъ свѣтъ и людей именно въ то, чего они стѣбятъ, и никому не надѣдаетъ своими болѣзнями, своими неудачами или неприятностями. Она не принадлежитъ ни къ числу женщинъ, занимающихся политикою, ни къ числу методистокъ или женщинъ ученыхъ и такъ называемыхъ *голубыхъ чулокъ* (blue stocking), но умѣетъ говорить не шутя съ людьми спенными и осперегаются произносить какія нибудь глупости въ дѣльномъ разговорѣ. Если же предметъ бесѣды представляетъ забавную и комическую сторону, то она первая занимается еѣ и пользуется ею, а въ слѣдствіе этого, она ни за что на свѣтѣ не согласилась-бы избрать себѣ записнаго любовника. Что же касается до замужства, то она скорѣе предпочла-бы ему самоубійство.

Вдова сентиментальная есть лицо совершенно иного рода. Горестъ ея о потерѣ мужа, продолжающаяся цѣлый годъ, въ печеніе котораго она не скидаетъ праура, смѣняется какою-то романическою тоскою, очень привлекательною и придающею всѣмъ ея дѣйствіямъ особенную занимательность. Неустрашимая чипательница романовъ, она пускается иногда и въ стихотворство. Въ домашнихъ распряхъ ея знакомыхъ, она всегда принимаетъ сторону жены, и утверждаетъ, что лордъ Байронъ былъ совсѣмъ не правъ въ частной жизни. Она всему предпочитаетъ прогулку при лунномъ свѣтѣ и рѣдко отказываетъ себѣ въ платонической привязанности къ какому нибудь модному поэту, или молодому художнику; она любитъ иногда принимать участіе въ заключеніи брачныхъ союзовъ, но не иначе, какъ въ пользу какой нибудь Юлии, умирающей отъ любви, сердца расперзаннаго безчеловѣчными родителлями, или молодого и красиваго юноши, младшаго сына семейства. Прилагая попеченія о своемъ нарядѣ, она предпочитаетъ пышнымъ приходамъ моды роскошь изящной простоты. Прежде всего, она выбираетъ цвѣта, которые ей пристали, и менѣе заботится о богатствѣ, нежели о вкусѣ своего убранства. Она никогда не выходитъ безъ покрывала и садится всегда спиною къ окну. Не будучи совершенно суровою, она имѣетъ нѣкоторое предубѣжденіе въ пользу хорошихъ проповѣдниковъ, особенно если они молоды и пріятной наружности. Она ненавидитъ карпы и очень любитъ сельскіе балы и прогулки; страстно любя музыку, она играетъ на арфѣ только для того, чтобы себѣ акомпанировать, и никогда не поетъ въ большомъ обществѣ. Суровость нашего пола оскорбляетъ ея нѣжность, подобно кушаньямъ, отъ которыхъ щиплетъ во рту и жжетъ въ горлѣ. Сердце ея прещетъ отъ идеальной страсти и отворачивается при мысли о томъ, что страсти эта представляетъ много чувствительнаго.

Вдова, предавшая игрѣ, бываетъ обыкновенно пожилыхъ лѣтъ, и изображеніе ея можетъ быть представлено не иначе, какъ

въ общихъ чертахъ. Безъ всякой привязанности, безъ нѣжности, безъ склонностей, она имѣетъ на свѣтѣ единственную заботу: *выигрывать*, и единственное занятіе: принимать и дѣлать посященія. У ней нѣтъ другихъ любимцевъ, кромѣ копа или моськи. Впрочемъ, она спарается сохранять при себѣ друга, котораго-бы дѣлалъ ей лимонадъ, записывалъ расходъ и равнодушно выносилъ вспышки ея досады, когда она нещасливо играетъ. По Воскресеньямъ, она ходитъ въ церковь за тѣмъ, чтобы спать, а лѣтомъ ѣздитъ на воды, за тѣмъ, чтобы *выигрывать*.

Что касается до вдовы-невѣсты, то ея едва-ли можно причислить къ этому классу женщинъ, изъ котораго она такъ спѣшишь освободиться. Спранно! Часто она бываетъ изъ числа тѣхъ, которыя въ первомъ замужствѣ встрѣпили одно несчастіе. Можеть быть это происходитъ отъ того, что въ руки спараго мужа бросила ея воля родителей, а въ объятія молодаго бросается она, слѣдуя внушенію собственной воли. Ея характеристическія черты много зависятъ отъ возраста и состоянія. Она молодая и миловидная, способна возвратиться къ *прежнимъ* своимъ манерамъ, и снова впасть въ *демуазелизмъ*. Если она уже близится къ сорокалѣтію, если она еще сохранила остатокъ красоты и стройности, то ищепишь на досугъ и выбираетъ по зрѣломъ соображенію. Тогда она овладѣваетъ мужчиною въ слѣдствіе блокады очень пріятной, но не оставляющей никакой надежды на капишуляцію.

Не столь щасливая, какъ та, о коей говорили мы сію минутой, вдова, которой не льстишь впереди никакая надежда, которая обременена довольно тяжельмъ грузомъ лѣтъ, которой состояніе ограничено, и которая съ крайнимъ прискорбіемъ видитъ, что вся ея особа представляетъ весьма слабый предметъ искушенія, — такая вдова поступаетъ, соображаясь единственно съ своимъ безоправнымъ положеніемъ. Въ ней гораздо болѣе кокетства, нежели въ молодой дѣвушкѣ, и однажды замѣтивъ человека, котораго она находитъ достойнымъ занять

при ней убылое мѣсто мужа, она никогда уже не перлеть его изъ вида. Разговоръ ея клонится всегда къ великой цѣли, которую она себѣ предположила, и если она встрѣтитъ сопротивленіе въ вашей понятливости, то безъ сомнѣнія, не по недостатку ясныхъ намѣковъ. Она по цѣлымъ часамъ сътуетъ о скукѣ одинокой жизни и испощаетъ все свое краснорѣчіе, чтобы возвысить въ глазахъ вашихъ пріятности брака. Способная принимать на себя попеременно разныя роли, она представитъ вамъ по нуждѣ живую, важную, щеславную, скупую, кроткою и рѣзвою, все это сообразно съ склонностями, предполагаемыми въ ея жерпвѣ. Всегда *tirée à quatre épingles*, нарядъ ея представляетъ болѣе изысканности, нежели изящества, болѣе богатства, нежели сколько приличествуетъ ея состоянію, и менѣ прелести, нежели спраинности. Исполненная хитрости и лукавства, она не втыкаетъ булавки безъ намѣренія. Наконецъ, она охотно готова принять помощь претъяго лица, для того, чтобы обезпечить успѣхъ своего плана, и скорѣе, чѣмъ допустить его разстроиться, способна сама отказать отъ предложенія.

Есть другой классъ вдовъ, которыхъ описаніе пребуетъ большой тонкости кисти; лучше даже оставить чипателямъ самимъ ихъ представишь себѣ, нежели пыпаться изображать ихъ. Ихъ понятія о замужствѣ не совершенно платоническаго свойства; сердце ихъ слишкомъ увлекается человѣческими слабостями, и совсѣмъ тѣмъ независимось для нихъ еще дороже. У нихъ сердце неспособно къ принятію впечатлѣній, и голова всегда остается холодною. Главныя сношенія этихъ госпожъ бываютъ съ людьми среднихъ лѣтъ, важной паружности, степеннаго званія, какъ напимѣръ, съ людьми приказными. Онѣ живутъ довольно уединенно и не ищутъ взоровъ свѣта. Пикетъ и шахматы принадлежатъ къ числу игоръ, въ которыхъ онѣ пускаются всего охотнѣе; онѣ любятъ также, чтобы какой нибудь снисходительный другъ услаждалъ для нихъ чтеніемъ скуку длинныхъ зимнихъ вечеровъ. Что-жъ касается до того; чтобы звать

къ себѣ другихъ особъ своего пола, то онѣ ни какъ на это не рѣшаются и никогда-бы не согласились пригласить съ собою на житье молодую племянницу или другую подругу.

Но довольно этихъ подробностей. Какъ-бы ни была господствующая склонность вдовы, доказано, что ей всегда открыто свободное поприще.

Вообще, если свободу называютъ раемъ жизни, то безспорно, что вдова ежедневно испытываетъ это наслажденіе. Что до меня, то подобно герою, который хотѣлъ быть *Диогеномъ*, если-бы не былъ *Александромъ*, я почелъ-бы вдовство блаженнѣйшимъ изъ всѣхъ состояній, если-бы не былъ благополучнѣйшимъ изъ всѣхъ холостяковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ МОНУМЕНТУ

Александра I-го.

Смотри, Россія, вопъ твой Царь,
Вопъ твой спаситель незабвенный!...
Петровъ попомокъ, *Александръ*,
Монархъ Творцомъ благословенный.

Кому вселенная сплела
Вънець, изъ дѣлъ его великихъ!...
Природа камень создала
На память подвиговъ полкиныхъ!...

И сей огромный *Исполнитъ*
Въкамъ грядущимъ возвѣщаетъ,
Что выше всѣхъ Владыкъ, одинъ
Нашъ *Александръ*, средь звѣздъ сіяетъ.

Нашъ миротворецъ не умрѣтъ:
Отъ Брата намъ въ залогъ оставилъ;
Нашъ Царь во слѣдъ ему идѣтъ,
Отъ вновь Россію всепрославилъ.

О благодатный *Николай*!...
Ты Богомъ посланъ намъ въ опраду,
Будь долготѣнъ, процвѣтай
На пользу нашу, честь и славу!

М. Пш.щовъ.

Ш А Р А Д А.

Когда за *цѣло* мое дѣшей сажаюшь,
То *перво* всегда сперва покажущь имъ;
Напротивъ же того, *вторымъ*
Нерѣдко ихъ спращающь.

Въ № 75-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Laine*,
въ космъ заключаетсѣя: *Nil, laine, lin, ail, il, ile, âne* и *Ati*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ *Виктора Дюканжа* и романѣ *Валтера-Скотта*: Ламмемурская невѣста.

(*Окончаніе.*)

Составивъ чудесное изъ людей низкаго состоянія, копъ въ мысляхъ нашихъ неразлучны съ преступленіями и ужасамъ, *Валтеръ-Скоттъ* однако-же никогда не позволяеть себѣ сценъ презрѣнныхъ, несповыхъ, или отвратительно-ужасныхъ. Не онъ, не онъ родилъ юную *Французскую словесность*. Перечтите знаменитаго Шотландца, поймите общность его твореній, ихъ внутреннюю мысль, даже разберите его по составамъ: вы вездѣ найдете Христіанина, приверженца къ тихой гражданственности, изящнаго въ помыслахъ и чувствахъ; найдете въ немъ челоуѣка, котораго желали-бы имѣть своимъ другомъ. Колдуны, Цыганы и таинственныя лица, не составляютъ у него главнаго дѣйствія, даже рѣдко являющься, чтобы только околдовать происшествіе, осыпавъ его чудеснымъ и любопытнымъ. Ни въ одномъ романѣ онъ не описываетъ эпитихъ лицъ среди ихъ низкой жизни, въ таборѣ мошенничества: а встрѣчая ихъ тамъ, гдѣ первенствуютъ надъ вашимъ участіемъ люди высокаго, или по крайней мѣрѣ добраго сердца, вы душою не знакомитесь съ низкими людьми. Вы, грустно улыбаясь, выводите только замѣтки, какъ иногда челоуѣкъ, по обстоятельству жизни или по странности характера, склоняется къ обманщикамъ, спановитсѣя смѣшонъ или нещасливъ. *Валтеръ-Скоттъ* видимо уклоняется отъ изображеній преступныхъ и позорныхъ. Ежели въ *Кентенъ-Дюврардѣ*, *Вудстокѣ* и другихъ романахъ, гдѣ дѣйствуютъ *Людовикъ XI*, *Генрихъ VIII*, *Елисавета*, *Кромвель*, помѣщены жестокія сцены, по конеч-

но *Валтеръ-Скоттъ* поступилъ-бы хуже, когда-бы представилъ эпитихъ людей ягпятами: но и здѣсь онъ выбираеть болѣе особенныя пиранства, чѣмъ слишкомъ возмущающія челоуѣчество. Кроткій колоритъ сочиненій *Валтера-Скотта* не измѣняется даже въ эпитихъ романахъ: подобно тому, какъ такой же колоритъ сочиненій *Н. М. Карамзина* не измѣнился въ IX томѣ его исторіи. *Валтеръ-Скоттъ* и *Карамзинъ* оспались пѣ же благородные, добромьслящіе повѣствователи, непричастные описываемымъ ужасамъ. Еще скромнѣе *Валтеръ-Скоттъ* въ отношеніи къ женщинамъ, хотя это не мѣшаетъ ему, какъ знапоку сердца, выражать любовь во всей ея природѣ. Особенно превосходно описываетъ онъ первыя претребованія молодости, любовь того времени, когда любящіе еще не знаютъ, что они любятъ. Онъ представляетъ нѣжную спрасъ не вдругъ вспыхивающею, не одинаково горящею однимъ послѣднимъ пламенемъ: у него узнаете вы жизнь любви, ея постепенности. Читая *Валтера-Скотта*, удивляясь испинѣ его замѣтокъ, вы вспомните, что нѣкогда также развивались наши спрасы, въ тѣ щасливыя годы или мѣсяцы, когда и мы были молоды и глупы... Впрочемъ *Валтеръ-Скоттъ* говоритъ про любовь только до тѣхъ поръ, пока эта спрасъ непорочна: но едва начнетъ она выходить изъ пайны, онъ попчасть набрасываетъ на неѣ пѣнь. Нигдѣ вы не увидите соблазнительныхъ сценъ, сладоспрасныхъ изъясненій. Сильную спрасъ, пылъ любви, вы узнаете единственно по глубокой горести любовниковъ. Скромный *Валтеръ-Скоттъ* не сниметъ при васъ покрывала съ груди спящей красавицы. Писавши романы, онъ кажется думать, что его книгу будутъ читать его дочери, и какъ отецъ, боится передъ дѣтьми быть неблагопріятнымъ. Любовь у него, одного изъ романистовъ, дѣло поспороннее въ романѣ. По скромности, по нѣжному, кроткому чувству, которое разлитно въ письменахъ *Валтера-Скотта*, по непорочности, даже нѣсколько женоподобной, его можно сравнить съ *Фелелономъ*, *Гердеромъ*, *М. Н. Муравьевымъ*, *Карамзинымъ*,

кои скорѣе согласились-бы быть скучными, нечитанными, чѣмъ безнравственными и неизящными. О немъ можно сказать то же, что *Жанъ-Поль* такъ прекрасно сказалъ о *Гердеръ*: «Это жрецъ природы, браминъ кропкій и благочестивый!»

Конечно, *Вальтеръ-Скоттъ* имѣетъ недостатки. Онъ иногда слишкомъ тянетъ релігіозныя и полнѣшескія распри Шотландцовъ; наскучиваетъ повтореніемъ того, что понравилось ему самому; выводитъ изъ перпѣнья безпрестанными оспановками дѣйствія, чтобы описать какую нибудь пуговицу, шляпу и подобныя бездѣлки; всегда превосходно зауздивая событія, почти никогда не развяжетъ ихъ какъ должно: романы его чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ прогрессически скучнѣе; въ немъ замѣчается недоспадокъ особенноти, великости опдѣльныхъ мыслей и выраженій. Много можно-бы было сказать объ этомъ: но мы предпочитаемъ крипикъ недоспадокъ крипику красотъ; но *Вальтеръ-Скоттъ* сполько показалъ геніальности въ положеніи романа на струны своего вѣка, сполько написалъ и сполько прекраснаго, что мы ничего не можемъ поставить противъ него собственнаго, кромѣ уваженія. Наконецъ, мы хотѣли говорить единственно о драмѣ *Дюканжа* и *Лаллелмурской невѣстѣ Вальтера-Скотта*. Его невѣста, *Каледъ*, какъ ночью блудящій огонѣкъ, заманили насъ въ землю его вымысловъ. Нельзя было иному случиться, не поддаваясь этому волшебнику! Однако-же, соберемъ нашихъ ппашекъ. Появленіе на Русскомъ языкѣ драмы *Дюканжа* такое же важное событіе въ Русской литературѣ, какъ въ Петербургѣ вчера прилепѣвшая лишняя галка. Новый опытъ подражанія въ одномъ родѣ словесности другому ея роду, доказываетъ сполько невозможность оборотней въ литературѣ. Красоты романа, даже неискаженные, тамъ, гдѣ нѣтъ вины *Дюканжа*, переселившись въ драму, потеряли свою цѣну. Какъ у челоука съ умною физиогноміей, когда онъ ѣдетъ въ чужой каретѣ, сядя подлѣ покровишеля, лицо спановишя глупымъ: такъ прекрасное *Вальтера-Скотта* сдѣлалось ничтожнымъ въ драмѣ,

будучи не на мѣстѣ, не такъ продолжительно раскрыто, не тѣмъ обставлено. Еще больше драму ограничиваетъ отъ романа различіе талантовъ сочинителей. Въ изящныхъ искусствахъ никакой предметъ, никакія пособія не спасутъ: все зависитъ единственно отъ таланта. Юноша, претепущій спрастью къ славѣ, не долженъ жалѣть, что онъ говоритъ не языкомъ *Гафиза* или *Петрарка*, что въ его родномъ нарѣчій естъ неблагоприспоспѣлая частица, что жизнь онъ ведетъ въ уголѣ и нѣтъ достойнаго матеріала событія для работы. Былъ бы талантъ: съ нимъ липераноръ на каждомъ языкѣ, изъ любыхъ словъ, изъ первыхъ, попавшихъ въ руку матеріаловъ — скуетъ себя алмазъный вѣнецъ. Самая манера *Дюканжа* подражанія, не даетъ высокаго понятія о его талантѣ. «Человѣкъ съ умомъ всегда найдетъ написать что нибудь свое. Лучше сваялать свое глупое, а еще лучше въ такомъ случаѣ ничего не писать, чѣмъ захватывать цѣликомъ чужое прекрасное. Подражали другимъ и знаменитые писатели, даже драматикки заимствовали драмы изъ повѣстей или исторіи, но не такъ, какъ *Дюканжъ*: не перефразировали, не рубили на куски чужихъ сочиненій. Геніи-подражатели похищаютъ одну мысль, и эта мысль, вырываясь изъ ихъ рукъ, подымается до неба, сопровождаемая тысячею новыхъ мыслей. Они крадутъ чужое чувство, которое, сойдя въ бездну ихъ сердца, является съ цолпою ихъ собственныхъ чувствъ, и какъ гора обрушивается на ваше сердце. Они берутъ изъ гражданскаго быта и природы случаи и картины, изъ ночи тѣму, чтобы отпѣнить солнечный лучъ — осветить предметы своего творенія. Собственно это все старое. — Человѣкъ, совершенно новаго, чего не узналъ, не перемыслилъ, не почувствовалъ въ опытахъ жизни, ничего создать не можетъ. Новое, не сполько происшествія, самая краска, поны и линии — творитъ одна природа. Между тѣмъ изъ похищенной отовсюду существенности, изъ этаго старья, у генія-подражателя въ цѣломъ является созданіе особенное, чудное, гармоническое, самостоятельное. Попиралъ

добъ, мы будто припоминаемъ, что воптъ эпа мысль взята откуда-то, воптъ эпо чувствво было когда-то въ нашемъ сердцѣ, что эту пьму мы видѣли въ ночи, а лучъ... да эпомъ лучъ палилъ меня, онъ солнечный. Но вы чувствуете, что обличаемыя вами мысли, краски, пѣни—никогда въ липерапурномъ произведеніи не были сполько на своемъ мѣспѣ, слились въ цѣлое такое очаровательное, вы чувствуете неизъяснимое наслажденіе, пакъ, что уже не чувствуете себя, будто подымались на воздухъ... и языкъ вашъ не попустился сказать: оно похищено откуда-то! Слѣдъ воровства исчезъ въ сіяніи новаго созданія. Таковы подражанія генія!

Пн.

18-го Августа.
За Таврическимъ.

MODES.

C'est un passe-temps vraiment charmant qu'une leure de visite au magasin Sainte-Anne. Ce que nous dirions en description serait toujours au-dessous de ce que nous avons éprouvé; il y a de ces choses qui, tout en se trouvant dans une ligne connue, en sont cependant si loin que les expressions se rencontrent avec peine pour faire concevoir des différences énormes. Tout ce que nous pouvons dire, c'est que rien de si beau et en si grand nombre n'a été vu en France, et que la perfection de l'Inde, si stationnaire pendant quelques années, a pris sa revanche en laissant tout derrière elle.

Encore une fois, il faut voir la collection de M. Delisle pour savoir ce qu'il reste à faire à nos fabricans.

On fait des essais pour les costumes d'amazone dont l'idée principale est de dégager la poitrine de ce drap tendu qui cause une chaleur étouffante et insupportable.

Pour cela le mieux est de se rapprocher du siècle dernier. Le corsage ouvert peut laisser apercevoir un fichu de linon plissé en pointe croisée; quelques fem-

mes ont choisi un corsage presque décolété, comme un *matelot* de petit garçon et couvert par un fichu d'organdi posé en dehors, retenu par deux broches.

Quant aux manches elles sont larges, recouvertes par une manchette de batiste et fermées par de petits boutons d'or comme les gants.

Pl. No 28. Robe de jaconnas imprimé. — Pélerine de batiste garni de bandes festonnées.—Tablier de gros de naples écossais, et de fil écru damassé.

МОДЫ.

Часть проведенный въ магазинъ Sainte-Anne—есть истинно прелестное препровожденіе времени. Чпобы мы не сказали въ описаніи, все будетъ ниже по-то, что мы чувствовали; еспъ пакія вещи, копорыя находясь въ извѣстной линіи, пакъ однако опъ неѣ далеки, что съ прудомъ находишь выраженія, чпобъ дать понятіе объ огромныхъ разницахъ. Все, что мы можемъ сказать, эпо то, что никогда во Франціи не видано было ничего красивѣе и въ такомъ большомъ количествѣ, и что совершенство Индіи, спюявшее нѣсколько лѣтъ на одной почкѣ, опплатило намъ шеперь, оспавивши все далеко позади себя.

Еще разъ надо видѣть собраніе г-на *Делиля*, чпобъ знать, что оспается дѣлать еще нашимъ фабрикантамъ.

Дѣлають пробы для перемѣны Амазонскихъ коспюмовъ. Главная мысль, чпобъ освободить грудь опъ наплянутаго сукна, причиняющаго неспносный, удушашій жаръ.

Для эпаго всего лучше обратиться къ прошедшему вѣку. Изъ подъ опкрышаго лифа можетъ быть видна лиловая косыночка, сложенная мысками крестообразно; нѣкоторыя дамы избрали почти опкрытый лифъ, какъ *matelot* маленькихъ мальчиковъ и прикрытой косыночкою органди, положенною вниуть, прихваченною двумя булавками.

Рукава же широкіе, прикрытыя бахистовымъ рукавникомъ и застегнутые золотыми пуговками, какъ перчатки.

Карп. No 28. Платье изъ печатнаго жакона. — Бахистовая пелерника, обшитая фестонированно.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 77.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 80, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 26 ДНЯ; 1854 ГОДА.

«Гей, спорожь братья! скажи, чтобъ здѣсь попише были!»
Кричалъ въ присутствіи судья.
«Мы десять дѣлъ уже рѣшили,
Но не слыхалъ изъ нихъ еще ни слова я.»

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ИСКУСНАЯ КРАЖА.

Искусство присвоивать себѣ чужую собственность сдѣлало въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ удивительные успѣхи. Нынче кража облечена въ такія изящныя формы, что купцу, иностранцу, путешественнику и словомъ, кому бы то ни было, нужна чрезвычайная осторожность и благоразуміе для избѣжанія опасностей, которыми она грозитъ имъ на каждомъ шагу. Слѣдующій анекдотъ послужитъ доказательствомъ, до какой степени совершенства доведена наука воровства.

Въ одно утро, г-ну Эски . . . , извѣстнѣйшему изъ врачей нашихъ, по части душевныхъ болѣзней, доложили о пріѣздѣ графини N., карепа которой съ шумомъ вкапилась на дворъ его жилища. Черезъ минуту двери его гостиной отворились, и онъ увидѣлъ женщину лѣтъ сорока, пріятной наружности и еще довольно свѣжую. Войдя въ комнату, она съ видомъ отчаянія обратилась къ доктору и сказала ему: «Вы видите не-

щастную, которая доведена до крайней горести; у меня есть сынъ; онъ дороже всего на свѣтѣ мнѣ и моему мужу; это единственное дитя наше. . . .»

Тутъ слезы не позволили ей продолжать.

«Съ нѣкотораго времени,» начала она опять, собравшись съ духомъ: «онъ возбуждаетъ въ насъ сильныя опасенія. . . Онъ теперь въ томъ возрастѣ, когда спрасити начинаютъ развиваться. . . Мы старались удовлетворять его во всѣхъ отношеніяхъ и ни въ чемъ ему не отказывали, но со всѣмъ тѣмъ въ немъ уже нѣсколько разъ обнаруживались признаки сумасшествія. . . . Разспроисиво его разсудка тѣмъ болѣе заставляеть насъ беспокоиться, что онъ безпрестанно говоритъ о какихъ-то драгоценностяхъ, о брилліантахъ, которые онъ продалъ, или отдалъ неизвѣстно кому. Мы полагаемъ однакожь, что онъ имѣлъ безразсудство влюбиться въ какую нибудь женщину, вѣроятно не спокующую уваженія, и для удовольворенія ея прихотямъ, заключилъ невыгодныя обязательства. . . Впрочемъ, это только одна догадка, и мы съ мужемъ испо-

щили всѣ усилія, чтобы узнать причину этого сумасшествія.»

— Не угодно-ли вамъ, графиня, привести ко мнѣ вашего сына! —

« Охотно, завтра въ двѣнадцать часовъ. »

Докторъ проводилъ графиню до кареты и увидалъ ея гербы, ливрейныхъ лакеевъ.

На другой день, мнимая графиня вышла изъ кареты у лавки одного изъ богатѣйшихъ ювелировъ города, и припорговавъ довольно долго какія-то бриліантовые вещи, соглашается наконецъ дать за нихъ десять тысячъ ефимковъ. Взявъ вещи, она вынимаетъ небрежно кошелекъ изъ своего ридикюля, и найдя въ немъ только десять тысячъ франковъ банковыми билетами, выкладываетъ ихъ, но попомъ опять прячетъ въ ридикюль и говоритъ: Со мною нѣтъ полной суммы, но пошлите кого нибудь ко мнѣ въ домъ; онъ дождетъ вмѣстѣ со мною и мужъ мой ему заплашитъ.

Ювелиръ дѣлаетъ знакъ одному изъ своихъ сидѣльцовъ, и тотъ бросается изъ-за прилавка, заранѣе гордясь тѣмъ, что онъ будетъ имѣть честь ѣхать въ графской каретѣ. Пріѣзжаютъ къ г-ну Эски. . . . Дамы поспѣшно всходятъ вверхъ и говорятъ доктору: Вотъ мой сынъ; я его оставляю вамъ. — Попомъ, вышедъ изъ комнаты, она говоритъ посланному отъ ювелира: мужъ мой у себя въ кабинетѣ; войдите, онъ отдастъ вамъ деньги. — Молодой человѣкъ входитъ, графиня сбѣгаетъ внизъ, карета отъѣзжаетъ безъ шума, и скоро лошади пускаются во весь галопъ.

— Ну! молодой человѣкъ, — сказалъ докторъ, вы знаете, въ чемъ дѣло. . . . Скажите-жь мнѣ, что вы чувствуете? Что происходитъ въ этой юной головѣ? . . . —

« Что происходитъ въ моей головѣ? ничего, сударь, а вотъ щепъ деньгамъ за купленные бриліанты. »

— Ну, такъ! . . . Хорошо, хорошо, — продолжалъ докторъ, оппалкивая пихонько щепъ: я уже знаю, знаю. . . . —

« Если вы изволите знать на какую сумму сдѣлана покупка, то остаётся только заплашить мнѣ её. »

— Полно, полно, успокойтесь; ну, какіе бриліанты? Гдѣ вы ихъ взяли, что съ ними сдѣлалось? . . . Говорите . . . не бойтесь . . . не робейте. . . . —

« Чего мнѣ бояться? пожалуйте двадцать тысячъ франковъ. »

— Ха, ха, ха! А за чтобы это? —

« Какъ за что? » вскричалъ молодой человекъ, не понимая, что это значить.

— Да! ну за что я вамъ заплачу ихъ? —

« За то, что графиня купила сей часъ бриліанты въ нашемъ магазинѣ. »

— На силу-то наконецъ мы начинаемъ добираться полку; что же это за графиня? —

« Ваша супруга, » отвѣчалъ сидѣлецъ, снова подавая доктору свой щепъ.

— Но, любезный другъ, знайте, что я имѣю щастіе быть просто докторомъ и припомъ вдовцомъ. »

Тутъ молодой человѣкъ вышелъ изъ перенія, и докторъ, призвавъ людей, велѣлъ держать его за руки и за ноги. Это привело его въ совершенное бѣшенство; онъ спалъ звать къ себѣ на помощь и кричалъ, что его грабятъ, рѣжутъ, душатъ. Черезъ четверть часа, онъ однако-же успокоился, объяснилъ все подробно, и докторъ понялъ неприятную истину.

Не смотря на всѣ розыски, не могли открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ этого страннаго, хитраго и столь замысловатаго воровства. Карета, графиня, люди, съ нею бывшіе, все это какъ будто кануло въ воду. Да послужить это происшествіе полезнымъ урокомъ оспорожности для всѣхъ ювелировъ.

Съ Фр. Ип. Г—въ.

ВЫМЫТЬ ГОЛОВУ.

(Каламбуръ.)

Одинъ помѣщикъ, будучи недоволенъ за что-то своимъ управителемъ, велѣлъ позвать его къ себѣ, примолвя: *«ужъ я ему вымою-же голову.»*

Управитель, зная доброе сердце и веселость своего господина, предсталъ предъ него съ мокрою головою. — «Что это значить?» вскричалъ господинъ. — Вы хотѣли вымыть мнѣ голову, а я, чптобъ избавить васъ отъ такого пруда, сама себя вымыла еѣ квасомъ и расчесала часпымъ гребнемъ.

Баринъ расхохотался—и управителю не было сдѣлано выговора.

МЪШАТЬ КОМУ, МЪШАТЬ ЧТО.

Къ одному писателю, занятому дѣломъ, пришелъ пріятель, досужій бѣсъ, игрокъ карпѣжный, больше живущій на улицахъ, чѣмъ въ домѣ—и завралъ его. Писатель, сучась слушать вздоръ его, сказалъ ему: «эхъ, милый другъ! зналъ бы ты *мѣшалъ* карпы, а то пришелъ *мѣшать* мнѣ занимаюсь дѣломъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРКИЗА ЛИНАНЖЪ.

(Повѣсть.)

Всѣ удивлялись, чпо пригоженькая маркиза *Линанжъ*, которой было около сорока лѣтъ и которая овдовѣла двадцати лѣтъ, не вступала ни въ какое новое обязательство и никогда не знала любви. Искреннія ея подруги, тѣ, кои бывъ соединены съ нею узами дружбы съ самой нѣжной юности, имѣли право на ея довѣренность, часто шутили надъ нею: одна обвиняла еѣ въ холодности, другая въ фанатической любви къ независимости, третья подозрѣвала, чпо *Линанжъ* уже пишала какую нибудь несчастную спрость. Маркиза защищалась шулками, увѣряла, чпо она была чувствительна, знала цѣну сладостныхъ узъ и никогда не испытывала несчастія въ любви. Однакоже ея пріятельницы ей не вѣрили, заклинали еѣ быть опкровенною и спарались проникнуть пайну, всегда ускользавшую отъ ихъ наблюденія. Однажды вечеромъ, когда въ эпомъ искреннемъ и непринужденномъ обществѣ возобновилъ сей старый споръ, маркиза согласилась наконецъ оп-

крыть сердце своимъ подругамъ. Ихъ любопытство, возбужденное продолжительнымъ ожиданіемъ, сдѣлало ихъ внимательными, и маркиза начала говорить слѣдующее:

«Въ осмнадцать лѣтъ я думала, подобно всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, чпо невозможно избѣгнуть любовной спрости: я въ ней надѣялась найти свое щастіе, о которомъ составила себя прекраснѣйшее понятіе. Я полагала, чпо имѣю душу постоянную и созданную для нѣжнаго чувствованія; но къ чувствительности и пылкому воображенію, я присоединяла эту веселость и легкій характеръ, кои распространяють на нашу жизнь столько пріятностей, и когда угодно, ограждаютъ спокойствіе сердца.

«Молодые люди появляются въ свѣтъ подобно спатуямъ, коимъ удивляются не говоря съ ними: это бываетъ только тогда, когда они женаты, но еспъ когда они обязаны заслуживать почтеніе, которое должно имъ оказывать.

«Конечно это очень худо, но эпаго пребуесть мода; а какъ я болѣе имѣю въ виду искренній рассказъ, нежели важную проповѣдь: по быспро пройду время моего замужства.

«Мое замужство зависѣло отъ ращѣповъ; знанность и богатство рѣшили мою судьбу; всякое другое соображеніе щипалось бесполезнымъ, и о томъ не долго думали. До замужства я видѣла *Линанжа* только при раза, и онъ еще со мною не говаривалъ, а уже я предъ алтаремъ клялась ему въ вѣчной любви, вѣрности и повиновеніи. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ *Линанжъ* мнѣ опропивѣлъ. Будучи весьма далека отъ того, чптобы раздѣлять съ нимъ его любовь, я отказывала ему въ своихъ ласкахъ. Видя мою холодность, онъ на меня жаловался.

«Если ссоры между любовниками приносятъ иногда удовольствіе, то совсѣмъ напротивъ между мужемъ и женою. Тотъ, кто имѣетъ право на нашу нѣжность, оскорбляется нашею суровостію; любовь воспламеняется;

па, которая желала-бы дѣлать пріятныя часы съ мушиною по любви, по сердечному влеченію, досадуешь, видя, что отъ неѣ иребуиють любви по обязанности. Вскорѣ взаимное неудовольствіе заставляетъ удалиться другъ отъ друга; между тѣмъ, какъ любовь кропкая и нѣжная продолжается до могилы. Я вамъ говорю то, что испытала. *Линанжъ* охладѣлъ, оставилъ меня и обратилъ свою отверженную любовь на другіе предметы. Въ это время я начинала привыкать къ нему; разумъ, добродѣтель, религія—сближали меня съ моимъ мужемъ; его холодность меня оскорбляла; я обвиняла въ этомъ себя, и сдѣлалась печальною. Наконецъ, я придумала . . . я рѣшилась все предпринять, чтобы примириться съ *Линанжемъ*. Можетъ быть я бы въ этомъ успѣла, можетъ быть мы-бы сдѣлались щасливыми; но случай разрушилъ мое благоразумное намѣреніе, возмущивъ спокойствіе моего сердца.

«Маркизъ воспитывался въ училищѣ съ однимъ Мальпійскимъ кавалеромъ, котораго онъ любилъ какъ брата. Во время моей свашьбы друга его въ Парижъ не было. *Линанжъ* весьма сожалѣлъ объ этомъ, безпрестанно говорилъ мнѣ о немъ съ похвалою, и нерѣдко чинилъ опрывки изъ его къ нему писемъ. Сія письма всегда были умны и краснорѣчивы; онъ отличались сколько остроуміемъ, столько же и чувствительностію. *Линанжу* было весьма пріятно, что онъ заставилъ меня уважать доспойныя качества своего друга. Чтеніе писемъ часто повторялось и оканчивалось новыми похвалами. Сначала я мало обращала на это вниманіе, но вскорѣ стала слушать маркиза съ большимъ удовольствіемъ и, наконецъ, съ живѣйшимъ участіемъ. Не опредѣляя себѣ побудительной причины, я желала пріѣзда *Теодорова*: онъ насъ объ этомъ уведомилъ. Радость *Линанжа* была чрезвычайна, и сердце мое раздѣляло оную. Прибытіе ожидаемаго гостя замедлилось по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствомъ; я внутренно терзалась. Но *Теодоръ* долженъ бы пріѣхать гораздо ранѣе для меня и въ особенности для самаго себя, какъ вы узнаете въ послѣдствіи.

«Возвращаясь съ бала, который кончился гораздо за полночь, я узнала отъ многихъ женщинъ, что *Теодоръ*, долженствовавшій жить въ нашемъ домѣ—пріѣхалъ. Сіе извѣстіе меня возмутило; вскорѣ мое безпокойство увеличилось. Горничныя видѣли кавалера; онъ былъ, по словамъ ихъ, прелестной наружности, имѣлъ станъ стройный, взоръ кропкій и величественный. Я притворилась, будто нимало не занимаюсь ихъ словами, но внутренно слушала ихъ съ жадностію.

«Короче сказать, я думала только о *Теодорѣ*; сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ и одновоображеніе о прелестномъ молодомъ чловѣкѣ занимало меня. Первые лучи солнца обрадовали меня, возвѣсивъ скорое свиданіе съ тѣмъ смертнымъ, къ которому спремилась всѣ мои мысли и желанія. Я позволила ранѣе обыкновеннаго. Столь скорое пробужденіе, не смотря на то, что ночь проведена была на балѣ, удивило *Софію*, которая съ безпокойствомъ спросила меня о причинѣ сего. Ея вопросъ заставилъ меня покраснѣть; я не отвѣчала ничего и молчала въ продолженіи моего шулетпа.

«Прежде я обыкновенно занималась очень мало нарядами; но на этоиъ разѣ приложила къ оному все свое стараніе. Я желала соединить искусство съ минимомъ небрежностию; хотя это совокупленіе было трудно, но я въ немъ успѣла, и кончивши сіе важное занятіе, съ тайнымъ удовольствіемъ оставила свое зеркало и съ увѣренностію въ побѣдѣ ожидала этаго *Теодора*, къ которому спремилось мое сердце, какъ къ частни собственнаго моего существа.

«Никто еще не показывался, когда подали завтракъ. Поставленъ былъ только одинъ приборъ для меня; и къ чрезвычайной моей досадѣ, я узнаю, что маркизъ уѣхалъ очень рано съ *Теодоромъ* въ Версаль, на весь день. Столь малая внимательность ко мнѣ со стороны *Теодора* уязвила мое самолюбіе; мнѣ казалось, что онъ долженъ былъ угадать мое тайное неперпѣніе съ нимъ видѣться. Я рѣшилась за его равнодушіе плашишь ему тѣмъ же, и уѣхала обѣдать къ

своему отцу. Опшуда провхала въ спектакль, а изъ спектакля на званый ужинъ, и возвратилась домой въ три часа утра. Все было погружено въ глубокой сонъ; я этому очень обрадовалась. Частію отъ усталости, а частію отъ хладнокровія моего рыцаря, воображеніе мое успокоилось — и я проспала всю ночь крѣпко и сладко. Сей благодѣтельный сонъ утишилъ волненіе чувствъ моихъ; я встрѣпила утро съ душевнымъ спокойствіемъ, съ недовѣрчивостію и гордымъ презрѣніемъ къ прелестямъ любви.

«Въ этотъ день я предоспавила горничнымъ одѣть меня и убрать волосы, какъ имъ угодно, а для избѣжанія замѣшательства при первомъ свиданіи съ *Теодоромъ*, взяла кисти и съла рисовать. Въ полдень вошелъ мой мужъ одинъ. Онъ попросилъ чаю, сълъ за столъ и просилъ меня съспь подлѣ него. Я посмопрѣла на него съ нѣкопорымъ удивленіемъ. Видно взоры мои ясно спрашивали его объ извѣстномъ предметѣ, потому что онъ отвѣчалъ на вопросъ, который впрочемъ я не думала дѣлать, слѣдующее:

— Вы надѣялись сего утра видѣть *Теодора*; я самъ хотѣлъ его предспавить вамъ; но онъ думаетъ, что для перваго посѣщенія это время неприлично и потому опказался отъ моего предложенія. Онъ обѣдаетъ у одной знакомой ему дюшессы; я долженъ студа же ѣхать, и сего дня вечеромъ вамъ его представлю. Я увѣренъ, что онъ вамъ понравится; его щастливая физиогномія есть вѣрный оппечатокъ самыхъ лучшихъ свойствъ души и превосходнаго характера. Благородный, великодушный, чувствительный, онъ присоединяетъ еще къ симъ прекраснымъ качествамъ ученость, умъ и великоснѣ. Никакія дурныя свойства не помрачаютъ его достоинствъ. Будучи выше всего его окружающаго, онъ одинъ не знаетъ эпаго. — «Такое описаніе, отвѣчала я, мнѣ кажется слишкомъ льспиво и преувеличено; дружество украшаетъ все, и самые пороки.» *Линанжъ* хотѣлъ защищать своего друга; но я перебила разговоръ,

сдѣлавшійся для меня плагостнымъ. Завтракъ кончился, — я опять прицлалась за свою картицу; мужъ мой ушелъ, и возвратился уже очень поздно вечеромъ, ведя съ собою, какъ бы въ триумфѣ, столько много перевозосимаго имъ *Теодора*.

«Часто случается, что лестное понятіе, полученное напередъ, вредитъ предмету, который воображеніе украсило своими блестящими цвѣтами. Я надѣялась, что и теперь случится тоже. Но онъ вошелъ, и эта надежда меня оставила. Послѣ почтительнаго привѣтствія, онъ подошелъ ко мнѣ и началъ изъяснять свою признательность за наше гостепріимство въ самыхъ учтивыхъ и лестныхъ словахъ. Но маркизъ спѣшилъ прервать сіи выраженія благодарности, изъясняя ему удовольствіе, съ какимъ мы его къ себѣ принимаемъ. Я едва пробормотала такой же комплиментъ, не смотря почти на него; однако-же успѣла замѣтить, что онъ имѣлъ прекраснѣйшіе въ свѣтѣ глаза и проницающій въ душу голосъ. Сначала *Линанжъ* одинъ поддерживалъ разговоръ; вскорѣ мое первое замѣшательство прошло, я по прежнему спала развязна; желаніе нравиться придало мнѣ ума; я была любезна, я это чувствовала и сдѣлалась еще любезнѣе. *Теодоръ*, какъ очарованный, предался всей живости своего характера: этотъ вечеръ былъ восхитителенъ... по крайней мѣрѣ такимъ онъ мнѣ казался. Другой и слѣдующіе дни пролетали столь же пріятно и быстро; но они были спрашны моему спокойствію. Я чувствовала это, смущалась, однако не могла опклонить опасность, которая ужасая разумъ, плѣнила мое сердце.

«*Теодоръ*, казалось, самъ раздѣлялъ мои опасенія; часто взоры его останавливались на мнѣ съ нѣжностію и безпокойствомъ. Я думала, что понимаю его, старалась не отвѣчать ему, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть отвѣчала.

«Мужья обыкновенно ревнуютъ ко всему свѣту, выключая одного человека, къ копору они должны ревновать. Маркизъ, подобно всѣмъ прочимъ, ничего не видалъ, не

слыхалъ, не подозрѣвалъ. Онъ до того просперъ свое просподушіе, что просилъ меня списать порптретъ съ *Теодора*: я долго опговаривалась; наконецъ должно было начать эпму мидую и опасную работу. Я всегда заставляла мужа присупспивовать при новомъ моемъ занятіи, будто для того, чптобы онъ своими разговорами развеселялъ любезный подлинникъ. Маркизь соглашался на мое пребованіе; но не проходило минушты, какъ онъ, будучи призываемъ дѣлами, оставлялъ насъ и уходилъ въ свой кабинетъ. Не знаю, чпто происходило со мною въ эпо мучительное время. Я едва могла сидѣть; рука моя дрожала, кисть чупъ касалась поверхности холста. Я приприторялась прилѣжно занятою и, не смотря болѣе на то-го, чьи черпты врѣзаны были въ моемъ сердцѣ, рисовала на память: порптретъ былъ вѣренъ и очеркъ физиогноміи имѣлъ разительное сходство съ подлинникомъ. . . . «Сего дня довольно,» сказала я *Теодору*, убирая свои краски. Онъ вздохнулъ. Боясь измѣнить себѣ, я приприторилась за обѣдомъ веселою, живою и показывала такую вольность въ обращеніи, которая есть признакъ спокойнаго сердца. Но взглянувъ на *Теодора*, я смупилась: онъ казался споль печальнымъ и жалкимъ, чпто вся бодрость моя пропала. Я сама запечалилась и поспѣшила его упѣшить. Выходя изъ-за стола, *Линанжъ* вспомнилъ, чпто я взяла ложу въ театрѣ и просилъ *Теодора* сопупспивовать намъ шуда, на чпто онъ и согласился. Мы всѣ трое поѣхали въ спектакль. Въ концѣ перваго дѣйствія *Линанжъ* покинулъ насъ, чптобы обѣгать своихъ знакомыхъ; мы же, оставшись одни, молчали. Я показывала видъ, чпто съ удовольствіемъ слушаю пьесу, хопя не слыхала ни одного слова. *Теодоръ* вздыхалъ; его вздохи попрясали мое сердце. Разсматривая сцену и ложи, я уронила лорнетъ; *Теодоръ* бросился поднять его; онъ подаль мнѣ его препенущемою рукою; наши взоры вспрѣпились и высказали взаимныя наши чувствования.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОФИСТЪ ВАНЮША.

(Посвящается *Ерелю* *вижу Пользину*).

Ванюша маминкинъ сынокъ,
Окончивъ курсъ ученья въ школѣ,
Пріѣхалъ наконецъ въ родимый уголокъ
Къ родителемъ пожить и опдохнуть на волѣ.
Чепыре минуло годка,
Какъ съ *Ванею* они ни разу не видались:
Вопъ обнялись, поцѣловались
И не насмотряся на милаго сынка!
Засуепилась мать, роднаго не усадишь,
Ласкаешь, по головкѣ гладить;
Поѣхалъ малъ и не уменьь, —
Теперь же спалъ великъ, ученъ!
Ну какъ не приласкашь родимаго дружечка?
Вопъ наконецъ
За ужиномъ спарикъ, его отецъ,
Обнявши милаго сыночка:
«Ну, *Ваня*, говоришь, скажи-ка мнѣ, мой другъ,
Ты къ намъ изъ школы возвратился:
Чему-жь пы тамъ понаучился?
Вѣдь въ школѣ много чай наукъ,
А мы, дружечикъ мой, ужъ не жалѣли плапы!» —
Тупъ сынъ опцу въ опѣвѣтъ: вопъ, бапюшка,
папенитъ!

Я философіи студентъ
И прямо мечу въ кандидаты.
Я въ философіи сыскалъ
Начало всѣхъ другихъ началъ!
Чпто было, есть и будетъ въ мирѣ,
Она опкрыла мнѣ какъ дважды два чепыре. —
И шупъ-то волю давъ словамъ,
Ванюша закидалъ роднаго именами,
И всѣмъ досмалось мудрецамъ.
Опъ радости отецъ съ слезами
Вскричалъ: «ай *Ваня*! ай сынокъ!
Не даромъ я сказалъ, чпто въ *Ваня* будетъ прокъ!
Не даромъ денежки мы за него плапили,
Палата у него ума:
Учене свѣтъ, а не учене пьма,
Вѣдь въ спарину не попуспу швердили.»

— Да, бапюшка, и я вамъ докажу потчасъ!
 На блюдѣ, скажете, два рябчика у васъ?
 А я вамъ объясню какъ разъ,
 Чшо пущь не два, а три! — «Э, *Ваня*, ты нарочно?»
 — Нѣтъ, бапюшка, я докажу вамъ потчно,
 И вѣрно шакъ, какъ я вашъ сынъ!
 Вѣдь въ двухъ содержишся одинъ,
 Ерго и въ парѣ шпиць еще должна быть птица:
 Отсюда два плюсь единица,
 Не вышло-ль въ суммѣ три? —
 «Ну, *Ваня*, чшо ни говори,
 А въ эдакомъ щепу ращѣпу нѣтъ большого:
 Я рябчика возьму, жена возьметъ впораго,
 А ты, другъ, шретьяго бери.»

Вошь какъ у насъ *Валюши* разсуждаютъ!
 Они смѣшны; но тѣ въ какихъ глупцахъ,
 Которые о мудрецахъ
 Судя по *Ванѣ* заключаютъ?

У. У. У.

С Н А Р А Д Е.

Les princes et les grands fréquentent mon premier,
 Et ne fait pas qui veut, preuve de mon entier,
 Rarement mon second est dit avec franchise,
 Tromper en pareil cas, semble chose permise.
 Et mon tout, autrefois, à de simples mortels
 Fit dans Rome païenne élever des autels.

Въ № 76-мъ, помѣщенна шарада значить: *Аз-бука*.

К Р И Т И К А.

Карта Россійской Исторіи, состав-
 ленная М. Духовскимъ 1834.

Спранно было бы слышать, еслибы кто
 сказалъ, чшо онъ весьма хорошо знаетъ
 географію, не выдавши ни одной географиче-
 ской карты. Сколько ни читайте книгъ по
 сей части науки, сколько ни слушайте
 школьныхъ лекцій, сколько ни повѣряйте
 сосполнія спранъ и мѣстъ собственными
 вашими наблюденіями, всегда останешся у
 васъ слабое и сбивчивое понятіе о проспран-
 ствѣ и разспояніи земель и обласпей. То-

же должно сказать и объ историческихъ
 наукахъ. Проспранство времени, какъ и
 проспранство мѣста, имѣетъ въ семъ оп-
 ношеніи одни и тѣ же законы. Въ памяти
 вашей всегда будутъ тѣсниться тысячи
 именованій, тысячи полипическихъ и нрав-
 спвенныхъ событій, и они всегда останутъ-
 ся для разсудка чрезвычайно обременитель-
 ны и тѣмны. Вы всегда будете чувствовать
 необходимость въ какомъ нибудь ближай-
 шемъ механическомъ пособіи. Кто не знаетъ
 эмблематическую карту всеобщей исторіи,
 изданную въ свѣтъ ученымъ *Страссономъ* и
 извѣстную у насъ подъ названіемъ Рѣки
 времени? Тоже теперь сдѣлано по Россій-
 ской исторіи г. *Духовскимъ*, и можетъ быть
 никакая исторія не имѣетъ такой попреб-
 ности въ пособіи сего рода, какъ исторія
 нашего опечества. Не знаю, кто изъ чи-
 тателей можетъ похвалиться, чшо онъ
 легко и твердо опличаетъ одно опъ дру-
 гаго однообразныя имена *Ярославовъ*, *Свято-
 славовъ*, *Мстиславовъ*, *Ярополковъ*, *Святополковъ*
 и другихъ древнихъ владѣтельныхъ нашихъ
 лицъ? Въ картѣ г. *Духовскаго* съ чрезвычай-
 ною легкостію сіе раскрывается предъ па-
 мятью.—Чтеніе Россійской исторіи дѣлаетъ-
 ся яснымъ, и вы въ глубинѣ пропекшихъ
 времянь, кажется, не находите ни малѣй-
 шаго мрака. Вы съ хронологическою пот-
 ностію узнаете, когда какія княженія воз-
 никали, раздѣлялись или соединялись, когда
 какое и гдѣ было значительнѣйшее опече-
 спвенное происшествіе и какое лицо какихъ
 имѣло современниковъ. Г. *Духовской* присое-
 динилъ и краткое начертаніе о сосполніи
 Россійской Церкви. Нипъ, которой держалъ
 онъ, соспавляютъ: а) митрополиты Все-
 россійскіе, со времянь *Владимира* великаго
 до начала XVII вѣка, б) папріархи, в) блю-
 спители папріаршаго престола и г) со-
 спояніе Церкви подъ управленіемъ св. Сино-
 да. Здѣсь помѣщены имѣ лѣта смерти всѣхъ
 знаменитыхъ Праведниковъ нашего опече-
 ства, и кромѣ того въ подробности озна-
 чено: когда какія изъ Епархій въ Россіи бы-
 ли учреждаемы или возобновлены, какіе бы-
 ли Соборы, когда какія являлись достопрі-
 мѣчательнѣйшія событія въ Россійской Иерар-

хил и даже, когда появились какія секты раскола. Наконецъ, въ сей картѣ особое отдѣленіе посвящено исторіи художествъ и наукъ. Вы видите: когда жилъ великій праотецъ Русской исторіи, знаменитый *Несторъ*, когда послѣдовали знаменитѣйшія открытія и когда время погасило тѣни *Силіона* и *Димитрія*, *Ломоносова* и *Державина*, *Озерова*, *Карамзина*, *Эйлера*, *Палласа* и другихъ. Впрочемъ, авторъ, представивъ свѣту имена знаменитыхъ лицъ Россіи, не помѣспилъ въ картѣ сей ни одного изъ именъ частныхъ людей, нынѣ живущихъ. Съ одной спорны сие весьма справедливо: имена современниковъ, принадлежа исторіи, принадлежатъ еще и нашему вѣку. Они конечно составили бы украшеніе изданію, но кажется, что сочинитель предвидѣлъ, сколько прудно опредѣлится съ почностію достоинства мужей, которыхъ дѣятельность не положила еще опредѣлительныхъ предѣловъ исторической ихъ славы. Скажемъ наконецъ о наружныхъ качествахъ сего творенія. Карта издана въ одинъ большой листъ; гравировка отлична и вѣрна; буквы изображены правильно и твердою рукою и раскраска дѣлаетъ её какою-то карпиною. Мы увѣрены, что такая таблица можетъ быть помѣщена не только на стѣнахъ учебныхъ заведеній и библиотекъ, но и въ кабинетѣ каждаго любящаго науки и опечеспвленную исторію.

N.

M O D E S.

Maintenant, ne nous trouvons-nous pas amenés tout naturellement à rappeler à nos abonnés le puissant préservatif contre le hâle et le vent d'été qui altère une joue rosée et la ride à vingt ans? Ne rappellerons-nous pas le succès prodigieux et croissant qu'obtient chaque jour l'*Amandine de Laboulee*, rue Richelieu? Aucune composition de toilette n'a été universellement répandue comme cette pâte. L'*Amandine* efficace pour les *angelures*, l'est aussi pour toute

espèce de brûlures; nous citerons à l'appui de ceci les belles mains de la duchesse d'A...., brûlées d'un coup de soleil, et rétablies en deux jours par l'usage unique de la pâte. L'*Amandine* a cela de particulier que rien ne la remplace; elle laisse bien loin derrière elle des pâtes d'amandes à l'huile qui finissent toutes par dessécher la peau, tandis que celle-ci au contraire l'assouplit et la blanchit. Du reste, la place de l'*Amandine* est bien fixée aujourd'hui près des femmes du monde élégant qui s'en servent toutes après la toilette comme d'un complément indispensable.

Avec la même confiance, nous prions nos abonnés d'essayer l'*eau de Cologne de Laboulee*, aromatique et pure, douce et fraîche. C'est sans contredit une des plus agréables que nous ayons rencontrées.

M O Д Ы.

Теперь не доведены ли мы естественнымъ образомъ къ тому, чѣмъ напомнить чшпательницамъ нашимъ о сильномъ предохранительномъ средствѣ отъ загара и лѣшняго вѣпра, который измѣляетъ розовыя щеки и сморщиваетъ ихъ въ двадцать лѣтъ? Не напомнимъ ли мы о чудесномъ и возрастающемъ успѣхѣ, одерживаемомъ всякой день пѣспомъ *Amandine* г-на *Laboulee*? Ни одинъ составъ не былъ въ такомъ общемъ употребленіи. *Amandine* весьма полезная отъ заморозковъ, также хороша отъ всякаго рода обжоги. Мы расскажем въ подтвержденіе эшаго, что прекрасныя руки герцогини А.... были обожжены солнечнымъ ударомъ, и поправлены въ два дни единственнымъ употребленіемъ эшаго пѣспа. *Amandine* эшимъ отличаетъ, что ничто её не замѣняетъ; она оставляетъ далеко позади себя мнѣ дальныя пѣспа на маслѣ, которыя наконецъ иссушаютъ кожу, между тѣмъ какъ она напрошивъ смягчитъ и бѣлитъ её. Впрочемъ, пѣспо *Amandine* совѣтъ утверждено нынче у дамъ моднаго свѣта, употребляющихъ его послѣ туалета, какъ необходимое дополненіе.

Съ такою же увѣренностію, просимъ нашихъ чшпательницъ попробовать *eau de Cologne* г-на *Laboulee*, душистая и чистая, легкая и свѣжая, это конечно одна изъ самыхъ пріятныхъ, какую мы встрѣчали.

При № 76-мъ роздана *Прибавокна картинка* № 1.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 78.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 29 ДНЯ 1834 ГОДА.

Скрывать лицо подъ маской душею,
Какъ вѣдаетъ чистапель мой,
Нельзя дѣвицѣ молодой,
Закону свѣтскому послушной.

Е. Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВСЕГОЛУЧШЕ.

Богатый Орловскій и Тульскій помѣщикъ Василій Ивановичъ *Благодѣевскій* умеръ въ Ноябрь 1812-го года жертвою своихъ чело-вѣколюбивыхъ попеченій о больныхъ повальной горячкою, занесенною въ сердце Россіи Французскими плѣнными. Молодая, прекрасная вдова его, оставшаяся съ двумя малолѣтними сыновьями и дочерью, выбрала въ опекуны къ дѣтямъ своимъ дворянскаго предводителя, роднаго дядю ея мужа, жившаго съ нимъ въ связяхъ родственныхъ и пріятельскихъ, зажиточнаго помѣщика, уважаемаго въ цѣломъ уѣздѣ, какъ чело-вѣка спененнаго, дѣловаго и благоразумнаго. Покойный оставилъ ей собственно 100 п. рублей банковыми билетами и на 25 п. бриліантовъ.

Назнача все сіе въ собственность дочери, молодая вдова желала употребить деньги такъ, чпобы они приносили болѣе 5-ти процентовъ, получаемыхъ погда изъ Банка.

Для этого она пріѣхала посо-вѣтоваться съ дядею—опекуномъ спрошь ея, и принята со всѣми знаками участія, почтенія, со всѣмъ деревенскимъ радушіемъ. — «Зналъ ваше род-ственное расположеніе къ покойному мужу моему, которое перешло теперъ къ сиротамъ его, — я пріѣхала съ вами посо-вѣтоваться о важномъ финансовомъ оборотѣ. Я его сдѣлаю, если вы одобрите. Мы, Русскія дворянки, въ дѣвицахъ занимаемся музыкою, панцами, щегольствомъ и Французскими романами. Намъ нѣкогда думать ни о хозяйствѣ, ни объ изученіи опечественныхъ законовъ; вышедъ за мужъ, мы еще меньше имѣемъ на то досуга. Надобно развозить визиты, принимать гостей, играть въ карты, ѣздить въ театръ, поспѣвать на обѣды, съ обѣдовъ на гулянья, съ гулянья на балы и ужины. При жизни мужей нашихъ, мы, если случится надобность, не читая, не понимая, подписываемъ заѣмныя и вѣрющія письма, закладныя, купчія; а по кончинѣ ихъ, совсѣмъ не готоваясь, дѣлаемъ самовластными господами, воспитательницами дѣтей, должны распорядлять фабри-

ками, заводами, управлять деревнями. Му- дрепо-ли, что мы распоряжаемся, какъ ракъ на мели? Вотъ и меня Господь Богъ по- ставилъ въ такое же положеніе. Вся наде- жа моя на Него и на васъ, какъ ближняго нашего родственника.»

Опекунъ. И всего лучше предашься Его свя- той воли, мапушка *Авдотья Петровна!*

Вдова. Я это и дѣлаю; однако пошъ же Богъ далъ намъ разсудокъ, чтобы мы об- думывали, соображали, выбирали. Умъ ду- шевное око, говоряшъ философы.

Опекунъ. Всего лучше, когда свой умъ царь въ головѣ. Васъ Всеблагій Создатель одарилъ имъ щедро. *Всего лучше* держаться его успа- ва и ему повиноваться. Васъ на все доста- нешъ, моя милая племянница!

Вдова. Я вамъ уже говорила, что мы ни- чего не смыслимъ въ хозяйствѣ, не только въ денежныхъ оборотахъ, гдѣ пребудетъ опытность мушны и усердіе друга.

Опекунъ. Въ такомъ случаѣ, *всего лучше* посоветоваться съ людьми свѣдущими, до- брожелательными.

Вдова. Прибывая къ вамъ, я уже это ис-полнила.

Опекунъ. Я съ роду ничего не покупалъ и не продавалъ, кромѣ хлѣба; винныхъ заво- довъ не шерплю, въ опкупа не вхожу. *Все- го лучше* переговорить бы вамъ объ этомъ съ Сергѣемъ Егоровичемъ *Луканымъ*, съ Дми- тріемъ Максимовичемъ *Крелнѣвичемъ* и съ Олимпіадою Васильевною фонъ *Грюненбахъ*. Они всѣ въ этихъ дѣлкахъ марокующъ, особенно Олимпіада Васильевна. Она оспа- лась послѣ покойнаго своего супруга съ 70-ю ревизскими душами, съ 10-ю тыся- чами рублей долгу и съ шестью дѣтьми малъ-мада-меньше, а теперь за нею 1,200 душъ, домъ, какъ полная чаша, да если по- шарить: то найдушся и денежки. А все опкупами, да подрядами составилъ она себѣ такое огромное состояніе.

Вдова. Я предпочла обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою.

Опекунъ. И всего лучше. Свой своему по че- волю другъ. Хотѣ бы и Олимпіада Васильев-

на — умна про себя. Съ дворовыми людьми пакъ спрога, что Боже упаси. Ни съ кѣмъ ладно не уживается, мирно не раздѣляется: все лезетъ въ судъ; настоящая приказ- ная спрока. А кто во правѣ шугъ, пошъ никому не другъ.

Вдова. Войдите въ мое положеніе. Вамъ извѣстно, почтенный дядюшка, что мужъ оставилъ мнѣ деньги. Мнѣ-бы хотѣлось ихъ взять изъ Банка....

Опекунъ. *Всего лучше*, мапушка *Авдотья Петровна!*

Вдова. Да купишь маленькую Подмосков- ную.

Опекунъ. *Всего лучше.* Если ужъ купишь маленькую: то маленькую.

Вдова. Или большую деревню, смежную съ мужниными въ Болховскомъ уѣздѣ.

Опекунъ. *Всего лучше.* Ужъ купи большую: то, по моему мнѣнію, большую.

Вдова. Дѣти подрастающъ, пребудушъ воспитанія. Имѣя Подмосковную, изъ ко- торой получала бы я сѣно, овесъ, дрова и всѣ жизненные припасы, я бы переселилась въ Москву; наняла-бы Нѣмца-дядьку; учи- пели ходили-бы по часамъ....

Опекунъ. *Всего лучше.* Вы благоую часть избрали.

Вдова. Или, не присовѣтуете-ли вы мнѣ, прикупя по близости еще душъ 300, об- спрошиться въ Ивановкѣ, взять къ себѣ въ домъ ученаго Швейцарца съ хорошими апешшапами, учители Русскаго языка и математикки возить изъ Болхова. Танцмей- спера же и учителя музыки можно, согда- сясь съ сосѣдами, выписать изъ Москвы.

Опекунъ. *Всего лучше.* Вотъ это прекрасно, могу сказать.

Умная вдова, прополковавъ два бѣлыхъ часа съ дѣловымъ дядюшкою, и видя, что онъ принадлежишъ къ тому роду *добрыхъ* людей, которые ко всѣмъ *подтруниваются*, и гоцовы *все на себя всклепать и отъ всего от- переться*, поблагодарила его за мудрыя совѣ- ты и завела разговоръ объ урожаѣ овса и умолощъ пшеницы. Тупъ дошло красно-

рѣше, пошли такіа разсужденія о земледѣліи, что можно-бы опослать ихъ въ журналъ *Общепользныя свѣдѣнія*. Мы увѣрены, что читатели-хозяева признались-бы, что это всего лучше.

А. Кораблинскій.

1854-го года.
Августа 28-го.
С. Рыбацкое.

КЪ БОГАТОМУ ЗОЛОТО САМО ЛЬЕТСЯ.

Покойный Аммосъ Гавриловичъ *Стакановъ*, начавшій свою торговлю въ мелочной лавочкѣ, въ рангѣ мѣщанина, умершій коллежскимъ совѣтникомъ и оставившій дѣтямъ 10,000 душъ крестьянъ и миліоны денегъ, вѣхалъ однажды въ Москвѣ въ ряды. У самой часовни Иверскія Божіей Матери изломилась ось у его кареты. Онъ послалъ домой за другою, а въ ожиданіи ея вспомнилъ, что въ этотъ день назначены въ Губернскомъ Правленіи торги на перевозку соли; онъ пошелъ туда, единственно изъ любопытства.

Пробравшись между толпою людей, объявившихъ желаніе снятъ сей подрядъ, онъ сѣлъ и смотрѣлъ въ окно. Онъ не могъ однакоже не замѣтить, что при его появленіи всѣ пришли въ замѣшательство, засуетились, начали между собою перешептываться. Наконецъ, одинъ изъ купцовъ подошелъ къ нему, поклонился и со страхомъ спросилъ у него о причинѣ его пріѣзда. «Однакая съ вами!» отвѣчала богачъ равнодушно. Посоль ворочился къ своимъ; начались новыя совѣщанія, споры, бѣгошны изъ комнаты въ комнату. Наконецъ тотъ же посоль отправился къ нему вторично и предложилъ 10 т. рублей, если онъ не спанетъ торговаться. Хитрый старикъ отвѣчала, что этаго мало и что онъ пребудетъ 20 тысячъ. Неперывливая толпа окружила переговорщика. Дѣло кончилось тѣмъ, что собрали назначенную *Стакановымъ* контрибуцію; которая и вручена ему чрезъ уполномоченнаго. Въ это самое время входитъ его лакей и докладываетъ о пріѣздѣ экипажа.

Богачъ положилъ денежки въ карманъ—и отправился прѣблагополучно въ ряды.

Такъ щасливъ дѣлаетъ своихъ любимцовъ: другой бы, упавъ на мостовую, вывихнулъ руку, или переломилъ ногу, а нашъ миліонщикъ остался невредимъ и, ни думая, ни гадая, получилъ 20,000 рублей!!!

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

В. Какое дѣйствіе производить пшеница, попавшися печально въ толпу уличныхъ крикуновъ?

О. То же, какое солнечный лучъ, проникнувшій въ гнѣздо филиповъ. Пшеницы кричатъ, продираютъ глаза, суются туда и сюда и клюютъ носами на право и на лѣво, не различая друга отъ недруга.

В. Кого почтаете вы самыми краснорѣчивыми ораторами?

О. Тѣхъ наглыхъ спорщиковъ, которые, оглушая крикомъ своихъ противниковъ, не даютъ имъ вымолвить ни одного слова.

В. Какого рода люди всѣхъ бесполезнѣе для государства?

О. Тѣ, которые не отправляя никакого ремесла, никакой должности, живутъ на щѣтѣ людей, работающихъ руками и ирующихся умомъ.

В. Какъ можно видѣть неподдѣльную красоту женщины?

О. Въ простомъ упренномъ платьѣ.

В. Когда обнаруживается искренній образъ мыслей мужчины?

О. Въ опасности, угрожающей отечеству.

В. Какъ узнаете вы достоинство книги?

О. По ругательствамъ молкососовъ, гордо называющихъ себя сопридниками журналистовъ.

В. Что всего любезнѣе на свѣтѣ?

О. Прекрасная женщина и добродѣтельный мужчина.

Съ Франц. *Николдръ Водвигенскій.*

СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРКИЗА ЛИНАНЖЪ.

(Окончаніе.)

«Съ эпого роковаго и пріятнаго дня началось между нами безмолвное изъясненіе спраспи, понятное для любящихся. *Теодоръ* не говорилъ и не дѣлалъ ничего, не узнавъ напередъ изъ глазъ моихъ, одобряю-ли я его или нѣтъ.

«Но я упрекала себя въ своей слабости; каждый день рѣшалась преодолѣть оную, а между тѣмъ безпрестанно предавалась чувстввамъ спраспи, думая воспоржествовать надъ ними; одинъ взглядъ любимаго человека уничижалъ всѣ усилія разума. *Теодоръ* никогда не говорилъ мнѣ о любви; я также молчала. Могла ли я подумать, чгобы споль скромное чувство было преступленіемъ! Спремленіе къ добродѣтели, споль сильное въ душѣ юной и чистой, производило во мнѣ волненіе, которое не могла я упишить, или успокоиться, льстя себя надеждою, что я еще не совсѣмъ предалась предосудительной склонности.

«Такимъ образомъ прошла зима и часть весны: въ концѣ Мая мы съ мужемъ уѣхали въ замокъ его *Линанжъ*, куда и *Теодоръ* скоро пріѣхалъ.

«Мужъ мой спраспно любилъ охоту; это было въ его замкѣ единственнѣмъ занятіемъ и удовольствіемъ; онъ зналъ, что *Теодоръ* не имѣлъ большой склонности къ этой забавѣ, а потому и не просилъ его участвовати въ оной; за то маркизъ забиралъ съ собою всѣхъ другихъ гостей своихъ. Они отпраплялись на охоту послѣ завтрака и часто возвращались уже позднимъ вечеромъ; я оставалась одна съ *Теодоромъ*. Мы занимались чтеніемъ, иногда болтали что придетъ на умъ, а чаще всего увлекались мечтаніями.

«Къ намъ пріѣхала знакомая мнѣ дама; именно это была та, которая овладѣла сердцемъ *Линанжа*. Я была моложе еѣ десятию годами и, безъ щеславія могу сказать, что не уступала ей ни въ красотѣ, ни въ умѣ, ни въ палантахѣ.

«*Теодоръ* скоро замѣпилъ ея любовную связь съ моимъ мужемъ; *Фелиція* и не думала прерывать еѣ: она гордилась побѣдою надъ двадцатилѣтнею женщиною, которая была лучше еѣ.

«*Фелиція* съ беспыдною дерзостію выказывала свою слабость; *Линанжъ*, увлеченный ею, не наблюдалъ никакой оспорожности, и связь ихъ ни для кого уже не была тайною. *Теодоръ* сначала былъ сильно пораженъ эпимъ; но, не взирая на сіе, можетъ быть обидные поступки моего мужа увеличили любовь его ко мнѣ, давая ему на сію склонность нѣкоторое право.

«*Фелиція* превосходно ѣздила верхомъ и всегда сопутствовала маркизу на охоту. Она часто смѣялась надъ моею прусоспью; ея непрерывныя шулки были иногда язвительны: однажды она меня оскорбила и я опитчала ей на то съ досадою; она замолчала, но щипая себя обиженною, пожаловалась *Линанжу*, пребуя удовлетворенія и угрожая въ прошивномъ случаѣ опѣздомъ. Раздраженный маркизъ топчасъ пріѣхалъ ко мнѣ; гнѣвъ его былъ ужасенъ и его изъясненія соотвѣтствовали его ярости; онъ обвинялъ меня въ гордости, непосоянствѣ, ревности; приказалъ мнѣ немедленно извиниться предъ *Фелиціею* и оставилъ меня, обременяя упреками. Возвращаясь назадъ, онъ вспрѣпился съ *Теодоромъ*, который будучи успрашенъ необыкновенною переменною его лица, спросилъ о причинѣ сего. *Линанжъ* рассказалъ ему все въ немногихъ словахъ, принудилъ его увидѣться со мною и уговорилъ меня, чгобы я исполнила его спребованіе, или ѣхала-бы въ Парижъ. Тщепно *Теодоръ* пыпался успокоить его; *Линанжъ* былъ неумолимъ. Сперва я не пускала *Теодора* въ свою комнату; но онъ просилъ у меня одной минушы переговорить со мною, и уже по сильной просьбѣ своей, получилъ дозволеніе войти.

«Онъ нашелъ меня въ слезахъ; еще въ первый разъ мужъ мой поступилъ со мною споль жестоко. Я знала, что онъ уже не любилъ меня, и сама, измѣня ему въ пайнѣ сердца, не смѣла спребовать опъ него любви, которая уже сдѣлалась недоспойною;

но религія и правила нравственности удерживали меня въ границахъ благоприспособности, между тѣмъ какъ спраסף мужа моего явно нарушала всѣ приличія. Моя соперница поселилась въ моемъ домѣ и давала законы, упоупребляя орудіемъ своей воли невѣрнаго моего мужа. Меня принуждали повиноваться ея приходамъ, унижали передъ эпою наглою тварью. Стыдъ и досада испортали изъ глазъ моихъ слезы; эпо приводило моего *Теодора* въ отчаяніе.

«До тѣхъ поръ онъ былъ увѣренъ, что я его люблю; но слезы мои уничтожили въ душѣ его сіе увѣреніе, отнимали даже надежду; ибо онъ приписывалъ горесסף мою нежности, и самъ сдѣлался ревнивымъ. Эпа несчастная мысль помрачила разсудокъ *Теодора* и привела его въ изступленіе. Побѣжденный скорбію, онъ упалъ къ ногамъ моимъ и дерзнулъ отккрыסף мнѣ любовь свою, о которой чесסף предписывала ему молчатель.

«*Теодоръ* изъяснился со всѣмъ жаромъ спраסף; звукъ его голоса, отчаяніе, выражавшееся во всѣхъ его движеніяхъ, унижительное состояніе, въ какое привело меня самоуправство *Линанжа*, пысяча кляסף въ вѣчной любви и вѣрности, наконецъ побѣдили меня, и я произнесла признаніе, которое уже столько разъ изъясняла своими взорами. Восторгъ *Теодора* дошелъ до изступленія; видъ себя я поверглась въ его объятія; но, спрогий въ самомъ порывѣ чувסף своихъ, онъ почпилъ слезы мои, исторгнутыя раскаяніемъ въ моей слабости. Онъ поклялся всегда почитать меня и упросилъ сдѣлать удовольствореніе, котораго пребоваля *Линанжъ*; наконецъ, онъ тогда только оставилъ меня, когда увѣрился въ обладаніи моимъ сердцемъ.

«Въ поסף же день я подошла къ *Фелици* и просила еѣ забыть вчерашнюю обиду: она приняла мое извиненіе съ гордосסףю. Только умоляющій взглядъ *Теодора* заспавилъ меня забыть неприятность такого изъясненія съ эпою несносною и сварливою женщиною. Все въ замкѣ, по видимому, спало опять спокойно; одні сердца были въ волненіи.

«Я любила и была увѣрена, что взаимно любима; наша любовь была невинная. *Теодоръ*, вѣрный своимъ кляסף, довольствовался однимъ словомъ, одною улыбкою. Столь высокое щасסף не могло быть продолжительно.

«Осень собрала ко мнѣ много молодыхъ людей изъ Парижа и окрестностей; привязанность *Линанжа* къ *Фелици* сдѣлалась слишкомъ гласною. Всѣ Парижскіе щеголи, собравшіеся въ замкѣ маркиза, основывался на непріязненныхъ отношеніяхъ между имъ и мною, искали моей благосклонности, и надѣясь успסף въ своихъ намѣреніяхъ, дѣлались только соперниками. *Теодоръ* спалъ ревнивъ до бѣшенства; едва можно было удерживать его пылкіе порывы. Онъ не вѣрилъ больше ни моимъ увѣреніямъ, ни кляסף: одно доказательство могло его убѣдить и онъ рѣшился его потребовать. Находясь въ спокойномъ духѣ, онъ ограничивался невинными удовольствіями; когда же былъ выведенъ изъ себя исканіями соперниковъ: то не уважалъ и правами супружества. Тщеспно я бросалась въ слезахъ къ ногамъ его, тщеспно заклинала не дѣлать меня преступницею; — его спраסף, воспаленная ревносסףю, ничему не внимала.

«Дерзкая насстойчивость *Теодора* меня образумила; чесסף громко заговорила. Мнѣ живо представился ужасъ моего положенія; эпа любовь, которая казалась мнѣ только подъ видомъ невинности, ужаснула меня, представившись мнѣ со стороны беззаконной. Въ безпрестанной превогѣ, въ безпрестанной борьбѣ съ совѣстью, не имѣя ни въ комъ опоры, потерявъ сонъ, вскорѣ занемогла я. Сильная горячка овладѣла моими взволнованными чувспвами; нѣсколько дней я была на краю гроба.

«*Теодоръ* съ отчаянія пысячу разъ готовъ былъ измѣнить себя; ужасно встревоженный *Линанжъ* перевезъ меня въ Парижъ, гдѣ я около прехъ мѣсяцовъ боролась со смертію. Молодость, крѣпкое сложеніе и попеченія искуснаго медика, возвратили меня къ жизни.

«*Теодоръ* зналъ, что его бѣдспвенная любовь, ревность и вспылчивость разрушили

мое здоровье; заботливость его обо мнѣ, во время моей болѣзни, была неописанна. Онъ снова сдѣлался пихъ, покорень и почтительнъ.

«Все это случилось въ то время, когда вѣтренность *Фелиции* вовлекла въ бѣдственный поединокъ *Линанжа*, и стоила ему жизни. Однимъ упиромъ принесли моего несчастнаго, обогрѣннаго кровію и дважды пронзеннаго шпагою, мужа. Онъ умеръ на рукахъ моихъ.

«Мнѣ едва тогда исполнился двадцать одинъ годъ. Въ семействѣ моемъ было рѣшено, чтобы я, оставя домъ мужа, провела съ родителями первый годъ своего вдовства. *Теодоръ* не могъ быть принимаемъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе моего праура. Мы рѣшились не выдаваться, но обѣщались вести ежедневную переписку. Любовь, сдѣлавшись законною, еще усилилась; надежда скораго соединенія украшала для насъ даже самую разлуку. Состояніе *Теодора* было посредственно, — я имѣла весьма хорошее. Хотя наша свадьба была оплощена, но такъ какъ она зависѣла отъ насъ, то и могли мы оставаться покойны. Наша переписка была перепискою двухъ любовниковъ, равномерно любившихъ, равно увѣренныхъ другъ въ другъ; она составляла наслажденіе нашей жизни.

«Мой отецъ былъ одержимъ параличемъ; врачи предписали ему пользоваться Бурбонскими водами. Сей добрый родитель, скупавшій уединеніемъ, въ которомъ заключалъ меня мой прауръ, и думая, что повздка на воды доставитъ мнѣ пріятное разсѣяніе, взялъ меня съ собою. Мы отправились туда въ концѣ Іюня.

«Мы нашли въ Бурбонѣ многочисленное и лучшее общество; я была вдова, молода и богата, а потому сдѣлалась царицею всѣхъ бадовъ и увеселеній. Окруженная ласками, ласкапельствами, удовольствиями, я сначала была пораждена новостью предметовъ и впечатлѣній. Мало по малу спала я находить вкусъ въ свѣтскомъ разсѣяніи; почувствовавъ цѣну свободы, я предалась ей съ безопасностію. Я меньше уже думала о *Теодорѣ*;

опуспаніе его мнѣ было не такъ приятно; писала я къ нему рѣже и не съ такою нѣжностію, какъ въ прежнее время.

«*Теодоръ*, не будучи ничѣмъ развлеченъ, живо чувствовалъ переменъ во мнѣ, которую я еще и не подозрѣвала; онъ ко мнѣ писалъ съ любовью и безпокойствомъ. Я отвѣчала ему ласково, а сама лепѣла къ забавамъ, кои меня очаровывали болѣе и болѣе. Слѣдующія письменныя изъясненія мои становились отъ часу холоднѣе, короче и рѣже; за крошечнымъ безпокойствомъ *Теодора* послѣдовали упреки; они меня удивили; я вникнула въ свое сердце, чувствовала, что оно еще любило, но что предметъ первой его любви не былъ болѣе единственнымъ его занятіемъ. Это открытіе меня огорчило; но на первомъ балѣ я упѣшилась. Образъ *Теодора* слабѣе и слабѣе рисовался въ моемъ воображеніи. Долговременное опуспаніе повредило ему и, если-бъ письма его отъ времени до времени не смущали меня: по я-бы совершенно къ нему охолодѣла.

«Холодность моя къ любовнику сдѣлалась, такъ сказать, преградою, которая насъ раздѣляла; я чувствовала, что не въ силахъ была уведомить его о своей переменѣ; трудность признаться въ своемъ непостоянствѣ; опасеніе, чтобы не сдѣлать его несчастнымъ, удерживали еще истину, готовую открыться; когда наконецъ не получая отъ меня писемъ болѣе пятнадцати дней, приведенный въ смертельное отчаяніе, онъ объявилъ мнѣ, что, не могши сносить неизвѣстности, онъ намѣренъ пріѣхать ко мнѣ, чтобы узнать отъ меня свою судьбу.

«Мысль о свиданіи съ нимъ меня вспревожила: съ того времени, какъ я спала вникать во глубину души своей, я спрашивалась сего присупанія, котораго нѣкогда столько желала; наконецъ я рѣшилась написать къ нему слѣдующее краткое письмо:

— Когда я вамъ говорила, что люблю васъ не менѣе своей жизни, то я не обманывала васъ въ этомъ, потому что такъ думала, но обманывалась сама. Разлука открыла мнѣ тайну юнаго сердца, коей я еще не знала; я полагала, что оно постоянно; но вышло

напротивъ: нынѣ сношу безъ сожалѣнія ваше опуспаніе и веселюсь, будучи въ разлукѣ съ вами; словомъ, вы не нужны болѣе для моего существованія. Я должна вамъ въ этомъ признаться, хотя дѣлаю сіе краснѣя; всю свою жизнь я спану думаю о томъ, чтобы не испортилъ вашего благополучія. Вотъ ваши письма; я разрѣшаю васъ отъ вашихъ обѣщаній и беру назадъ независимость, которой цѣны я не знала. Опкажемся отъ любви, чтобы замѣнили оную дружествомъ. Я никогда не забуду того, какъ вы мнѣ были любезны; — однимъ вамъ я предоставляю права на мое сердце.» — Довольная такимъ краснорѣчивымъ посланіемъ, я весьма спокойно ожидала отвѣта. Почтальонъ не привезъ мнѣ ничего; я получила только свои письма, не осмѣлилась читать ихъ, даже краснѣла, принимая ихъ; но скоро одинъ балъ изгладилъ и послѣднее о немъ воспоминаніе. Возвратясь съ водъ, я узнала, что *Теодоръ* уѣхалъ въ Мальшу, вздохнула, — и сей вздохъ былъ послѣдній, коимъ я заплавила дань любви. Черезъ десять лѣтъ я опять увидѣла *Теодора*; онъ нашелъ меня въ томъ же состояніи, то есть вдовою, свободною отъ Циплерскихъ узъ, щастливою и веселою. Я ему призналась, что ласкашельства и почести, кои воздавались моей молодости, красота и богатству, иногда мнѣ были пріятны, но что я всегда имѣла другой источникъ наслажденій, къ открытію которыхъ привелъ меня случай; что я заключала даже, что можно избѣгнуть любовной страсти, не проповологая ей сопротивленія, которое только что раздражаетъ её, но напротивъ, прибѣгая къ забавнымъ разсѣяніямъ, кои её развлекаютъ. Любовь, говоритъ я ему, есть все, что угодно; она осмѣается диллятею съ тѣми, кои обращаются съ нею какъ съ диллятею; но становится богомъ для тѣхъ, кои её обоготворяютъ. Она любитъ большія преиспствія и ненавидитъ легчайшихъ, кои пропиваясь ей одною улыбною; скоро опкаывается отъ того сердца, отъ коего нельзя ожидать ничего, кромѣ скоропреходящаго чувства, и идетъ далеко искать жертвы, болѣе чувствительной.

«Теперь я освободилась отъ бурь сердечныхъ. Вотъ моя проспаня исторія и способъ, чрезъ какой неопытный юность умѣла защититься отъ цѣпей Гимена и отъ нещаспій, въ кои вовлекаетъ насъ любовь.»

Никто не осмѣлился порицать госпожу *Линанжъ*, потому что она была щастлива и умна; но сожалѣли о *Теодорѣ*, потому что должно имѣть чувство состраданія ко всякому. Впрочемъ утверждали, что маркиза, нѣкоторымъ образомъ, придумала новую систему къ предохраненію сердца отъ спрѣль Купидона, систему, весьма легкую и полезную для тѣхъ, кто вздумаетъ ей послѣдовать, вмѣсто того, чтобы спрдасть и сходить съ ума отъ любви безнадёжной.

Съ Французс. III—з.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МИНУТА ГОРЯЧКИ.

Какая бездна предо мною
Отверзлась?... Хочетъ поглотить!...
Ни шагу я впередъ ступить
Не смѣю!... Горе, кто игроу
Содѣланъ гибельныхъ спрастей!
Чудовища! сокройшесь, сгните, —
Я не продамъ души моей
Цѣной дешёвою! Покиньте
Меня смущающъ у бездны сей!...
Куда, всѣ, юности щастливой,
Дѣвались радостные дни?...
Пока невинно и игриво
Капились, свѣтлые, они,
Пока, подобно храму, было
Младое сердце чистотой;
Пока въ немъ божество — покой —
Съ такимъ радушіемъ госпнло...
Но грянулъ роковой ударъ —
И гибельныхъ спрастей пожаръ
Храмъ обхватилъ въ одно мгновенье
Священношампанскимъ огнёмъ,
И божество съ тѣхъ поръ ужъ въ нёмъ
Не обитаетъ!... Лишь смятенье,
Хаосъ бунтующихъ спикій,

Ревуть всечасно—и благій
 Надежды лучь отъ глазъ упрачень.—
 Храмъ, ярымъ пламенемъ обхвачень,
 Едва споить . . . еще ударъ—
 И рухнетъ онъ!.. Какъ спрашенъ, мраченъ
 Спрасней губительный пожаръ! . . .

В. Романовичъ.

Ш А Р А Д А.

И первой и второй мой слогъ
 Предлогъ ;
 Пуды и фунты слогъ мой третій означаетъ ;
 У оконъ цѣлое почпи вездѣ бываетъ.

Въ No 77-мъ, помѣщенная шарада значить: *Cour-age*.

М О Д Е С,

Les étoffes nouvelles se pressent en foule dans les magasins: aujourd'hui nous trouvons au magasin *de la Providence* de charmans tissus de laine destinés au négligé, et de riches soies pour les toilettes du soir. Des *mousselines laine* entièrement nouvelles dans leurs dessins très-simples ou compliqués; des dessins *odalisques* de mille couleurs, sur fond gris ou vert; des *fleurs chinées* comme les pous de soie; des *palmes à rames* tracés en rouge, noir et blanc sur fond chocolat ou gris, puis enfin des *semés de petites mouches* carrées, destinées à des robes d'enfant et que l'on choisira pour peignoirs du matin.

Pour le négligé encore, *M. Gagelin* a les *damiers anglais*, tissu croisé, léger et soutenu qui vient consoler de la perte des stoffs et des bombazines; petits damiers couleur sur couleur, charmante étoffe pour la redingote du matin d'une femme élégante, et pour la robe de promenade plus modeste. Nous en ayons remarqué principalement en couleur brune, palissandre, gris de fer.

Enfin, les *satins luxor* que nous a présentés le magasin *de la Providence* nous ont fait jeter un regard d'espérance sur nos richesses de l'hiver. Il est difficile

d'en donner le détail. Nous dirons seulement que l'étoffe, soutenue par un fil de cachemire est plus mœlleuse dans ses plis, plus douce dans ses reflets que le satin plain. Les dessins légers et délicats, les nuances fraîches et pures lui donnent l'aspect d'une broderie finement travaillée. En un mot, le *satin luxor*, tel que nous l'avons vu au magasin de *M. Gagelin*, est une des plus belles choses que nous devions aux nécessités de l'automne.

М О Д Ы.

Новыя матеріи появляюся во мпожествѣ въ магазинахъ. Мы находимъ нынѣ въ магазинѣ *de la Providence* прелестныя шерстяныя шкани для простыхъ плащевъ, и богатыя шелковыя матеріи для вечернихъ нарядовъ. Шерстяныя кисеи съ совершенно новыми узорами, весьма простыми или сложными; узоры *odalisques* разныхъ цвѣтовъ; по сѣрому или зеленому грунту, волнистые цвѣты, какъ *pou de soie*; пальмы съ разводами красными, черными и бѣлыми по шоколадному или сѣрому грунту, попомъ усѣянныя чепвероугольными мушками, для дѣтскихъ плащевъ и для упренныхъ пеньваровъ.

Для простыхъ плащевъ у г-на *Gagelin* есть *damiers anglais*, кипорная шкань, легкая, прочная, которая утѣшаетъ насъ въ поперѣ шпоровъ и бомбазиновъ; маленькіе шахматы, одного цвѣта по другому, прелестная шкань для упреннаго редингота щеголеватой дамы и скромнаго платья для прогулки. Мы замѣтили особенно темнаго цвѣта, палиссандръ и сѣро-желзнаго.

Наконецъ апласы *luxor*, показавшіеся въ магазинѣ *de la Providence*, заставили насъ бросить взглядъ надежды на наши зимнія богатства. Трудно описать ихъ подробно. Скажемъ только, что матерія, поддерживаемая бумажною нипкою, мягче въ своихъ складкахъ, припнѣ въ опливахъ, нежели гладкой апласъ. Узоры легкіе и пѣжные, краски яркія и чистыя, придаютъ имъ видъ вышиванья шюкко ошрабашпаго. Однимъ словомъ, апласъ *luxor* есть одна изъ лучшихъ вещей, доставленныхъ намъ осенними потребностями.

КОНЕЦЪ ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ или ТРЕТЬЕЙ 1834 ГОДА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ТРЕТЬЕЙ

И А

1834 годъ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ и ПЛАКСА.

О словесности женщинъ во Франціи; пер. <i>Кругликова</i>	стрп. 417.
За коренныя Русскія православныя местноименія <i>сей и оный!</i> соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	425.
Записка о ежедневной провизии, отпускаемой леди Люціи.	429.
Рожденный виршуозъ	—
Утренняя звезда, собраніе стиховъ въ стихахъ и прозѣ; соч. <i>Л.</i>	441.
Продажныя пляжбы	442.
Скандинавскія саги; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	449 и 457.
Объ Альманахъ Анектошовъ, на 1834 годъ издапомъ.	465 и 474.
Възливость не къ мѣсту	476.
Снисходительный медикъ	—
Безкорыстіе Евреи.	477.
Госпиная Гремужкиной; соч. <i>Святскаго</i>	481.
О томъ, какой руки были лѣтъ за десять передъ симъ книгопродавческіе реэстры Русскимъ книгамъ, и прочее; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	489.
Пріимель Шварцъ	505.
Чудныя похождения журнала: <i>Библіотека для тенія</i> , въ первые шесть мѣсцовъ по рожденіи; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	513.
Афоризмы моды	514.
Чужія ноги	—
Нѣмой-говорилцій	515.
Красоты барона Брамбеуса; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	529 и 537.
Будничный и праздничный видъ земли	534.
Орлы-пвшеходы	535.
Новый провинціалъ въ столицѣ (отрыв. 5-й)	545.
О торговлѣ волосами во Франціи	546.
Литерашоръ; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	553.
Вольшеръ и Пиронъ	555.
Богатымъ все съ рукъ сходить	—
Женская шайна; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	561.

Заяць, поймавшій охотника	стрп. 562.
Оставить на мѣспѣ; (<i>каламбуръ</i>).	—
Чего желаетъ оппозиція?	—
Все на этомъ свѣпѣ дѣлается опрокидью; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	577.
Поплятія издателя Моск. Телеграфа о грамматикѣ	579.
Кто нибудь да вповапъ; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	585.
Физиологія вдовства	601.
Искусная кража; пер. <i>Ип. Гльбова</i>	609.
Вымытъ голову	610.
Мѣшатъ кому, мѣшатъ что	611.
Всего лучше; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	617.
Къ богатому золото само льется; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	619.
Вопросы и отвѣзы	—

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Стаканъ воды; пер. <i>Ип. Гльбова</i>	420.
Танцевальный завтракъ у Австрійскаго послапника во Франціи	429.
Письмо изъ Финляндіи къ брату И. Е. Грену; <i>А. Грена</i>	453.
Невымышленный разсказъ; соч. <i>II... ла. У... ва</i>	451 и 460.
Что такое журналистъ?	468.
Карлсбадскія воды; пер. <i>Бр.</i>	477.
Повздка съ депешами (1812); пер. <i>В. Соколова</i>	484.
Жизнь Гольбейна; пер. <i>Ип. Гльбова</i>	493 и 508.
Первое плаваніе по морю	515.
Пльшники	521.
Кольцо; пер. <i>Ип. Гльбова</i>	541.
Красный и черныи; пер. <i>А. Б—ова</i>	547 и 555.
Приключенія молодого мапроса.	563.
Невѣста и золото	569.
Свиданіе Наполеона съ Виландомъ; пер. <i>А. Грена</i>	586.
Открытіе памятника <i>Александрѣ I-му</i>	593.
Каламбуръ не впопадъ	596.
Маркиза Линавжъ; пер. <i>III—а</i>	611 и 619.

III.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Старина; соч. <i>Θ. Менцова</i>	спри. 423.
Пробужденіе; соч. <i>М. Делидова</i>	431.
Э. А вилъ П ной; соч. <i>Пав. Уварова</i>	—
Желаніе; соч. <i>А. Холлкова</i>	456.
Элегія; соч. <i>Н. Ставелова</i>	—
Мірѣ фантазій	442.
Пыпухъ, собака и лисица (<i>басня</i>)	—
Пѣснь саперовъ; соч. <i>П. Манаскина</i>	455.
Прощаніе Байрона съ дочерью; пер. <i>И. Гогниѣва</i>	463.
Море; соч. <i>М. Делидова</i>	469.
Колдунъ, отрывокъ изъ стихотворенія: Донская быль; соч. <i>Черкасова</i>	478.
Сильное право; соч. <i>Ольжина</i>	487.
Сцена въ книжной лавкѣ	500.
La nuit de Noël	503.
Сиротка; соч. <i>К. Петерсона</i>	511.
Пшичка; соч. <i>Л. Якубовича</i>	519.
Элегія; соч. <i>Н. Ставелова</i>	520.
Игрокъ; соч. <i>Черкасова</i>	527.
Элегія на смерть В. К.; соч. <i>А. Хомякова</i>	—
Къ поварищамъ; соч. <i>Е. Л.</i>	535.
Пѣснь Персидскаго вѣшника; соч. <i>Силнова</i>	543.
На смерть Элизы	—
А. Е. Грену; соч. <i>Ап--на Левицкаго</i>	551.
Къ N. N.; соч. <i>Л. Якубовича</i>	—
Къ звездочкѣ; соч. <i>М. Делидова</i>	559.
Прощаніе 1833 года; соч. <i>Черкасова</i>	566.
Вѣра; соч. <i>А. Грена</i>	—
Курительный табакъ; соч. <i>Сибирякова</i>	574.
Къ Ад. Виш.; соч. <i>В. З.</i>	579.
Tu ne saurais t'oublier	580.
Къ ****; соч. <i>В. Т—го</i>	588.
Эпиграмма	—
Именинницѣ (5 Сентября).	596.
Сваденикъ и Больной; соч. <i>Θ. Слѣпушкина</i>	—
Къ монументу <i>Александра I-го</i> соч. <i>М. Нѣлицова</i>	605.
Союзникъ Ванюша; соч. <i>У. У. У.</i>	614.
Мишута горлячки; соч. <i>В. Романовича</i>	623.

IV.
КРИТИКА.

Письмо въ Иркутскъ о новомъ романѣ <i>Н. И. Греча</i> : Черная женщина; соч. <i>В. Б—ва</i>	спри. 437 и 443.
Карта Россійской исторіи, составленная <i>М. Духовскимъ</i> 1834; соч. <i>И. Д.</i>	470.
Отвѣтъ на письмо изъ Сердобска.	591.
Карта Россійской исторіи, составленная <i>М. Духов-</i> <i>скимъ</i> 1834	615.

V.
РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

О драмѣ *Виктора Дюканжа* и романѣ *Вальтера-Скот-*
та: Ламмемурская невѣста; соч. *Пп.* 180, 588, 597 и
606.

VI.
БИБЛИОГРАФІЯ.

О вышедшихъ въ свѣтъ въ С. Петербургѣ книгахъ въ Іюнь 1834 года	447.
Одна и двѣ, или любовь поэта, романъ изъ частной жизни, <i>В. Соколовскаго</i> , 1834; соч. <i>Вл. Б—ва</i>	566.

ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЫ, ОМОНИМЫ,
ЗАГАДКИ.

Русскія.—*Шарады*: 1) У-лапъ; 2) У-хвашъ; 3) Мак-аръ;
4) Око-рокъ; 5) Ер-макъ; 6) У-хвашъ; 7) Фант-азія; 8) Аз-бука;
9) За-навѣсъ.—*Загадки*: 10) Шарада.—*Омонимы*: 11) Баба;
12) Голова; 13) Ключъ.

Французскія.—*Шарады*: 1) Cure-dent; 2) Toi-le; 3)
Charrue; 4) Dé-tour; 5) Crac-o-vie; 6) Pas-sage; 7) Cour-
age.—*Логогрифы*: 8) Parjure; 9) Sentier; 10) Serein;
11) Liane.—*Загадки*: 12) Masque; 13) Croix.

VII.
МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ,
Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были по-
мѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каж-
домъ листкѣ; выдано 9 искусно-выгравированныхъ и раскра-
шенныхъ картинокъ и сверхъ того двѣ *прибавочныхъ*,
изображающихъ модныя мебели.